Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

СЕРИЯ «ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ»

С. К. ЮДИН

НА КРАЙНИХ ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2015

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(Камч)
Ю16

Редакционная коллегия:
С. В. Гунько, С. В. Графская, Н. А. Конышева,
С. В. Гаврилов

Юдин С. К.

Ю16 На крайних восточных рубежах. — Петропавловск-Камчатский: изд-во холд. комп. «Новая книга», 2015. — 384 с., ил.

ISBN 978–5–87750–306–9

Книга основана на статьях, ранее не публиковавшихся рукописях и других материалах из личного фонда участника Курильской десантной операции Сергея Константиновича Юдина. Двадцатиоднолетним юношей осенью 1938 г. он прибыл на Камчатку и прослужил здесь от рядового красноармейца-артиллериста до капитана-политработника, инструктора политотдела 101-й стрелковой дивизии, главной воинской силы на полуострове в годы Второй мировой войны. Долгие годы С. К. Юдин собирал свидетельства участников Курильского десанта, кропотливо, по крупицам восстанавливал историю формирования воинских частей, позднее вошедших в состав Камчатского оборонительного района под руководством генерал-майора А. Р. Гнечко.

Издание осуществлено с целью сохранения и популяризации исторического наследия Камчатского края. Рассчитано на широкий круг читателей, в первую очередь на молодёжь и школьников.

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(Камч)

Ответственный за выпуск С. В. Гунько
Редактор-составитель С. В. Гаврилов

Книга издана на средства Министерства культуры Камчатского края, КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей» и президента холдинговой компании «Новая книга» С. П. Кожана

На обложке репродукция картины А. И. Плотнова «Десант на Курильские острова»

ISBN 978–5–87750–306–9

© Холдинговая компания «Новая книга», 2015
© КГБУ ККОМ, 2015

Тихое утро. Солнце сияет.
На пляж Халактырский волна набегает.
Мы роем окопы, не чувствуя рук.
На бруствер взошёл молодой политрук.
Бойцы распрямились, отдав ему честь.
Он приказал отдохнуть и присесть.
Чайки летели, крича и кружась,
Беседа у нас задушевно велась.
Он разъяснил обстановку в стране —
Идущей жестокой, кровавой войне,
Что Волга — последняя немцам преграда.
Могила им будет у стен Сталинграда...
Потом пошутил, анекдот рассказал,
Ответил тому, кто вопросы задал.
Простой и короткой беседа была,
Но дух боевой у солдат подняла...

Н. Т. Попов, 1969 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1999 г. фонды Камчатского краевого объединённого музея, впрочем, тогда ещё называвшегося Камчатским областным краеведческим, пополнила коллекция документов и материалов, присланных с Украины, из Львова, жившим там майором Советской Армии в отставке, бывшим политработником Сергеем Константиновичем Юдиным. На их основе был сформирован его личный фонд, включающий 117 единиц хранения.

Фонд содержит биографические материалы и уникальные документы конца 1930-х — середины 1940-х гг., в том числе повестку о призыве в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, выписанную в октябре 1938 г., мандаты участника партийных конференций 101-й горно-стрелковой дивизии, развёрнутой на Камчатке в предвоенные годы, грамоту и благодарность Верховного Главнокомандующего за участие в освобождении островов Курильской гряды Симусю (Шумшу) и Парамушир, удостоверение к медали «За победу над Японией». Но большую часть фонда составляют материалы мемуарного и литературного характера. Здесь воспоминания о службе на Камчатке и Курилах в 1938—

1947 гг., биографические очерки о фондообразователе, некоторых его сослуживцах и командирах, о Курильской десантной операции августа 1945 г. и её участниках, уникальные сведения о жизни в первые послевоенные годы на освобождённых Курильских островах, очерки по истории отдельных воинских частей.

Фрагменты этих материалов в сокращённом виде были напечатаны в 1980-е гг. в газетах «Курильский рыбак», «Советский Сахалин» и «Камчатская правда», но большая часть их никогда не публиковалась. Особый интерес для исследователей может представить переписка с участниками Курильского десанта, в частности, с жившим в Казани командиром 373-го стрелкового полка В. Г. Губайдуллиным, приведённая в приложении к этой книге. Интересны также стихи Н. Т. Попова, посвящённые С. К. Юдину, с автографами участников десанта Героев Советского Союза П. И. Шутова и В. А. Кота, составленная им же схема японских укреплений на острове Шумшу и его воспоминания о службе на крайней оконечности полуострова Камчатки «Форпост на Лопатке», дополненные и прокомментированные фондообразователем.

Отдельную часть фонда составляют чёрно-белые фотоизображения конца 1930-х — первой половины 1940-х гг., освещающие отдельные эпизоды армейской жизни на Камчатке, и небольшая галерея портретов командиров и красноармейцев, сослуживцев С. К. Юдина, в том числе и участников Курильского десанта, снятых в различное время. Представлены и фотографии самого Сергея Константиновича периода 1939—1987 гг. К большинству документов и фотографий он составил аннотации с краткими сведениями об упомянутых людях и отражённых событиях.

Познакомимся с фондообразователем поближе. Мы располагаем двумя его рукописными автобиографиями, в которых указаны разные даты рождения: 3 января (КОКМ ОФ 33428 от 6 декабря 1999 г.) и 14 января (ККМГИ 29576 от 25 сентября 1991 г.). 1917 г. Но в одном из последних писем в музей он назвал датой своего рождения всё-таки

3 января. С. К. Юдин родился в селе Караси Челябинского уезда (по другой версии — Верхне-Уральского района) в бедной, многодетной семье, где кроме него имелись ещё четыре старших сестры и брат. После смерти отца жили тяжело. Наступила пора, старшие дети «пошли в люди, кто куда, и все выжили». Сергей окончил четыре класса начальной школы. В 1932 г. он в потёртом зипунчике, с котомкой за плечами, в которой были лишь булка да пять яиц, в сопровождении одной из сестёр отправился в город Барабинск. Здесь в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) можно было выучиться на очень востребованную и уважаемую в то время, к тому же одну из самых пролетарских, профессию слесаря по ремонту паровозов, или, как тогда говорили, на слесаря-паровозника. «Фабзаец», то есть ученик ФЗУ, по нормам снабжения приравнивался к кадровым промышленным рабочим, а это значило, что он мог ежедневно получать по карточке целых восемьсот граммов хлеба — настоящее богатство для постоянно голодного подростка!

Окончив ФЗУ в 1934 г., вначале стал слесарем-паровозником, но в этом же году перешёл на вагонный участок одной из станций Омской железной дороги, где трудился до 1938 г. снова слесарем, осмотрщиком вагонов, мастером, приёмщиком. Здесь приохотился к общественной работе, в 1937 г. вступил в комсомол, был избран комсоргом, затем — членом бюро районного комитета комсомола. Занимался самообразованием: в этом же 1937 г. окончил семь классов вечерней школы.

В октябре 1938 г. призван на срочную службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, попал на Камчатку в формирующиеся части главной воинской силы на полуострове — 101-й горно-стрелковой дивизии. Вначале был рядовым красноармейцем-артиллеристом, но вскоре, с учётом опыта предыдущей комсомольской работы, стал помощником политрука, то есть вошёл в младший политический командный состав, был избран комсоргом 279-го артиллерийского полка. В 1940 г. вступил во Всесоюзную коммунистическую партию

(большевиков). В январе 1941 г. избран комсоргом 428-го гаубичного артиллерийского полка резерва Главного командования, а с июня 1942 г. стал политруком пулемётной роты 138-го стрелкового полка. В 1943 г., уже в звании лейтенанта, становится парторгом 726-го отдельного зенитного дивизиона, а в октябре 1944 г. назначается на ответственную и хлопотную должность инструктора политотдела 101-й горно-стрелковой дивизии, становится специалистом по кадровой работе.

После Курильской десантной операции августа 1945 г. здоровье Сергея Константиновича пошатнулось — начали мучить приступы, как он говорил, «злой гипертонии», очевидно, последствия перенесённых в нелёгкие военные годы трудов и лишений. Последовало увольнение из армейских рядов. С ноября 1947 г. С. К. Юдин трудился начальником отдела кадров Полтавской областной конторы Госбанка. Здесь, на благодатной украинской земле, его здоровье поправилось, и в феврале 1950 г. он был вторично призван на службу, на сей раз в железнодорожные войска. Вот тутто и пригодились рабочие навыки железнодорожника, полученные полтора десятка лет тому назад в Барабинской школе ФЗУ. На новом месте службы был секретарём партийной организации учебного полка, инструктором политотдела. С октября 1955 г. становится заместителем командира по политчасти 11-го отдельного железнодорожного батальона. Работы здесь было много, и ответственной: часть восстанавливала железнодорожный переход через Карпаты, который до основания разрушили отступавшие фашисты. Затем прокладывали рельсовые пути в Чехословакию, Румынию, Болгарию. Позднее строили подъездные пути от Львовско-Волынского угольного бассейна и транспортный переход в Польшу. Пришлось поучаствовать и в трагических событиях 1956 г. в Венгрии.

Вновь дала себя знать гипертония. Она и стала причиной окончательного увольнения из армии. С июня 1962 г. по 1980 г. С. К. Юдин трудился как вольнонаёмный в одной из войсковых частей в Львове (на военном заводе),

где занимался ремонтом радиолокационных станций. Был техником, мастером, инженером, заместителем начальника отдела.

Учился большую часть жизни: ещё в 1953 г. экстерном сдал экзамены за курс средней школы, в 1955 г., также экстерном, окончил военно-пехотное училище в Киеве, в 1970 г. — заочно Высшую партийную школу при ЦК КПСС, куда был рекомендован Львовским обкомом КПСС. Избирался депутатом местных Советов, членом райисполкома и райкома КПСС, многократно делегировался на партийные и профсоюзные конференции.

За годы воинской службы награждён двумя орденами — Красной Звезды (за Курильский десант), позже — Отечественной войны 2-й степени и двенадцатью медалями, в том числе двумя «За боевые заслуги».

На заслуженный отдых вышел в марте 1978 г. (по другим данным — в 1980 г.). Жил в Львове, имел двух сыновей и четверых внуков. Находясь на пенсии, как он указывает, «писал воспоминания, публикации о Курильском десанте в разные газеты». Вот на этом его занятии, ставшем смыслом последних лет жизни, мы остановимся поподробнее.

Сейчас, изучив собранные им материалы, мы можем смело сказать, что этот человек совершил в жизни два подвига: первый — воинский в ходе Курильской десантной операции, а второй — гражданский, кропотливо собрав и обработав большое количество документов, писем, воспоминаний, касающихся малоизвестной довоенной и военной истории Камчатки.

В письме директору музея, к сожалению, не имеющем точной даты, но написанном, по всей видимости, в самом начале 1999 г. [КОКМ ОФ 33743/3], он сообщал: «После ухода на пенсию я решил написать всё, живо сохранившееся в памяти, о Камчатке и воинской службе в 1938—1945 гг. Материал оказался громадным, и об издании не могло быть и речи. Кроме того, обстановка изменилась. Много в материале биографического, но фактов жизни и деятельности частей, в которых я служил, уйма. Даже не знаю, как Вам

удастся это использовать (в ходе подготовки этой книги к печати использованы почти все, за малым исключением, материалы автора, кроме повторов. — *Ред.*). Я же работать над этим не могу — здоровье шалит (ему в это время уже исполнилось восемьдесят два года. — *Ред.*).

Часть материалов в копиях. Кое-что передал Акшинскому (В. С. Акшинский — автор известной книги «Курильский десант», выходившей в 1984 и 1995 г. В её втором издании С. К. Юдину посвящено несколько абзацев на с. 36, 127—128. — *Ред.*), кое-что взял музей в Киеве, много я передал в Ленинград, там бывший в десанте командир дивизиона подлодок Гаркуша собирался что-то написать (караван с десантом на переходе из Петропавловска к острову Шумшу охранял дивизион подводных лодок. — *Ред.*). Старался помочь Вам и сделал везде надписи. Высылаю наиболее интересные письма Шутова, Губайдуллина и других боевых друзей. Могу добавить, что из политотдела 101-й стрелковой дивизии в живых остался я один. Недавно ушли Кремянский, Тарасов и Кот...

P. S. Думаю, немало получу шишек за свой почерк...» (С расшифровкой его рукописных текстов, действительно, пришлось повозиться, но дело того стоило.)

А вот ещё одно письмо от 20 октября 1999 г., в котором Сергей Константинович сообщил о том, что готов отправить собранные и аннотированные материалы в музей [КОКМ ОФ 33743/2]: «Прошло десять месяцев, как возникла реальная возможность учесть Ваше пожелание и выслать материалы, касающиеся Курильского десанта... Вы изъявили желание сделать попытку издать что-либо из моих воспоминаний (предложение об этом содержится в письме директора тогда Камчатского областного краеведческого музея от 26 января 1999 г. — *Ред.*). Я высылаю довольно объёмистые воспоминания, охватывающие период службы на Камчатке. Рассказ “Фабзайцы” — это период до призыва; “Комиссар Новак” — это период службы в 279-м артполку, жизнь полка; “На боевых позициях” — 428-й гаубичный артиллерийский полк; “Царица полей” — это

138-й стрелковый полк; “Часовые неба” — это 726-й отдельный зенитный дивизион, и далее “Политотдельцы”, “Десант”, “На Курилах”. Это большой материал и интересный и для ветеранов, и для современников. Но его трудно освоить, кроме того — беда с почерком. Отпечатать его я не смог. Туго со средствами, да и обстановка стала резко меняться, а у меня всё с позиций партийных и комсомольских. Да и вокруг Курил возникла проблема (автор письма имеет в виду ходившие в то время в России в отдельных кругах суждения о чуть ли необходимости вернуть Курильские острова Японии. Можно представить себе, что чувствовали слышавшие об этом ветераны боев за них, некогда полившие эту суровую землю своей кровью. — *Ред.*).

Хочу обратить Ваше внимание на очерк “Форпост на Лопатке”... Он отпечатан, богат содержанием. Шла война. Люди на Камчатке переваливали грузы, ловили рыбу и крабов, и мало кто знал, что на мысе Лопатка, суровом и холодном, в исключительно трудных условиях стоял батальон, 1 200 человек, готовых дать отпор врагу. Все данные абсолютно достоверны и объективны. В этом огромная заслуга Попова Николая Тимофеевича, который с первого дня до конца войны был в батальоне командиром миномётного взвода. Грамотный, наблюдательный, честный, он сохранил в памяти все эпизоды. Жаль, его нет в живых. Умер 9 ноября 1985 г. здесь, в Львове.

Очерк “Форпост на Лопатке” — подлинное свидетельство того, что хлебнули воины в годы войны на Камчатке. Этот очерк с интересом прочтут и ветераны, и современники. Но если пойдёт в издание, Попову Г. Т. должна быть отмечена особая благодарность и соавторство...

У меня остаётся мало [документов], как память для детей и внуков: благодарность и грамота с Курил, письма из газет, есть с Камчатки.

Старею. Слежу внимательно за состоянием дел в Украине и милой сердцу России. Скорблю и переживаю за горе и беды народа, за судьбу Курильских островов, за трудности, выпавшие на вашу долю. Вот канун Великого Октября

(революции 1917 г., выведшей нашу страну на путь социалистического развития. — *Ред.*). Здесь об этом и не помянут или лягнут...»

По последней фразе чувствуется, что бывшему советскому офицеру-политработнику на «самостийной» Украине, да ещё и Западной, морально жилось уже неуютно да и материально стало несладко. Между прочим, с отправкой рукописей и материалов с Украины в Россию возникли сложности, правда, пока ещё не политические, а банальные денежные.

«Почти полгода, собрав материалы, обращался на почту. Ответ: посылкой и бандеролью наложенным платежом в Россию не принимаем, пришлите, после вам вышлют деньги. Сделали мне расчёт: вес бандероли 1 965 граммов, за пересылку 10,70 гривен, по курсу рубля на 6 октября 1999 г. — 60 руб. 63 коп. Писать — большая потеря времени». Далее: «Сегодня меня известили, что почта может принять к отправке в Ваш адрес наложенным платежом. Отправить бандероль ранее я был лишён возможности... Получил пенсию и решил отправить бандероль за свои. Думается, найдёте возможность компенсировать, но главное, чтоб был толк».

В письме от 23 октября 1999 г. [КОКМ ОФ 33743/1] он вновь волнуется за судьбу рукописи покойного друга: «А вдруг Вам удастся протолкнуть издание "Форпост на Лопатке"? Время дорого...» Здесь же просит сделать музейную опись полученного и отправить её ему. «Хоть детям покажу, что делал нужное дело. Нашёл своё фото 1945 г. — года десанта, может, куда подойдёт?» (Эта фотография с учётным номером КОКМ ОФ 33369/17 приведена нами на первом фоторазвороте.)

А теперь о том, как составлялись воспоминания и очерки, вошедшие в эту книгу. Внимательный читатель найдёт в них эпизоды, сообщённые С. К. Юдину его многочисленными корреспондентами. Пожалуй, одним из наиболее показательных в этом плане является письмо, адресованное 26 ноября 1980 г. Герою Советского Союза П. И. Шутову [КОКМ ОФ 33369/51]:

«Если не затруднит, сообщи кратко данные: 1. Номер ДС (десантного судна. — *Ред.*), на котором плыл передовой отряд. 2. Состав передового отряда. Откуда была рота автоматчиков? 3. На каком фланге отряда находились моряки Почтарёва (после высадки). 4. Хоть примерная последовательность высадки 373 СП (стрелкового полка. — *Ред.*), 279 АП (артиллерийского полка. — *Ред.*), 428 ГАП и т. д., хотя это Вам знать трудно...»

Напротив этих вопросов на специально оставленных местах приведены чёткие ответы Шутова:

«1. Передовой отряд разместили на четырёх ДС, номера не помню. 2. Две роты моряков, рота пограничников, рота автоматчиков 138 СП, рота ПТР 138 СП, миномётная рота, пулемётная рота 302 СП, сапёрная рота, взвод химиков. 3. Майор Почтарёв с одной ротой моряков на левом фланге. Остальные моряки и пограничники в центре. Рота автоматчиков — на правом фланге. 4. Передовой отряд, затем подразделения 138 СП, батальона товарища Суханова, товарища Мас... (неразборчиво. — *Ред.*). 373 СП был во втором эшелоне...»

В одной из своих публикаций Сергей Константинович обратился к соратникам: «Дорогие друзья, дорогие однополчане! Родина никогда не забудет вашего подвига! Вы теперь далеко. Судьба разбросала вас по всему Советскому Союзу. Пишите. Пишите о тех, кто шёл рядом с вами в бой и которых, обременённых оружием, захватила волна прибоя и накрыли тёмные воды океана. Пишите о тех, кто пал смертью героя от вражеской пули и накрыт землёй Курильской. Добрые люди здесь, на Курилах, терпеливо ищут сведения обо всех, кто отличился в бою, кто погиб смертью храбрых. В Северо-Курильске организовался музей боевой славы. Пишите, боевые друзья!»

И они, а также их родные и близкие, писали. Интересные подробности об обстановке в Петропавловске в первые дни после завершения Курильской эпопеи, также использованные при подготовке авторских рукописей, находим в письме А. М. Рожковой, супруги майора А. С. Рожкова,

пропагандиста политотдела 101-й стрелковой дивизии [КОКМ ОФ 33369/30]:

«...Всю войну он готовил кадры для фронта, а сам попал в такую кашу. Их, малоподготовленных к десантным операциям, отправили на Курильские острова, где они высаживались на берег. Встречу им японцы оказали достойную. Благодаря тому, что он прекрасно плавал, во всём снаряжении доплыл до берега. В их катер попала бомба, и его ударило в голову, видимо, не так сильно.

Прошло порядком времени, я он него ничего не получала, очень волновалась. Жили мы на Микояновской, 29, около АКО (сейчас это улица Ленинградская. — *Ред.*). Однажды слышу шум на улице, взглянула в окно — машина за машиной, а на ступеньках каждой машины — медсестра. Я выбежала на улицу, спрашиваю, в чём дело? Везут раненых с Курильских островов. Я стояла у дороги и спрашивала каждую медсестру, нет ли в её машине политрука Рожкова, простояла десять часов, устала и пошла домой. Наутро я пошла в дивизию, а там был уже список убитых и раненых, и указано, в каких госпиталях. Вот тут-то я прочитала в одном списке: "Гетманов", по-моему, убит. Я ещё раз проверила все списки, Рожкова не было. О Гетманове я больше ничего не знаю.

В тот день, 7 сентября, я только узнала, что Рожков жив и награждён орденом Отечественной войны 1-й степени. Как раз я была в роддоме в Петропавловске. Родилась у меня дочь Сима, назвали по созвучию с Симусю. Меня пришли поздравить врачи и сёстры. Это ваш муж? Да, это мой муж. Но я ничему не была так рада, как известию, что он жив!

Через некоторое время прилетел Акшинский и привёз мне письмо, вот тогда я была в восторге. Потом была встреча. Он был возбуждён, и первое, что он сказал: "Я рассчитался за отца, за его поражение, мы победили".

Но восторг был недолгим, узнала, что когда Саша готовился к докладу о смерти Сергея Мироновича Кирова, произошло следующее: домик, где он готовился, был японский, окошки от пола на четыре метра в высоту, вдруг дом подо-

жгли, а он заснул. Вспомнили о Саше, когда весь дом был в пламени, бойцы связали ремни, выбили стекло и, подвязав его на ремни, стали вытаскивать в окно. Мужчина он был тяжёлый, дотащили до окна, он сорвался, упал об пол головой, тогда-то и был ушиблен в голову повторно, у него появилось тяжёлое заболевание — травматическая эпилепсия... не вышел из припадка и умер 25 декабря 1972 г.».

Давний друг Владимир Зоточкин, бывший секретарь комсомольского бюро 279-го артиллерийского полка, с которым автор познакомился ещё по пути на Камчатку в воинском эшелоне в 1938 г., тоже поделился своими воспоминаниями. Некоторые их эпизоды нашли отражение в очерке «Советские зори на Курилах»:

«...Я помню, как сейчас, нашу с тобой последнюю встречу после завершения боевой операции на острове Симусю. В одной из комнатушек японского здания, приспособленного под политотдел 101-й горно-стрелковой дивизии, выпили мы с тобой по чарке за победу над самураями, закусили консервированным ананасом. Маленько помечтали...

Помню твоё пожелание: после демобилизации поехать работать в Молдавию, туда, где особенно будут нужны молодые кадры! И в это время зашёл полковник Захаров и разогнал нашу компанию, потому что мой командир дивизиона Бочков в честь Победы стал (публично) на глазах подчинённых распивать спиртное.

Во Втором Курильском проливе наш дивизион погрузили на “торгаш” и отправили на остров Мацува (Матуа. — *Ред*.). Но по дороге у острова Харимкотан наш пароход по вине вахтенного налетел носом на подводную каменную банку и завяз на ней мёртво. Пока вызвали эпроновцев (спасателей-судоподъёмщиков. — *Ред*.), а нас перегрузили на другой пароход, прошло три дня, и на свой остров Мацува мы прибыли в порядке усиления 302-го СП, тогда, когда отдельный королевский полк японцев уже сложил оружие.

На остров Симусю наш дивизион был своевременно высажен и приведён в боевую готовность, но открыть огонь по японцам ему не пришлось, и потерь мы не имели. Таким

образом, за всё время ведения боевых действий нашему второму дивизиону не пришлось скрестить оружия с японскими самураями.

На острове Матува развернул солдатскую художественную самодеятельность. Даже ставил и сам участвовал в таких постановках, как “На бойком месте” А. Островского, “Каменный гость” Пушкина и другие.

В 1946 г. съездил в отпуск на материк, женился. С молодой женой в течение двух месяцев добирался на товаропассажирском пароходе от Владивостока до своей части (два медовых месяца). Изъездили Курилы вдоль и поперёк. И вот в начале ноября 1946 г. на берегу Второго Курильского пролива побывали с женой в гостях в семье старшего лейтенанта Пикалова (начальника штаба 279-го артполка во время десантной операции), и ночью при погрузке с лайбы на пароход жена сорвалась со штормтрапа в океан, а при спасении, увидев под ногами палубу парохода, отпустила спасательный круг и упала на бимсы (двутавровые металлические балки), разбила ногу и лоб.

В начале 1947 г. по семейным обстоятельствам меня перевели в Западно-Сибирский военный округ...»

29 декабря 1985 г. В. Зоточкин, как сумел, ответил на конкретные вопросы друга, касающиеся бывших командиров, сыгравших значительную роль в их человеческом и воинском становлении, и рассказал о редком природном явлении — извержении вулкана на острове, на котором ему пришлось служить [КОКМ ОФ 33369/23]:

«...На твои вопросы могу сообщить только некоторые данные... 1) майор Анатолий Брюханов перед войной уехал на учёбу в академию. При обороне Москвы в 1941 г. его артполк первым в стране получил звание гвардейского, 2) в начале войны комиссар 279-го артполка Новак Степан Яковлевич был отозван в штаб Дальневосточного фронта и где-то в 1942 г., по словам видевших его офицеров, он командовал артбригадой.

Об извержении вулкана на острове Мацува. До ноября 1946 г. вулкан Сарычева (остров Мацува) вёл себя спокой-

но и даже совсем не курился. В начале ноября 1946 г. над кратером вулкана появился первый шлейф дыма. 11 ноября 1946 г. в 08.00 кратер вулкана мощно задымил, и вскоре началось извержение: громадное облако дыма, пепла и пара закрыло всю гористую часть острова и поднялось над вулканом на высоту до километра. Громада вулканической тучи прорезалась чирканьем раскалённых бомб, освещалась блеском молний и сотрясалась грозовыми разрядами. По юго-западному склону вулкана начала изливаться багровая лава и скатываться в море. От вулканических бомб на острове загорелась одна из казарм, но среди личного состава, к счастью, потерь не было. Командование дало сигнал "SOS!", и 13 ноября 1946 г. началась эвакуация личного состава и техники на подошедшие корабли, 302-й СП и наш дивизион эвакуировались в порт Корсаков на Южный Сахалин. Извержение обошлось без землетрясения при стабильном направлении господствующего ветра с севера на юг. Этим и объясняется счастливый исход стихийного бедствия для жителей острова...»

С Украины, из города Шостки Сумской области, в июле 1983 г. пришло письмо от участника десанта Архипа Захаровича Гепалова [КОКМ ОФ 33369/27]. Сообщил он немного, свои ощущения о тех тяжёлых днях, подтвердил сведения о том, что много людей утонуло, так и не сумев вступить в бой на суше:

«...Лично я высаживался со своей миномётной ротой на втором катере, где была наша рота и третий стрелковый батальон. Но нам не пришлось высадиться на берег, так как японские доты с правой стороны и с левой прямой наводкой расстреляли наш катер, который не дошёл до берега метров 150—200, и нам, уцелевшим бойцам, пришлось прыгать за борт катера и плыть до берега. Много моих товарищей побило на катере, и многие не смогли доплыть до берега острова Шумшу.

Я до самого конца жизни не забуду этих дней, 17—18 августа 1945 г. Я только и вспоминаю. Бывает ли [кто] на братских могилах на этом, таком далёком, маленьком

острове? Мне раньше писал корреспондент газеты “Курильский рыбак” т. Сергеев о том, что иногда бывает делегация на могилах наших боевых товарищей, навечно оставшихся на этом маленьком острове Шумшу. И ещё он мне сообщил о том, что на этом острове гражданского населения нет, кроме военных пограничников».

О больших потерях свидетельствует и корреспондент, фамилию которого расшифровать не удалось, в сообщении от 17 декабря 1985 г. [КОКМ ОФ 33369/22]:

«Насчёт эпизодов героических при высадке на Шумшу. Мы, то есть 428-й ГАП, плыли на морском пароходе “Север” из состава первого дивизиона, командир дивизиона Кузнецов. Из взвода разведки и двух огневых взводов осталось восемь человек. Одна бомба, и все ко дну, а как и кто выплыл, всё из памяти уже выветрилось. Много героических примеров, но всё забыто. Только помню, где мы высаживались, начиная с августа и по ноябрь, вытаскивали трупы из прибившей морской волны на затонувшем пароходе “Мариуполь”, где стояли японские батареи. Я там был».

Некоторые сведения об организации авиационной поддержки десанта содержаться в отправлении Н. И. Осипова, бывшего лётчика, жившего в Казани, от 12 мая 1982 г. [КОКМ ОФ 33369/46]:

«18 августа 1945 г. тихо подошли, японцы спали, разбудили их внезапно, а ещё выстрелами береговой батареи с мыса Лопатка. А дальше, сами знаете, пошла высадка с боем основного десанта. Для авиации погода не благоприятствовала, да расстояние от наших аэродромов было велико. Если самолёты нашего полка (МБР-2, “Каталина”) могли летать, а вот для истребителей “Кобра” бензина не хватало, вот почему наш командир полка сам на самолёте “Каталина” был как “маяк” и наводил быстро по нашим данным самолёты на цель, то есть он висел над боем, над островами...»

Ярчайшим примером огромной значимости проделанной С. К. Юдиным работы является благодарность, высказанная ему Александром Гетмановым, сыном геройски погиб-

шего при высадке на Шумшу капитана В. И. Гетманова. Вот выдержка из его послания из Киева от 13 августа 1982 г. [КОКМ ОФ 33369/45]:

«Сегодня получил письмо от тёти Ани. Она переслала мне газету и фотографию отца. Я очень внимательно прочитал Вашу статью и вообще всю газету. Я ведь, по существу, ничего не знал об отце. Может, мама что-то и рассказывала, но это было очень давно, и я, конечно, ничего не помню. Я даже и не подозревал, что отец был такой эрудит. А родом он, между прочим, с Воронежской области. Я очень горжусь своим отцом. Эту газету обязательно дам почитать Андрею, он должен знать, кто был его дед, гордиться им и быть достойным носить его фамилию. Очень Вам благодарен за эту статью». Это яркий пример восстановления разорванной, было, связи поколений, приобретающий особенную важность в наше суетливое и беспамятливое время.

Капитану Гетманову, долго жившему на Камчатке, и его подвигу в этой книге посвящён отдельный очерк. Так получилось, что два его малолетних сына, рано потерявшие отца, вскоре остались и без матери, воспитывались в детдоме. И только войдя в зрелые годы, они смогли узнать подробности короткой, но яркой жизни их отца и его славной смерти. Подвиг капитана Гетманова кратко описан и в работе В. С. Акшинского «Курильский десант» (с. 61), а произошло это тоже во многом стараниями С. К. Юдина. По этому поводу он отметил: «Данные о подвиге Гетманова для книги “Курильский десант” я дал полностью».

В 1980-х гг. С. К. Юдин начал активно публиковать собранные им материалы в виде статей и очерков в дальневосточных и центральных газетах. Значимость содержащихся в них новых сведений была отмечена не только читающей публикой, но и квалифицированными научными сотрудниками. Доцент кафедры истории СССР Южно-Сахалинского педагогического института А. Н. Рыжков прочитал в газете «Курильский рыбак» очерк «Советские зори на Курилах» и предложил опубликовать его в сокращённом

виде в предполагавшемся к публикации втором сборнике воспоминаний ветеранов Курильского десанта (письмо от 1 декабря 1982 г.) [КОКМ ОФ 33369/24]. Он мог вполне объективно оценить прочитанное: сам участвовал в освобождении от японцев Южного Сахалина.

За минувшие после войны годы на основе документов архива Министерства обороны СССР А. Н. Рожков подготовил ряд публикаций, в том числе вышедшую в 1980 г. в Южно-Сахалинске книгу «Бои за родные острова». Он был знаком с руководителями десантной операцией генералами Гнечко и Дьяковым, её деятельными участниками Шутовым и Губайдуллиным. Первый такой сборник «Летопись героических дней» вышел в Южно-Сахалинске под его научной редакцией ещё в 1969 г. Но вопрос об издании второй работы пока решён не был. А. Н. Рожков писал: «В сборнике воспоминаний не должно быть повторений. Каждый автор должен писать о том, что знает только он один... Отбор рукописей ещё не сделан... нет договорённости с издательством...»

Сведений о том, была ли завершена эта работа, мы пока не нашли.

Рукописи, присланные в музей С. К. Юдиным, обработаны с целью устранения разночтения одних и тех же понятий и явлений. Из них, по возможности, исключены повторы, в некоторых местах проведена литературная правка, даны необходимые пояснения. В ходе этой работы мы пытались максимально сохранить стилистические особенности исходного текста. Для удобства прочтения все материалы разделены на пять частей и расположены преимущественно в хронологическом порядке. В качестве их названий приняты короткие фрагменты авторского текста. В отдельную завершающую часть выделен очерк «Форпост на Лопатке», написанный Н. Т. Поповым. Вступление к первой части скомпоновано из фрагментов рукописей, не вошедших в окончательные варианты авторских статей, опубликованных в периодической печати.

С. В. Гаврилов

ТРУДНАЯ ВОЕННАЯ СТРАДА

О, бойцы и командиры, славные дальневосточники! Найдутся ли достойные слова о вашем доблестном подвиге? Всё ли рассказано о сделанном вами в эти годы?

Трудная военная страда началась ещё в 1938 г. после провокации японской военщины на озере Хасан. Уже тогда, поставленные на крайние восточные рубежи нашей Родины, вы поняли — надо выдержать! Уже тогда вы познали все тяготы боевой жизни. Шесть лет вы стояли среди островерхих сопок в устье реки Камчатки, стояли на западном побережье Камчатки, свидетеле злых штормов Охотского моря. Вы стояли возле Петропавловска как наследники боевой славы русских воинов 1854 г., вы стояли на всех ветрах вечно холодного мыса Лопатка.

Кто подсчитает, сколько тысяч кубометров земли отрыто на строительстве окопов, блиндажей, землянок?! Кто подсчитает, сколько тысяч километров исхожено, облазано по-пластунски на маршах, походах и тактических учениях? В пургу и туманы вы зорко несли свою боевую вахту под шум морского прибоя. В минуту досуга, поздно вечером, в промозглой землянке, при слабом свете фитилька из нерпичьего жира, под вой ветра и рокот морских волн, с животом, подтянутым от скудного тылового пайка, ты вынимал, боец, из кармана измятый и потёртый треугольник.

Там, на западе, зверел и бесчинствовал враг, погибали родные, погибали друзья. Да сколько же моральных сил надо, чтобы не упасть духом? Ты выстоял, воин! Коммунисты были примером твёрдого характера, комсомольцы были носителями бодрого духа. Ты свято выполнял присягу на верность Родине. И вот свершилось возмездие. Не согнулся наш народ, не дрогнул, и именно ты, боец-дальневосточник, поставил последнюю точку в конце большой исторической эпопеи. Твой боевой выстрел был последним из тех, которые принесли победу в Великой Отечественной войне советского народа.

Бойцы понимали это. Понимали и гордо несли голову, мерно и твёрдо шагая по земле, теперь уже навечно нашего острова Шумшу.

Фабзайцы

Расскажу о себе. Родился я в Челябинской области. Отец умер давно, и матери приходилось трудно. А нас у неё было шестеро. Не знаю, что бы с нами стало, если бы предприимчивая мама не имела швейной машинки. Это была редкость. Почти вся деревня носила рубахи и штаны, сшитые мамиными трудовыми руками. И ложились мы спать на кошме, и вставали под стрёкот машинки — она приносила нам хлеб и молоко.

Мы росли, и надо было что-то предпринимать. Старшую сестру, имевшую семиклассное образование, соседи, уехавшие на завод в Омск, уговорили поступить там на учительские курсы. Три месяца учёбы, и вот наша Еленка — учительница. Приехав на следующий год в отпуск, она спросила меня: «Хочешь чинить паровозы?» Я замер от изумления. До сих пор на станции бывал всего один раз, а что больше всего меня там поразило — так это паровоз. Его сила, могучие вздохи, пугающий рёв гудка оставили у меня, деревенского мальчишки, неизгладимое впечатление. Паровоз казался мне каким-то сверхъестественным существом. Потом я много раз рассказывал своим грязноногим друзьям о паровозе, его силе. Не раз детская фантазия обращалась к нему и во сне.

И вот такой вопрос! Я не мог сидеть ни минуты спокойно. То бежал к друзьям рассказывать о предстоящем событии, то назойливо приставал к сестре с вопросом: «Когда же мы едем?»

Наконец наступил этот день. Краткие сборы, напутственные слова и слёзы матери, и мы в дороге. До станции тридцать вёрст, последние десять — голой степью. Глухо доносятся до слуха гудки паровоза, звучат, словно призыв — скорей-скорей!

Вечером мы уже в видавшем виды вагоне, казавшемся мне верхом комфорта. Полки двухъярусные, могли опуститься и даже откинуться вниз. Но сейчас на них везде лежали пассажиры и они были подняты. Всё и везде покрыто лаком, блестит, а окно при желании можно и открыть. Стояло лето, было тепло. Медленно двигавшийся состав окружала необъятная ширь.

Я не мог оторваться от окна. Товаро-пассажирский поезд, когда-то названный «Максимом», шёл, действительно, не спеша, останавливался на каждом разъезде, каждом полустанке и стоял иногда полчаса, иногда час, пропуская встречные составы и давая себя обогнать. А я этому был только рад. На остановках пассажиры дружно выскакивали из вагонов, кто с чайником искал водички, часто находя её в тендере паровоза, кто кушал, что Бог послал на свежем воздухе, а другие, растянувшиеся на зелёном ковре, просто отдыхали, незлобливо поругивая железнодорожников. И говорили, говорили о ценах на хлеб и скот, о том, что нет ситца. А больше всего о тех делах, которые затеяли большевики, о колхозах и стройках. Знатоки рассказывали, как некоторые землекопы зарабатывают там по пять, а то и шесть рублей в день, а о бетонщиках и говорить нечего. Женщин волновал вопрос: где жить, где приютиться? «Это легче, — отвечали, — дают место, а землянки отрыть недолго. Целые копай-города выросли». Но неизвестность тревожила. Нет-нет, да кто-либо тяжело вздохнёт. Так и коротали время, пока длинный гудок паровоза не созывал всех в вагоны.

Меня поражало всё. И многолюдье вокзалов, и высота заводских труб. Но чаще всего на остановках я бежал к паровозу. Как на волшебников смотрел на машиниста и его помощника, деловито ощупывавшего буксы и пополнявшего их маслом из длинноносой лейки-маслёнки. Обратив внимание на мой заворожённый взгляд, он иной раз спрашивал: «Что смотришь?» Я бойко отвечал, что еду учиться на ремонтника паровозов. «Это дело, давай-давай, учись, браток!» Помню, как мне хотелось подойти поближе и пощупать

руками шток или кулису, но удерживал страх перед этим стальным колоссом.

Пролетели мимо крупные города: Курган, Петропавловск, Омск с их сутолокой, пассажирами, бегущими с чайниками к водогрейке и на вокзальный базар, где степенные бабы продавали молоко, варёную картошку, солёные огурцы. Здесь сестра меня от вагона не отпускала: «Потеряешься, шпингалет!»

Через трое суток мы были на месте. А через месяц я уже занимался на «дозауче» на станции Чары. Дело в том, что сестра решила меня определить в ФЗУ (школа фабрично-заводского обучения. — *Ред.*), а так как для этого требовалось семилетнее образование, то меня устроили на дозауч, где за три месяца следовало усвоить основное из программы пятого-седьмого классов.

Занимались по четыре часа, два — русским языком, два — математикой. К 1 октября всех нас отправили в Барабинск. Стране нужны были кадры: вовсю шла реконструкция железных дорог. В Барабинске собралось восемьсот человек. Что это была за публика? Проворные, смелые, хулиганистые мальчишки со станций Павлодар, Славгород, Чулым, тихие парни из деревень с большими деревянными сундучками и отдельная стайка ребят и девчонок из Каинского детского дома. Суматоха невероятная, персонал сбился с ног. Два дня шла толчея, и только к вечеру второго дня нас разбили по группам и разместили в больших, по сорок человек, комнатах общежития. Сельские несмело сидели на своих сундучках. Напрасно, уже утром следующего дня выяснилось, что их большинство опустошено. Пропали сало, масло, хлеб. Почти все детдомовцы и многие чулымцы завтракать не пошли. Исчезла баночка с маслом и из моей кошёлки.

3 октября утром всю ватагу направили на копку картофеля в ближайший совхоз. Стояла мозглая, сырая погода, выпал мокрый снежок. Большинство ребят было одето скромно: потрёпанная телогрейка и ботинки, из которых часто торчали пальцы. К полудню все посинели, а обеда не было.

Немного оказалось и накопанной картошки. Возглавлявший наш отряд завуч ФЗУ Арашкевич, добрейший человек, решил подкормить нас печёной картошкой, разжёг костёр, набросал клубней и снова пошёл за хворостом в лесок.

Вернулся, а картошки нет: голодные «волчата» съели её полусырой. Тихоням ничего не досталось. Покачал старичок головой и снова начал раскладывать картофелины в горячую яму. Но тут, ура! — прислали обед, горячее молоко и хлеб. Покушали. Работники совхоза посмотрели на нас и говорят Арашкевичу: «Ведите их домой, это не работники». Больше на уборку нас не брали.

Все эти дни нас по списку вызывали в медпункт. Врач Мария Ивановна командовала: «Покажи руки, растопырь пальцы, следующий!» Хлопцы гадали: «Это она нервы проверяет?» Пожилая уборщица, услыхав эти разговоры, пояснила: «Дурачьё, она смотрит, чтобы не было чесотки».

На следующий день был вывешен приказ и списки зачисленных в ФЗУ. Приняли всех. Мы очень гордились тем, что поступили, были довольны, что уже считались рабочими и нам пошёл трудовой стаж, но не менее важным было и другое. Мы приобретали право на хлебные карточки четвёртой категории. А это — восемьсот граммов хлеба в день, шестьсот граммов сахара в месяц. Жить можно. Кто помнит трудные тридцатые годы, тот знает, что значили восемьсот граммов хлеба. Были довольны и родители. Один рот из семьи долой, и, кроме того, парень при деле. Знали мы уже и другое: тогда ФЗУ обучало по трёхлетней программе и давало среднее образование. Окончившие получали хорошие назначения в Омск, Петропавловск (в Казахстане. — *Ред.*), Ишим. Некоторые после короткой практики стали там машинистами. А двадцать комсомольцев направили директорами школ в районы: кадры были нужны везде. Но всё это, кажется, для нас не было главным. Больше всего ребята гордились тем, что будут починять паровозы, станут рабочими.

ФЗУ готовило по разным специальностям: слесарей-ремонтников (сюда я и попал), монтёров сигнализации,

централизации и блокировки и другим. Началась плановая учёба. Четыре часа теории, четыре практики. С восьми утра математика, физика, химия, русский язык, черчение, устройство паровоза. После обеда — в учебные мастерские. Под них отвели одно крыло «малого» депо, за стенкой из досок установили верстаки, разметочную плиту. Наш инструктор Володя Заварницын, сам недавний выпускник ФЗУ, оказался деловым парнем и быстро нам полюбился. Наскоро ознакомив нас с устройством и применением инструментов, использовавшихся в депо, он начал обучать нас искусству работы с пилой, молотком и зубилом. Осваивать всё это оказалось непросто. Металлическую пластинку со строганной плоскостью необходимо было опилить на миллиметр или два, сохранив поверхность ровной.

Пилим, стараемся. Подходит инструктор. «Ну, как?» «Хорошо». «Посмотрим». Прикладывает мерительную линейку, поверхность пластинки — как дуга. «Пилу надо держать ровнее», — учил он нас. Ещё труднее давалась рубка зубилом. По правилам требовалось держать молоток за конец рукоятки, рубить решительным ударом и смотреть только на лезвие зубила, а ни в коем случае не на конец, по которому наносится удар. Начинаешь рубить. Рука непроизвольно скользит по ручке молота ближе к ударнику. Глаза так и косят на шляпку зубила. «Задушишь молоток, — кричит инструктор, — руби смелее!» Девчонки сразу ухитрились вырезать из войлока кругляшки с дыркой и надеть на зубило. Заговорщицы, только посмеиваются. А нам как? А пластинки перебить надо. Эх! Была, не была! Трах! Ой-ой-ой, всё сбито. Скажу откровенно, хорошо рубить зубилом я так и не научился.

Потом начались поделки. Изготовили нутромеры, кронциркули, раздвижные ключи, шабровочные плитки. По кузнечному делу требовалось самостоятельно отковать ударник молотка, зубило и кронциркуль. Всё это я делал охотно, с увлечением.

На уроках теории было сложнее. Многим физика, математика, да и другие предметы давались с большим трудом.

Охотно шли на уроки по изучению паровоза. Но и тут не обходилось без казусов. Помню, был у нас в группе Тима Дрозд, приехал в школу со станции Кулунда. Сын стрелочника, Тима был старше нас, на две головы выше ростом, костистый, белокурый парень. Он обладал удивительно добродушным характером и ещё более удивительно неупорядоченной памятью. Идёт урок. Преподаватель по паровозам Арашкевич, сын завуча, ещё молодой, но страшно близорукий, в очках, вызывает Дрозда. Тима не спеша поднимается с места, смотрит прямо перед собой.

— А расскажи-ка, Дрозд, назначение крейцкопфа.

Тима молчит. Класс начинает фыркать.

— Ну, я вас слушаю.

Молчание.

— Я вас слушаю, Дрозд.

Дважды перевалившись с ноги на ногу, Тима начинает:

— Крейцкопф. Крейцкопф, он, того, — шток.

Класс гремит.

— Двойка, Дрозд. Вы поняли? Двойка! Садитесь.

— Понял, — спокойно отвечает Тима и довольный усаживается на место.

Был конфуз и у меня. Слышу свою фамилию, встаю.

— Расскажите, для чего служит петикот.

Этого я не знал.

Рассерженный Арашкевич бросает:

— Не знаешь? Садись, кол!

Я был обескуражен до крайности. На перемене выяснил, что петикот — патрон из листовой стали. Он устанавливается в дымовой коробке паровоза и направляет струю пара в трубу. Это я запомнил на всю жизнь.

Бывало всякое: и прогулы, и опоздания, но постепенно учёба наладилась. Молодёжь втянулась, привыкла к порядку и организованности. Через полтора месяца нам объявили, что начинается практика по слесарному делу непосредственно в депо на ремонте паровозов.

Радостные, возбуждённые, мы явились в депо. К паровозам мы уже привыкли, не пугались шумного дыхания пара,

резких гудков. Но тут у нас глаза разбежались: холодные и под парами смирно, как лихие скакуны в стойле, стояли уже знакомые нам паровозы-трудяги «Эу». Нас тянули к себе статные красавцы — пассажирские локомотивы. Зелёные «С», тёмно-синие новенькие «Су» с большими колёсами, высоко поднятым котлом, кажется, так и были устремлены вперёд. Вытянувшись, как породистые кони, блестя отшлифованными поручнями, с большой выпуклой звездой впереди, они, кажется, очаровали нас.

Но нашим руководителям главное — дело. Через полчаса зачитали, кто и в какую бригаду зачислен. И, о разочарование! — я попал в тендерную. Бригадиром назначили старейшего рабочего Шапотина, лет шестидесяти, с усами, пожелтевшими от табачного дыма, ходившего в промасленной куртке и огромных сапогах, которые, кажется, так и приросли к его кривым ногам. Наш бригадир шуток не любил. Он забрал нас, подвёл к одиноко стоявшему перед деповскими воротами тендеру товарняка, хлопнул его по боку и буркнул: «Вот он, будем ремонтировать».

Мы были недовольны. Подумаешь, тендер — ящик с водой и углём! Чего мы в нём не видели: две тележки, тормоз и всё. Старик, кажется, ничего не замечал. Показал, как установить домкрат, поднять тендер, выкатить тележки. Был он строг и деловит. Предупредил: «Не самовольничать, делать, что скажу». Работа закипела.

Вечером соученики подняли нас на смех: «А, тендерщики!» Было обидно. Другие уже полезли в будку машиниста, разбирали инжекторы, трогали реверс. Но ничего не поделаешь, делать было необходимо уметь всё. Так за месяц или два мы освоились с ремонтом арматуры, поршневого механизма, букс и прочего.

Первые дни рабочие постарше над нами посмеивались. Иной шутник, притирая клапана инжектора, говорил новичку: «Возьми кувалду и бей по заднему буферу, иначе не могу подогнать клапан». Простофиля брал кувалду и гремел на всё депо, пока кто-либо из стариков не замечал этого «усердия»: «Ты чего делаешь?! «Клапана притираем».

«Какие клапана?» «У инжектора». Всё было ясно, бригадир громко ругался, грозясь отправить виновника к начальнику школы.

А иных заставляли мешать воду в тендере. Позднее мы над этим весело смеялись. Старые рабочие только улыбались, когда мы, как муравьи, облепив поступивший на ремонт паровоз, начинали его разборку. Да и нельзя было без улыбки смотреть, как щуплый фабзайчонок пришабривал на шейки оси тяжеленную паровозную буксу. В ней не менее пяти пудов весу, а прежде, чем её подгонишь по вертикали и горизонтали и плотно пришабришь по шейке, надо несколько раз снять и поставить назад. Умудрялись, подставляли скамейку, на неё укладывали трубы и по ним подкатывали буксу к оси. Получалось.

Все работы принимал бригадир. И тут бывало всякое. Помню, бригадир арматурщиков Севастьянов распоряжался: «Пойди на второй путь и поставь на место продувную трубу. Эта труба огромной гайкой крепилась на продувочный кран, установленный снизу котла. Поленившись взять ключ, я начал навёртывать гайку ударами молотка. Рядом проходил слесарь Инчагов. Увидев меня, он сказал: «Слазь с паровоза!» Я слез. Он молчком больно дёрнул меня за уши. «Ты, мизгирь, не видишь: кран бронзовый, даст трещину, туши паровоз!» Мне было до слёз обидно. О своей оплошности я никому не сказал, но этот урок запомнил надолго.

Так месяц за месяцем шла учёба, и парнишки, когда-то боявшиеся паровозного гудка, успешно осваивали ремонт сложной техники. Но учёба давалась нам нелегко. Было у нас, фабзайцев, три заклятых врага: холод, грязь и вошь.

Общежитие размещалось в трёхэтажном здании, занимая два подъезда. Выстроенное для административных нужд, оно состояло из огромных комнат, в каждой из которых были установлены двадцать-тридцать топчанов. Первое время белья не имелось, и мы спали на соломенных матрацах и подушках, укрывались серыми одеялами.

Установленные печи тепла почти не давали. Зимой холод стоял такой, что вода в большом дневальном корыте

промерзала за ночь до дна. Спали кое-как. Кто тащил на себя всё, что нашёл, а иные ложились, не раздеваясь. Часов в общежитии не было. Помню случаи, когда кто-либо, проснувшись, будил остальных, и мы бежали по сорокаградусному морозу до вокзала, и там выяснялось, что ещё только три часа ночи. Идти снова в общежитие не хотелось, да там и холодно. Рысцой бежали в депо, где, прикорнув на батареях, ждали утра.

Мазута мы не боялись — по нашим понятиям, грязная, засаленная одежда говорила о принадлежности к рабочей гвардии. И если кто получал из дома чистый пиджак или куртку, немедленно принимались меры, чтобы вымазать их до основания. У всех нас на груди бренчали бирки, по которым мы получали инструменты. Мыла не было, одежда, пропитанная мазутом, липла к телу. А живот и спина часто были чёрными, как чугун. Иногда отправлялись в железнодорожную баню, но там горячая вода стекала с тела, как с гуся. Помню, Архипыч — старик-банщик — кричит: «Чего же вы выходите, грязь-то не обмыли!» А для пущей убедительности проводит ногтём по животу, оставляя ровную полосу. «У нас мыла нет», — отвечаем. Иногда удавалось подобрать обмылок за кем-либо из взрослых, и мы его истирали без остатка. А иногда и сам Архипыч доставал из своей коробки подобранные обмылки и вручал нам. Довольные, мы снова возвращались в баню сгонять с тела мазут.

Безраздельной хозяйкой общежития была энергичная и крикливая тётя Дуня, не знавшая покоя ни днём, ни ночью. Главной её заботой были «санитарные мероприятия», заключавшиеся в следующем. Большая угловая комната на нижнем этаже называлась «волшебной». Раз в десять дней тётя Дуня отбирала по списку несколько человек и вела туда. За плотной загородкой находились камеры с крючьями. Раздевшись догола, мы развешивали свои ветхие одёжки на крючьях, двери камеры плотно закрывались, а её содержимое прожаривалось. Эта операция длилась минут тридцать. Мы же гоготали в костюмах Адама — и в таком положении всегда находилось достаточно остряков. Изгнав

нас, натянувших горячую и дурно пахнувшую одежду, тётя Дуня запускала следующую смену. Надо признаться, что и эта мера не давала идеальных результатов.

Быт в общежитии был беден и скучен. Часто я засматриваюсь на сегодняшних учеников профтехучилищ. Одетые в приличную форму, упитанные, имеющие в своём распоряжении отличные, светлые, тёплые общежития, оборудованные классы и спортивные залы, они находятся куда как в выгодном положении по сравнению с нами, фабзайцами тридцатых годов.

Питались мы в столовой, расположенной в полукилометре от школы бывшего военного городка. Столовая представляла собой длинное приземистое здание, больше похожее на сарай, с расставленными внутри вдоль одной из стен сорока столами, на десять человек каждый. Питались в две смены.

Завтраки проходили относительно спокойно. Ложку пшённой каши и кружку чуть подслащённого чая уплетали мгновенно: все спешили на уроки. Иное дело обед. К этому времени желудок подводило основательно, и когда раздавался последний звонок, орава в четыре сотни человек, сломя голову, неслась в столовую. Первое время прохожие удивлённо сторонились. Потом, привыкнув к этому зрелищу, только улыбались. Кажется, и не было смысла так мчаться, но это повторялось каждый день. А когда обед не был готов вовремя, гром четырёх сотен мисок, ударявшихся об столы, казалось, поднимал крышу. Заведующий столовой, худенький старичок, в прошлом участник гражданской войны, пробовал стыдить и уговаривать нас, но никаких результатов не добился.

Растущий организм, значительная физическая нагрузка, холод давали себя знать. Мы заметно не доедали. В обед — щи из зелёных помидор, жиденькая кашица, на ужин — опять кашица и кружка сладковатого чая. И это изо дня в день. Помню, как-то я обратился к врачу по поводу долго не заживающих ссадин на руке. Осмотрев меня критическим взглядом, женщина сокрушённо сказала: «А чем

заживать-то, у тебя и крови-то, наверное, не осталось. Дистрофик», — и дала мне направление на диетическое питание. За месяц я немножко подкормился.

Выручал нас чёрный, добротный ржаной хлеб. Восемьсот граммов были настоящим богатством. И не только для питания. Большинство фабзайцев, живших в общежитии, фактически не получали от родных никакой помощи. Как правило, те, узнав, что нам дают столько хлеба, считали, что парень теперь не пропадёт. Но ведь нужно было и одеваться. На внешний вид мы не обращали внимания, да и не только мы. В те годы, когда страна только-только расправляла спину от прошлой разрухи, об этом никто особенно не заботился, одевались скромно. Но ведь нам, мальчишкам, нужны были рубахи и штаны, а также ботинки.

Вот тут-то и выручала нас хлебная пайка. В общежитии был распространён такой способ приобретения необходимого. Два товарища, решив сэкономить буханку, в ближайшее воскресенье на завтрак не шли, спали. В обед они съедали только по сто граммов хлеба, на ужин опять не шли, ложились спать. На другой день вечером друзья, завернув заветную буханку в газету, шли на вокзал. Дождавшись поезда с переселенцами, выходили на перрон, отвернув уголок газеты. Спрашивают: «Продаёшь хлеб?» «Меняю на рубаху или штаны». Часто бывало и так: спрашивавший снимал с себя рубаху, хватал хлеб и скрывался в теплушке.

В общем, трудностей и в учёбе, и в быту было предостаточно. Но молодость, горячий энтузиазм брали своё. Разгорелось соревнование между группами за лучшие места, за отличные показатели в учёбе. Помню, как я гордился, когда по итогам года получил премию — хлопчатобумажный костюм: куртку и штаны.

Молодая память быстро схватывала всё новое. Вот случай, доставивший мне большую радость. В рабочем клубе была организована техническая конференция по паровозам. Пришли машинисты, их помощники, слесари. Народу собралось много. Решили и мы с другом Сашкой Цибульским

сходить, послушать. Присутствовавшие по желанию подходили к ящичку, тянули оттуда вопрос и тут же должны были на него ответить. Саша толкает меня: «Иди, попробуй свои силы». Пошёл. Как сейчас помню, вопрос попался сложный: правила проверки круглых золотников паровозов. Но он был мне знаком. Требовалось на схемах рассказать о сложных превращениях вращательного движения кривошипа в строго равномерное поступательное движение золотников посредством сложного кулисного механизма. Получилось здорово. Минут за пятнадцать вопрос был раскрыт полностью, без подсказок и уточнений. Из клуба вышел, вернее, вылетел на крыльях, крепко держа под мышкой книгу Васильева «Паровоз» с надписью «За победу на технической викторине». До сих пор сожалею, что эту реликвию нашего технического роста сохранить я не сумел.

Вспоминаю не лишённый комизма случай. Нам объявили, что при школе начинает работать прачечная, и кто желает, тот может сдать в стирку свою одежду. Тут же пояснили, что во избежание путаницы каждый сдающий должен вышить на своих вещах присвоенный ему номер. Мне достался двести двадцать шестой.

Грязная роба для работы хранилась у нас в депо в специальных шкафах. Решив сдать в стирку единственную изрядно заношенную рубаху, я задумчиво шёл в общежитие. Около одного из дворов валялся оторванный воротник рубашки. Меня осенило. Незаметно подняв его, в общежитии я его тщательно выстирал и высушил около печки. Затем на груди моей рубашки чёрными нитками вышил «226», получилось хорошо. Потом тщательно подшил воротник к пиджаку, утром надел его на голое тело и отправился в школу. Ещё до начала занятий забежал в прачечную и сдал рубаху в стирку. Довольный своей выдумкой, пошёл на уроки.

На одной из перемен в коридоре пиджак задрался, и обнажилось тело. Забияки, заметив это, заорали: «Братва! Он без рубахи, рубим банки!» Тотчас меня схватили и с шумом

и смехом начали «рубить банки» по спине. Экзекуция завершилась бы как шутка, но тут я заметил, что открываются двери в коридор и заходит Нина Сидоренко. А я на неё засматривался, мы с ней дружили. От стыда я осатанел и начал отбиваться уже и кулаками, и головой, не видя света. Не знаю, чем бы всё это завершилось, если не раздался густой бас завуча: «Что здесь происходит?» Пацаны разбежались кто куда, убежала и Нинка. Смущённый, стоял я, оправляя пиджачишку. «Что вы тут раскудахтались?» — спросил мимоходом завуч и торопливо отправился по своим делам. В обед зашёл в прачечную и спросил, когда будет готова рубаха. «Через три дня», — ответила приёмщица.

Наше свободное время в общежитии, прямо скажу, было не организовано. Случалось, вечером собираются человек двадцать ребят. В комнате слабо мерцают две лампочки, холодно. Одно удовольствие — сгрудиться вокруг печки. О ней заботились особо. Уголь привозили нерегулярно, и о его запасе думали постоянно. Во время выгрузки угля к нему кидались все. Несли вёдрами, крупные куски тащили в руках и прятали везде: под кроватями, в тумбочки, между дверями балкона. Тётя Дуня разрывалась, требуя прекратить «это безобразие», но напрасно. Через полчаса весь уголь исчезал.

И вот вечером, в полумраке печка манила к себе. Садились полукругом, находились мастера слова, и начинался разговор. О каких только небылицах не рассказывали! О кражах и убийствах, о лунатиках. Иногда пели, но хороших песен не знали. Бодрые, проникнутые оптимизмом советские песни Дунаевского и Покрасса, других мастеров дошли до нас позднее. Пели в основном то, что привезли с собой детдомовцы:

Ах, зачем меня мать родила,
Ах, зачем меня мать родила.
Лучше б в море меня утопила,
Чем приютскую жизнь мне дала.

Звучала и песня о «кладбище петропавловском» и прочая дребедень. Но пели не все, были и другие занятия.

Кто починял ветхую одежонку, кто до блеска шлифовал тайком изготовленный ножичек, а кто колдовал над карточками и талонами.

У нас было заведено иметь про запас хотя бы пару талонов на хлеб. Лишняя пайка не мешала, ведь до столовой было не менее трёх километров, а тащиться туда на ужин в осеннюю дождливую погоду в темноте или по сорокаградусному морозу в ветхой одежонке и рваных ботинках многим не хотелось. Находились умельцы получать пайки хлеба и другим путём: подклеивая старые талоны к новой карточке.

Вообще, о еде думали всегда. Как-то вечером один из ребят сообщил, что в буфете вокзала подают по талонам на завтрак кофе. Тут же собралась кучка охотников и отправилась на вокзал. Действительно, касса отпускал по ним горячий сладкий кофе — невиданное лакомство. Взяли по одному стакану, по второму. Официантка что-то забеспокоилась, пошла к кассе, потом скрылась в комнатке с надписью на двери «Директор буфета». Это не ускользнуло от внимания пацанов, и когда директор появился — молодцы уже смылись.

Помню, соблазнённый возможностью заполучить запасную пайку хлеба, я долго и сосредоточенно подклеивал талон к карточке. Получилось, вроде, неплохо. Придя в столовую, долго маялся в нерешительности: было и страшно, и стыдно. К этому времени я уже считался хорошим учеником и даже активистом. Но соблазн припасти на воскресенье кусок хлеба пересилил. Сделка с совестью состоялась, и я подошёл к окну. Тётка, подававшая хлеб, спокойно взяла корточки, положила на стол и начала резать буханку. Я начал было успокаиваться, но, увы. Нарезав хлеб, она взяла карточку и посмотрела её на свет. Тётка была опытная, и я погорел. «Да ты же, хлопчик, подделал талон. Иди, иди отсюда». «А карточки, отдайте, карточки!» — завопил я. «Иди, иди. Карточки получишь у начальства». Оцепенев от страха, я ушёл. Самые чёрные мысли мелькали в голове, я уже считал себя исключённым из школы.

Как жить? Ехать к сестре? Она сама в это время еле-еле сводила концы с концами. Работать? Но кто же меня возьмёт, молокососа в пятнадцать лет? Терзаемый самыми тяжкими предчувствиями, без ужина, я лёг спать.

Утром без завтрака пошёл на занятия. Прошло обеденное время, часа в четыре дня кричат: «Тебя вызывает директор школы!» Его я видел только издалека, знал лишь по подписи на учётных документах. Он красиво расписывался пером «Рондо»: «Утверждаю. Викторенко». С чувством отрешённости переступил порог в незнакомый кабинет. Директор сидел один и писал. Это продолжалось довольно долго. Меня мутило от голода и страха перед неизвестностью. Наконец, подняв голову от бумаг, директор внимательно посмотрел на меня и спросил: «Где вчера ужинал?» Ответил, что нигде. «А сегодня завтракал, обедал?» «Нет», — шевелю губами. Достав из стола карточку, он подал её мне и сказал: «Иди, больше этого не делай». Чувство радости и благодарности всколыхнуло мою грудь и долго потом наполняло меня. И всегда потом с чувством стыда вспоминал я этот низкий поступок.

Долго ещё в нашем общежитии случались разные пакости, вроде мелкого воровства и драк. Но шло время, и постепенно быт улучшался. Деревянные топчаны заменили кроватями, появилось постельное бельё. На втором курсе нас поселили в комнаты общежития по четыре-шесть человек. Здесь было чище и теплее. Мы освоились в городе. Любители книг начали пользоваться библиотекой рабочего клуба. Все вступили в профсоюз, оживилась комсомольская работа. Трудовая и учебная нагрузка, влияние педагогов и инструкторов, пребывание в рабочей среде сделали своё дело. Ребята взрослели, становились серьёзнее и рассудительнее. Стали похаживать в кино, участвовать в художественной самодеятельности, заниматься спортом.

В начале 1934 г. нам объявили, что в системе ФЗУ общеобразовательная подготовка прекращается, срок учёбы сокращается: транспорту срочно нужны кадры. О том, что началась серьёзная реконструкция железных дорог, нам го-

ворить было не надо. Своими глазами видели, да и в газетах читали, что на Сибирской магистрали полным ходом идёт укладка вторых путей, готовится перевод на новые системы сигнализации, информации и блокировки. Вовсю шла разработка и производство новых, более мощных моделей паровозов, вагонов. Начались работы по укладке путей на щебёнку.

И всё же это решение нас немало опечалило. Многие хлопцы уже почуяли вкус к учёбе и знаниям. Разговоры, ведшиеся длинными вечерами, нет-нет, да и перескакивали на возможность после окончания ФЗУ поступить в техникум или институт. Теперь же все эти мечты шли прахом.

В июне было решено завершить наше обучение и произвести выпуск. Каждый учащийся был обязан сдать «пробу», то есть выполнить по своей специальности какое-то задание, причём качественно и в установленное время. После оценки сделанного комиссия присваивала рабочий разряд. Мы волновались, но уже первые задания были выполнены хорошо. Помню, мне достался ремонт инжектора типа «Фридман». Закипела знакомая работа. Быстро открутил все крышки, очистил полости и детали от налёта накипи, притёр клапаны, набил сальник. Оценка — «отлично». Через несколько дней в приказе прочёл, что мне и ещё трём товарищам из группы присвоен четвёртый разряд, а всем остальным — третий. Я был весьма доволен этим официальным признанием мастерства.

Наше общежитие гудело, как улей, все гадали, куда назначат, строили планы. На другой день в группу зашёл начальник школы и объявил, что требуется двадцать слесарей для работы на паровозоремонтном заводе в Бурятии, в городе Улан-Удэ. Вскоре охотники нашлись, записался и я. Школа была на каникулах, часть выпускников разъехалась по направлениям в Омск, Татарскую, но большинство и все местные остались. Нам, желавшим поехать в Забайкалье, объявили, что мы ещё будем учиться три месяца по специальной программе. Перевели нас в благоустроенное общежитие № 1, что при школе. Выдали жёсткие

койки с панцирной сеткой, и в тиши и благодати мы снова приступили к учёбе. Вместо двадцати восьми рублей стипендии фабзайца, из которых двадцать четыре уходили на питание в столовой, нам стали платить по сто пять. Занимались пять-шесть часов в день, в основном изучали технические условия на капитальный ремонт паровозов.

Настроение было отличное, проныры уже узнали, что при заводе будут работать техникум и институт, сомневались только насчёт языка. На каком же языке там будут учить: на бурятском или русском? Сошлись на том, что наверняка будут группы и на русском.

Однако наша радость оказалась преждевременной. Не прошло и двух месяцев, как объявили, что отъезд в Забайкалье не состоится, и вручили каждому направление на работу. Десять человек, в том числе и я, направлялись слесарями по ремонту вагонов в пятый участок станции Барабинск.

О первом годе работы даже и вспоминать не хочется. Жили в вагоне, где нас заедали клопы. С работой освоились быстро, но получка почему-то была унизительно низка — всего двадцать пять — тридцать рублей в месяц. Опять недоедание и холод.

Но знания, полученные в ФЗУ, не остались втуне. Уже на первых порах мы показали хорошую техническую подготовку, быстро освоили устройство вагонов, технологию их ремонта, и в 1935 г. почти всех нас перевели на работу осмотрщиками вагонов с твёрдым окладом. Жить стало легче. С другом Володей Потаповым мы подыскали квартирку. Дальнейшая работа в вагонной службе у меня шла хорошо. Вскоре назначили руководителем смены, затем мастером и незадолго до призыва в армию — приёмщиком НКПС (Народного комиссариата путей сообщения. — *Ред.*). Перед утверждением в этой должности нас собрали в Москве в НКПС, с нами встречался сам народный комиссар.

К этому времени и относится начало нашей, бывших фабзайцев, активной работы в комсомоле и профсоюзе. Меня избрали членом местного комитета профсоюза, был делега-

том профсоюзной конференции отделения и дорожной конференции в Омске. Одновременно избрали членом комитета комсомола, членом пленума и бюро райкома комсомола.

Реконструкция народного хозяйства шла полным ходом. Особенно это было заметно на транспорте. Устанавливались семафоры, устраивалась централизация стрелочного хозяйства, появились новые большие вагоны с тормозами системы Матросова. Мощно пыхтя, тащили большегрузные составы паровозы типов «СО», «ФД». Магистраль Магнитогорск — Кузбасс работала напряжённо, повсюду царили подъём и необыкновенное воодушевление. Заметно улучшалось благосостояние народа, осталась позади карточная система снабжения. Стахановское движение, волной прошедшее по стране, никого не оставило равнодушным, не сходили с уст имена прославленных героев труда Алексея Стаханова, Петра Кривоноса, сестёр Виноградовых. Смело ломались старые нормы, привычки и убеждения.

Общественная жизнь в стране била ключом. Шли слёты стахановцев, обсуждалась и принималась новая конституция. Каждый день приносил радостные вести. Страна восхищалась полётами Чкалова, Громова, Коккинаки, Расковой, полярным дрейфом легендарных папаницев, ледовой челюскинской эпопеей, радовалась первым Героям Советского Союза.

Нам, молодым, как никому подходила эта атмосфера, и мы по мере сил старались не отставать от передовиков. Были организованы комсомольско-молодёжные стахановские смены и сутки. Наши ребята: Саша Петрик — вместо пяти по норме ремонтировал до двадцати пяти воздухораспределителей, Саша Бочаров — внедрил систему безотцепочного ремонта вагонов.

Вспоминаю один случай. Дело было летом 1938 г. Секретарь комитета ВЛКСМ (Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодёжи, самой массовой общественной организации в СССР. — *Ред.*) вагонного участка Семён Береговой уехал на трёхмесячные курсы, организованные для комсомольских работников политотделом Омской дороги.

Меня, как заместителя, оставили за него. Приходилось часто бывать в сменах и днём, и ночью, постоянно держать связь с руководителями смен и бригад, с комсомольцами. Как-то пришёл в пассажирский парк. Саша Бочаров, дежурила его смена, как всегда был деятелен. Поговорили о комсомольских делах, он посмотрел на часы и сказал: «Идём встречать курьерский». В это время проходил состав из Москвы. Вышел на перрон и я. Здесь уже были начальник вагонно-ремонтного пункта Василий Семёнович Лабухин, парторг Суханов, начальник станции и уполномоченный ОГПУ (Объединённое государственное политическое управление, сочетавшее функции нынешних МВД и ФСБ. — *Ред.*). Поднимая вихри пыли, пронёсся голубой паровоз и, бликуя шлифованными стеклами широких окон, медью и никелем ручек и поручней, потянулись жёлтые, покрытые дорогими сортами дерева, вагоны с надписями «СВПС». Раздался характерный скрип тормозов и состав остановился. Стоянка — двадцать минут. Смена паровоза, технический осмотр всего состава. С головы и хвоста, внимательно вглядываясь во все детали, двинулись осмотрщики.

Не прошло и трёх минут, осмотрщик Вася Сабаев кричит: «Саша, Саша! Иди сюда!» Бочаров побежал к вагону «Прокат более семи миллиметров», — волнуясь и немного заикаясь, докладывает Сабаев. Саша прикладывает к бандажу шаблон, и лицо его бледнеет. Да, прокат (износ. — *Ред.*) большой. Для экспресса это недопустимо. Все заволновались: в экспрессе следуют дипломаты, японцы, китайцы, важные господа. Начальник поезда заявил, что все купе заняты, переводить пассажиров некуда. Сумятица длилась одну-две минуты. Саша Бочаров заявил: «Сменим ось без отцепки вагона!» Все переглянулись. Риск был немалый. «Сколько времени надо?» — спросил уполномоченный. «Не более сорока минут. Колёсные пары этого типа у меня есть». «Приступайте», — распорядился Лабухин.

Работа закипела. Расцепили состав, подставили под вагон мощные домкраты, подняли вагон, выкатили тележку. Саша пошёл подбирать колёсную пару. Вкатили одну, осмот-

рел шейки. Проклятье: кто-то, наверное, во вред, мимоходом стукнул по шейке молотком — зияла большая вмятина. Выкатили вторую, последнюю пару. Она оказалась в порядке. Быстро подкатили её, подогнали подшипники, надели буксы и собрали тележки. Через несколько минут вагон был опущен, тяги и шланги соединены. Саша ещё раз всё осмотрел и сказал, что готово. Все облегчённо вздохнули. Состав соединили, попробовали тормоза. Раздался протяжный гудок, и экспресс, споро взяв с места, скрылся за выходным семафором. Стоянка продолжалась полчаса. Все поздравляли радостно взволнованного Сашу. На предупреждение об усилении контроля букс со станций Чулым, а позднее Новосибирск сообщили, что всё в порядке.

Немало хороших дел числилось за комсомольцами. Ребята росли на глазах. Многих выдвигали бригадирами, мастерами, начальниками смен...

В путь-дорогу дальнюю

Повестку о призыве в Красную Армию многие ребята, в основном железнодорожники станции Барабинск, затерявшейся в бескрайних далях степей Западной Сибири, получили 30 сентября 1938 г. Мы знали о разгуле фашизма в Германии и Италии, много слышали о провокациях японского империализма. В комсомольских кружках наши руководители-коммунисты подробно рассказывали об образовании агрессивного треугольника Берлин — Рим — Токио, о работе 7-го конгресса Коминтерна, знали мы и о недавно принятом правительством СССР решении провести дополнительный призыв в армию.

Вот она, пожелтевшая от времени, чудом сохранившаяся повестка из военкомата. Приведу дословно её содержание. «Для отправки Вас в кадры Рабоче-Крестьянской Красной Армии явитесь в Куйбышевский райвоенкомат 2 октября 1938 г. к восьми часам утра. При себе имейте паспорт или удостоверение личности, справку с места работы с указанием о проведённом с Вами расчёте, с выплатой

двухнедельного пособия. Явиться необходимо подстриженным, вымытым в бане, в чистом белье с тёплой верхней одеждой и крепкой обувью, иметь ложку, кружку и по возможности чайник, пару чистого белья, полотенце, мыло, зубную щётку, порошок и бритву. Собственные вещи Вы имеете право бесплатной посылкой выслать домой. За неявку или опоздание будете привлечены к ответственности. Куйбышевский райвоенком».

Все мы, призывная молодёжь Барабинска, через военно-учётный стол были приписаны к Куйбышевскому райвоенкомату. Куйбышевым был назван старинный, в прошлом ярмарочный городок Каинск, находившийся в двенадцати километрах от Барабинска. Когда-то Каинск слыл центром торговли в барабинских степях. Торговали здесь скотом, маслом, лошадьми. Частыми посетителями каинских базаров были шумные ватаги цыган. Знали мы и другое: недалеко от Каинска проходил Великий Сибирский тракт, дорога слёз и страданий тысяч революционеров-арестантов, гонимых царизмом на каторгу.

Но судьба обошла Каинск. При постройке Великого Сибирского железнодорожного пути он оказался в стороне от него. Позже базары и народные промыслы, хорошо развитые в городке, вызвали необходимость проложить туда от Барабинска железнодорожную ветку. Дважды в день: утром и вечером со станции Барабинск отправлялась и возвращалась «передача», состоявшая из четырёх стареньких пассажирских вагонов. Этот «состав», гремя обшивкой и неимоверно пыхтя, неспешно тянула ещё более ветхая «овечка» — паровоз серии «О^{в}». Он, да и бригада тоже, были закреплены за «передачей» постоянно. Я отлично помню, как из окна паровозной будки всегда очень важно выглядывало лицо старика-машиниста, совершенно лысого, с обвислыми, запорожского типа усами, пожелтевшими от непрерывного курения трубки. Трубка тоже была старая, с трещинами и старым медным ободком.

Ребят из Барабинска мало интересовала жизнь в Каинске, но бывали мы там очень часто. Дело в том, что в городке

протекала набольшая, но довольно чистая река Омка, была там и прекрасная, тенистая берёзовая роща. Летом в погожие тёплые деньки мы, хлопцы, собирались ватагами и ехали на Омку.

Здесь была благодать. От маленькой станции, где стояла одинокая будка дежурного, мы рощей шли к реке. Что за чудо — в жаркий день окунуться в прохладные воды! Там мы проводили время до вечера, учились плавать, нырять. Признаком особой смелости считалось умение переплыть на другой берег Омки по дну, сопровождавшееся немалым риском: в середине река резко углублялась, там, в темноте, было холодно и страшно, да и засорено дно было порядочно.

Наступило 2 октября. На утреннюю «передачу» явилась вся наша шумная компания, к девяти часам утра мы стояли у дверей райвоенкомата. Многие были острижены, но кое-кто ещё не снял свою шевелюру. Чайников ни у кого я не увидел. Но сумки, мешки, чемоданчики были у всех, и в них позвякивали и кружки, и ложки. День стоял тёплый, всех нас разместили во дворе. Военкомат приступил к работе. В одной из комнат действовали парикмахер и медсестра. Прощайте, золотые кудри, прощайте, непокорные чёрные чубы! Машинка парикмахера была неумолима. Вызывали по списку, и парикмахер делал своё дело. Снимал он растительность везде, после этого медсестра энергично мазала под мышками и в паху какой-то вонючей жидкостью и громко кричала: «Следующий!»

Оперативно трудилась и медицинская комиссия. Последняя процедура — призывная комиссия. Перед ней лежала кипа личных дел. Очередному призывнику задавали несколько вопросов. Во дворе мы не узнавали друг друга. Стоял несмолкаемый смех. «Да это же Васька Семёнов! Бедняга, что они с тобой сделали!» Семёнов смущённо улыбался. Он — поездной вагонный мастер по кличке «Баран», был обладателем огромной шевелюры. Парни иногда смеялись: «Баран, подари шевелюру, видишь, без валенок хожу». И вот теперь он — с начисто остриженной

головой, казавшейся неимоверно маленькой. Хлопцы острили: «Ты, Баран, подобрал хотя бы шерсть, за неё на базаре деньги дадут!»

Но потеха вскоре окончилась. Военком приказал разбиться на взводы по тридцать человек и заняться строевой подготовкой. Нельзя было без улыбки смотреть на этот строй: кто в ботинках, кто в сапогах, одни в телогрейках, другие в пальто. Но требования к строю были невысокие, военком просто решил покончить с бездельем. Пока требовалось ходить всем в ногу и соблюдать расписание. Рядом со мной сосредоточенно вышагивал Пётр Кутраков. Он был старше меня, с пятнадцатого года, окончил железнодорожный техникум и был мастером вагонно-ремонтного пункта. Это — ответственная работа. Колёсные пары вагонов требуют тщательной обработки. Чистота шеек должна быть безупречной, иначе загорится букса и возможна авария. Ещё более ответственной операцией является перетяжка бандажей. Расчёт натяга должен быть абсолютно точным, иначе бандаж может лопнуть при движении. Возможно, всё это наложило отпечаток на характер Петра. Он всегда был серьёзен и задумчив. Это не мешало нам над ним подшучивать, а он отмалчивался.

Шеренгой позади шагал Дзоциев. Пылкий осетин обладал удивительно мягким характером. Тотредца Ариспахановича, так величали его на работе, все любили. А в первой шеренге правофланговым топал Саша Бочаров, старший осмотрщик вагонов пассажирского парка. Саша был гордостью нашей комсомольской ячейки. Отличный организатор, всегда энергичный и собранный, он руководил лучшей комсомольской сменой парка. Его портрет красовался на доске стахановцев. Сашина бригада первая решилась проводить замену неисправных колёсных пар пассажирских вагонов без отцепки от поезда и справлялась с этим делом отлично.

Во взводе на левом фланге оказался призывник не из «наших» железнодорожников. Он был одет в модное светлое пальто и элегантную шляпу. Нам показался хилым

слабаком, этаким хлюпиком. Парни единодушно окрестили его кличкой «шляпа» и, обращаясь к нему, так и говорили: «Эй, шляпа!» Однако наш скептицизм оказался непрочным. Во время одного из перекуров «шляпа» разделся, пошёл к турнику и на глазах оторопевших насмешников крутанул «солнце». Все затихли, смешки по поводу шляпы прекратились. Позднее я близко познакомился с ним, Мишей Игнатовым, мы стали друзьями.

Накормили нас в нарпитовской столовой и оттуда строем — марш на стацию. На путях стояли пять двухосных товарных вагонов. Работники военкомата рассадили нас по тридцать человек в вагон, и хорошо знакомая «овечка», пыхтя и тужась, потянула наш поезд в Барабинск. Вечером мы стояли в одном из тупиков. Командир выстроил нас, предупредил о точности сбора и сказал: «Завтра в десять утра быть всем здесь, — и, улыбнувшись, добавил, — рекомендую перед дорогой плотно пообедать». Призывники тотчас разлетелись.

Хочется коротко остановиться на отношении молодёжи к призыву в армию. На пороге сороковых годов наша Красная Армия, окружённая всенародной любовью, изменилась коренным образом. Появилась новая артиллерия, танки, получила бурное развитие авиация, и гражданская, и военная, креп военно-морской флот. По призыву комсомола молодые люди с большим воодушевлением учились и становились танкистами, лётчиками, моряками.

Важную работу вёл Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству, массовая общественная организация, действовавшая в СССР в 1927—1948 гг. — *Ред.*). Большинство парней имели значки БГТО и ПВХО («Будь готов к труде и обороне» и «Противовоздушная и химическая оборона». — *Ред.*). Организацию Осоавиахима на нашем узле возглавлял комсомолец Ваня Дворниченко. Симпатичный, кудрявый парень, он был подлинным энтузиастом этого дела. Его стараниями был проведён сбор средств на строительство самолёта «Красный барабинец». Этот учебно-тренировочный самолёт вскоре

побывал в гостях в городе, и многие имели возможность подняться на нём в небо. Стараниями Вани была построена парашютная вышка, и мы на досуге с удовольствием прыгали с неё.

Одним словом, оборонная работа на узле кипела. Комсомольская организация вагонного участка устроила свой тир. Всячески поощряли пробеги на лыжах, походы в противогазах. Многие ребята имели значок «Ворошиловский стрелок» первой ступени. Пытались сдавать нормы на вторую ступень, но они были гораздо труднее, и это сделать удавалось не всем. Немало способствовало военно-патриотическому воспитанию молодёжи и появление таких кинокартин, как «Чапаев», «Танкисты», «Трактористы» и боевых, задорных песен.

На стройных, подтянутых военных, иногда заглядывавших в Барабинск «на побывку», молодёжь смотрела с завистью. Вспоминали Гришу Шишова. Мы с ним вместе учились, а потом слесарили. Он был с шестнадцатого года, и его призвали на год раньше. Служил он недалеко, в Новосибирске, в авиации. Как-то раз на денёк заглянул к нам. Мы ахнули: в ладно пригнанном обмундировании, с авиационной эмблемой на голубых петлицах он выглядел молодцом. Гриша сразу заметил наше восхищение и лукаво посмеивался, говоря: «Всякому овощу своё время, и вы скоро наденете форму».

Надо сказать, что узловой партком, комитет ВЛКСМ и его секретарь Саша Алсифьев проводы призывников организовали основательно. Ещё до вручения повесток с допризывниками в рабочем клубе было проведено торжественное собрание. Выступавшие старые рабочие, ветераны гражданской войны, коммунисты давали свой наказ. Каждому допризывнику вручили подарок, чаще всего это была безопасная бритва, как раз то, что надо бойцу. Прошёл концерт, танцы. В общем, если чего мы и хотели, так это чтобы быстрее попасть в армию, в ряды защитников Родины. Призыв восприняли с воодушевлением, все требования военкомата выполняли охотно.

3 октября в десять часов утра вся братва аккуратно собралась у своих теплушек. Звучали шутки, смех. Пришло немало провожатых, парни, девчата. Проводы были недолгими, наши теплушки подцепили к транзитному товарняку, гудок паровоза, последние прощальные возгласы, улыбки. Мелькнул вокзал, выходной семафор, город остался позади. Было немного грустно. Тогда мы не знали, что попрощаемся с родными местами надолго, а многие и навсегда...

Не все мои друзья, что сейчас сидели на вагонных полках и дружно пели песню

В путь-дорогу дальнюю
Я тебя отправлю...

родились в Барабинске. Время было такое, когда люди снимались с насиженных мест и отправлялись в дорогу. Страна жила деятельной жизнью, строился Магнитогорск, Челябинский тракторный завод, создавались колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции. Дома не сиделось, особенно молодёжи.

Но теперь всё это было позади. Стало немного грустно, наверное, это прощальное настроение, настроение разлуки с родными, друзьями одолело всех. Тихо перебрасываясь короткими фразами, призывники вскоре забрались на жёсткие полки и улеглись спать.

Рано утром нас разбудил голос Васьки Векшина: «Вставайте, столицу проспите!» Поднялись помятые, с заспанными глазами, с красными пятнами на лицах от шапок и кепок, положенных под голову. Действительно, наш товарняк подходил к Новосибирску. Миновали Кривощёково, дымящие трубы ТЭЦ, мост через Обь. Ещё час-полтора, и наши вагоны стояли на воинских путях.

Новосибирское военное руководство действовало споро. День был заполнен до отказа. Нас накормили в большой светлой столовой, помыли в бане, выдали наматрасники и скомандовали набить их заранее заготовленным свежим душистым сеном. Часов в пять вечера подогнали полностью

сформированный воинский эшелон, появились новые командиры. Нас снова разбили по вагонам: тридцать два призывника в один двухосный. Назначили старших. После этого состоялся митинг. Начальник эшелона, майор, напомнил о мерах предосторожности в пути, о сигналах, призвал к бдительности и порядку. Выступили представители от призывников. После этого я, как все старшие по вагонам, получил два ведра, котелки, ложки. В ведра положили ужин, поели.

Прозвучал сигнал «По вагонам!» Быстро разместились в нашем под двадцать седьмым номером, разложили матрацы, осмотрелись. Вагон был чист, полки ровные, имеется фонарь, чугунная печь и стремянка. Васька Векшин гоготал:

— Поняли, голубчики?

— Чего поняли? — спрашивали ребята.

— А то, что не в Барнаул нас повезут. Митинг провели, матрацы дали, вёдра. Ясно, что дело пахнет Дальним Востоком.

Из расспросов узнали, что в нашем эшелоне оказалась молодёжь из Ишима, Тюмени. Новосибирцев не было. На закате эшелон тронулся, вагон заскрежетал на стрелках и мерно застучал на стыках. Начался наш явно неблизкий путь, но места назначения мы не знали. Утром уже выезжали со станции Тайга. Кругом стоял прекрасный сосновый лес, покрытый первым снегом. Всё блестело и искрилось в лучах утреннего солнца.

В Новосибирске в вагон доставили двух человек. Одним из них был Володя Зоточкин из Ишима. Парнем он оказался добродушным, общительным, имел неплохой голос. «А ну, ребята, грянем!» — и первый запел:

Дан приказ ему на Запад,
Ей в другою сторону.

Мы подхватили:

Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Эти слова, как никогда, подходили к нашему настроению, и эту песню мы пели до хрипоты.

Потянулись дни. В мои обязанности, как старшего по вагону, входило назначать дневальных, следить за порядком. На крупных станциях дневальные по сигналу бежали с вёдрами к вагону-кухне и получали пищу. После еды мыли ложки и котелки, снова пели песни или слушали бесконечные рассказы друг друга. Кто захватил книжки, читал. А больше сидели у открытых дверей вагона и смотрели, смотрели на пробегавший мимо нас пейзаж. Мы все на школьной скамье читали о громадных размерах нашей страны, о морях и озёрах, о протяжённости государственных границ. Но только теперь её ширь и простор, необъятность предстали перед нами особенно зримо.

Мы ждали Байкала, и не только потому, что хотелось посмотреть это удивительное творение природы. Дело в том, что наши товарищи с узла, призванные годом раньше, все оказались в железнодорожных частях и служили в Забайкалье. Забегая вперёд, скажу, что на станциях Сковородино и Слюдянка мы действительно встретились с некоторыми из них. Добротно обмундированные, они осмотрели наш состав, провели мелкий ремонт. Разговорились. Да, подтвердили они, служим здесь. Питание отличное, в свободное от работы время учёба: политзанятия, изучение материальной части и оружия, строевые, стрельба. Служба идёт хорошо, только мешают сильные морозы с ветром, но зимой выдают полушубки и валенки.

А нас отправили дальше. С Байкалом нам повезло. Иркутск проследовали рано утром, посмотрели на Ангару и до вечера ехали по самой кромке озера. Все мы не отходили от дверей вагона. Красота, нами доселе невиданная, очаровывала. Ровная водная гладь, простирающаяся до горизонта, каёмка синеющих гор, кое-где с седыми от снега вершинами. Всё это выглядело сказочно. На коротких остановках мчались к берегу отведать байкальской водицы. Холодная, ломит зубы! Длинный гудок паровоза загоняет нас обратно в вагоны, опять в путь. Мерно постукивают

колёса. Паровоз с весёлым свистком нырял в очередной тоннель и, весело пыхтя, выныривал на берег под лучами золотистого солнца.

Ночью проехали Улан-Удэ. «Ну, что я вам говорил, — смеялся Векшин. — Готовьтесь, голубчики, к встрече с Дальним Востоком!»

Проехали Спасск, легендарную Волочаевку. В Имане видели двух пограничников, охранявших около вагона какого-то обросшего типа в телогрейке. Ребята шептались: «Шпиона поймали на границе. Эх, попасть бы нам в пограничники!»

18 октября эшелон остановился на станции Вторая Речка близ Владивостока. Нас построили и повели в сопки. Обитателям сибирских равнин они казались диковинкой. Шли недолго. В красивой лощинке, окаймлённой двумя рядами сопок и разрезанной большим шумным ручьём, разбили лагерь. Под руководством командиров установили палатки, в них в два ряда и два этажа нары. Эшелон разбили на команды по восемьдесят-сто человек, из расчёта одна на палатку. Начались хозяйственные хлопоты. Большую радость доставила баня: в дороге мы изрядно закоптились. А тут — обилие горячей воды, мыла, а главное — чистое бельё и новое обмундирование: брюки, гимнастерка, шинель, ремень, пилотка, ботинки с обмотками. Смех и шутки: снова не узнаём друг друга. Шинели висят мешком, обмотки никто мотать не умеет. День потратили на подгонку обмундирования. Пришили белые подворотнички и чёрные петлицы, эмблем пока не дали. Опять загадка — кто мы? Сапёры, танкисты, артиллеристы? «Ясно, — орал Векшин, — в авиацию не попали, да и в пограничники таких не берут!»

На другой день начались занятия. Час строевой подготовки, час устава, а больше всего — политзанятия. В это время в «Правде» печатался «Краткий курс истории ВКП(б)». Выпуск этой книги предваряло решение ЦК партии об улучшении идеологической работы. Об этом много сообщали в печати, и вот теперь и мы начали знакомиться с этой

книгой. Командиров было мало, поэтому чтецов назначили из комсомольцев-активистов.

Интерес к истории партии был огромный, большинство молодых бойцов слушали её впервые, задавали много вопросов. Часто возникали споры. Помню, уже поздно вечером, после отбоя, в темноте (в палатке не было света) мы долго разговаривали. Возникла уйма вопросов. У нас на узле была организована учёба актива, где знакомили с трудами Ленина и Сталина. В вечерней школе тоже изучали историю ВКП(б) по учебникам Кнорина. Мне казалось, что я осведомлён порядочно, старался дать ответы на вопросы. Не знаю, насколько они были толковы, помню только, что в большинстве задававшие их были удовлетворены.

В нашей команде эти чтения вели я и Адам Павлюченко. Он — белорус, блондин с крупной головой и большим выразительным носом, ясными голубыми глазами, призван из Егорьевска Новосибирской области. Познакомился с ним за выпуском стенной газеты. Особенно комичным показался мне его выговор — «древо», «веровка». Но его добродушие покоряло, мы стали друзьями. Тут же я познакомился с Иваном Кузьминым. Он был старше нас на два года, член партии. Видимо, его опыт давал ему право руководить общественными делами. Его я часто видел с начальником эшелона.

Погода здесь, в Приморье, оказалась великолепной. Правда, ночами было прохладно, но дни стояли чудные, небо ясное, без облачка, солнце сияло со всей щедростью. Всё это создавало радостное, приподнятое настроение. После обеда было свободное время, все занимались своими делами: кто чистил пуговицы, кто подшивал подворотничок, кто читал. Активисты выпускали стенгазеты. Но у всех на языке вертелся один вопрос: где же мы будем служить? Хоть Владивосток и на краю света, но и от него немало дорог: бескрайний Север, Сахалин, Камчатка. А может, на границе с Кореей?

Я до сих пор восхищаюсь командирами, которые нас сопровождали. Мы уже около двух месяцев вместе, но никто

из нас не знает, где же цель нашего путешествия! Наконец рано утром 6 ноября нам протрубили сбор. Позавтракали и в пешем строю отправились во Владивосток, там — в порт. Нас сопровождала прекрасная погода. Город картинно раскинулся по горам. Порт встретил обитателей сухопутья величественной панорамой. На всём протяжении берегов у причалов стояли суда, воздухе наполнял несмолкаемый гул. Краны, выдергивая из трюмов пакеты грузов, укладывали их на причалы. Другие, наоборот, по команде поднимали грузы в воздух и ловко опускали их в трюмы. Чего только тут не было!

Рейд тоже был оживлён, по нему туда-сюда сновали буксиры. Вот раздался басовитый трубный гудок, и громада парохода, оторвавшись от причала, медленно разворачивалась. Трудяга-буксир, отчаянно постукивая дизелем, вытаскивает его на рейд. За кормой парохода забурлила вода, раздался протяжный гудок и... доброй дороги, моряки!

У одного причала стоял довольно большой пароход, старый, наверное, давно не бывавший в ремонте. Его борта здорово облупились, приобрели какой-то жёлто-розовый цвет. Прочли название — «Кола». В рядах зашептались: «Это наш, на нём и поплывём». Действительно, вскоре началась погрузка. Мы быстро поднимались по шаткому трапу на палубу, там каждая команда получала указание, где размещаться. («Кола» принадлежала Дальневосточному государственному морскому пароходству. Её судьба оказалась трагична: 17 февраля 1943 г. судно потопила торпеда, выпущенная с американской подводной лодки SS-276 «Софиш». Это случилось в Тихом океане восточнее острова Кюсю. — *Ред.*)

Здесь, на месте, размеры судна казались громадными, трюмы — бездонными. Каждый из пяти трюмов имел три этажа, в нашем по всему периметру были устроены в три-пять ярусов грубые деревянные нары, закреплённые крючьями за шпангоуты. Наша команда заняла третий ярус нар в самой нижней части носового трюма. Разместившись, мы довольно робко осмотрелись. «Да, ну и посудина, —

произнёс мой сосед. — И сколько же в неё войдёт?» «Тысяч пять свободно», — ответил другой.

Заняв место на нарах и запомнив его, я поднялся на палубу. Посадка шла организованно и быстро завершилась. Трапы подняли. Вид города и порта в лучах заходящего солнца был великолепен. Разбежавшиеся по сопкам улицы и дома казались выстроенными в несколько ярусов, блестели на солнце многочисленными окнами. Город и порт жили удивительно деятельно, везде было оживлённо.

Осмотрел палубу. Наш рейс был тщательно подготовлен. В одном из трюмов запасено большое количество продовольствия, в том числе свежей картошки. На палубе по левому борту крепко принайтовлены походные кухни, над ними вился дымок, аппетитно пахло. По правому борту, намертво закреплённый на балках, стоял выдвинутый за борт гальюн. Заглянул. Через дырку было видно, как о борт плескалась мелкая волна.

Темнело. Всем приказали уйти на свои места. В трюме стоял негромкий гомон: обсуждались события сегодняшнего дня, делились впечатлениями. Громче всех снова орал Векшин: «Попались, голубчики, хотели около маменьки служить! Не выйдет! А Чукотки не хотите?» Раздался смех. «Не пугай, — отвечали, — на краю света интереснее».

Принесли ужин в вёдрах: каша с мясом, чай, хлеб. Ужинали с аппетитом. Повеселели. Векшин не унимался: «Налейте стаканчики. Поздравляю с наступающим!» (Речь идёт о предстоящем 7 ноября — годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, главном государственном празднике в СССР. — *Ред.*). Появился Ваня Кузьмин, собрал несколько человек из актива и горячо заговорил: «Ребята, завтра утром проведём торжественное собрание. Пусть будет как дома». Я с энтузиазмом согласился. Хлопотливый день подходил к концу. Хотелось отдохнуть. Вскоре трюм затих...

Утро оказалось необычным. Слышались удары волн за бортом, в клюзах скрипели якорные цепи. Нос сильно поднимался, затем резко проваливался вниз. Кто попытался

подняться, чувствовал головокружение и приступы тошноты, снова ложился. Сообразили — вот она, морская болезнь.

Ваня Кузьмин не показывался. О проведении торжественного собрания мы деликатно умолчали. Преодолев неприятное ощущение, по трём вертикальным трапам поднимаюсь на палубу. Она пустынна, только изредка появляются одинокие фигуры красноармейцев. Свежо, дует порывистый ветерок. Небо закрыто тёмными тучами. Море угрюмо и пустынно, безостановочным потоком набегают волны. Присаживаюсь на кнехт, осматриваюсь. Становится немного легче.

Движимый любопытством, поднимаюсь на нос, всматриваюсь в бурлящие буруны, разбиваемые форштевнем. Замечаю, как стадо крупных касаток, стремительно разрезая воду, то обгоняет пароход, то возвращается к корме. Ясно, ждут поживы. Проносятся одинокие чайки. Видно, мы ещё недалеко от берега, хотя его не видно. Заметил воробья — вездесущая птица. Во время стоянки освоилась на палубе, где было обилие корма, да так и осталась, вернее, проспала выход в море где-то в щелях палубных надстроек. Воробей взлетал, делал круг у мачты и снова садился. «Будет переселенцем», — подумал я.

Озябнув, спустился в трюм. Вскоре принесли завтрак. Есть никто не хотел, так и осталась каша почти нетронутой. Было тоскливо. Моряки, появлявшиеся в трюме по своим делам, бодро советовали: «Не канючьте, больше двигайтесь, больше кушайте, чаще надо быть на свежем воздухе — будет легче».

Мы с соседом по нарам Маковеевым, крепким, добродушным парнем, наверху освоили место около дымовой трубы. Садились, плотно прижимались друг к другу, спину подогревало. Здесь качало меньше, и неприятное состояние исчезало. Тут мы и сидели с утра до вечера, пристально вглядываясь в морскую даль. Чайки пропали, не видно и касаток. На третий день нам повезло: вдалеке показался какая-то чёрная масса. Не спускаем глаз с неё, вот и отчётливо видно — сверху поднялся фонтан. Кит! Мы ещё дол-

го провожали взглядами его, плывшего на почтительном расстоянии. Все, кто находился на палубе, принялись обмениваться мнениями. В памяти вставали фантастические картины из сказок и прочитанных книг. Мы были довольны. К месту сказать, позднее мне пришлось несколько раз пересекать море, но никто по пути больше не попадался.

10 ноября качка заметно усилилась. Поднявшись на палубу, мы с Маковеевым обратили внимание на то, что тучи низко спустились над водой. Казалось, что волны касались их своими рваными краями. Заволновалось сильнее, ветер усилился. Матросы озабоченно ходили по палубе, проверяя крепления грузов. «Наверное, тряхнёт», — сказал один из них. Заметив наши посерьёзневшие лица, пояснил, что Охотское море редко пропускает без шторма, особенно осенью и зимой.

К вечеру ветер ещё усилился. Наступившая ночь стала настоящим кошмаром. Волны бешено били в борт, качка была ужасающая. Наш носовой трюм бросало то вверх, то вниз, при этом якорные цепи с оглушающим грохотом бились в ящике, сотрясая борта. Трюм наполнялся треском и шумом. Корпус парохода дрожал. Кажется, ещё немного, и он развалится на куски и пойдёт ко дну. Было жутко. Эту ночь никто не спал. Удержаться на нарах было невозможно. Нас спасали ремни и обмотки: ими бойцы привязывались к доскам и крючьям. Это не позволяло упасть, но тело билось и ёрзало по нарам. Приходила мысль, а надёжно ли укреплены наши пятиэтажные нары? Но они оказались сделаны добротно.

Рано утром на следующий день мы с другом всё же решились подняться на палубу — тянуло увидеть шторм своими глазами. Медленно, используя моменты, когда пароход замирал перед очередным падением, поднялись. Выйти на палубу не решились. Было понятно, что это опасно. Крепко уцепившись за поручни люка, мы по пояс вылезли наружу. Какая-то серая мгла окружала пароход, ветер яростно свистел, огромные валы, покрытые седой клокочущей пеной, обрушивались на судно, захлёстывая палубу. Качка

была огромной. Мачта так низко клонилась, что огонёк на клотике, казалось, касался воды. Стоял какой-то невообразимый вой и гул, и в этой дикой какофонии одиноко, как скорлупка, металась наша «Кола».

Немного позднее бортовая качка уменьшилась. На вопрос, где мы находимся, какой-то моряк ответил: «А мы и не идём. Батя положил пароход в дрейф». И пояснил: качка стала опасной, капитан развернул судно носом навстречу волне, машина работает малым ходом. Оказывается, мы уже и не плыли, а дрейфовали, пережидая шторм.

Четверо с половиной суток бесилось и свирепствовало Охотское море. Бойцы изнемогли. Горячей пищи не было, кое-как питались консервами и галетами. Запас печёного хлеба подошёл к концу, а то, что хранилось в верхнем отсеке одного из трюмов, оказалось подмоченным и раскисло. Вот тут-то мы и поняли назначение большой, ведёр на сорок, дубовой кадки, стоявшей на дне трюма и закреплённой оттяжками. За время шторма трюм был загажен рвотными массами до основания, а кадка оказалась полной.

Помню, в один из этих штормовых дней я решил разуться и дать отдых ногам. Снял ботинки, связал кожаные шнурки и повесил их на крюк. Вытянулся. Слышу — какой-то шорох. Оглянулся — а ботинок-то и нет. Шнурки развязались, и мои скороходы по свободному пространству между шпангоутами соскользнули вниз, на дно трюма. Делать нечего, надо искать. В полумраке слез и под нарами пополз к борту. Руки и ноги вязли в чём-то скользком, пахло кислятиной. Ботинки нашёл, но тут же познакомился с большой кадкой.

Наконец, на пятые сутки, шторм затих, качка прекратилась. Машина заработала полным ходом, судно легло на курс. Бойцы, измотанные штормом, ослабевшие, спали, не поднимаясь. Один Васька Векшин — сущий бес — орал: «Ах, вояки, а ещё в кругосветное собирались. Слабаки!» На этого чёрта, как его называли товарищи, и стихия не действовала. Он без конца балагурил, ел за двоих. «Давай, давай, — кричит, — а то у меня аппетит отменят». Крас-

ноармейцы интересуются: «Куда в тебя лезет?» А тот гогочет: «А я в повара готовлюсь, вот и снимаю пробу!»

Днём позднее, когда на море установился полнейший штиль, приведя себя в порядок, решаюсь осмотреть пароход. Спустился в машинное отделение, подивился размерам паровых котлов, величине гребного вала. Всё это осматривал осторожно, чтобы не прогнали.

Через сутки, ночью, малым ходом, с потушенными огнями, прошли пролив Лаперуза и вышли в Тихий океан...

КОКМ ОФ 33369/39. Рукопись

Вот и Камчатка

Утром 17 ноября море успокоилось. На небе ни облачка, сияет солнце. Тем, кто смог в это утро подняться на палубу, открылась величественная картина. Кругом без конца и края лежала, словно вылитая из стекла, ровная и спокойная ширь океана. Слева по борту синела густым ультрамарином бескрайняя гряда невысоких гор. На мой вопрос, что это, моряки ответили: «Ты что, не знаешь? Камчатка!»

Утром 18 ноября прошли мимо Трёх Братьев — это три скалы, торчащие из океана, как зубы исполинской акулы. Скоро и они остались позади. Перед взором открылся вид знаменитой Авачинской губы. Многие бойцы уже оправились от морской болезни и, услышав разговоры о Камчатке, начали подниматься на палубу. Многие из нас ещё в школьные годы читали о полуострове и Авачинской губе, знали об её огромных размерах, но всё равно величина этого созданного природой убежища для кораблей поражали.

Слева в лёгком утреннем тумане угадывалась узкая полоска входа в бухту Тарья. Но скоро внимание всех было приковано другим зрелищем. Все стояли как завороженные. Справа по курсу открылась величественная картина. Как огромные пирамиды, два огромных конуса, обращённые острием к небу, сияли под снежными шапками Корякская и Авачинская сопки. Над конусом Авачи, словно перевёрнутая вверх дном тарелка, белела шапка и позади —

одинокое облако, отставшее от своих собратьев, успевших уйти в укрытие, зацепилось за вершину, да так и осталось стоять неподвижно.

А моряки, улыбаясь, смотрели на наши удивлённые лица, им-то это зрелище было уже привычно. Некоторые, более общительные, поясняли потрясённым бойцам: «Это, справа, Авача, действующий вулкан. Своей шапки он не снимает ни зимой, ни летом». Некоторые ребята спрашивали: «Да где здесь жить-то, тут одни горы?» «Места всем хватит, скоро сами увидите», — смеялись бывалые матросы. На палубе царило оживление, команда готовилась к швартовке. Но пирс оказался занят, и «Кола», послушная воле капитана, встала на якорь.

Новые и новые группы бойцов поднимались на палубу, с интересом осматриваясь вокруг. Так вот она какая, Камчатка! Всем стало ясно — служить будем здесь. Камчатка встретила нас приветливо. На небе ни облачка, кругом, куда ни глянь, простиралась гладь губы. Прямо по носу — Никольская сопка, порт, а дальше по пологим склонам сопок раскинулся Петропавловск.

Началась выгрузка. Вид у бойцов был, прямо скажем, затрапезный. Шинели помяты, да и запачканы, на лице не просто щетина, а настоящие бороды и усы. Лица осунулись и побледнели. Вот рядом два друга — Векшин, о нём уже упоминалось, и Балашов. Он тоже помощник машиниста, серьёзный, молчаливый парень, в депо считался в числе лучших. Векшин ухарь, Векшин держится молодцом, а Балашов тяжело перенёс плавание и особенно шторм. Глаза ввалились, ослаб. Пришлось Векшину брать своего друга под руки и осторожно сводить на берег. Но молодость есть молодость. На стоянке при отличной погоде морская болезнь улетучилась. Послышались смех, шутки. Подтрунивая друг над другом, оправляли обмундирование. Кто-то из бойцов просил командира: «Давайте выгружаться ночью, а то посмешище — в таком виде идти по городу, девчата увидят, засмеют». «Ничего, — ответил командир, — здешние люди прекрасно понимают, что такое море».

В Петропавловске командиры знали, что делать. По прибытии в город всё шло без задержки. Первое — баня, одновременно стрижка и бритьё. После обед. Роскошный: полная миска ароматного, горячего, со свежей капустой борща, на второе — гречневая каша с мясом, компот и хлеб, чёрный, свежий, пахучий. Ребята ели и млели от удовольствия. «В чём дело, — удивляются, — никогда такого вкусного хлеба не ели». Довольно улыбающийся ходит старшина, заведующий столовой. «Ешьте, ешьте досыта. Давно вас ждём, задержались вы в море». А вот и вечер. В казарме хоть и тесно, но не качает, не бьёт о нары. Постелей не было, но спали ещё как!

Утром — сытный завтрак. Около казармы собрались старослужащие красноармейцы. Они уже демобилизованы, ждут парохода на материк. Крепкие, румяные, подтянутые. Весело смеются. Наши спрашивают:

— Ну, как служба здесь?

— Во! — отвечают и выразительно показывают оттопыренный кверху большой палец.

Разъяснения не требуется.

Вскоре после обеда нас, большую группу призванных из Барабинска, Ишима и Новосибирской области, выстроили. Перед строем стоял незнакомый командир, сухощавый, в низко посаженном шлеме из тёмного сукна. Отрекомендовался: «Капитан Ванша». Затем сказал: «Наша задача — в пешем строю пройти в часть, где вы будете служить. Это недалеко. Я — в голове колонны. Направо, шагом марш!»

Погода отличная, сухо, тепло. Но, видно, море здорово вымотало наши силёнки. Быстро появилась усталость. А Ванша, не спеша, шёл и шёл. Появились отстающие, а колонна всё идёт и идёт. Слева — склон, ведущий к губе, справа — невысокие сопки. Красиво. А ноги не слушаются. В городок пришли затемно. Кто-то пытался построить нас на ужин, но красноармейцы, разместившиеся вповалку в казарме, уже засыпали. Утром подъём. Команда крепких во главе с Векшиным отправилась собирать отставших.

Тех оказалось около ста человек, они разожгли костёр и заночевали, благо, ночь была тёплой.

Осматриваемся. Наш городок, расположенный в берёзовом лесу, называется «23-й километр» — это расстояние от Петропавловска. Городок небольшой, три деревянных одноэтажных казармы, столовая. Штаб в землянке. Вот и всё. Командиров мало. Нас разбивают на подразделения, попадаю в первую батарею первого дивизиона. Вместе со взводом управления занимаем один конец казармы. Здесь двухэтажные нары из добротных строганых досок.

Первые дни были отданы на дела сугубо бытовые. Мы получили постельное бельё, набили матрацы и подушки, изготовили надкроватные таблички, стирали портянки, стирали и гладили гимнастёрки, пришивали петлицы, чистили пуговицы, подгоняли обувь. В это время нашими безраздельными хозяевами в части были младший лейтенант Анищенко, начальник обозно-вещевой службы, и младший лейтенант, начальник продовольственно-фуражной службы. О них хочется сказать несколько слов. Оба вышли из сверхсрочников, затем окончили краткие курсы, отлично знали войсковое хозяйство и своё дело вели толково.

Вскоре начали прибывать младшие командиры. Нашу батарею принял старшина Денисенко, отделение — командир отделения Шептин. Это были дотошные служаки. В ладно пригнанном обмундировании, в начищенных до зеркального блеска сапогах, стройные, они резко выделялись среди нас. Ещё и ещё раз проверяли они подгонку обмундирования и особенно обуви у каждого красноармейца.

Появился строгий распорядок. Через неделю наш внешний облик здорово изменился. Видно, настала пора, и вскоре полк построили на плацу. Вышел командир капитан Остапенко. Он зорким глазом оглядел нас. Сопровождающий бросил: «Ничего, хорошие молодцы, добрые будут артиллеристы». Вот только тут-то и узнали, что теперь мы — артиллеристы.

Внешний вид Остапенко нас несколько удивил: он был в чёрном овчинном полушубке, шапке и валенках. Окон-

чив осмотр, командир поздравил нас с прибытием и снова сказал: «Будете артиллеристами. Нам нужны артиллеристы. Будете служить в 279-м легко-артиллерийском полку». Позднее, когда мы разговорились со старшиной, он пояснил, что Остапенко — временный командир, он скоро уезжает. Действительно, тот скоро убыл к новому месту службы. Командиром полка стал капитан Сажин, но его мы почти не видели. Он не выходил из своего кабинета в штабе. Мы узнали, что он готовится в академию. Немного позднее Сажин уехал, и командовать полком стал майор Брюханов. Но об этом позднее.

Политсостава в полку не было. Политработу организовал капитан Воронов, но он тоже готовился к отъезду. Мы приступили к занятиям. Содержание: распорядок дня, устав внутренней службы. Но больше всего работали: выгружали и складировали боеприпасы, продовольствие. Большая команда — почти вся первая батарея отправилась на заготовку дров.

Кто-то из старожилов сказал, что если не заготовим дров, то закоченеем под снегом. Таким образом, эта дело было важным. Руководил им младший лейтенант Владимир Пикалов. Рослый, могучего телосложения, с громовым голосом, он вызывал у нас уважение уже только этим. Построив команду, привёл её на расположенную недалеко, за шоссе, равнину. «Вот здесь и будем работать. Пил и топоров пока нет. Стаскивайте и складывайте в кучи сушняк». Вокруг нас в беспорядке валялись выкорчеванные деревья. Немало дивились мы, глядя на такое количество загубленного леса. Много позднее узнали, что где-то в тиши штабов на этой равнине было спланировано строительство военного аэродрома.

Взялись за работу. Всё тащили в одну кучу. Но было заметно, что работали не все одинаково. Балагур Векшин уже собрал своих друзей, те удобно уселись за стеной огромного, в квадратную сажень, корневища и травили анекдоты. Работали до вечера, утром опять. Заметив, что эта обезличка расхолаживает людей, я с разрешения обратился

к Пикалову и посоветовал разбить команду на бригады по десять человек, всем дать задание. Он с удовольствием согласился. К вечеру высились восемь таких куч, как одна вчерашняя. И самая большая — у бригады под руководством Векшина.

Пикалов вечером подвёл итоги. Похвалил всех. Приказал мне выйти из строя и от лица службы объявил благодарность. Это было моё первое воинское поощрение, запомнившееся на всю жизнь.

Комиссар Новак

Расскажу о жизни и боевой учёбе 279-го артиллерийского полка, где я был избран отсекром (так сокращённо называлась моя должность — ответственный секретарь) бюро ВЛКСМ полка. Глубокое впечатление на меня произвёл комиссар полка Степан Яковлевич Новак. После выезда с Камчатки на Запад, на фронте он командовал артиллерийской бригадой.

Полк жил хозяйственными заботами. Но как-то вечером библиотекарь, а библиотека помещалась рядом с батареей, сказал нам: «Ребята, комиссар полка заходил сюда». «Какой же он?» — спрашиваем. «Братцы, видать, сердитый». На другой день мы только и мечтали увидеть комиссара. А вечером он сам пришёл в батарею. Приняв рапорт дежурного, оказался в окружении бойцов. Нам кажется, что мы его полюбили сразу же. Среднего роста, коренастый, широкоплечий, с крупным, волевым лицом, он сразу располагал к себе. Волосы у него чёрные и курчавые, глаза карие, проницательные. На тёмного цвета гимнастёрке нашиты чёрные бархатные петлицы танкиста, на ногах — краги.

Запросто начался разговор. «Вот, — сказал он, — был танкистом, приказали стать артиллеристом. Ну, а вы что поделываете?» Мы хором: «Изучаем устав, работаем, порядок наводим». Комиссар внимательно слушал, ласково усмехаясь. Заканчивая беседу, сказал: «Значит, порядок

наводите. Молодцы. Но порядок в полку не только в этом. Дел, хлопцы, много», — и, тепло попрощавшись, ушёл.

В эти дни появился командир батареи — капитан Третьяков. Он был уже в годах, сухощавый, со следами оспы на лице, всегда обязательно чисто выбритый. Приняв батарею, вернее, личный состав, он очень внимательно и подробно познакомился с бойцами и младшими командирами. Во всех его поступках и разговорах чувствовался большой жизненный опыт, знание людей и деловитость.

Вскоре мы начали понимать, о каком порядке намекнул красноармейцам комиссар Степан Яковлевич Новак. Буквально через несколько дней после его беседы старшина Денисенко доставил на батарею несколько добротных ящиков. В них оказались новенькие воронёные винтовки. Оружие вручал лично командир батареи. Вручал и приговаривал: «Держи крепко, надёжно и помни — винтовка любит ласку, чистку и смазку». Этот день у нас был занят чисткой оружия. Любовно и бережно под наблюдением командиров отделений мы разбирали винтовки, снимали с них заводскую смазку. При этом немало было говорено о метких стрелках и мастерах быстрой разборки и сборки винтовки, даже с завязанными глазами. Каждый боец получил своё место в пирамиде, приклеил таблички с номером оружия и фамилией его владельца.

Через неделю расчёты получили орудия. С волнением мы рассматривали их. Это были 76-мм горные пушки. Нам тут же рассказали, что они легко разбираются и укладываются во вьюки.

Всё менялось на глазах. Теперь мы занимались по восемь часов, изучали оружие, противогазы, проходили строевую подготовку, но больше всего проводили времени в артиллерийском парке. Там всё было сосредоточено на огневой подготовке. Расчёты начали отрабатывать на практике обязанности каждого номера.

Комиссар вместе с командирами батарей подобрали руководителей и начались регулярные, без срывов и переносов, политические занятия. Ими руководили и командиры

дивизионов и батарей, и наиболее подготовленные младшие командиры, и красноармейцы. Мы, молодые, коим выпала эта высокая честь, старались как можно лучше оправдать доверие. Инструктажи проводил сам комиссар. Началось изучению воинской присяги и подготовка к её принятию.

Закипела и комсомольская работа. Прошли батарейные собрания, избрали бюро ВЛКСМ. Везде присутствовали командиры и коммунисты. Партийное бюро полка к этому времени уже было избрано и заработало.

Комиссар, коммунисты ближе знакомились с активом. Не знаю, как Новак находил время, но с активистами он беседовал лично и помногу. Вскоре состоялось полковое комсомольское собрание. Выступал комиссар. Он сказал, что наша задача — в кратчайший срок превратить полк в надёжную боевую часть. Избрали бюро ВЛКСМ. В него вошли почти все знакомые мне парни: Павлюченко, Игнатовский, Доропейков, Грибовский, Кондратьев, Махайлишин, Николаев. Включили и меня. Ответственным секретарём (отсекром) избрали Ивана Кузьмина.

В конце декабря состоялись стрельбы из винтовок. Красноармейцы заметно волновались, всем хотелось отличиться. Но всё получилось хорошо: сказалось серьёзное, ответственно отношение. Все батареи дали хороший результат. Помню, я выбил двадцать восемь очков, десятку и две девятки. Безмерно довольный, бежал к своим друзьям. Оказывается, у них тоже были отличные результаты, а молчаливый, сдержанный Грибовский вообще отличился — выбил три десятки, и получил благодарность, но многозначительно помалкивал, лукаво блестя своими чёрными глазами.

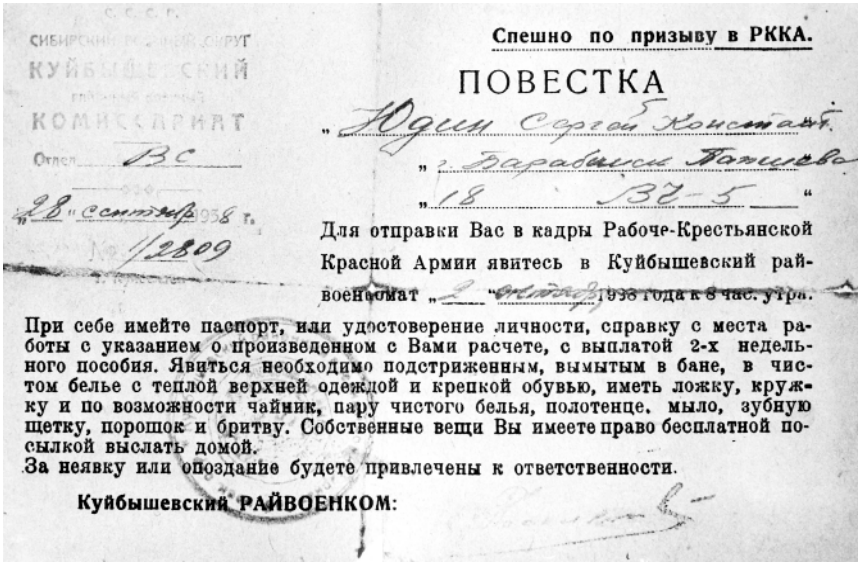
В конце ноября, вскочив по команде «Подъём!», мы сразу заметили, вернее, ощутили, какое-то непонятное колебание под ногами. Стёкла в окнах казармы жалобно дребезжали. Выскочив на улицу, замерли от изумления: над Авачинским вулканом стоял огромный, в несколько километров высотой, тёмный столб газов и пара. Его рассекали огненные полосы молнии. Раздавался почти несмолкаемый глу-

хой гул, словно ропот какого-то подземного чудища. Земля дрожала. С конуса Авачи вниз медленно текла раскалённая лава. Так мы стали очевидцами редчайшего по величественности и грозной красоте явления — извержения вулкана.

Извержение продолжалось много дней, но постепенно подземные силы стали затихать, и вскоре Авача приняла свой будничный вид: блистательный белый конус, а над ним — вечная песцовая шапка — белое облако. Разговоров об извержении было немало. Вспоминали, что когда-то читали про Везувий, Помпеи, Мессину. В другой раз увидеть Авачу в таком состоянии нам пришлось уже в начале 1945 г.

По всему чувствовалось, что в полку взялись за повышение боевой готовности по-настоящему. Нашего отделенного командира Шептина как подменили. Куда девалось его спокойствие и неторопливость. Каждый день, при каждой возможности, он проверял оружие, обмундирование. Предметом его особых забот стали обмотки. Дело в том, что нам вместо сапог, положенных артиллеристам, выдали ботинки с обмотками. Эта обувь очень хороша, особенно в походе. Но она имела и недостатки. Обмотка — чёрная хлопчатобумажная лента длиной метра два. Намотать её надо уметь, иначе она обладала способностью разматываться в самом неподходящем месте. Шептин, да и старшина Денисенко, учили нас, как надо, ложась на отдых, тщательно отматывать каждую обмотку завязкой внутрь, чтобы потом было удобно её намотать на ногу. Всё это требовало ловкости и навыков. Помню, сколько раз при подъёме боец, у которого обмотка выпадала из рук и раскатывалась по полу казармы, опаздывал в строй и получал замечание.

А организовывать утренний подъём наши младшие командиры умели. Ровно за пятнадцать минут до подъёма их будил дежурный по батарее. Энергично одевшись, обувшись и умывшись, наши наставники собирались в центре казармы и ровно в шесть часов утра по звуку трубы дружно орали: «Подъём!»

Спешно по призыву в РККА.

ПОВЕСТКА

„ Юдин Сергей Константинович

„ г. Барабинск Новосибирской обл.

„ 18 32-5 „

Для отправки Вас в кадры Рабоче-Крестьянской Красной Армии явитесь в Куйбышевский райвоенкомат „ 2 " октября 1938 года к 8 час. утра.

При себе имейте паспорт, или удостоверение личности, справку с места работы с указанием о произведенном с Вами расчете, с выплатой 2-х недельного пособия. Явиться необходимо подстриженным, вымытым в бане, в чистом белье с теплой верхней одеждой и крепкой обувью, иметь ложку, кружку и по возможности чайник, пару чистого белья, полотенце, мыло, зубную щетку, порошок и бритву. Собственные вещи Вы имеете право бесплатной посылкой выслать домой.

За неявку или опоздание будете привлечены к ответственности.

Куйбышевский РАЙВОЕНКОМ:

Повестка о призыве в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, 1938 г. (НВФ 2894)

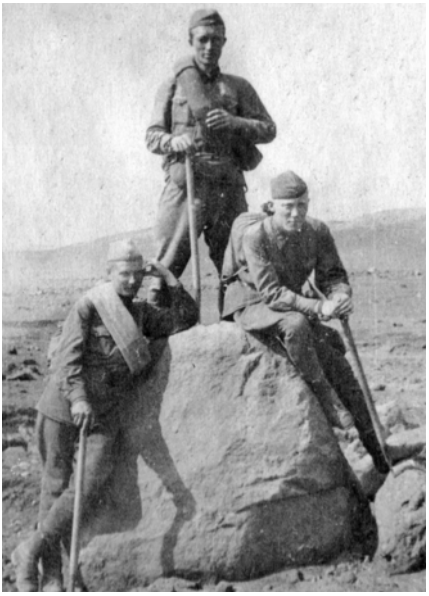

С. К. Юдин — комсорг 279-го артиллерийского полка (КОКМ ОФ 33369/70)

С. К. Юдин в 1945 г., после Курильского десанта (КОКМ ОФ 33369/17)

Восхождение на Авачу, 1939 г. (НВФ 2899; КОКМ ОФ 33369/75)

Поход в Паратунку. Встреча с депутатом Петропавловского горсовета, декабрь 1939 г. (КОКМ ОФ 33369/67)

Как-то утром вместо привычной команды «Подъём!» прозвучало: «Тревога!» Что тут началось! Одеяла летали под потолок. Наскоро натянув обмундирование, красноармейцы разобрали винтовки, противогазы и повыскакивали на двор. Чётких команд не было. Построившись по отделениям, мы стояли, не зная, что делать. Сумятица образовалась невероятная. Шёл разговор, что произошло нападение на склад боеприпасов. А у нас не оказалось патронов. Вскоре прозвучал отбой. Тревога оказалась учебной, она показала, как слабо мы подготовлены. Сколько потом их было, этих тревог!

А с подъёмом вскоре всё наладилось. Мы научились аккуратно складывать обмундирование, подгонять обувь. По сигналу, натянув брюки, ботинки и рубаху с ремнём, с винтовкой, противогазом и шинелью в руках мгновенно выскакивали на двор, и пока шло построение, все приводили себя в порядок. Теперь по тревоге каждый знал своё место.

После приезда командира полка майора Брюханова боевая учёба стала ещё более напряжённой. Теперь, как правило, до обеда батарейцы проводили время в артпарке. Майор Брюханов остался в моей памяти как замечательный командир-артиллерист. Среднего роста, сухощавый, с выразительным взглядом. Внешность его всегда и у всех вызывала уважение. Он постоянно был подтянут, чисто выбрит, любил носить полевой ремень с двойной портупеей, начищенные сапоги, белоснежный воротник. Командир отличался немногословием. Его указания, распоряжения всегда оказывались конкретными и чёткими, не допускали никаких других толкований. Чувствовалось, что он артиллерист по призванию.

Позднее, когда мы узнали его ближе, выяснилось, что его интересы многогранны. Он любил спорт, литературу, но больше всего всё-таки спорт. Брюханов сразу наладил командирскую учёбу. Учились, и регулярно, все: командиры дивизионов, штабные, командиры батарей и взводов. Объектом его особой заботы стали занятия младших ко-

мандиров. Артиллерийскую подготовку командиров дивизионов и батарей Брюханов проводил сам.

По его указанию оборудовали миниатюрный полигон. Помню, с каким интересом проходили эти занятия. На полигон приходил Брюханов, давал вводную: характер цели, дистанцию. Выбрав тип снаряда — фугас или шрапнель, — командир сообщал установки и командовал: «Огонь!» Указкой показывал место разрыва. Следовала корректировка данных. Если все команды были толковыми, Брюханов довольно потирал руки. «Неплохо, неплохо, скоро попробуем и боевыми», — говорил он в конце занятия.

Майор Брюханов и комиссар Новак отлично дополняли друг друга. И если Брюханов был мастером-артиллеристом, то Новак — мастером организации партийно-политической и воспитательной работы.

Полк укреплялся не по дням, а по часам. Везде царил образцовый порядок. В парке стояли начищенные до блеска орудия. Расчёты научились действовать отлично. У нас в батарее лучшим считался расчёт командира отделения Максимова, перекрывавший все нормативы боевой готовности орудия.

Однажды на бюро комсомола полка родилась идея провести состязания огневых расчётов по выполнению нормативов. Комиссару она понравилась, её хорошо проработали. С утра в парк прибыло командование части, командиры из штаба. Батареи выстроились, комиссар объяснил цель и условия состязания. Всё прошло очень организованно, и, как всегда, отличился расчёт Максимова. Наводчик красноармеец Христофоров действовал как автомат — быстро и безошибочно. К обеду состязания завершились. Отличившиеся артиллеристы получили благодарность. Брюханов, снова довольно потирая руки, сказал: «Молодцы, комсомольцы!»

Забегая несколько вперёд, вспоминаю такой случай. Колонна нашего полка маршем возвращалась со стрельб. До городка оставалось уже недалеко, километров пять. Мы с товарищем по отделению красноармейцем Силаевым были

назначены в боковое охранение. Углубившись в лес, заметили подозрительного, как нам показалось, человека, в стоптанных сапогах, рваных брюках и телогрейке, обросшего. Направились к нему. Неизвестный начал углубляться в лес. Это ещё больше нас насторожило. Преследование продолжалось, и, пройдя за ним километра три, мы решили его задержать. Окрик «стой, стрелять будем!» подействовал. Незнакомец был задержан. Примкнув штыки, с винтовками наперевес мы доставили его в полк. Позднее выяснилось, что это не шпион, а заключённый, отбившийся при каких-то обстоятельствах от своей группы, работавшей от лагеря на лесозаготовках. Друзья по комсомольскому бюро над нами подтрунивали, а среди бойцов ещё долго шли разговоры о том, как был задержан «шпион»...

Декабрь 1938 и январь 1939 г. стали для нас, комсомольцев-активистов, месяцами больших событий. В конце декабря состоялась Петропавловская городская конференция комсомола. Мы, делегаты от воинских частей, с большим интересом слушали доклад о славных делах камчатской комсомолии. Всё для нас было ново. Молодёжь ловила рыбу, водила суда. Свои поздравления в адрес конференции прислали Чукотский и Корякский окружкомы ВЛКСМ, комсомольцы Командорских островов. Рапорты и телеграммы, зачитываемые секретарём обкома комсомола Панкратовым, конференция встречала восторженными аплодисментами.

К нам, военным, комсомольцы города отнеслись тепло и предупредительно. На второй день работы конференции зал взорвался аплодисментами и приветственными криками. Прямо с борта парохода «Ильич» в зал пришёл политрук Чириков, участник боёв на озере Хасан. На груди у него горел орден Красной Звезды.

В довоенное время орденами награждали редко. У нас в Барабинске было всего два орденоносца: мастер механического цеха вагонного депо Лукьянов имел орден Красного Знамени за участие в гражданской войне, он был уважаемым человеком в городе и на железнодорожном узле.

Первый секретарь райкома Шашков был награждён орденом Ленина. Помню, с каким трепетным вниманием мы относились к нему, когда он изредка заходил к нам на заседание райкома комсомола. Награждение выдающихся стахановцев за трудовые подвиги, а особенно присвоение первых званий Героя Советского Союза лётчикам-полярникам, принимавшим участие в спасении челюскинцев, вызывало у нас огромное восхищение. В душе каждого комсомольца горела жажда подвига, мы мечтали о нём.

Конференция продолжилась. Политрука Чирикова на руках занесли на сцену, избрали в президиум и тут же, горя от нетерпения, попросили его выступить. Простой и ясный, без подготовки, рассказ очевидца о том, как наши части героически штурмовали высоту Заозёрную, о том, как были выдворены самураи с нашей земли, был выслушан с огромным вниманием.

Конференция подружила нас со многими комсомольцами города и работниками горкома.

Вторым крупным событием было участие в собрании комсомольского актива дивизии. Здесь мы поближе узнали наше дивизионное начальство, а главное, оказались в курсе боевых дел. Мы были не одиноки. Вблизи Петропавловска сформировался 138-й стрелковый полк, на западном побережье Камчатки, в Усть-Большерецке, — 198-й стрелковый полк, недалеко от устья реки Камчатки у подножия Ключевской сопки — 302-й стрелковый полк. Развёртывались службы тыла дивизии. Много интересного узнали мы на активе, а главное то, что оборона Камчатки продумана серьёзно. Нет, думали мы, не удастся япошкам здесь поживиться! Врагу, если он вздумает позариться на Камчатку, будет дан достойный отпор.

И третье. В середине января нас, десять человек, вызвал к себе комиссар. Он был сосредоточен, но лицо его выдавало какую-то многозначительность момента. Когда все уселись, он заявил: «Слушайте приказ!» и медленно, торжественным голосом объявил о том, что нам присваивается звание «заместитель политрука». Вот почему так пристально

присматривался к нам комиссар Новак! (Звание «Заместитель политрука», оно же «Помощник политрука», являлось самым младшим в иерархии военно-политического состава РККА. За ним следовало звание «Младший политрук», соответствующее общевойсковому лейтенанту. Заместителю политрука полагалось носить на петлицах четыре треугольника, так называемую «старшинскую пилу». — *Ред.*)

Окончив чтение, он встал из-за стола и вручил каждому нарукавные знаки: красные звёздочки политсостава и треугольники на петлицы. Поздравив нас, комиссар приказал до вечера пришить звёздочки и надеть знаки различия. На вечерней поверке приказ был зачитан перед строем личного состава полка.

На другой день комиссар собрал нас и состоялся большой и содержательный разговор. «Политсостава в полку нет, — говорил комиссар, — и когда он прибудет, неизвестно. Даже освобождённого секретаря парторганизации пока нет. Наша задача: организовать и проводить в батареях политическую работу. Будут трудности, и немало. Обращайтесь ко мне, работать будем в контакте с командирами, коммунистами, у нас большой комсомольский актив. Дело пойдёт».

Комиссар доступно рассказал о наших ближайших задачах: подобрать агитаторов, избрать редколлегию стенной газеты, следить за полным охватом личного состава политзанятиями. Много ещё говорил Новак. Напоследок: «Вы должны знать, чем живут красноармейцы, каковы их настроения. О любых срывах учёбы, недостатке в питании, происшествиях немедленно докладывать мне».

Вечер этого дня был незабываем. Мы гордились оказанным доверием, но одновременно чувствовали большую ответственность, немало было и сомнений, сможем ли оправдать его. После отбоя долго не спали.

Друзья поздравляли нас с присвоением звания, а мы, хотя и не показывали вида, однако немало этим гордились.

Дел навалилось много. Надо провести политинформацию, инструктаж агитаторов. Времени не хватало. Комис-

сар об этом знал и приказал освободить нас от нарядов и хозяйственных работ, а командиры батареи, почувствовав нашу помощь, со своей стороны старались урвать для нас каждый час.

Помню, на одном политзанятии ко мне пришёл помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу капитан Посудновский. Я изрядно волновался, но смог материал изложить, как надо, и увязать его с задачами взвода. Капитан похвалил, что сильно меня ободрило. Позднее мы стали смелее привлекать к проведению различных политических мероприятий командиров взводов, актив. Комиссар нас в этом всегда поддерживал.

Кажется, в проявлениях инициативы у нас недостатка не было. Всё хорошее находило поддержку. Помню, вместе с Максимовым мы размышляли о том, как мобилизовать бойцов на отличную учёбу. Созрел план. У знакомого библиотекаря достали лист ватмана и готовальню и в первый же день, когда батарея заступила в наряд, принялись за дело. Терпеливо разграфили лист так, что получилось возможность выставить оценки каждому бойцу по основным дисциплинам за каждую неделю учёбы, а отделению и взводу вывести итоговый балл. Оценка ставилась в кругляшке цветным карандашом. Вечером, взяв оценки у командиров, я нанёс их на лист. Получилась очень наглядная картина. Командир батареи, капитан Третьяков, одобрил затею, и этот красочный лист мы вывесили на стену в казарме. Он сразу же привлёк внимание бойцов. У отличника наводчика Христофорова все кругляшки были красные. Но были бойцы, напротив чьих фамилий стояли жёлтые и даже чёрные отметки. Их активно обсуждали, возникали споры. Некоторые пошли выяснять причины низкой оценки к командирам. Третьяков только улыбался.

Через две недели в казарму зашёл комиссар. Внимательно осмотрел лист оценок. Спросил, где взяли ватман, потом поинтересовался, почему много кругляшков осталось пустыми. Я ответил, что не все командиры выставляют оценки. На другой день лист исчез. Спрашиваю дежурного

по роте, отвечает — отнесли к комиссару. «В чём дело?» — думаю. Однако уже вечером всё стало ясно. Комиссар вызвал к себе командиров батарей, заместителей политруков, выдал всем по листу чистой бумаги и приказал сделать так в каждой батарее, добавив, чтобы оценка за неделю стояла у каждого бойца.

В полку, особенно первое время, велось очень много хозяйственных работ. Нередко шли они бессистемно. Отделения и взводы снимали с боевой учёбы, а иногда и с политзанятий. Комиссар положил этому конец. Его девиз: «Всё должно идти по плану» претворялся в жизнь неукоснительно. Припоминаю такую сцену. В маленьком кабинете комиссара стоит младший лейтенант Вальков. Новак строго смотрит на него, спрашивает:

— Почему этих работ нет в плане?

— Но ведь я не знал, когда придёт пароход, а картошку надо срочно выгружать, она и так подопрела в трюме.

— Знаю, что надо. За питание бойцов вы отвечаете головой, но надо работы планировать.

— ???

— Да, да планировать. Я тоже не знаю, когда будет пароход, но вы должны знать. Держите связь с начальником тыла дивизии Литошкиным. Он получает извещение по телеграфу.

В итоге люди на выгрузку картошки всё же выделяются, но комиссар даёт крепкий разнос и начальникам служб, и штабу.

За срыв людей с учёбы спрашивали строго. Но работ и нарядов было много. Кстати, в одном из нарядов я вторично встретился с капитаном Ваншой, тем самым, который вёл нас строем из Петропавловска. Попав в наряд по столовой, получил распоряжение дежурного греть воду для мытья котлов и на чай. Эта работа после мойки посуды была самая скверная, ею занимались на улице в походных кухнях.

Нагрев воды с вечера для мойки котлов, занялся заготовкой мелких дров. Топка у походных кухонь была ма-

ленькая, в ней хорошо горели мелкие, сухие чурки. Часа в три, налив воды, приступил к растопке. Но сырые дрова никак не разгорались. С красными от едкого дыма глазами, с лицом, вымазанным сажей, я упорно раздувал кухню. За этим занятием и застал меня дежурный по части капитан Ванша. Я забурчал: «Какой же дурак придумал такую низкую топку, могли бы сделать колосники ниже». Ванша помолчал, затем сказал: «Ты, я вижу, изобретатель, но если к шести часам утра кипяток не будет готов, я тебя отправлю на гауптвахту». Такого ответа я не ждал. Порядком струхнув, с новым усердием взялся раздувать огонь.

Минут через пятнадцать Ванша вышел из столовой и, видя мои мучения, видимо, пожалев меня, бросил: «Не майся, иди в столовую, возьми из печи горячие угли, и дело пойдёт». Совет оказался полезным, и вскоре я сидел, блаженно отдыхая, а все четыре кухни дружно дымили.

После присвоения звания комиссар освободил нас от нарядов и работ, зато вменил в обязанность дежурство по столовой. «Это дело серьёзное, здесь нужен глаз да глаз», — заявил он нам после дательного инструктажа. И это действительно так. Погода или непогода, а полк надо кормить строго в положенное по распорядку время вкусной, доброкачественной пищей. В этом деле нам много помог коммунист Вальков: «Ключ от продуктовых кладовых держите у себя, туда никто без вас не должен входить. Будьте строже, если что, звоните дежурному по полку и вызывайте меня». Мы старались, и всё шло хорошо. Только один раз, помню, с Павлюченко вышел конфуз. В свободную минуту, прямо в халате он сел на чей-то велосипед и понёсся куда-то, да и налетел на комиссара. Растерялся и только успел сказать, что у него всё в порядке, каша готовится. «Вижу, дело каша. Снять бы с тебя штаны да высечь. Но нельзя — ведь политработник!» Потом над Адамом долго посмеивались, а он только потирал кончик своего всегда красного носа.

Будучи дежурным по кухне, я встретил Василия Векшина. Войдя на кухню, увидел его в халате с большущим черпаком,

которым он помешивал в огромном котле, где могли свободно усесться пять человек.

«Ты стал поваром?» — удивился я. Он заулыбался, обрадовался, что встретил земляка. «Я всю дорогу говорил, что буду поваром. Люблю повеселиться, особенно пожрать, — смеялся он. — Эка невидаль, кашу сварить, я же как-никак паровозом управлял». Выяснилось, что соврал Валькову, что был поваром. Взяли. Пару раз пересолил борщ, а потом дело наладилось.

Февраль (1939 г. — *Ред.*) прошёл в напряжённой учёбе. Полк готовился к принятию воинской присяги. Все старались встретить это торжество хорошими показателями. Мы уже знали, что утверждёны новый текст присяги и порядок её принятия. Теперь присягу предстояло принимать не в строю, повторяя хором за командиром её слова, а каждому красноармейцу персонально перед своими боевыми друзьями. Время летело быстро, и вот наступил этот торжественный час. Комиссар, командиры, коммунисты и комсомольцы немало сделали, чтобы он стал волнующим, памятным. Везде были развешаны красочные плакаты и лозунги. Чувствовалось, что настроение у всех приподнятое. После отличного завтрака наша батарея построилась в своей казарме под портретом Ильича (Владимира Ильича Ленина. — *Ред.*). Пришёл командир полка майор Брюханов. Командир батареи Третьяков вызывал красноармейцев по списку. Чеканя шаг, они подходили к столу, накрытому кумачом, брали текст присяги, который уже знали наизусть, и чётко читали пламенные слова: «Я, гражданин Советского Союза, принимаю присягу и торжественно клянусь...»

После принятия присяги нас всех поздравил командир полка. Да самого отбоя было празднично, весело. В столовой шёл концерт самодеятельности, а потом показали своё искусство шефы, приехавшие из Петропавловска. Засыпали мы в этот день полными великолепных впечатлений.

Хотя рядовой состав полка полностью состоял из новичков, чувствовался рост нашей военной зрелости. Постепенно укомплектовывался штат командиров, теперь уже

во главе почти всех взводов и батарей стояли опытные специалисты, был заполнен штаб и службы. В одном оставался непорядок: недоставало коней. Наличных лошадей хватало лишь на упряжки двух батарей. Это сильно беспокоило командование части. На март были назначены первые артиллерийские стрельбы по закрытым целям одним орудием. Капитан Третьяков объявил, что развёртываться и стрелять будет наша батарея, а вести огонь — расчёт Максимова.

Теперь уж наши ребята совсем пропали в артпарке: тренировкам не было конца. Не прекращала раздаваться команда: «Расчёт к орудию!» По ней наводчик изымал из чехла панораму, крепил её на штативе. Заряжающий снимал чехлы со ствола и казённика, заглублялись сошки. Подоспевал снаряд. Все ждали следующей команды. «Угол сто тридцать шесть, высота — сорок шесть, трубка — шестьдесят пять!» По указанию наводчика делалась грубая установка пушки, одновременно заряжающий выставлял деления трубки на указанную дистанцию и досылал снаряд в ствол. Лязгал затвор. Выполнив точную наводку, наводчик кричал: «Готово!» Слышалась команда: «Расчёт, в укрытие!», и все мгновенно скрывались в окопе. «Орудие!» — командовал взводный, «Огонь!» — вторил ему командир расчёта.

Рано утром нас подняли по тревоге. Погода стояла ясная. Все энергично собрались. Расчёты в мгновение ока надели амуницию на лошадей, разгорячённые упряжки поспешно, на рысях, выскакивали к орудиям. Несколько минут, и орудия в сопровождении расчёта стояли готовые, ожидая команды на марш. В район Халактырки прибыли в полдень, заняли огневые позиции. Споро началось оборудование позиции, рытьё окопов. Вычислительное отделение обрабатывало данные. Ночью хорошо отдохнули прямо под открытым небом.

Стрельба началась на рассвете. На наблюдательный пункт командира батареи прибыли командир полка и комиссар. Всё шло хорошо. Расчёт действовал отлично. С первых трёх

снарядов цель взяли в «вилку». Брюханов приказал прекратить огонь: берегли снаряды.

Расчёт получил благодарность. Лицо Христофорова сияло. Главный экзамен артиллеристы выдержали. После завтрака — марш. Уже вечерело, когда на подходе к городу бойцы, шедшие в пешем строю, грянули песню. Усталость как рукой сняло. В полку уже знали результаты стрельб, и все были довольны.

Кстати, песня, боевая солдатская песня, была нашим неизменным спутником и в походе, и на отдыхе. Песен тогда было ещё мало, но то, что мы знали, исполняли с большим увлечением.

В батарее управления был радиовзвод. Командовал им старшина срочной службы Илинич. Радиодело он знал в совершенстве, виртуозно работал на ключе. Подчинённые любили своего командира. Это был отличный взвод. И пел он отлично. Помню, идёт взвод по полку, и не просто кое-как, а с шиком, горделиво, как монолит. Как всегда, на правом фланге высокий, статный Ваня Ланцов. Чистым тенором звучит запев любимейшей нашей песни:

Возьмёт винтовку верный комсомол!

Единым дыханием гремит взвод:

Стоим на страже всегда, всегда.
И если скажет страна труда,
Ударом точным даст отпор,
Дальневосточная даст отпор.
Краснознамённая, смелее в бой, смелее в бой!

Комиссар всячески поощрял её исполнение. «Мы не на необитаемом острове, наш полк входит во Вторую отдельную Краснознамённую армию Дальневосточного фронта, — многозначительно поднимал он палец. — Это надо понимать! Этим надо гордиться!»

Крупных нарушений дисциплины в полку почти не было. За все четыре месяца на бюро ВЛКСМ разбирались только два дела. Боец Чекалин после помывки в бане надел две нижние рубахи, пояснил, что мёрзнет. Но ребята его

здорово раскритиковали. Второй случай был посложнее. Комсомолец, командир батареи старший лейтенант Николай Иванович Чачин появился в части нетрезвым. Это было событие: пьянство в то время рассматривалось как деяние, несовместимое со службой в Красной Армии. В приказе наркома обороны К. Е. Ворошилова это квалифицировалось как недопустимое явление.

Мы, члены бюро, были просто шокированы. Чачин в полку был фигурой колоритной. Высокий, статный блондин, с отличными командирскими данными, великолепный артиллерист. Пригласили его на бюро. Явился, но вёл себя высокомерно. Но ребята в бюро были принципиальные, критиковали его резко. Не выдержав, Чачин выбросил комсомольский билет и убежал. Решение было единогласным: исключить из комсомола. Делом занялся комиссар и парткомиссия при политотделе дивизии. Окончательное решение — объявить строгий выговор.

Чачину это урок пошёл впрок. Через год взыскание было снято, а позднее, не без поддержки комиссара, когда решался вопрос о назначении его командиром дивизиона, мы дали ему рекомендацию для вступления в партию. Николай Иванович был хорошим командиром дивизиона.

Весной этого года впервые командир батареи коммунист Третьяков заговорил со мной о вступлении в ряды ВКП(б). На эту тему были разговоры и ранее. Ещё на вагонном участке старые рабочие коммунисты Иван Акимович Першин и Василий Сидорович Овчинников советовали мне вступить в партию. Меня же смущала собственная молодость. Помню, как-то в Барабинске проводилась открытая «чистка» членов партии. Мы несколько раз заходили в переполненный зал рабочего клуба и робко садились в уголке. На трибуну перед комиссией по «чистке» выходили пожилые, серьёзные, авторитетные люди и отчитывались о своих делах. За пассивность, выпивку, ослабление бдительности критика на виду переполненного «домашнего» зала была беспощадной, и решения комиссии часто оказывались безжалостны.

Казалось, куда нам, зелёным молодцам, до этого. Но здесь, в армии, зрели быстро, чувствовали острую необходимость быть в партийных рядах. Оформление оказалось недолгим. По действовавшему тогда уставу ВКП(б), как рабочий, имевший более пяти лет трудового стажа, я имел право вступать по первой категории. Требовалось только три рекомендации. Одну дал капитан Третьяков, комсомольская рекомендация приравнивалась к двум, данными членами партии. В марте 1939 г. парторганизация полка приняла меня в кандидаты ВКП(б). Партийная комиссия в составе старших политруков Захарова, Посудневского, батальонных комиссаров Сагитова, Гречко, Новака решение парторганизации полка утвердила. В это же время в партию приняли ещё несколько комсомольцев из актива.

В мае 1939 г. полк был поднят по тревоге и маршем выступил в сторону Петропавловска. Бойцы шли с полной выкладкой, имея при себе носимый запас патронов. Снарядные ящики были заполнены до отказа. Все недоумевали. Почему тревога, куда идём? Батарейные стрельбы провели недавно, никаких учений вроде не намечается. Командиры шагали молча.

Но марш оказался неизнурительным. На шестом километре от центра города колонна свернула влево и углубилась в лес километра на полтора, затем остановилась. Брюханов собрал командиров. Стояла отличная летняя погода, сияло солнце, свежо выглядела зелень. Настроение у всех было отличное, бойцы шутили. Вскоре появился командир батареи капитан Третьяков и приказал построить людей. Как всегда, спокойным голосом он объяснил, что на старое место дислокации полк уже не вернётся, теперь он будет стоять здесь, на шестом километре, а наша батарея разместится вот на этом самом месте. Видать, командование полка уже знало о предстоящей дислокации. Здесь, на удобной площадке, близ озера, уже стояли колышки, обозначавшие место размещения палаточного городка.

Составив оружие в козлы, батарейцы дружно взялись за лопаты. Для каждой палатки предстояло отрыть гнез-

до метровой глубины. К вечеру палатный городок стоял ровным строем, как на картинке. Правда, первую ночь пришлось спать под открытым небом, зато на другой день уже были устроены нары, разбиты линейки и на правом фланге каждой батареи поставлены грибки. Под ними стояли дневальные. Тут же висел кусок металла для подачи сигналов.

Командир полка не давал нам передышки. Обстановка была грозовая, надвигались военные тучи. Японская военщина вела себя нагло, поэтому мешкать было нельзя. Приступили к планомерной учёбе, попутно завершая хозяйственные дела. Большое внимание теперь уделялось огневой подготовке. Особые требования предъявлялись к наводчикам. В считанные секунды, пока остальной расчёт разворачивал орудие, заглублял сошки лафета, снимал чехлы со ствола и казённика, подтаскивал ящики со снарядами, наводчик должен был расчехлить панораму, установить её в штатив, вывести все шкалы на нулевые отметки и быть готовым к установке новых вводных. Действия наводчиков доводились до автоматизма. Это воспринималось ими с высоким пониманием своего долга, и многие наводчики, а затем и целые расчёты, перекрывали все нормативы. Командир батареи, проверяя выучку расчётов, довольно улыбался. Гордостью нашей батареи по-прежнему оставался наводчик Христофоров. С удивительным проворством он манипулировал с панорамой и задолго до конца расчётного времени отвечал на команду: «Орудие готово!» Немалое проворство требовалось и от заряжающего, обязанного ещё до готовности орудия установить на взрывной трубке деление шкалы на необходимую дистанцию и дослать снаряд в ствол.

Построить землянку для батареи было непростым делом. Но строителями уже были, по-моему, все. В каждой батарее находился свой умелец. Планировалась площадка, отрывался котлован длиной тридцать-сорок, шириной шесть и глубиной до трёх метров. По центру котлована и по бокам устанавливались столбы. Стены забивались горбылём, на столбы укладывались балки. Поперёк балок настилался

потолок из жердей. На жерди набрасывали сухую траву, хворост и всё это засыпали толстым слоем глины. На поверхность земли выходил невысокий длинный бугор с канавами по бокам для отвода воды. Зимой всё такое строение покрывалось снегом, торчали только дымовые трубы.

Все стремились сделать свою землянку, конюшню, казарму лучше. Тут не обходилось и без казусов. Помню, наш командир, капитан Третьяков, с метром в руках вышел на площадку, предназначенную для батарейной конюшни, решительно отметил места установки столбов и приказал отрыть ямы. Отрыли, поставили столбы. Стало ясно, что их необходимо обрезать сверху на одном уровне под укладку балок. Долго думали, как найти этот уровень. Наконец решили использовать панораму от орудия. Но когда отбили линию на столбах, то некоторые из них оказались не выше метра: ведь площадку-то не спланировали, а длина конюшни — пятьдесят метров! Поняв, что попал впросак, Третьяков снял всех с работы и на следующий день поставил другой взвод, которому пришлось часть столбов откапывать, ровнять площадку, а затем снова устанавливать. Всем было ясно, что допущен промах.

Строительство шло полным ходом. Немало было проявлено полезной инициативы. Топорами и пилами помог город, но не хватало гвоздей, стекла и, главное, — пиломатериалов. Лес-то был, но чём его пилить? Выход нашёл комиссар. Имея постоянную связь с местными советскими и партийными организациями, он узнал, что в Ближнем совхозе имеется старая пилорама. Она уже несколько лет не работала, движок заржавел. Совхоз охотно уступил её полку во временное пользование. Правда, директор сокрушённо разводил руками: «Не знаю, удастся ли вам её наладить, уж больно она распорухана». Но всё сложилось, как нельзя лучше. Нашлись у нас мастера, перебрали движок, в раме заменили некоторые брусья, и дело пошло. Появился и пилорамщик, им стал Саша Яхонтов. Не знаю, откуда, но он имел некоторую практику. Специалистом он стал отменным. Коренастый, широкоплечий, типичный лесоруб-сибиряк,

с широким веснушчатым лицом, волосами медного цвета, добродушный, он дневал и ночевал на пилораме. Руководил её работой сам Брюханов, приказав составить график подвоза брёвен и лично распределяя доски и горбыль. Полк только поднимался, а уже раздавалось тарахтение движка. Все знали — Саша работает, значит, доски будут.

Но и у комиссара было много забот. Как-то во время очередного заседания комсомольского бюро, когда все вопросы повестки дня были рассмотрены, зашёл комиссар и спросил: «А как вы, комсомольцы, собираетесь жить без клуба?» Это нас озадачило. Молчим. Потом все наперебой заговорили: «Да, клуб нужен, необходим! Что будем делать зимой в землянках?» Павличенко предложил отрыть большую землянку, установить скамьи, сделать сцену. «Всё это не то, — сказал комиссар. — Клуб — центр культурно-массовой работы в полку. Его надо сделать хорошим, настоящим. Есть у меня кое-что на примете». Новак ушёл, а мы ещё долго спорили, что можем сделать для осуществления задуманного.

Вскоре всё стало понятно. В рядом расположенном посёлке леспромхоза стоял незавершённый сруб без крыши, по размерам вполне годный под клуб. Неизвестно, на каких условиях, но леспромхоз уступил его полку, и через несколько дней комиссар ходил довольный: «Ну, комсомолята, будет вам клуб».

В один из дней мы разобрали сруб и перевезли его в часть. Создали специальную бригаду, и стройка закипела. Годовщину Октябрьской революции отмечали в своём полковом очаге культуры. Состоялось торжественное заседание и концерт самодеятельных артистов. Начали работать кружки: хоровой, пения, танцев. Появилась и библиотека с читальным залом.

Командир и комиссар торопили. «Нельзя разводить стройку до бесконечности, — говорил Новак на партийном собрании. — Не в этом наша главная задача. Полк — боевая единица. Мы не можем ни на минуту забывать о тревожной обстановке на наших дальневосточных границах».

В мае прибыла небольшая группа политработников — младшие политруки, окончившие курсы политсостава. Их назначили политруками батарей. К нам пришёл младший политрук Хабибуллин. Вместе с ним долго работать не пришлось. Через несколько дней Третьяков собрал командиров и объявил: «Взвод управления и второй огневой взвод остаются в городке, продолжают учёбу и заканчивают строительство землянок для личного состава и конюшни. Старший в городе — политрук. Я с первым взводом выезжаю на боевые позиции. Мешкать нельзя, время тревожное».

Первую огневую позицию взвод занял у подножия Никольской сопки. Где на конях, где на руках с большим трудом протащили по грудам камней и крупной гальке орудия на место. Осмотрелись. Перед нами расстилалась гладь Авачинской губы, переливаясь серебристыми бликами под лучами солнца. «Какая красота!» — вслух высказал свои мысли один из бойцов расчёта. Но не это было главное. Позади нас, справа, слева и сверху — голая скала, никаких возможностей для укрытия личного состава и орудий. «М-да... — неопределённо протянул помощник командира взвода Бирюков. — Местечко...» А потом высказался точно: «Негодная это позиция: первый прицельный выстрел противника, и от нас останется мокрое место».

Комбат Третьяков, что-то недовольно бурча в адрес разведчиков и помначштаба по разведке, исчез. Появился к вечеру, пояснил, что будем занимать другую позицию. Команда, и снова, где на руках, где лошадьми вытянули орудия на дорогу. Уже поздно вечером прибыли на другое место. Утром, осмотревшись, сразу поняли: то, что надо.

Новая позиция, действительно, была превосходная. Неглубокая, ровная лощина, плавно спускающаяся среди гряды сопок, окаймляющих город и порт с севера, выходила прямо в губу в зоне обстрела. Инженерное оборудование позиции много времени не заняло. Бирюков произвёл трассировку, расчёты взялись за лопаты, грунт оказался податлив, и к обеду основная позиция для орудий с окопами полного профиля для укрытия расчётов была готова. Через

три дня мы освоились основательно. Оборудовали запасные позиции, среди густого кедрача разбили палатки. Даже физкультурный городок сделали: поставили простейший бум и установили турник. Начались занятия. Были определены точки отметки, составлены карты артогня. Ориентирами пришлось брать прибрежные скалы и вершины гор на противоположном берегу губы.

Погода стояла отличная, всё свободное время мы проводили на берегу. Нам определённо повезло. По соседству, на берегу в малой избушке, проживал одинокий старик. Не помню, в какой артели он состоял, но у него хранились большой невод и лодка, а прямо под открытым небом стоял огромный чугунный котёл. Дед был приветлив, мы быстро подружились и с его собакой. Старик разрешил пользоваться неводом и лодкой. Такое соседство нам здорово пригодилось.

Рано утром по команде «Подъём!» очередная группа бойцов в одних трусах мчалась на берег. Утренняя свежесть бодрила, восходящее солнце щедро разбрасывало свои лучи по вершинам гор, веером рассыпалось между скал. Всё блестело и играло красочной радугой. Споро закинув невод с помощью лодки, начинали медленно его вытягивать. Он никогда не оставался пустым. На берег вытаскивали килограммов двадцать корюшки. Удивительная рыбка! Изъятая из морской воды, она распространяла сильный запах свежего огурца. Бойцы только носами потягивали, перебирая невод. А среди корюшки куча всякой морской невидали: крабы, ежи, камбала и много такой рыбной живности, о которой мы никогда не слыхали. Корюшка шла на общий стол, поджаренная на противнях, она была необыкновенно вкусна.

А бывало и так. Человека два или три вставали утром, часа в четыре, когда начинался отлив. Садились в лодку и начинали поиск крабов, подползавших по полной воде близко к берегу, оставшихся на месте на малой глубине. Заметив краба, опускали в воду сачок на длинном шесте. Иногда краб, заметив опасность, проворно уходил в глубину,

но чаще его успевали накрыть. Тут уж краб накрепко цеплялся своими клешнями в сачок, и разжать их удавалось только тогда, когда он оказывался в лодке. Поднималось солнце, крабы уходили в глубину, а мы, довольные добычей, устремлялись на берег. Попросив у деда котёл, варили в морской воде крабов и лакомились их нежным мясом. Тут не встречалось таких экземпляров, которые водились на крабовых полях Западной Камчатки, но всё же иногда попадались довольно крупные экземпляры.

Всё шло хорошо, но много хлопот оказалось с оружием. На третий день нашего пребывания на новой позиции мы с помкомвзвода Бирюковым зашли в палатку, где хранили винтовки, и ахнули: все они были красными. Бирюков, быстро вынимая затворы, осмотрел несколько стволов, нахмурился. «Дело плохо, — сказал он. — Ржавчина есть и в стволах». Вечером организовали капитальную чистку. О случившемся я рассказал комбату. Тот сразу смекнул, в чём дело: лёгкие утренние туманы, ползущие с моря и пропадающие при появлении первых лучей солнца, несли с собой мелкие капельки морской воды и растворённые в них агрессивные морские соли. Они-то и вызывали быструю коррозию металла. Теперь оружие чистили ежедневно, очень тщательно, покрывая густым слоем смазки.

Комбат часто уезжал в полк: его беспокоил ход работ на строительстве казармы и конюшни, зима-то была не за горами. Одновременно сооружались склады и столовая, помещения для разных служб. Командование Дальневосточного фронта прислало на помощь дивизии строительный батальон. Его взвод приступил к сборке двухэтажного дома для семей начальствующего состава. В августе пришло пополнение конского состава. Одним словом, дел и хлопот было предостаточно. Кажется, что в этих условиях партийно-политическая работа могла ослабнуть. Но комиссар строго следил за ней. Все мероприятия проводились регулярно, полностью охватывая личный состав.

В августе отсекр комитета ВЛКСМ полка Кузьмин собрал нас на срочное заседание бюро. Сидим в палатке, рады

встрече, обмениваемся новостями. Вошёл комиссар Новак, немного посидел. «Ну, — говорит комиссар, — Кузьмин, открывай бюро, давай мне слово». Он кратко пояснил, что Кузьмин убывает на курсы политсостава и, вероятно, в полк уже не вернётся, надо избрать секретаря бюро комсомола полка, и, не задерживаясь, предложил мою кандидатуру. Поддержали единогласно. Я был ошарашен. А комиссар, посмеиваясь, похлопал меня по плечу: «Ничего, будем работать». — И Кузьмину: «А ты, дружище, сегодня же передавай дела, и — на пароход. “Ильич” отправляется завтра вечером». Комиссар ушёл, друзья меня бурно поздравляли.

Приняв дела секретаря бюро ВЛКСМ полка, я задумался: с чего начинать? Решил познакомиться с комсомольским хозяйством. «Эх, Ваня, Ваня, — корил я Кузьмина. — Хороший ты парень, а дела запустил». Кузьмин, как я выяснил, на него внимания обращал мало. Протоколы не переписаны, беспорядочно хранятся ведомости, анкеты, заявления, которые уже должны быть рассмотрены. Принялся за наведение порядка. В этом мне помог комсомолец Илюша Валов, которого я привлёк с разрешения комбата Третьякова. Все протоколы заседаний бюро и собраний с начала года переписали в книги, заявления о приёме и персональные дела поставили на ближайшее бюро и вскоре разрешили.

На бюро решили проверить состояние дел в первичках. Здесь картина оказалась безрадостной: сказывалась текучка. В доброй половине организаций собрания проводились нерегулярно, бюро не имело планов работы. Поговорили с политработниками, командирами, те пообещали исправить дело. Прошел месяц, снова проверили: положение не меняется. Все в голос утверждали: работаем от зари до зари, некогда. Признаться, я приуныл. Комсомольцы трудятся хорошо, учатся старательно, но ясно, что воспитательная работа глохнет.

Однажды комиссар, который меня почти месяц ни о чём не спрашивал, позвал в свою палатку. Усадил, посмотрел какие-то бумаги и спросил, как дела. Я сокрушённо вздохнул:

«Плохо». Комиссар внимательно посмотрел на меня, подвинулся: «А ну-ка, расскажи, расскажи». У меня были все сведения, и я, волнуясь, подробно поведал о состоянии дел. Новак задумался, произнёс: «А тут, кажется, и я промухоловил, — и, обращаясь ко мне, — а ты молодец, кажется, у тебя дело пойдёт. Ну, а теперь расскажи, как живёшь?» Пришлось сознаться, что живу в палатке, печки нет, начали замерзать. «Это я знаю. Надо что-то придумать».

На другой день, встретив меня, комиссар мимоходом заметил: «А ведь в палатке зимой комсомол замёрзнет, надо строить землянку». Стало ясно, что надо браться и за это дело. Оно оказалось несложным. Ежедневно с разрешения командира приходили пять-шесть комсомольцев, мы вместе отрыли яму, установили столбы. Досками помог Саша Яхонтов. Широко улыбаясь веснушчатым лицом, он сказал: «Бери, сколько надо, из-под пилы, но так, чтоб Брюханов не видел». Через неделю с небольшим просторная и довольно уютная землянка была готова.

Зашёл комиссар, осмотрел, остался доволен. На другой день по его распоряжению провели телефон, свет. Комсомольское бюро получило своё помещение, а я — тёплое жильё. Вскоре наша землянка стала оживлённым местом. Сюда переместилось партийное бюро, здесь проводились заседания, совещания, занятия кружка. Через несколько дней после той памятной беседы комиссар снова вызвал меня в себе. «Садись, Серёга», — по-отечески обратился он ко мне. Это прошло по мне волной тепла и доверия. «Ну, как думаешь оживить комсомольскую работу?» Я показал план, где было намечено проведение совещания с секретарями первичных организаций, семинар групкомсоргов взводов и другие мероприятия. Комиссар одобрительно кивал головой: «Всё это хорошо и правильно». В это время в землянку вошёл заместитель секретаря партбюро полка, он же политрук полковой школы Чупин. Комиссар обратился к нему: «Вот, вот, ты-то нам и нужен. Расскажи-ка, как помогаешь новому комсоргу?» «Ну, вы же знаете, я занят, комплектуем школу. Собирался, но мы с ним

ещё не разговаривали». «Вот так у вас дела и идут, — полушутливо-полустрого говорит комиссар. — Вот что я думаю, обсудим-ка вопрос комсомола на партсобрании полка, а доклад сделает комсорг». Я резко запротестовал, заявив, что это мне не под силу: я новый работник, многого не знаю. «Ничего. Доложишь всё то, что мне рассказывал о состоянии комсомольских дел. Этого хватит». Так и решили.

Вывесили у штаба объявление. Меня охватило не просто волнение, а страх, ведь надо доложить точно и правдиво. Эти дни я спал мало. Всё проверял, уточнял. Ведь в докладе фамилии почти всех политруков, многих командиров и начальников служб. На собрании, страшно волнуясь, доложил коммунистам о состоянии дел. Начались прения. Коммунисты по-деловому обсуждали комсомольскую работу, признавали свои промахи, обещали поправить дело. Последним выступил комиссар. Его слова были наполнены нетерпимостью к недостаткам в деле руководства молодёжью. На орехи досталось всем тем, кто «закопался в текучке». Новак ярко раскрыл роль комсомола в превращении полка в настоящую боевую единицу Красной Армии. В конце сказал: «С сегодняшнего дня в конце каждого месяца политруки батарей, начальник служб будут лично мне докладывать, как работают комсомольские организации».

После собрания мы, члены комсомольского бюро, сразу почувствовали поворот в делах. Теперь командиры и политруки стали частыми гостями в нашей землянке, где живо обсуждали все вопросы, стоявшие перед комсомолией. Так в полном объёме, зримо мы и ощутили силу партийного руководства.

Запомнилось ещё одно событие этого времени. Я уже упоминал, что полк получил пополнение конского состава. Все прибывшие лошади пока находились в карантине на отдалённой площадке среди леса, где устроили временные коновязи. За животными присматривала ветеринарная служба. Однажды, сразу после завтрака, по приказу командира полка весь комсостав пешим строем отправился на место карантина. Лошади, вычищенные, ухоженные, были

выведены коноводами на большой круг. Начался отбор строевых лошадей и закрепление их за конкретными командирами. Первым выбрал себе коня Брюханов. Лошадь, вернее, кобылица, выглядела отлично. Брюханов легко вскочил в седло и галопом прошёл по кругу. Это выглядело мастерски и красиво. Моё преклонение перед командиром ещё больше возросло. Затем отобрали себе лошади комиссар, начальник штаба и штабные командиры, потом командиры дивизионов, батарей, взводов. Помню, ко мне подошёл Брюханов и сказал, чтобы я тоже взял себе коня: «Тебе по штату положен и конь, и ординарец». Из оставшихся я выбрал себе коня по кличке Пегаш.

Надо сказать, что работа с конём, выездка, уход, кормление в конно-артиллерийском полку поглощала пятую часть всего времени. Теперь, когда часть была полностью укомплектована, этим постоянно занимались все от командира до коновода, в том числе большое место эти вопросы занимали и в деятельности комсомольской организации. Сбережению коня, любовному к нему отношению в то время много уделяли внимания в своих приказах и речах легендарные руководители Красной Армии маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и С. М. Будённый. Забота о коне была повседневной, постоянной. Лозунг «Комсомол — шеф коня» стал нашим руководящим принципом. Хлопот было немало. К осени все батареи уже отстроили довольно прочные утеплённые и просторные конюшни. Каждая лошадь имела свой станок с кормушкой, над ним — бирку с кличкой, тут же упряжь и предметы туалета: скребницу, щётку, суконку. Пол в конюшне был глинобитным. Всё это надо было поддерживать в чистоте и порядке. В течение дня батарейцы несколько раз спешили на конюшню. Коней два раза в день чистили, водили на водопой, задавали корм и вечером прогуливали. Каждый коновод строго следил за состоянием копыт, своевременностью ковки. Особенно тщательно животных чистили.

Регулярно проводили выездки. Это был официальный смотр. Приказом по полку создавалась комиссия, в её состав

обязательно включали представителя комсомола. В часы, указанные приказом, очередная батарея выводила лошадей. Подводя животное, коновод громко называл кличку и свою фамилию. Комиссия тут же давала оценку состояния лошади. Красноармейцы любили своих коней, холили их, и те за это платили своей привязанностью. Было приятно видеть такую картину: коновод чистит гриву, расчёсывает её, а конь доверчиво кладёт свою морду ему на плечо.

Встречались и строптивые животные. Во втором дивизионе Ингуш — громадина, коренник, копыта, как железное колесо, не признавал никого. К себе допускал только коновода бурята Иргашева. Когда к станку подходил кто-то другой, он злобно оскаливал зубы и бил копытами. Так и не удалось поставить его в упряжку.

Выездка также требовала времени и большого терпения. Упряжка на орудие — три пары. Требовалось, чтобы они действовали синхронно. Среди комсостава оказалось немало лихих конников. Осенью Брюханов устроил состязания. На ровной поляне расставили препятствия, и наши конники их преодолевали. Потом была показана рубка лозы. Всё это выполнялось красиво, легко и непринуждённо. Особенно лихо выглядели приёмы рубки лозы.

Уместно вспомнить моё желание стать лихим конником. С верховой ездой шагом, рысью освоился сравнительно быстро. Хотелось попробовать скачку в галоп, а может быть, и взять простейшее препятствие. Помню, в погожий день мой ординарец Ветчинкин привёл коня. Ординарца с собой я решил не брать. Выехал на пустынную поляну. На мне уже было обмундирование комсостава: плащ под ремнём с портупеей, фуражка. Поездил спокойно, всё идёт хорошо. Решил поднять Пегаша в галоп. Или неприятна коню была моя неловкость в седле, или он понял, что седок никудышный, но решил показать свой норов. Круто взяв в галоп, Пегаш вдруг начал взбрыкивать, низко опуская голову и явно намереваясь выбить меня из седла.

Я беспомощно болтался, как мешок с мякиной. Фуражка полетела в сторону, планшетка съехала и билась на боку.

Я судорожно цеплялся за луку седла и думал только о том, чтобы не грохнуться, а больше всего — чтобы никто не увидел моего позора. Кое-как успокоив коня, облегчённо вздохнул. Вокруг — ни души. Позднее я немного освоился с верховой ездой, но понял и другое: подлинное мастерство в ней даётся длительной и разумной тренировкой и даже бывают случаи, когда некоторые люди в силу особенностей своего физиологического склада этим искусством овладеть не могут совсем.

В общем, конника из меня не получилось. Правда, эта неудача постигла не одного меня. Так, заметив, что комиссар редко садится на лошадь, я как-то спросил его, чем это объясняется. «Не трогай больного места, — сказал комиссар. — Радикулит у меня, в шахте заработал. Посижу в седле, потом суток двое надо отлёживаться».

К октябрю 1939 г. полк ушёл в землю. Каждая батарея обзавелась землянкой. Нары из жердей, правда, были в два этажа, да и жерди довольно неровные, сучковатые. Но зато каждая батарея имела каптерку, канцелярию, комнатку для умывания и, что особенно важно, — ленинскую комнату. Казармы оборудовали кто как мог. Пожалуй, наиболее одинаковыми оказались умывальники. Каждый из них представлял собой трубу с ввинченными сосками, в которые вода самотёком поступала из большой бочки. Одной из обязанностей дневальных была забота о постоянном пополнении бочки водой. Под трубой устанавливался деревянный жёлоб, выходивший за пределы казармы. Бочки были настоящим дефицитом. Из них делали гревшие всех нас печки. Бочку устанавливали на днище, подложив камни, из проволоки изготавливали колосник, одно отверстие — подувало, другое — топка, ставили трубу, и печь готова. Бочками тоже занимались командир и комиссар.

Наступила осень, начались заморозки, основные работы по подготовке к зиме были завершены. Но народ вошёл во вкус дела. Командиры батарей, начальники служб занялись, каждый на свой вкус и по способности, благоустройством. Здесь, в канцелярии, — полы и строганые столбы,

там — потолок в каптерке подшивают. Конца этому не было видно. Собрав комсостав на совещание, Брюханов твёрдо заявил: «Конец строительству, с 1 октября начинается учёба, ни одного красноармейца снимать с занятий на работы не разрешаю. Будут такие случаи, будет и строгое наказание. Мелкие работы выполнять только силами наряда!» Все понимали, что командир это решил твёрдо, а комиссар всё солидно обосновал.

Можно безошибочно сказать, что зима с 1939 на 1940 год была периодом наиболее организованной, постоянной боевой и политической учёбы. Комсомольская жизнь тоже била ключом. Работать стало легче, пришёл опыт, да и немалую роль в этом играло партбюро. Осенью прошло отчётно-выборное партсобрание, секретарём партбюро был избран мой комбат, капитан Третьяков. Он, как мы знаем, любил партийную работу и к комсомольским обязанностям относился с большим пониманием. Добрый совет и помощь всегда были под боком. А отношение комиссара было просто отеческим. Помню, вскоре после моего избрания отсекром, комиссар критически посмотрел на мою довольно замызганную гимнастёрку. Через несколько дней он мельком заглянул в палатку, подал мне свёрток: «Посмотри, может, подойдёт?» — и ушёл. Развернув, я обнаружил почти новенькую гимнастёрку из коверкота стального цвета.

Как-то раз полк в полном составе, отработав тему тактических учений и проведя батарейные стрельбы, возвращался в городок. Погода стояла мерзкая: дождь, ветер, дорога основательно разбита. Намотавшись изрядно, после бессонной ночи я устало брёл с одной батареей, с трудом извлекая ноги из вязкой грязи. Шинель промокла насквозь. На мне был патронташ, противогаз, ранец и за спиной, непрерывно соскальзывая, винтовка. Мимо проехал комиссар. Он был в седле. На другой день вызвал меня к себе. «Знаешь, винтовка тебе ни к чему, сдай её и получи пистолет». Об этом только я мечтал. Взял наставление, сдал зачёт и через несколько дней получил новенький пистолет типа ТТ. Действительно, с ним было куда удобнее.

Как-то вечером, а уже наступила зима, завыла, запуржила камчатская пурга, личный состав сидел в тёплой землянке. Мы с Илюшей Валовым читали, было уже поздно, когда раздался телефонный звонок. Говорил комиссар: «Никак, комсомол, завалило вас снегом?» «Да, уже выше крыши». «Ну, ладно, спите, утром пришлю бойцов, откопаем». Действительно, утром ребята из комендантского взвода отрыли нас, сделали проход в снегу. Был внимателен и командир. Помню, как майор Брюханов, как-то вечерком заглянувший в нашу землянку, настойчиво убеждал меня взяться за общеобразовательную подготовку.

В эту вьюжную и многоснежную зиму, наверное, все оценили заботу комиссара о клубе. Там смотрели кино, концерты, работала самодеятельность, спортивные кружки, проводились читательские конференции, действовала вечерняя школа, там же шла командирская учёба, все совещания, митинги и собрания.

Помню наши полковые комсомольские собрания. Готовили мы их тщательно. Комсомольцев было около тысячи, на собрание приходило более восьмисот. Была у нас хорошая традиция: делать все комсомольские дела с песней. Пока собирались, вовсю гремела песня. Запевал, как правило, Николай Севин, командир орудия четвёртой батареи.

Комиссар Новак любил эти собрания. Подсаживался к комсомольцам, беседовал, окружённый кольцом любознательной молодёжи. И всегда выступал, страстно, убедительно. А вот Брюханов на комсомольские собрания не ходил. Много раз я его упрашивал: «Пойдёмте, ведь там же весь полк». «Ладно, ладно, — отшучивался он, — там комиссар, справитесь».

Зима доставила много хлопот. Снег оказался обильным, завалил все наши приземистые строения. Почти каждый день приходилось отрывать склады, парки, делать проходы к конюшням, казармам, столовой, клубу. Образовались настоящие траншеи. Пурга бесилась часто. Однако молодость, задор брали своё, непогода свирепствовала, но бойцы проводили свой досуг и под толстым слоем снега в ленин-

ских комнатах и клубе, и не только. Однажды после обеда в субботу звонит в комсомольское бюро комиссар: «Есть десять билетов в театр. Как ты на это смотришь?» «Хоть погода и паршивая, но надо организовать выход». «Иди, забирай билеты». Быстро собралась группа охотников в театр, надели лыжи, тронулись. Пурга рассвирепела, в пяти шагах ничего не видать. Снега было уже так много, что местами под его покровом обрывались телефонные провода. Всё кругом гудело. Мы сразу поняли грозящую нам опасность потеряться и шли гуськом, наступая друг другу на лыжи. Несколько раз останавливались, сбившись в кружок, чтобы перевести дыхание. Чтоб не заблудиться, шли по линии телефонного провода. Полтора часа сражались с пургой, пока добирались до города, но на спектакль успели. Спрятали лыжи в снегу, зашли в театр, отряхиваясь от снега. Брюки промокли ниже колен.

Шла пьеса Эжена Скриба «Стакан воды». Зал был полон, артисты играли с подъёмом. Действие нас захватило, увлекли проказы Мерондалины, и мы вместе с залом заразительно смеялись. Под конец спектакля появилась тревога, а хватит ли сил добраться до полка? Но тут нам повезло, погода улучшилась, ветер стих, небо сияло звёздами. Бодрые, довольные, явились мы в часть. Там не на шутку были обеспокоены. Оказывается, комиссар приказал задержать нашу группу, но мы к этому времени уже были в пути. За эту зиму мы основательно овладели лыжами, походы в тридцать-сорок километров нам были не страшны.

Случались и неприятности. Без всяких видимых причин начался падёж лошадей. Люди дневали и ночевали в конюшнях. Уход был безупречным, и всё же мы продолжали терять наших верных друзей. Было странно: здоровая лошадь при малейшей скачке ломала ногу. Доложили по команде. Позже удалось выяснить причину падежа: в съестных кормах оказалось мало минеральных солей, это приводило к заболеванию костной ткани. С наступлением весны и увеличением добавок к корму симптомы болезни прекратились. Но тревоги по этому поводу было много.

Лето 1940 г. стало временем дальнейшей отработки тактических задач, совершенствования артиллерийского мастерства. В июне полк подвергся инспекторской проверке. Готовились к ней основательно. Комиссар собрал коммунистов, прошли партийные и комсомольские собрания.

Работа комиссара в это время была для нас настоящей организаторской школой. Проведение партийных и комсомольских собраний он считал началом дела, не уставал говорить нам, молодым политработникам, что наше деятельность не самоцель, а средство решения основных задач части: стать крепкой боевой единицей. Для этого все в полку должны чётко знать, что и как делать. Он составил чёткий план политического обеспечения мероприятий предстоящей инспекторской проверки. К этому делу были привлечены все, в том числе клуб и библиотека. Подвергалась, скажем, батарея проверке стрельбы из личного оружия: в ленинской комнате появлялись призывные лозунги, плакаты по стрелковому делу. Новак вечерком заходил в подразделения, беседовал с красноармейцами, находил и время собрать агитаторов, посоветовать, что прочитать бойцам. Помню, как воодушевлялись люди после таких бесед, как восхищённо они отзывались о своём комиссаре. А уж в тылу огневого рубежа работа шла вовсю. Тут и напоминания о приёмах меткого огня, и обязательно большой щит с показателями результатов стрельбы каждого бойца. К этому комиссар постоянно привлекал партийный и комсомольский актив. Меня на свои беседы брал регулярно: «Как же я без вожака буду толковать, ведь там почти все комсомольцы». Такая работа велась неустанно, конкретно и целеустремлённо по всем видам боевой подготовки. Как сейчас помню, если батарея шла на марш, то даже на двуколке, отданной под снаряды, крепился лозунг.

Много в это время работал и командир полка. Однажды приказал построить людей и лично проверил состояние снаряжения каждого бойца. В сопровождении начальника штаба, командиров дивизионов и очередной батареи он проверял оружие, пригонку ранца, качество шинель-

ной скатки, целость обмундирования, патронташей и прочего. Нас просто изумила его скрупулёзность. Проверка шла до вечера. Очевидно, кроме необходимости самому убедиться в состоянии воинской экипировки, Брюханов преследовал и психологическую цель: все люди должны почувствовать полную меру ответственности перед предстоящим экзаменом.

Инспекция длилась неделю. Были проверены знания красноармейцами своей специальности, мобильность по тревоге, проведены стрельбы из личного оружия, артиллерии, способность к противохимической, противовоздушной обороне. В эти дни спали мало, но итоговая оценка — «хорошо» — всех обрадовала. Высший государственный экзамен полк выдержал.

Комсомольцы были молодцами, по всем видам боевой и политической подготовки занимали передовые ряды. Много, очень много полезного они сделали этим летом. Помню, как сошёл снег, командир на одном из совещаний сокрушённо говорил о том, что все наши склады продовольствия, фуража, боеприпасов находятся в плохом состоянии. Фураж подмок, начинает портиться, а если начнутся дожди, то будет совсем скверно. Он подсчитал, что если ежедневно выделять на обработку хранимого взвод, дел хватит на месяц. Это большой отрыв от учёбы, а на носу инспекторская проверка.

Тут меня осенило. А что, если эту работу сделать авралом, устроить комсомольский воскресник? Это мнение поддержал комиссар, понравилось оно и командиру. Начали оживлённо обсуждать, пришли к выводу, что работу надо организовать широким фронтом, на всех складах сразу, так как выйдут одновременно не менее восьмисот человек.

Командир загорелся. Собрав начальников служб, обошли фронт предстоящих работ, произвели расчёт расстановки людей. Сборные склады были уже установлены, требовалось перетащить, уложить в штабели немало мешков и ящиков. Собрали комсомольский актив, комиссар рассказал, что предстоит сделать.

В ближайшее воскресенье после завтрака заиграл оркестр. Комсомольцы дружно направились к месту работ. Тут их уже ждали командир и комиссар. Всех быстро разбили на команды, каждая получила свою задачу. Сбросили шинели и командир с комиссаром. За пять часов всё в основном было сделано. Построились. Командир объявил благодарность. В ответ на всю окрестность прогремело: «Служим Советскому Союзу!» С песней пошли на обед. А довольные успехом командир и комиссар ещё долго оживлённо беседовали, нахваливая комсомольцев.

Позднее, как-то вечером, накануне очередного комсомольского собрания, зашёл Брюханов вместе с физруком полка Анисимовым. Командир говорил, что пришло тепло, подсохло, молодёжь заскучала. Клуб, кружки — это хорошо, но нет массовости. Надо «поднять» спорт. Решили строить стадион, там будет и футбол, и волейбол, и баскетбол. «Артиллерист должен быть сильным и ловким, но один физрук это дело не потянет», — таким веским аргументом завершил он разговор.

Было ясно, что командир пришёл к комсомолу с готовым решением. На полковом собрании его довели до всех и встретили с большим воодушевлением. В пятницу и субботу раздались взрывы: на выбранной под стадион площадке корчевали самые большие пни. В воскресенье закипела работа. Два трактора рвали и растаскивали пни и деревья. Люди с ломами, кирками и лопатами срубали кочки, засыпали ямы, ровняли поверхность. Повозки доставляли песок, плотники обрабатывали деревья для столбов, бумов, заборов. Уже к вечеру площадка вчерне была готова. А через неделю, после работы вечерами, в следующее воскресенье стадион с разбитыми на нём футбольным полем, площадками для волейбола, баскетбола, прыжков в длину, сектором для толкания ядра был готов. Любители-художники под руководством начальника клуба украсили его лозунгами, рисунками, рельефными фигурами спортсменов.

Стадион превратился в постоянное место проведения досуга любителями спорта, различных соревнований. Здесь

же теперь шли и построения полка, и изредка утренние зарядки. Брюханов любил спорт, и стадион стал его любимым детищем.

Теперь каждое воскресенье до обеда здесь было полно бойцов. Слышались разговоры, смех. Мячи без конца подпрыгивали под ловкими ударами. Состязались взводы, батареи, дивизионы. На первенство полка прибывало всё командование. Частенько в игру включался и Брюханов.

Комиссар всегда пребывал среди бойцов. Так и на этот раз. Полюбовавшись задорной игрой в волейбол, он подошёл ко мне, позвал в клуб. Здесь, как обычно, репетировали любители хорового пения. На невесть откуда добытом комиссаром наборе духовых инструментов любители гудели в трубы. Самодеятельность репетировала вовсю.

Комиссар любил клубную работу. Помню, у нас в полку появился переведённый из какой-то части грузин Гогнадзе. Вызвали его в клуб. «Лезгинку танцуешь?» «Танцую, у нас на Кавказе все лезгинку танцуют». И тут же под аккомпанемент баяна — огненная пляска. Не прошло и месяца, как в черкеске, мягких сапогах Гогнадзе «давал» свой коренной номер танцевальной программы. Зал лопался от восторга.

Комсомольцы непрерывно придумывали что-то новое. Миша Игнатовский предложил выпускать световую газету. Первый номер мы сделали вдвоём. Взяли киноленту, смыли эмульсию и мелко-мелко чёрной тушью в размер кадра описали несколько интересных событий в части за последнюю неделю, кто чем отличился, кто проштрафился. В субботу пошли в клуб, отдали ленту киномеханику. Успех превзошёл все ожидания. Зал то одобрительно гудел, то взрывался смехом. Увеличенные надписи и рисунки выглядели на экране весьма уродливо. Но это никого не смущало — главное, содержание. После этой «премьеры», если «световая» долго не появлялась, раздавались крики: «А где газета? Давай газету!» Комиссар, узнав об этом почине, навёл порядок, предложил избрать редколлегию. Так световая газета получила постоянную прописку на клубном экране.

В 1940 г. комсомольское бюро рекомендовало в партию восемнадцать лучших комсомольцев. Собрания всегда проходили очень оживлённо. Да и критики звучало достаточно. Когда стоял вопрос о выдвижении коммуниста на высшую должность или решался вопрос о присвоении очередного звания, партийная характеристика была главным документом. При её обсуждении всесторонне и пристрастно оценивались личные качества партийца. Не обходили и вопросов быта, поведения. Для молодёжи это становилось большой и серьёзной жизненной школой. А что касается заседаний бюро ВЛКСМ, то тут критика иногда была через край. Помню, заслушивали на бюро одного командира взвода о прилежности его бойцов в содержании коней. Секретарь партбюро Третьяков, оставшись с нами наедине, пожурил: «Вы уж, ребята, больно того, резко больно, он ведь командир-то молодой». Но так случалось редко. В основном комиссар везде и всегда поддерживал критику, учил не умалчивать об имеющихся недостатках.

Вспоминая прожитое, не могу без улыбки говорит о некоторых наших критических выступлениях. Вот один эпизод. Младший политрук Хабибуллин проявил странную манеру. В батарее в соответствии с распорядком дня после подъёма в шесть часов утра, после физзарядки, проводились политинформации. Привыкнув к этому режиму, я, как бы не был занят, накануне вечером подбирал тему и тщательно готовился, продумывая выступление, как связать его с жизнью. Хорошо зная состояние дел, называл фамилии отличившихся в учёбе и на работе. Информация проходила оживлённо. Молодой политрук, очевидно по неопытности, не только не придерживался этого правила, но, наоборот, не предупредив с вечера, рано утром вызвал меня в палатку и, когда батарея уже усаживалась перед навесом, приказал: проведи беседу.

Меня коробило от этого упрощенчества. Однажды в полк пришёл Миша Игнатовский. Его в эту пору уже взяли в аппарат дивизионной газеты «Верный сын Родины» в качестве литературного сотрудника. Работая по своему материалу

для газеты, он встретился со мной, спросил, что нового, удивился, что давно не пишу в редакцию. Я посетовал на Хабибуллина и предложил написать критическую заметку на эту тему. Игнатовский засомневался, мол, неудобно мне давать критику на своего политрука, уж больно необычно. Я, однако, настаивал, утверждая, что, кроме пользы, ничего не будет. Игнатовский согласился. В очередном номере газеты появилась заметка, резко критиковавшая Хабибуллина за формальное, казённое отношение к проведению политинформации. Мне никто ничего не сказал, промолчал и Хабибуллин, но неловкость от этого шага я испытывал очень долго.

А вот ещё случай, произошедший позднее, после формирования нового полка. Было назначено выборное партсобрание, следовало избрать партбюро части и его секретаря. К своему удивлению, я увидел, что политотдел рекомендовал в партбюро Хабибуллина. Зная его недостатки, выступил с резкой критикой. Коммунисты меня поддержали, и только тактичное выступление начальника политотдела спасло положение. Незначительным числом голосов Хабибуллин был избран в состав бюро. Сейчас, размышляя зрело, думаю, что был не совсем прав. Хабибуллин — молодой политработник, впоследствии, с обретением опыта и практики, себя хорошо зарекомендовал на партийной работе.

Комиссар умно и тактично направлял критику в нужное, полезное русло. На партсобраниях он внимательно выслушивал предложения коммунистов. Нерешённых вопросов боевой учёбы, её обеспечения, жизни и быта всегда было предостаточно. Прения иногда принимали бурный характер. Как правило, комиссар, выступая, поощрительно отзывался на толковые предложения, умело обобщал предложения. Решения этого коллективного творчества получались всегда конкретными. Коммунисты расходились, удовлетворённые проделанной работой. Вспоминаю, как мы, молодые партийцы, с жадностью прислушивались к выступлениям старых коммунистов, опытных командиров. Огромная школа партийного роста — партийные собрания —

учили молодёжь пониманию всего многообразия жизненных явлений. Уходили с них с новым зарядом энергии. Не помню, чтобы к какому-либо товарищу из старших, подвергнутому критике за упущения по службе, у нас снизилось уважение. Все понимали огромный объём работы, выполняемый ими, возможность возникновения при этом недостаток и даже ошибок.

Думаю, что комиссар, партбюро не напрасно сносили иногда слишком резкие критические выступления комсомольцев. Дело в том, что, постоянно находясь в гуще бойцов, активисты хорошо знали их настроения. Каждый факт отклонения от нормального режима армейской жизни становился нам известным. Очевидно, комиссар высоко ценил эту информированность и поэтому терпимо относился к подобным критическим наскокам.

Полк продолжал совершенствовать взаимозаменяемость людей в расчётах. Теперь в них уже имелись по два наводчика и заряжающих, продолжали повышать своё мастерство радисты и телеграфисты. Командиры отрабатывали наиболее сложные задачи: стрельбу с закрытых позиций, сосредоточение огня, контрбатарейную борьбу. По-прежнему интенсивно действовала разведка. Частенько утром мы видели помощника начальника штаба капитана Русакова, командира батареи управления капитана Волобуева во главе группы всадников, направлявшихся в очередную дальнюю поездку. Иногда в них участвовали командир полка и начальник штаба.

Этим летом полк выполнил большой объём работ в Петропавловском порту. Несколько транспортов привезли крупную партию артиллерийских снарядов. С большими трудностями были выгружены и доставлены в артгородок 122-мм гаубицы (гаубицы-пушки образца 1938 г., наиболее совершенные по тому времени отечественные артсистемы. — *Ред.*). Всё это надо было привести в порядок. Большая команда под руководством воентехников перебирала, протирала и тщательно складировала тяжёлые снаряды, массивные гильзы. Немало было работ и с гаубица-

ми. Их тщательно очищали от грязи и толстого слоя консервационной смазки, банили стволы, устанавливали на площадке в строгом порядке. Только значительно позднее нам стало ясно, для кого прибыло это вооружение.

Этим же летом полк получил пополнение с материка. Молодёжь для прохождения карантина разместили в наскоро разбитом палаточном городке. А тут зарядил нудный, многодневный дождь. Помню, комиссар вызвал меня, приказал собрать комсомольских активистов. «Вы знаете, что в полк прибыло пополнение?» «Знаем». «Так вот, мало с молодёжью поработать. Они там, в палатках, скоро совсем поникнут, взбодрить их надо».

Весёлой гурьбой мы отправились к новобранцам. Те, действительно, выглядели уныло. В палатках вода, мокрота, сырость. Организовали отрывку отводных канав, осушили площадку. Затем рассказали ребятам о нашей службе, делах. Молодёжь повеселела.

Помнится, в один из этих дней в комсомольскую землянку зашёл молодой боец. Выглядел он печально. Усадив его, познакомились. Это был Шандуров, недавно окончивший медицинский институт. Он начал горько сетовать на неустроенность: «Это вредительство, разве можно жить в такую погоду в палатках!» Успокоив, рассказали о нашем быте, напомнив, что мы должны быть всегда готовы к походной жизни. Позднее Шандуров проявил себя отличным медиком, работая врачом медпункта стрелкового полка. Встречаясь, мы с улыбкой вспоминали первые дни его армейской службы.

В это же время на переподготовку были призваны несколько командиров запаса, в основном политработники. Выглядели они мешковато. Грузные, рыхлые, они с большим трудом втягивались в боевые будни. Все с улыбкой смотрели, как два, а то и три бойца усаживают в седло располневшего майора. Но это были опытные коммунисты, имевшие хорошую теоретическую подготовку, многие годы проработавшие в партийном аппарате. Взять хотя бы майора Страхова, позднее назначенного начальником

дивизионной партшколы. Его лекции по вопросам истории и теории партии нам запомнились надолго. Быстро влился в коллектив капитан В. С. Акшинский, бывший редактор областной газеты «Камчатская правда», позднее избранный секретарём партбюро полка. Он любил выступать перед бойцами, особенно на литературные темы. Затаив дыхание, слушали его увлечённые рассказы о творчестве Маяковского, Асеева, Есенина. Журналист по профессии и по призванию, он продолжал печататься в областной газете, писал стихи. Помню, вечерами, зазвав к себе в комнатушку, читал новые стихи и внимательно прислушивался к нашему мнению. Критики из нас были неважные, но Акшинский с большим вниманием относился к высказываниям каждого.

В целом за время с момента начала формирования полк превратился в дружный, сплочённый коллектив, где все, от бойца до командира, не жалея сил, трудились над тем, чтобы умножить его боевую силу, подготовиться к любым ратным испытаниям. И немалый вклад это вносил наш задорный комсомольский коллектив.

Вспоминается мне одна страница из множества полезных комсомольских инициатив. Как-то после заседания бюро в разговорах возникла мысль, более чётко сформулированная Мишей Игнатовским. «Для чего мы здесь? — задал он вопрос и тут же ответил: — Для того, чтобы защищать Камчатку. Это всем ясно, а что мы знаем о ней? Мало знаем. А надо, чтоб каждый боец, командир знали историю Камчатки». Сидевший рядом Грибовский добавил: «А что мы знаем о героической обороне Петропавловска?» Разговор получился интересный. Тут же возникла идея составить для начала план мероприятий по ознакомлению молодёжи с историей Камчатки, Петропавловска и показать его комиссару.

Над планом работали недели две. Включили туда поход на западное побережье в Усть-Большерецк, посещение рыбоконсервного комбината, рыболовецких судов, судоремонтной верфи, осмотр памятников первооткрывателям Кам-

чатки, ознакомление с историческим музеем. Особое место было отведено событиям героической обороны Петропавловска. Комиссар, изучив этот план, остался очень довольным. На минуту задумавшись, он сказал: «А ведь вы попали в точку! Особенно насчёт героической защиты Петропавловска. Ведь в этом году исполняется двести лет со дня его основания. Это событие — одна из славных страниц истории России». Потом добавил: «Включите-ка и моё выступление перед молодёжью на эту тему. Ну, а тебе, — сказал он, обращаясь ко мне, — надо связаться по этому вопросу с горкомом комсомола. Тут может быть много полезных общих дел».

В полку с лекциями выступили работники горкома ВЛКСМ, лекторы горкома и обкома партии. Один раз удалось даже затащить учёного-вулканолога. С затаённым дыханием слушали ребята его увлекательную беседу о структуре земной коры в зоне Тихого океана и Камчатки, об источниках подземных сил, приводящих к землетрясениям. Особенно был интересен рассказ о вулканах, о знаменитой Ключевский сопке, гейзерах, перспективах использования тепла подземных вод, многочисленных термальных источников для людей. Выступил как-то раз и работник Акционерного Камчатского общества, поведавший о рыбных богатствах полуострова, о повадках рыб и крабов, организации рыболовства и рыбоконсервного производства. Всё это тоже слушали с большим интересом и вниманием. В сознании бойцов такие встречи оставили глубокий след: Камчатка становилась ближе и роднее сердцу наших сибирских хлопцев.

Несомненно, было удачей, что это совпало с празднованием двухсотлетия со дня основания Петропавловска. На юбилейной сессии городского Совета, на которую из полка пригласили несколько человек, с большим докладом выступил первый секретарь горкома партии. Доклад был содержателен и интересен. Позднее его опубликовала «Камчатская правда» и он послужил нам немалым подспорьем. У меня и сейчас хранятся чудом сбережённые

снимки Петропавловска, памятников знаменитым мореплавателям Берингу, Лаперузу, Клерку.

Предметом особой заботы комиссара было бытовое обустройство семей командиров и политработников. В городке 23-го километра стояло несколько одноэтажных деревянных домиков. Никто не претендовал на две или три комнаты, и немногочисленные семьи дружно проживали здесь, имея по одной комнатке. Сейчас положение изменилось. Полк вошёл в штат, количество семейных выросло, кроме того, прибыло много молодых командиров и политработников. Отрыв от семейств болезненно сказывался на деятельности командиров. То ребёнок приболел, то дрова кончились, всё это вызывало необходимость отвлекаться от повседневных забот, требовало поездки к семье на два-три дня, а время было дорого. Не решало вопрос и частичное расквартирование семей в городе. Это явно было не с руки, да и желающих сдавать квартиры в Петропавловске находилось мало. Выручил почин младшего лейтенанта Анищенко, в прошлом старшины, а затем сверхсрочнослужащего, человека хозяйственного. Он сам мог смастерить всё, что угодно, и взялся за дело. За короткое время с помощью двух-трёх бойцов взвода построил для своей семьи жилище.

Вкопал несколько столбов с пазами, в которые были уложены тесаные брёвна, сделал потолок из тёсаных плах, крышу под дранкой, сенцы. Поставил окна и обил стены картоном от освобожденной тары, сложил плиту и получил тёплый светлый домик площадью около двадцати квадратных метров. Помню, увидев этот домик, комиссар пригласило командира полка, секретаря партбюро, командиров дивизионов. Осмотрели постройку. Комиссар отметил, что это и есть решение проблемы. Брюханов согласился, добавив, что командир дивизии уже «жмёт» на него — убирай семьи с 23-го километра.

В этот вечер собрали совещание. Комиссар деловито объяснил, что быстрого решения квартирного вопроса ждать нечего. Командование дивизии решило построить для полка два деревянных двухэтажных дома, в которых

с большим трудом удастся разместить семьи командования, штаба, командиров дивизионов. Молодые командиры дружно поддержали идею строительства отдельных домиков. Брюханов предупредил их о недопущении «самотёка», приказав подать рапорты тем, кто будет строиться. Площадка для посёлка будет отведена, каждому дадут участок. На стройку разрешаю брать не более четырёх человек от взвода. Материалы: кирпич, стекло, доски — буду распределять сам. Предупредил: «Никаких самовольств. Сроки строительства землянок для личного состава, конюшен и другого остаются без изменения».

Через день работа закипела. Усердно трудились сами командиры вечерами и в выходные. И вот через два-три месяца на сухом возвышенном месте, хорошо скрытом деревьями, недалеко от стадиона возник весёлый посёлок. В обустройство домиков включились и семьи. Нашлись умельцы, оштукатурившие их изнутри, а кое-кто достал краски для окон, дверей и пола. Суета, визг ребятишек оживили жизнь полка. В одной из землянок заработал магазин Военторга. Художественная самодеятельность пополнилась женскими голосами, заработал женсовет.

Приятно было зайти вечером или в выходной день в клуб. Смех, разговоры. Оживлённо и в библиотеке. И почти редкость — разговоры о бытовой неустроенности. Наш дружный коллектив зажил ещё более содержательной, полноценной жизнью.

Случались и казусы. Командир третьего дивизиона Данкевич был женат вторым браком. Его супруга, молодая, весёлая, жизнерадостная украинка с сумщины была активной участницей самодеятельности. Муж — занятой человек, с раннего утра до позднего вечера пропадал на строительстве, часто на два-три дня отлучался в полевые поездки, на учения. Однажды, поздно возвратившись домой, он услышал, что дверь в его комнате скрипнула и кто-то проворно шмыгнул под лестницу. Посветив командирским фонариком, обнаружил там рядового Килина. Было ясно, что тот, воспользовавшись отсутствием стареющего,

суховатого Данкевича, решил восполнить его молодой супруге недостаток ласк. Узнав об этом, мы на бюро возмутились. Килин был наш, барабинец, работал в депо и был хорошо известен как легкомысленный хлопец. Возникло намерение исключить его из комсомола, но комиссар меня предостерёг от поспешности: «Не торопись, я сам разберусь в этом деле». Через несколько дней Килин исчез. В штабе я узнал, что его перевели в стрелковый полк в Усть-Большерецк и срочно отправили с подвернувшейся оказией. Инцидент не получил огласки.

Был ещё случай. Молодой командир взвода шестой батареи Зубцов по праву считался счастливцем. К нему с материка приехала молодая миловидная невеста, и они поженились. Помогли ему построить домик, и чета зажила в своё удовольствие. Однако вскоре к Зубцову зачастил его однокашник по военному училище командир взвода лейтенант Кострицын. Гостя встречали приветливо: разговоры, чай, поданный молодой приятной хозяйкой. Но однажды, забежав днём домой по какой-то надобности, Зубцов остолбенел от изумления. Его супруга пребывала в объятиях гостя. Не ожидая такого поворота от друга, Зубцов яростно бросился на Кострицина. Завязалась потасовка. Зина, так звали молодую женщину, с криком выскочила на улицу. Случайно проходивший мимо командир дивизиона Чачин проворно вбежал в домик, увидел своих подчинённых, извивавшихся на полу и нещадно тузивших друг друга. Громовым голосом Чачин скомандовал: «Встать!» Молодые командиры, растрёпанные, смущённые, вытянулись. Сообразив, в чём дело, Чачин отпустил Кострицина в батарею, а Зубцова повёл к комиссару. Потешным в этой истории было то, что вздёрнутый нос Зубцова оказался прокушенным, и он долго ходил с заметными следами зубов Кострицина. Комиссар уладил и этот инцидент. Супруги помирились и дальше жили дружно, Кострицина же тоже пришлось перевести в другую часть.

Надо отметить, что наша комсомольская активность была бы значительно беднее и менее содержательна, если

бы мы постоянно не ощущали внимание и помощь со стороны парторганизации. Почти на каждом партсобрании обязательно затрагивались вопросы состояния комсомольской работы, в плане работы партбюро обязательно имелся раздел «Руководство комсомолом». Мы, члены комсомольского бюро, ощущали постоянную поддержку со стороны партийных работников. До сих пор остаются в памяти деловые советы и рекомендации со стороны секретарей партбюро Чупина, Третьякова, Горбунова.

Уже упоминалось, что в полку ощущался недостаток кадров командиров и особенно политработников. Чупину пришлось совмещать обязанности секретаря партбюро и комиссара полковой школы. Когда это стало явно невозможным, секретарём партбюро избрали командира батареи капитана Третьякова. При первой же возможности политотдел вернул его на прежнюю должность, порекомендовал избрать секретарём политрука Горбунова, переведённого в полк из другой части. Все они оказали нам самую конкретную, действенную помощь.

Бывало всякое: то необоснованно изменят срок проведения батарейного комсомольского собрания, то куда-нибудь отправят секретаря. Признаться, мне даже не всегда удобно было извещать об этом секретаря партбюро. Реакция последнего, особенно Третьякова, была скорой и решительной. Он тут же вызывал коммунистов с партбюро в нашу землянку и устраивал настоящий разнос. «Додумался, — упрекал он, бывало, командира-коммуниста, — отправил комсомольского вожака с тремя человеками на заготовку сена, а целую организацию оставил без руководителя!» Мне иногда даже не хотелось присутствовать при таком разносе. Но он предупреждал: «А ты не уходи. Мы отвечаем за состояние комсомольской работы. Нас избрали, значит, надо работать».

В последнее время моей бытности секретарём партбюро в комсомольскую деятельность много нового и интересного внёс политрук Василий Семёнович Акшинский. Его знание Камчатки, связи со многими организациями города

много помогли нам в проведении интересных мероприятий. Человек многосторонних интересов, высокой культуры и несомненных творческих талантов, он оставил о себе глубокое впечатление настоящего партийного вожака. Таким Акшинский остался на всю жизнь. После окончания войны он находился на советской работе, окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, несколько лет трудился в аппарате ЦК КПСС, а затем в аппарате Президиума Верховного Совета СССР. С 1970 г. — персональный пенсионер союзного значения. Занимался журналистикой, написал книгу стихов «Края рассветные», монографию «Климентий Ефремович Ворошилов» и одноимённую книгу, биографический очерк. Живя в Москве, работал над книгой о десантной операции на Курилах (речь идёт о книге «Курильский десант». — *Ред.*).

Но не всегда нас сопровождала удача. К сожалению, имелось и много недостатков. Вспоминается печальный случай. В один из летних солнечных дней ушёл из жизни комсомолец, старший лейтенант Миловидов, ветеринарный врач. Его назначили в полк совсем недавно, месяца четыре назад, после призыва по окончании где-то на Украине ветеринарного института. Осталась от него записка: «Никто не виноват, так жить не могу». Мы не могли найти объяснения этому поступку. Как же так, столько дел, и вдруг молодой врач, отличный специалист, не находит себе места в жизни?

Чёткое и ясное объяснение всему дал комиссар. Через несколько дней после этого вызвал секретаря партбюро и меня и хмуро сказал: «Наше упущение. Мы виноваты». Заметив недоумение, пояснил: «Да, да, не удивляйтесь. Заработались, увлеклись делами, конским составом, а о людях забыли. Вам задание, срок исполнения неделя: уточнить, сколько в полку молодых командиров-комсомольцев, сколько из них холостяков, где размещаются. Уточните, сколь можно, как и кто из них участвует в общественной работе, их увлечения, устройство быта». Собрав и обобщив все данные, мы сидели в землянке и невесело обсуждали их. Кар-

тина получалась нерадостная. Быт молодых командиров не налажен, землянка-общежитие в запущенном состоянии, более половины командиров живут на частных квартирах, кто в леспромхозе, кто в городе, общественными делами большинство не занимается.

Доложили комиссару. Мне пришлось признаться, что этим вопросом комсомольское бюро вообще не занималось. Мы, простые парни, в прошлом почти все рабочие, считали, что молодые командиры, окончившие училища, обладают всеми необходимыми высокими морально-политическими качествами, чтобы устоять перед любыми невзгодами. Действительно, как помню, у нас не хватало времени. И хотя лично я имел привычку каждое утро составлять в памяти план, что необходимо сделать (эта привычка сохранилась на всю жизнь), вечером убеждался, что за день всего этого не выполнил.

«Вижу, начинаете понимать, где мы не доработали, — сказал комиссар. — Ведь как жил Милованов? Отработает свои часы обслуживания больных коней и всё. Валяется в своей конурке, что в углу ветеринарного лазарета, на кровати из жердей, пока не наступит ночь. Это не жизнь для молодого человека».

Случай с Миловановым заставил многое передумать и по иному посмотреть на нашу деятельность, в первую очередь работу с молодыми командирами и семьями комсостава и сверхсрочнослужащими. Вскоре мы могли убедиться в том, что она начала налаживаться. Одних привлекли к участию в художественной самодеятельности, других как руководителей спортивных секций, кто-то стал активным читателем библиотеки.

Комиссар и командир много сделали, чтобы упорядочить их быт. Навели порядок в общежитии, устроили отдельную командирскую столовую. Большинство перебралось с частных квартир в новое общежитие. Этот, к сожалению, столь печальный урок причастности комсомольской организации к жизни и быту воинов и командиров остался в нашей памяти.

Восхождение на Авачу и поход в Паратунку

Повседневная жизнь полка была насыщена до отказа. Но неугомонные комсомольцы всё время искали что-то новое. В минуты досуга частенько вспоминали про Авачинский вулкан. Величественное зрелище извержения оставило в нашей памяти неизгладимое впечатление. И вот этим летом мы снова обратились к нему. Хотелось своими глазами посмотреть на кратер, пощупать застывшую лаву. Охотников для такого похода долго искать не пришлось бы. И вот однажды у комиссара начался разговор на эту тему. Зная, что это новое начинание и связано оно с риском, а в те годы подъём на Авачу был ещё редкостью, мы постарались заранее всё продумать. По нашему замыслу команда восходителей должна была состоять из двадцати человек. Кроме комсомольцев-активистов, в неё входили несколько хороших спортсменов: командир батареи заядлый охотник лейтенант Палкин и старший врач полка Афонин.

Когда мы обсуждали детали, вошёл Брюханов. Узнав суть дела, он просиял: «Отлично задумано, комиссар. Ведь наш полк горный, мы должны уметь совершать марши по горам. Молодцы, комсомольцы!» Наш план был одобрен, а вмешательство командира обернулось приятным сюрпризом: по его приказу начальник службы вещевого снабжения покопался в складе, нашёл и выдал нам настоящее альпинистское снаряжение: альпенштоки, ледоступы, ледорубы, верёвки, а в дополнение к этому, кроме сухого пайка, ещё и два килограмма сливочного масла и столько же сахара.

План был прост: в первый день выйти к подножию сопки, возможно ближе к вершине, переночевать, а на следующий день совершить восхождение на вершину.

Всё получилось отлично. Погода стояла ясная и сухая. Хотя маршрут был нам незнаком, но по карте нашли просёлочную дорогу, по ней дошли до «сухой речки» — потоков засохшей, потрескавшейся каменистой лавы от прошлых крупных извержений, образовавших своеобразное каменистое русло. Растительности здесь почти не было, зато по

«берегам» около звонко журчавшего ручейка бурно росли и цвели камчатские травы в два, а то и три человеческих роста. Путь всё время шёл на подъём. Появилась усталость. К вечеру поднялись к подножию. Здесь растительности почти не имелось, всю поверхность усеивали огромные валуны. Из-под чёрного вулканического шлака виднелись участки льда — начинался ледник.

Было тихо. Афонин и Палкин непрерывно щёлкали фотоаппаратами. Осматриваясь на местности, Володя Зоточкин заметил вдалеке горного козла, стоявшего на скальном уступе. Он рельефно выделялся на фоне вечернего неба. Мы все залюбовались этой картиной. Палкин взял винчестер и выстрелил вверх. Гулкое эхо прокатилось по ущелью, животное мгновенно исчезло. У прозрачного весёлого ручейка, бежавшего из-под ледника, разбили бивак, поужинали и уснули богатырским сном. Утром, часов в пять, поднялись. Солнце уже золотило вершины, особенно красивой казалась макушка Корякской сопки, покрытая снегом. Воздух был прозрачен и чист. Эта неописуемая красота очаровала нас. Наскоро позавтракав, тронулись. Подъём становился всё круче. Ноги быстро уставали: сказывалось полнейшее отсутствие альпинистской подготовки. Только Палкин оказался сведущим в этом деле. На коротких остановках он советовал: «Не шагайте рывком, выносите ногу медленно, медленно же передвигайте корпус. Надо двигаться по-медвежьи, с перевалочкой».

Теперь наш путь лежал по леднику, покрытому шлаком. Ледник был не особенно толст, густо изрезан неширокими трещинами глубиной до трёх метров, на дне которых журчала вода. К десяти часам поднялись на седловину. Перед нами находился почти правильный конус сопки. Отдохнув, начали подъём. Последние метров семьсот преодолевали не менее двух часов. И вот мы на вершине. Нас охватывает восторг. Многократное «Ура!» и звук выстрелов из винчестера эхом катятся по ущельям. Время для выхода на вершину оказалось, действительно, замечательным. Она была совершенно свободна от облаков, вокруг

расстилались чудесные виды. На запад, прямо перед нами, высилась вершина Корякской сопки. Чётко выделяясь на фоне небесной синевы, сверкая снежными языками, опускавшимися в виде шлейфов сверху вниз, она стояла, как невеста, красивая и блистательная, и только её крутой взлёт да обилие острых граней напоминали о недоступности. На севере и юге в необозримых далях синели вершины гор, а на востоке, сколь было видно, за зелёной каймой прибрежной растительности белёсой полосой, сливаясь с горизонтом, расстилался Тихий океан. На нас, жителей сибирской равнины, этот вид производил потрясающее впечатление.

Осмотрелись. Вулкан давно заснул, но следы его бурной деятельности присутствовали повсюду. Местами шлак, образующий верхние кромки кратера, имел провалы. Из трещин шёл пар. Шлак в этих местах был влажен и горяч. Кратер — воронка диаметром по верху метров сто и глубиной метров восемьдесят — представлял собой самое бесформенное нагромождение шлака и камней. Осторожно опустившись в глубину, мы увидели его дно, тоже заваленное грудами камней, многие из которых покрыты жёлто-зелёными потёками серы. Резко пахло сернистым газом. Опускаться на самое дно мы, не имея противогазов, благоразумно не решились. К сожалению, фотосъёмки, сделанные в кратере, не получились, помешала большая плотность пара.

Снова собравшись на вершине, мы ещё и ещё раз любовались чудесными видами. Но время шло. Оставив на вершине маленький бронзовый бюст Ильича, решили двигаться вниз. Спуск оказался легче, шли весело и поздно вечером прибыли в полк.

На другой день, мы, «альпинисты», оказались в центре всеобщего внимания. Участников похода окружали группы красноармейцев, вопросам не было конца. Комиссар довольно улыбался, командир дотошно уточнял все мелочи. Через несколько дней, встретив меня, он спросил: «А как ты думаешь, можно или нет затащить на вершину пушку?» Я ответил, что на вершину, очевидно, не удастся, а на седловину можно, но это будет нелегко. «Вот попробовать бы

пострелять оттуда», — мечтательно произнёс Брюханов... Видать, идея приобщения бойцов к горным походам не оставляла его. Уже позднее, когда полковая школа организовала маршевую подготовку со всеми видами охранения, он предложил включить в программу стокилометровый трёхсуточный переход с восхождением на Авачу. Полковая школа в числе ста двадцати человек совершила его, поднялась на седловину. Но бойцы оказались утомлены переходом, погода стояла ветреная, поэтому до вершины добрались только пятнадцать наиболее физически подготовленных воинов.

Другим запомнившимся спортивным событием был поход на горячие Паратунские ключи. Его совершили в декабре, когда выпало много снега, а крепкие морозы закрыли болота и озёра прочным ледяным панцирем. Командование полка эту идею поддержало охотно, затеей особенно остался доволен комиссар. Дело в том, что поход был задуман накануне выборов в местные Советы депутатов трудящихся, а кандидатом в Петропавловский горсовет по нашему избирательному округу была выдвинута передовая доярка Паратунского колхоза. Встреча бойцов с кандидатом в депутаты, беседа, а затем и рассказы о ней в полку входили в дальновидный план нашего комиссара.

Желающих идти в поход тоже было достаточно, отобрали двадцать человек, представителей от каждой батареи. Подготовили одежду, лыжи, палки. Снова отличную помощь оказал командир части. По его распоряжению снарядили хорошую упряжку собак с нартами и каюром. На нартах везли продукты, причём опять-таки по распоряжению Брюханова нам выписали усиленный паёк. На нарту же уложили запасные лыжи, палки. Руководил нашим отрядом командир взвода управления лейтенант Павлов, артиллерист-разведчик, хороший спортсмен, быстро и безошибочно ориентировавшийся на местности. Да и вообще, человек он был спокойный, расчётливый и волевой.

Тронулись рано утром в один из ясных декабрьских дней. Маршрут решили проложить прямиком по целине

от Сероглазки по заснеженному, покрытому прочным льдом мелководью губы. Впереди, проделывая лыжню, уверенно двигался наш лучший лыжник помкомвзвода Чернышёв. Лыжи скользили отлично, шли легко, все были радостно возбуждены. За растянувшейся цепочкой лыжников, а иногда и обгоняя её, с восторженным повизгиванием неслись собаки, легко тащившие за собой по сверкающему насту нарту.

Зимний день короток. Когда преодолели открытую местность, стало темнеть. Вошли в лес, уже в темноте скатились в какую-то лощинку. Тут нам повезло: вышли на избушку лесника. Хозяин был гостеприимен. Обогрелись, выпили по кружке душистого чая, выяснили, что идём верно, до Паратунки осталось двенадцать километров. При свете месяца преодолели это расстояние.

Посёлок уже затих, мы расположились на ночь в сельской школе и спали богатырским сном. Рано утром сбежалась сельская детвора. Гомон, смех. Подошли и взрослые, узнали о цели похода, пригласили нашего кандидата. Молодая девушка бала страшно смущена. Да и, действительно, в знаках внимания ей недостатка не было. Сфотографировались, завязалась дружеская беседа. Бойцов интересовала жизнь и быт этого камчатского посёлка. Потом пошли на ключи. О них и их целебных свойствах мы были много наслышаны. «Курорт» оказался более чем скромным. У меня сохранилась его фотография. Небольшой котлован тёплой воды, постоянно исторгавший пар, окружали берега, покрытые метровым слоем чистейшего снега. На одном бережку, прямо над водой, на хилых сваях стояла маленькая рубленая хатка. С одной стороны котлована из него вытекал небольшой весёлый ручеёк. А вокруг лес.

В хатке, окутанной паром, было не холодно. Ребята быстро разделись и бултыхнулись в воду. Какое наслаждение! Зима, кругом покрытый инеем снег, а тут водичка, и какая! Подплывёшь к одному берегу, что покруче — горячее, отплывёшь — прохладнее. Удовольствие длилось не менее часа. Решили на ночь не оставаться, и Павлов дал команду к походу. Распрощались с гостеприимными хозяевами. Обратно

добрались без происшествий, только у Чернышёва сломалась лыжа, а запасную пару с нарты потеряли вчера вечером. Пришлось ему километров пятнадцать скользить на одной лыже. Поздно вечером все вернулись в полк, доложили о прибытии и отправились спать.

Вот, пишу подробно о походе на Паратунские горячие ключи и думаю, попади мои записки в руки камчатской молодёжи, засмеют. Ведь сейчас там, в Паратунке, наверное, асфальтовое шоссе, а на ключах — современные лечебницы. Да, тогда этого не было...

Походы на Авачу, в Паратунку вызвали оживление среди спортсменов полка. Рождалась масса проектов. Предлагали отправиться в Усть-Большерецк, на мыс Лопатку, а однажды в нашу комсомольскую землянку пришёл уже упоминавшийся помкомвзвода Чернышёв с предложением лыжного перехода... во Владивосток! Правда, в возможности осуществить его все усомнились.

А на состоявшихся выборах за нашу девушку-доярку бойцы голосовали единодушно, против никого не было, зато патриотических надписей на бюллетенях насчитали уйму.
КОКМ ОФ 33369/38. Рукопись

На боевых позициях

Эта рукопись датирована 20 сентября 1991 г., г. Львов. «Написана ввиду моего желания подготовить сборник о службе в 1938—1945 гг. на Камчатке, в частности, в 428-м гаубичном артиллерийском полку резерва Главного командования (январь 1941 — июнь 1942 гг.)».

Сведения о жизни страны и событиях в мире на Камчатке получали по радио и из газеты «Камчатская правда». Центральные газеты и журналы тогда поступали крайне нерегулярно: два, в лучшем случае три раза в месяц. Можно было наблюдать, когда после прихода почты политработники и командиры подолгу засиживались в читальном зале. Здесь было спокойно, хороший свет, столики, тишина.

«Паратунский курорт», декабрь 1939 г.
(КОКМ ОФ 33369/69)

Бойцы купаются в горячем источнике
(КОКМ ОФ 33369/68)

Бойцы 279-го легкоартиллерийского полка, г. Петропавловск-Камчатский, 6-й километр, май 1942 г.:
Ю — А. М. Южаков, Урал; *Т* — Е. И. Тоболин, Омск, сибиряк; *М* — И. М. Мацук, село Сероглазка, камчадал; *К* — И. Н. Кондратьев, Уфа; *А* — Р. К. Акчурин, Татарская АССР.
Приписка: «Эти ребята достойны быть в вашем музее» (ОФ 33426)

Н. Н. Бойчук, 138-й стрелковый полк

С. В. Лукьянов, 138-й стрелковый полк

Н. Т. Попов, 7-й отд. стрелковый батальон

Раздавался только шелест газетных листов, скрип перьев да иногда приглушённый шёпот.

Главной задачей политинформаторов было постоянно держать красноармейцев и командиров в курсе международных событий, популярно и доходчиво разъяснять внешнюю политику партии и правительства, пояснять военно-политическую обстановку в Европе. Она после злодейского нападения фашистской Германии на Польшу, военной оккупации Дании, Бельгии, Голландии, Норвегии, Румынии, Болгарии, Югославии становилась всё более опасной для нашей Родины. После Мюнхена было ясно, что полагаться на отпор фашистской Германии со стороны Запада нельзя. Его политика попустительства агрессору, натравливание Гитлера на Советский Союз была понятна. Следствием этой преступной политики был и молниеносный разгром Франции. Германия всё более тесно блокировалась с Муссолини. Нагло вела себя японская военщина.

В этих условиях воспитание высокой бдительности, поддержание постоянной боеготовности становилось первостепенной задачей командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций. Командование Дальневосточного фронта, военный совет, политическое управление, проводя эту большую работу среди войск на огромных пространствах дальневосточных границ, ни на минуту не забывали и воинов Камчатки.

В январе 1941 г. на совещании командного состава полка был объявлен приказ о формировании 428-го артиллерийского гаубичного полка (ГАП) резерва Главного командования. Вот тут нам стало ясно, почему у нас сложился избыток конского состава и зачем мы всё лето выгружали гаубицы и снаряды. Новая часть развёртывалась с помощью нашего 279-го легко-артиллерийского полка (в дивизии все кратко называли его «лапа»).

Для начала майор Брюханов выделил ГАП две батарейные землянки и конюшню. Командиров и политработников не хватало. Командиром ГАП временно назначили командира дивизиона майора Марченко. Формирование

нового полка шло медленно. Его комиссаром — стал старший политрук Крайник, парторгом — политрук Белый. Все — временно. У обоих семьи жили в городе, и они каждый день утром прибывали в часть, а вечером, ровно в 17.00, на розвальнях отправлялись домой. Помню, на совещании в дивизии комиссар дивизии Шаров гневно и едко воскликнул по этому поводу: «Что это за работа! Только и вижу: утром на буру коню, вечером — на серу коню».

Вскоре политотдел дивизии решил рекомендовать мою кандидатуру на должность секретаря бюро ВЛКСМ новой части. Собрали заседание бюро. Секретарём бюро ВЛКСМ 279-го полка избрали вместо меня Володю Зоточкина, моего друга, нашего неугомонного запевалу. Было грустно расставаться с коллективом комсомольцев, где оставалось немало ребят, с которыми я сдружился, ещё будучи фабзайцем, а потом работая в коллективе Барабинского железнодорожного узла. Из близких мне в новый полк попал только Адам Ефимович Павлюченко. Но и это меня радовало: было с кем поговорить, посоветоваться.

С устройством комсомольского штаба на новом месте службы мне неожиданно повезло. Обходя отведённые нам владения, я набрёл на землянку, стоявшую несколько на отшибе. Её занимал уполномоченный особого отдела. Зашёл. Капитан, наш «опер», как его звали в полку, складывал бумаги в портфель. На мой удивлённый взгляд сказал: «Ухожу. Построили мне домик за штабом». Землянка, вернее полуземлянка, была хороша, стояла на высоком месте, имела окно и чугунную печь-буржуйку. Сообразив, что действовать надо немедля, нашёл кусок фанеры, написал на ней «Зам. командира по политчасти, партбюро, бюро ВЛКСМ» и прибил на дверь. Притащил кровать, установил тумбочку. Сделав это, понял, что теперь всякая конкуренция вокруг землянки, которая неизбежно грозила мне поражением, исключена. На другой день утром, встретив старшего политрука Крайника, доложил ему, что приступил к исполнению служебных обязанностей, кроме того, добавил: «Мною устроено рабочее место и для парторга, и для замполита».

Показал землянку. И Крайник, и Белый были довольны. Крайник заявил: «Да тут при нужде можно и переночевать».

Вскоре в землянке угнездился и наш нештатный писарь активный комсомолец Володя Синицын. Володя был прилежным красноармейцем, скромным и трудолюбивым, он навёл в землянке образцовый порядок. Здесь всегда было тепло и чисто. Вскоре наша землянка превратилась в настоящий штаб по вопросам формирования полка. В ней побывали, решая свои дела, многие старшие начальники, вплоть до комиссара и командира дивизии — комбрига Городнянского. Бывал в этой землянке и комиссар Степан Яковлевич Новак, которому политотдел поручил помогать в создании части.

Стояла снежная, вьюжная зима. Вечерами личный состав был свободен от работы и занятий, и мы, комсомольцы, этим воспользовались. Провели выборные батарейные комсомольские собрания и организационно оформили низовые комсомольские ячейки, избрали полковое бюро ВЛКСМ, подобали и утвердили групкомсоргов взводов. С одобрения парторга провели собрание личного состава, выбрали редколлегию стенной газеты, подобрали агитаторов. Но ГАП, как боеспособной артиллерийской части, ещё не было. Не хватало командиров, политработников. Выучка огневых расчётов только начиналась. До штата не хватало большого количества личного состава.

Ранней весной полк вышел в палаточный городок, рассчитанный на полный штат. Прибыл вновь назначенный командир полка майор Поползухин, комиссар — батальонный комиссар Комолов. Основательно заработал штаб, который возглавил опытный штабной командир капитан Пирогов. Начали действовать службы. Личный состав пополнился за счёт призыва камчатской молодёжи, командование 279-го ЛАП, скрепя сердце, поделилось специалистами-артиллеристами — наводчиками, ездовыми и прочими.

Примерно в марте состоялось партийное собрание полка. На него приехал комиссар дивизии Шаров. Коммунисты собрались в клубе 279-го ЛАП. Предстояло решить важ-

ные вопросы. Избрали партбюро, его секретарём стал младший политрук Хабибуллин. Приступили к обсуждению второго вопроса «Задачи коммунистов в повышении боеготовности полка». Прения и споры были жаркими. Говорили о многом. Ещё остаётся некомплект личного состава, не хватает лошадей, не ясно, где будет обустраиваться полк. Шаров сосредоточился на повышении боеготовности, а вопросам обустройства уделял мало внимания. «Идёт тяжёлая война, — говорил он. — Вся армия в движении, крыша для фронтовика — небо, хата — земля. Наша задача — в кратчайший срок превратить полк в полноценную боевую единицу».

И опять начались дни напряжённой боевой учёбы. Главное — изучение материальной части оружия, огневая подготовка, сплочённость огневых расчётов. С утра и до вечера бойцы были в артпарке. Чтобы обеспечить тягу орудия, вскоре из народного хозяйства были мобилизованы несколько тракторов ЧТЗ. А вскоре состоялась первая тревога с выездом на боевые позиции. На сборах присутствовало командование дивизии, были и гости — секретарь горкома партии. Один дивизион вышел на конной тяге, второй — на тракторах. Машины были старые, первого выпуска, отчаянно рычали, стреляли и часто глохли. С большим трудом удалось пробиться сквозь глубокие снега на ближние позиции, откуда можно было достать ближайшее побережье — район вероятного появления противника. Было заметно, что командование недовольно. Вернулись в городок и снова принялись за учёбу.

Наступило лето, напряжённая работа командиров и коммунистов давала свои результаты. Новый полк заметно набирал силу. Снега сошли, грунт окреп, мобильность части выросла. На совещаниях и собраниях всё чаще возникали вопросы: где же её место? Ведь и очередная зима не за горами. Но вскоре всё изменилось.

22 июня 1941 г. по делам я был в Петропавловске. Побывав в горкоме комсомола, отправился на Никольскую сопку. Так, на часок, полюбоваться на бухту, день был солнечный.

Здесь и услышал выступление по радио народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова. Война! Фашистская Германия коварно, подло, внезапно напала на СССР. Вспоминаю двоякое ощущение, овладевшее мною: с одной стороны — тревога, беспокойство, с другой — твёрдая уверенность, что Красная Армия проучит фашистских вояк.

В полку понимали всю ответственность момента: было не ясно, как теперь поведёт себя Япония, поэтому все находились начеку. Потянулись тревожные, беспокойные дни. 3 июля сидели у рации и слушали выступление И. В. Сталина. Стало ясно — предстоит упорная тяжёлая война. А вскоре вечером прозвучала тревога, и полк, совершив ночной марш, к утру вышел на восточные склоны высоты 261,0, что севернее Петропавловска (сопка Мишенная. — *Ред.*). Этот район и стал местом постоянной дислокации 428-го гаубичного артиллерийского полка резерва Главного командования.

На рассвете все командиры и политработники собрались в одной из лощин высоты. Говорил начальник штаба капитан Пирогов. Он был краток, указав места расположения дивизиона и огневых позиций батарей, сказал: «К вечеру полк должен быть готов открыть огонь». Майор Поползухин выразился ещё короче: «Лес в районе расположения не рубить, наземных построек не сооружать, всё должно быть в земле».

Этот день, как мне кажется, и можно считать началом боевой истории части. С пониманием ответственности, вооружённый ясной целью личный состав с большой энергией принялся за дело. А предстояло сделать немало: оборудовать запасные огневые позиции, укрытие для личного состава, места хранения снарядов, расчистить сектора обстрела, оборудовать наблюдательный и командный пункты, организовать связь. Работа закипела. Вечером командиры батарей докладывали о готовности к открытию огня. Полк зажил трудной полевой жизнью. Надо было спешить, ведь никто не знал, когда грянет военная гроза. С фронта шли тревожные вести, люди находились в постоянном на-

пряжении. Штабы составляли схемы и карты огня, налаживали связь с соседями, с пехотой. Всё непрерывно совершенствовалось. Оборудовали пищеблоки, конюшни, начали строить землянки для личного состава. Штаб полка разместился на северных склонах высоты. Здесь отрыли землянки, в которых жили и работали штабные командиры. Место оказалось удобным: зрелая листва и заросли кедрача хорошо укрывали все сооружения. Командиру и комиссару в укромном месте построили домик, и всё не напрасно: полку пришлось долго размещаться на этих позициях.

Нелегко давались все эти сооружения. Если на равнинах, где были расположены огневые позиции, наносный грунт легко перебрасывали лопатами, то оборудование наблюдательного и командного пунктов на высотах обращалось в настоящую пытку. Скалы не поддавались лопате, ломами и кирками с трудом углублялись за день только на пять-десять сантиметров. Позиции готовили основательно. Каждая батарея имела свой сектор, кроме того, обеспечивался быстрый перенос и сосредоточение огня. Поползухин напоминал: «Всё пристреляйте, каждый метр!»

Вскоре прошли первые стрельбы. Огонь вела четвёртая батарея второго дивизиона. Всё прошло хорошо. Смертоносные снаряды с воем неслись к берегу и, взрываясь, вздымали фонтаны дёрна и песка. Подводя итоги, командир дивизиона майор Марченко сказал: «Не то, что хорошо, а просто скажу — красиво батарейцы стреляли». Профессионал-артиллерист был доволен. Было удовлетворено и командование. Радовались бойцы, ответив громовым: «Служу Советскому Союзу!» на слова благодарности командира батареи капитана Слинькова.

Потом состоялись ещё одни интересные стрельбы. Сапёрный батальон дивизии уже основательно поработал над инженерным укреплением плоского побережья океана. В месте, где противник мог решиться на высадку, в пределах надёжной досягаемости ружейно-пулемётного огня вдоль по урезу воды были сооружены дзоты. Эти приземистые, низко посаженные в землю сооружения были почти незаметны на

фоне растительности, как со стороны суши, так и с моря. Сделаны они были надёжно: стены из толстых брёвен, внутри засыпаны камнем, потолок в три наката. Мы даже удивлялись: где саперы набрали такого толстого леса? И вот некоторые бойцы из пехоты, особенно те, кто видел наш артиллерийский огонь, фонтаны взрывов и воронки от них, начали сомневаться: устоят ли эти дзоты против артиллерийского огня, если потребуется их накрыть во время высадки врага? Каково будет в них сидеть нам, пехотинцам?

Словно в ответ состояли показные стрельбы. Орудие второй батареи нашего полка выпустило по одному дзоту пятьдесят снарядов. Присутствовало командование дивизии и полка, разместившееся на командном пункте командира полка на высоте 261,0. На стрельбу и её результаты пожелал посмотреть и первый секретарь Камчатского обкома партии Аксёнов. Ему подготовили место близ огневой позиции на высоте, поближе к берегу, на правом фланге полка. Вынесли табурет, установили стереотрубу. Меня тоже съедало любопытство, и я примостился тут же рядом с биноклем.

Беглый огонь, кажется, иногда полностью накрывал дзот фонтанами взрывов, вокруг него буквально поднялось облако из песка и пыли. Но вот огонь прекращён. Возбуждённые, усталые артиллеристы бросились на землю. Силы иссякли. Аксёнов с командованием отправились к берегу оценивать результаты огня, а я подошёл к расчёту. Лица парней горели, пот катился градом, гимнастерки промокли начисто. Подготовить, подать, зарядить пятьдесят трёхпудовых снаряда — дело нелёгкое.

Позднее комиссар, парторг Хабибуллин и я тоже осмотрели дзот. Из пятидесяти снарядов два дали рикошет от боковой стенки дзота, и только одно прямое попадание! Повредило один слой наката, вокруг — воронки. Как раз подошёл стрелковый взвод, и командир роты, старший лейтенант Смуглый, сухощавый татарин, громко, почти крича, напирал на одного бойца, белобрысого паренька: «Ты видал, видал, твой что говорил!» — и пальцем тыкал в сторону дзота. Такая демонстрация сделала своё дело. Бойцы

убедились, что в дзоте можно стоять накрепко и в огненном кольце артиллерийских взрывов.

Партийно-политическая, комсомольская работа велась непрерывно. Правда, теперь собрания шли накоротке и чаще с обсуждением конкретных задач повышения боевой готовности. Был сделан упор на усиление работы в батареях и взводах. Активизировались комсомольские группы, агитаторы, выпуск боевых листков. В центре внимания коммунистов находилась постоянная, целенаправленная политинформация о положении на фронтах. Центральные газеты поступали редко и с большим опозданием. Главным источником новостей служила дивизионная газета «Верный сын Родины». Партийный актив опирался на скупые, строгие, правдивые строки сводок Совинформбюро.

Несколько позднее, когда завершились основные работы по инженерному оборудованию, были отрыты землянки для личного состава, мы получили большую возможность для проведения различных мероприятий. На этом хочется остановиться несколько подробней. Пригодился опыт, приобретённый в 279-м артполку под руководством комиссара С. Я. Новака. Наше бюро комсомола очень беспокоил вопрос проведения полкового комсомольского собрания, мы понимали его огромную пользу. Для комсомольцев не было лучшей возможности обмена опытом, показа лучших достижений, как с его трибуны. Но надвигалась зима, и нас мучил вопрос, где его организовать. Однажды в соседней лощине обнаружили большой сарай, вернее, его остов. На добротных, прочных столбах лежали прогоны и грубо набросанная обрешётка, стены были набраны только до половины. Когда-то здесь крестьяне сушили сено. Это была хорошая находка. Я пошёл к комиссару Комолову с предложением построить из сарая клуб, он улыбнулся и несколько странно посмотрел на меня. Когда же подробно увидел всё на месте, поддержал предложение. Ещё раз внимательно осмотрели сарай и пришли к выводу, что если здесь как следует поработать, то мы получим место и для собраний, и для лекций. Говорил ли об этом

комиссар с Поползухиным, не знаю, но на другой день, встретив меня, сказал: «Ладно, подымай комсомол, будем оборудовать наш клуб». Актив встретил предложение с энтузиазмом и в ближайшее же воскресенье комсомольцы первого дивизиона с шанцевым инструментом явились к сараю. Образовали четыре бригады. Одна забирала стены жердями, другая устанавливала сидения, третья занялась кровлей, а четвёртая заготовляла жерди и сухую траву. Работали дружно и весело. Гвоздями, нарубленными из колючей проволоки, крепили жерди на стенах, плотно забивая щели сухой травой. Также прибивали обрешётку на крыше. Крышу укрыли толстым слоем сухой травы. После двух таких авралов наш «клуб» был готов. Как он нам пригодился!

Помню первое собрание здесь. Дело было поздней осенью, сыпал снежок. В полк приехал заместитель начальника политотдела подполковник Фаршатов. Мы пригласили его на полковое комсомольское собрание. Он удивился: «А где же вы его соберёте? Кругом снега». Я рассказал о клубе. В воскресенье после обеда комсомольцы организованно прибыли на собрание. На стенах — лозунги, призывы. Возбуждённая встречей молодёжь была в хорошем настроении. И хотя было прохладно, вскоре загремела песня. Это наш старый запевала, сержант Савин, сделал своё дело. Собрание прошло оживленно и деловито. Перед комсомольцами выступил комиссар полка. Фаршатов был восхищён: «Молодцы!» — говорил он. Позднее в политотделе об этом рассказывал как о положительном опыте. Так мы проводили в нашем клубе и собрания, и лекции, а потом ещё наладили и киносеансы.

Осень 1941 г. оказалась пасмурной и унылой, погода наводила изрядную тоску. Учёба, боевая служба на позициях шла, но оставалось и довольно свободного времени. Его следовало чем-то занять. Однажды по вызову капитана Евдокимова, помощника начальника политотдела (начПО) по комсомолу, я находился на совещании комсомольского актива в городе. В перерыве секретарь горкома ВЛКСМ,

увидев меня, удивился, что я редко бываю в городе, и между прочим бросил: «А что книги не забираете, которые комсомольцы города собрали для бойцов?» Тут до меня дошёл смысл его слов. Всю ночь горел нетерпением. Утром зашёл к Комолову: «Мне нужна повозка». Рассказал, в чём дело, и к обеду был уже в Петропавловске, около горкома комсомола. «Где книги?» «Вот они, — сказал секретарь, — забирай». Я зашёл в соседнюю комнату и обмер от радости и волнения: на полу лежала огромная груда разнообразных изданий. Не теряя ни минуты вместе с бойцом-возницей погрузили их в салазки и отбыли в часть.

Комолов ахнул, увидев это богатство. Тотчас под библиотеку была отдана добротная землянка. Установили полки, начали разбирать литературу. Ох, какие здесь были книги! О многих мы только мечтали: Пушкин, Толстой, Гоголь, Некрасов, Драйзер, Дюма, Фейхтвангер, Стейнбек... Около тысячи томов. Люди, наши, советские, чудесные люди, здесь, на далёкой Камчатке, не жалея, отдавали свои любимые книги для бойцов Красной Армии. Подобрали библиотекаря, завели картотеку, и потянулись в землянку бойцы и командиры. Часто можно было видеть, как вечером, когда выла и мела пурга, во взводной землянке при неровном свете коптилки сидели бойцы и внимательно слушали прекрасные строки стихов Пушкина.

О происхождении библиотеки мы умалчивали. Когда однажды в землянке оказался бригадный комиссар Шаров и спросил: «Где взяли книги?», я замер. Заметив моё смущение, Комолов ответил: «Да так, комсомольцы собрали. Семьи офицеров подарили». Шаров не забыл тогдашнее посещение этой землянки и как-то на совещании в политотделе сказал: «Много можно сделать, если захочешь. Вон в 428-м ГАП на позиции такую библиотеку завели, что и в дивизии нет. Молодцы!»

Наступила зима. Толстый слой снега покрыл поля и сопки. От штабов к батареям петляли только узкие стёжки тропинок. Аккуратно расчищались от снега лишь огневые позиции, всё остальное было покрыто белым саваном.

Шла война. Там, на Западе, гремели тяжёлые кровопролитные бои. Наши части были вынуждены отступать, в руках врага оказалась значительная часть территории страны, многие города и сёла. Фашисты бесчинствовали на захваченной земле. А мы сидели и бездействовали. Это требовало особенной гибкости в проведении политической воспитательной работы. С первых дней после коварного нападения фашистской Германии начали поступать рапорты. Их писали и рядовые, и командиры, требуя отправки на фронт. Люди горели желание сражаться за Родину. Но это проявление высокого патриотизма здесь не нашло никакой поддержки. Никаких рапортов! Служите там, и как требует командование. Только позднее нам стало ясно, что, удерживая около сорока дивизий на Дальнем Востоке в ожидании нападения милитаристской Японии, командование не могло ослаблять оборону Камчатки. Но тогда наше бездействие было тягостным и томительным.

Гнев и ярость против врага надо было направить на повышение боевой готовности, укрепление дисциплины и организованности. В этом русле проводилась большая повседневная политическая работа. Боевая учёба шла непрерывно. Командиры по крупицам собирали всё положительное, что доходило до нас из опыта боёв с фашистами: по сопровождению огнём пехоты, борьбе с танками и другое. Всё это мы отрабатывали постоянно и настойчиво.

Личный состав большую часть дня проводил на огневых позициях, доводя до автоматизма методику ведения огня и защиты от воздушного нападения. Возникала необходимость постоянно поддерживать боевой дух, бодрость и не допускать уныния. Надо отметить, что оно чаще проявлялось среди молодых командиров. Нас это немало беспокоило, и мы думали, что может сделать комсомол. Выход нашли в развитии лыжного спорта, да иных-то видов и условий никаких и не имелось. На ближайшее воскресенье назначили соревнования в беге на десять километров, начали готовиться. Желающих посостязаться набралось человек пятнадцать.

Первый опыт оказался не совсем удачен. Дистанцию подготовили плохо, кое-кто её «срезал». Вообще, массовости, задора было маловато, да и основательно помешал густой снегопад. Стало ясно, что без помощи комиссара дело не пойдёт. На другой день пошёл в домик к начальству. Командир полка майор Поползухин был уже пожилой человек, лет за пятьдесят. Командиры дивизионов и батарей дружно отзывались о нём как о прекрасном артиллеристе. А вот партийно-политической работой он интересовался мало, считал это делом комиссара.

Рассказал я о наших комсомольских делах, высказал предложение бюро комсомола ввести в проведение досуга организованность и порядок. Речь шла о лыжах. Поползухин пил чай, кряхтел, ему что-то нездоровилось, а Комолов живо заинтересовался разговором. Майор Комолов был на Камчатке человек новый, достаточно молодой, лет сорока, статный. Прекрасный наездник, спокойный и рассудительный, он быстро освоился в полку и понравился бойцам и командирам. Мы любили видеть его в седле. Помню, осенью, чтобы несколько встряхнуть людей и подтянуть их внешний вид, начальник штаба капитан Пирогов настоял на том, чтобы провести строевой смотр. Полк выстроился на площадке у северных склонов высоты. Ждали командира, но он оказался занят — вызвали в штаб дивизии. На прекрасном гнедом коне появился комиссар. Он так ловко держался в седле, так искусно подскакал и принял рапорт, что все бойцы были восхищены. Как много значит для командира молодцеватый внешний вид!

Под слова Поползухина: «Ну, давай, давай, молодёжь!», окрылённый, ушёл я из домика командования. В комсомольском бюро мы договорились, что вместе с активом будем составлять на каждое воскресенье план спортивных мероприятий и утверждать его приказом по части. Первый план разрабатывали очень старательно. Главными его пунктами были соревнования на лыжах на первенство огневых расчётов. Чётко расписали, кто готовит и обозначает дистанции, назначили судейский состав. Нашли хорошую

трассу: вокруг нашей высоты 261,0 оказалось почти точно десять километров. В работе по подготовке к судейству и состязанию были задействованы почти все молодые командиры взводов. Комолов наш план одобрил, начальник штаба Пирогов поморщился, позвонил командиру, но Поползухин ему сказал твёрдо: «Я в курсе дела — запускайте в приказ!»

Комсомольцы побеспокоились, чтобы о состязаниях знал весь личный состав полка. Первый и все последующие старты состоялись около нашей библиотеки. Всё прошло отлично. Расчёты в списочном составе аккуратно явились на старт и были выпущены на дистанцию. Состязания вызвали большой интерес. Болельщиков собралось много, особенно на финише. Вышли посмотреть на состязание Поползухин, Комолов, Пирогов, Хабибуллин, командиры штаба. Спортивный задор никого не оставил безразличным. Итоги состязаний стали темой разговоров и споров в каждой землянке. Все остались довольны.

Лиха беда начало! С тех пор и до весны, кроме дней, когда свирепствовала пурга, в каждое воскресенье на лыжи становились почти все, и на дистанции шла жаркая схватка за первенство. Соревновались взводы, отделения, отдельные лучшие бегуны. Одним словом, затея с лыжами оказалась чрезвычайно полезной. Помню, захваченный общим спортивным увлечением, капитан Пирогов и сам внёс в приказ пункт: «Организовать соревнование командиров со стрельбой из пистолета».

Постоянной, всеобщей была забота личного состава о лошадях. Мы знали горький урок 279-го полка и старались здесь, в полевых условиях, сберечь их. В укрытых местах оборудовали конюшни, стены которых засыпали снаружи и все щели законопатили травой и мхом, устроили глинобитные полы. С появлением снега его тоже использовали для утепления. Регулярно проводили выводки по взводам и батареям. В эту зиму мы устроили соревнование на лучшую комсомольскую организацию по содержанию коня. Оценка давалась по состоянию всего конного состава в бата-

рее. Попросили несколько молодых жён командиров, и они старательно вышили красное полотнище со словами: «Победителю в содержании боевого коня». Содержание коня отражалось в боевых листах, было предметом особого внимания командиров и комиссаров. В марте 1942 г., пробираясь по глубокому снегу, комиссар Комолов в сопровождении членов комсомольского бюро шёл в четвёртую батарею, чтобы вручить комсомольцам Красное знамя победителей.

Так в суровых, прямо скажем, экстремальных условиях трудился полк, жил одним дыханием, одним сердцем со своим великим народом, делая всё, чтобы быть в постоянной готовности и, когда наступит час, выполнить боевой приказ Родины. Бойцы, сержанты несли службу с высокой ответственностью. Приказы и распоряжения выполнялись чётко. Всё делалось с полной отдачей сил. Не помню каких-то нарушений и проступков. Командирами и бойцами владело постоянное неудовлетворение сделанным. Непрерывно совершенствовались позиции, изучалось оружие и техника, улучшалась тактическая подготовка.

Трудностей было немало, но к ним относились с пониманием. При огромном расходе физических сил сказывалась недостаточность питания. Тыловой паёк при такой большой нагрузке для молодых солдат был слабоват. Особенно заметно проявлялся недостаток в пище свежих овощей: возникли отдельные случаи авитаминоза, у людей слабели дёсна, качались зубы, выпадали волосы. Командиры и политработники вместе с медиками принимали быстрые и решительные меры по обогащению пищи витаминами. Пока не выпал снег, организовали сбор ягод жимолости, а особенно черемши. Сделали кое-какие заготовки. Всё это проводилось организованно. Полезная инициатива поощрялась. Бывали, разумеется, в то тяжёлое время и отдельные, порой курьёзные, случаи.

Помню, затемно возвращался к себе из политотдела. Подъехав к расположению второго дивизиона, услышал отклик полевого караула. Назвав пароль и услышав отзыв, продолжил путь. Однако караул открыл огонь. Спешившись,

переждал, огонь скоро прекратился. Два бойца караула вышли ко мне. «Что за стрельба?» — спросил я у них. Караульные в один голос заявили, что в направлении кедрача слышали подозрительный треск сучьев, шорох, и на окрик никто не ответил. Привязав коня, пошли по направлению шороха. И что же? Метрах в пятидесяти нашли лежавшего с перебитой ногой нашего любимого красавца — жеребёнка-двухлетка. На другой день командир дивизиона Марченко позвонил и пригласил меня прийти в дивизион. Зайдя в землянку командира, я был немало удивлён: передо мной поставили тарелку с аппетитно пахнущим куском свежего мяса. Марченко смеётся: «Воевал ночью, вот, угощайся свежей кониной». Так был съеден наш жеребёнок.

Ещё случай, совсем курьёзный. Однажды явился в бюро утром комсорг первой батареи сержант Акулов и сходу выпалил: «Мясников съел кошку!» Мы с Хабибуллиным переглянулись. «Какую кошку? Кто съел?» Акулов продолжал: «Групкомсорг съел нашу батарейную кошку». И пояснил: «Ефрейтор Мясников вместе со своим расчётом дежурили на огневой позиции. По вызову старшины бойцы ушли в землянку на замену порвавшегося обмундирования. Мясников в это время поймал кошку, ободрал, выпотрошил, сварил в котелке и съел». Возмущению членов бюро полка, когда им рассказал об этом, не было предела. Вечером собрали заседание, вызвали виновника. Мясников был хорошим бойцом, дисциплинированным, уравновешенным, причём отнюдь не выглядел дистрофиком. На град возмущённых упрёков в безволии, бесхарактерности, позорящей комсомольцев, он спокойно ответил: «Ну, что такого, захотелось сильно кушать».

Надо было что-то решать. Освободить от обязанностей групкомсорга согласились единогласно. А вот насчёт взыскания заспорили. Большинство настаивало на исключении из комсомола. Член бюро Павлюченко, мой старый друг, молчал, а затем изрёк: «Исключайте, исключайте, влипнет в историю полк с этой кошкой. Вся дивизия порвёт животы от смеха». Мы задумались. Действительно, если исклю-

чим его из комсомола, то дело надо передавать в политотдел, парткомиссию, и об этом факте узнаёт вся дивизия!

Несколько отклонившись от сути, хочется рассказать об одной из сторон нашего трудного военного быта. Почти в каждом взводе, в каждой батарее, обязательно обнаруживался весельчак и балагур. Эти люди были просто находкой. В самый трудный, тяжёлый момент они умели подметить смешное и с тонким юмором поднести это бойцам. Они просто схватывали на лету комические моменты. Растянулся ли боец в грязи на скользкой дороге или увяз по пояс в болоте, протягивая связь, это запросто не проходило. На первом же привале или в казарме весельчак рассказывал об этом с такими комическими подробностями, что бойцы от смеха катались и хватались за животы.

Помню, буквально за два-три месяца до события с кошкой произошёл случай, о котором вскоре узнала вся дивизия. Одна из рот 373-го стрелкового полка, в котором тогда командовал полковник Винокуров, готовясь к показным учениям, отрабатывала тему «Марш в предвидении встречи с противником». Рота была на лыжах. Штаб дивизии направил в неё в качестве наблюдателя майора Курбатова. Выдвинувшись на одну из высоток, рота залегла в мелком кедраче. Потом в перерыве одного совещания в Доме офицеров под громкий хохот офицеров майор Курбатов рассказывал: «Я стоял у подножия высотки, наблюдая, как рота будет выдвигаться на новую позицию. Ротный дал команду: “Вперёд!” Бойцы, шустро скользя на лыжах, скатывались с высотки и через ручей по маленькому мостику накапливались в лощинке. Смотрю и обмер от смеха. Один из бойцов, видать, неплохой лыжник, решил в кедраче справить большую нужду. А лыжи заскользили, и он помчался по склону, низко присев, со спущенными штанами. Удержаться он уже не мог. Лихо проскочил мимо меня, пронёсся по снегу в таком, полном комизма, виде вниз. Проскочил через мостик и только здесь деловито подтянул свои брюки. Вот так винокуровцы штурмовали чёртов мостик!» — под громкий смех закончил Курбатов. Смеялись

командиры, улыбались генерал, комиссар Шаров. С тех пор, где бы ни появились бойцы или командиры 373-го стрелкового полка, их подначивали: «Ну, расскажите, как штурмовали чёртов мост?!» Вот на этот эпизод нам на заседании комсомольского бюро намекнул Павлюченко. После некоторых размышлений мы решили объявить Мясникову за позорное поведение и проявление безволия строгий выговор без занесения в учётную карточку. Такое взыскание утверждения партийной комиссии не требовало, и это событие осталось достоянием истории полка.

В конце заседания в землянку зашёл комиссар Комолов. «О чём разговор?» — спросил он. Рассказали. У него брови пошли вверх. Комиссар постоял, постоял и молча вышел из землянки. И только иногда, встретив меня, улыбался и говорил: «Ай да комсомол, ай да комсомол!»

Как ни далека Камчатка, а нас не забывали даже в самые трудные моменты. Страна, сражаясь с врагом, развёртывала свои силы. Работая день и ночь, заводы ковали вооружение. Мы уже знали, что дивизия получила большое количество автоматов, противотанковых ружей, миномётов, пулемётов и винтовок нового образца. Весной 1942 г. на одном из совещаний комиссар Шаров сказал, что новое вооружение потребует новой организации, а многим из нас предстоят новые назначения.

Многие мои друзья-сибиряки, рабочие парни, железнодорожники, были выдвинуты на комсомольскую работу. Саша Петрик, наш лучший стахановец, стал комсоргом 198-го стрелкового полка, Коростелкин — комсоргом 138-го стрелкового полка, Зоточкин — комсоргом 279-го артполка. Вскоре состоялась беседа в политотделе, в ходе которой я изъявил желание стать политруком пулемётной роты. Почему? Очевидно, под впечатлением фильма «Чапаев». Пленила меня мощь пулемётного огня. Собрали бюро, комсоргом избрали Адама Ефимовича Павлюченко, а я, собрав свой ранец и вещмешок с любимыми книгами, отправился в 138-й стрелковый полк, к новому месту службы.

ККМГИ 29779. Рукопись

Царица полей

В 138-м полку меня встретили радушно. Заместитель командира майор Петров, низенький, полный, добродушный человек, знал меня по различным встречам в политотделе, на активах и совещаниях. Был знаком я и с парторгом полка лейтенантом Лукьяновым и комсоргом Безделовым.

Поговорив о разном минут пять, Петров сказал: «Ну, на днях мы соберёмся, а ты пока ступай в полковую батарею, побудешь там». Батареей командовал старший лейтенант Баранов, молодой, подтянутый, очень требовательный командир. Комсоргом батареи был политрук Нефёдов. Он был уже немолод, под пятьдесят, призван из запаса, добродушный человек. Одет был всегда довольно небрежно, выглядел мешковато. У него где-то за городом на судоверфи жила семья: жена и двое детей. Моему появлению он искренне обрадовался, повторяя: «Вот и хорошо, вот и хорошо, будем работать, а то хоть разорвись, и работать надо, и семье помогать». И я, не печалясь о будущем назначении, с головой окунулся в новое дело.

Личный состав батареи размещался на первом этаже капитальной трёхэтажной казармы. Здесь имелись небольшая, страшно запущенная ленинская комната, большое помещение, где на двухъярусных добротных нарах отдыхали батарейцы, оружейка, каптёрка и отличная капитальная конюшня. Нефёдов распорядился: «Располагайся в каптёрке вместе со старшиной, тут свет, стол для подготовки». В общем, устроил меня политрук неплохо. И я усиленно занялся своими заботами. Привёл в порядок, оформил ленинскую комнату, написал лозунги и повесил их в казарме. Моей обязанностью стало проведение политинформаций, в одной группе вёл и политзанятия.

Командиру Баранову моя работа понравилась, с личным составом я быстро подружился, а сержанты Максимов и Петров стали моими хорошими друзьями, особенно Петров. Родом с тамбовщины, толковый, он имел среднетехническое образование и как-то особенно дружески относился ко мне.

Досуг мы всегда проводили вместе. Забегая вперёд, скажу, что при Курильском десанте он вёл себя очень храбро, был ранен, осколком ему перебило руку. После демобилизации долго писал мне хорошие, душевные письма.

В целом же обстановка в полку была нелёгкая. Огромная, холодная и неуютная казарма плохо отапливалась. Бойцы были угрюмы, не слышались песни, очевидно, сказывались усталость и слабое питание. Тыловой паёк при большой физической нагрузке, да ещё в зимнее время, не восполнял затрат энергии. Появились явно ослабленные люди. По требованию врачей их свели в особую команду, которую окрестили «слабосильной». Её разместили в тёплом помещении, снизили физическую нагрузку. Просуществовала эта команда до весны.

Мы уже знали, что полк пополняется новой техникой. Как-то собрали всех командиров и устроили показательные стрельбы из противотанкового ружья (ПТР). Результат нам понравился: броневая трёхсантиметровая плита легко пробивалась его пулями с двухсот метров. А вскоре начались и организационные мероприятия: сформировали роту автоматчиков, в каждом батальоне — пулемётную, 50-мм миномётов, противотанковых ружей. Огневая мощь полка заметно выросла.

Нас, хороших друзей, замполитруков, назначили политруками: Трошина — стрелковой роты, Шашина — роты ПТР, меня — пулемётной роты во втором батальоне. Снова поинтересовался, чем будет вооружена рота. Выяснил, что получим двенадцать станковых пулемётов типа ДС-39 (калибром 7,62 мм, системы Дегтярёва, образца 1939 г. — *Ред.*) и винтовки СВТ (самозарядная винтовка системы Токарева образца 1940 г. — *Ред.*). Два взвода в состав роты вошли из пулемётной роты полка, один взвод был сформирован заново.

Сразу была поставлена боевая задача: рота должна поддерживать огнём действия второго батальона, стрели которого прикрывали участок океанского берега в районе устья реки Халактырки и одноимённого рыбацкого посёлка.

Мы, молодые политруки, сразу почувствовали огромную ответственность. Шёл 1942 год, велась беспримерная битва с фашисткой армией. Враг наступал. Для нас не являлись секретами милитаристские устремления японской военщины. Постоянно можно было ожидать нападения. А тут вот он, песчаный берег Тихого океана и полоса обороны нашего батальона и роты. Любой ценой в случае нападения мы должны защитить свою землю, сбросить врага обратно в океан. А он величественно катил свои волны, играя бликами под солнечными лучами.

С головой окунулись в работу. Батальоном командовал майор Емельянов — крупный мужчина с обильной сединой, спокойный и уравновешенный. Полным олицетворением доброты служил замполит батальона политрук Вестехин. Мне всегда казалось, что его веснушчатое, лучащееся добротой лицо даже не способно изобразить гнев или негодование. Он имел пятерых детей.

Штаб батальона располагался на зимних квартирах, и нам предстояло действовать самостоятельно. Командир роты старший лейтенант Роман Беликов, выдвинутый на должность с командира взвода, был уже опытным пулемётчиком, человеком дела. Высоко оценив оказанное ему доверие, он со всей энергией взялся за дело. Нам повезло. В роту влились два взвода полковых пулемётчиков. Первым командовал старший лейтенант Исаков, вторым — старший лейтенант Рудаков, оба сослуживцы Беликова. Они молчаливо и, как я понял, с одобрением отнеслись к выдвижению товарища, и было видно, что они с пониманием и охотой приняли его командование.

Третий взвод собрали из бойцов других рот. Беликов знал людей двух взводов и быстро и решительно сформировал двенадцать пулемётных расчётов, которые имели в своём составе опытных пулемётчиков. На другой день отправились на берег океана, на свой боевой участок. Обошли всё, осмотрели посты. Беликов быстрыми движениями набросал схему расположения пулемётных ячеек, запасных позиций.

Местность на участке обороны батальона нам понравилась. Мерно шумя прибоем в спокойные дни или гневно бросая на сушу огромные валы воды, океан делал своё дело. Вдоль всего берега тянулись волнистые наплывы песка. Подальше от берега они уже уплотнились и были покрыты низкорослым кустарником и травой, которые ближе к берегу мельчали, обращаясь в реденькую травку.

Имелась возможность опробовать превосходную схему огня. Пулемётный расчёт, помещаясь в окопах, обеспечивающих обстрел побережья, в случае необходимости имел возможность вести фланкирующий огонь, поддерживая пехоту.

Побеседовали с бойцами пулемётных взводов. Они с большим интересом выслушали наш рассказ о новой технике, которую получает рота, о новой организации батальона. Чувствовалось, что люди довольны тем, что наши силы крепнут. Поговорили и об обстановке на фронте. Вопросов задавали много. Первая встреча с бойцами в качестве политрука рота оставила у меня глубокое впечатление. Было видно, что ребята верят своим командирам, живут вместе с ними одними думами и ожиданиями. Мне стало ещё более ясно, как необходим труд политрука в этой тяжёлой обстановке. К вечеру, возвращаясь на зимние квартиры, мы не чувствовали ног. Исходили за день немало, а пообедать не пришлось.

Когда затемно подходили к штабу полка, где надеялись встретить комбата, я предложил Беликову: «Зачем эта ходня? Давай завтра я переберусь на побережье, а ты пока будешь здесь, около штаба». Я уже знал, что у Беликова есть семья, жена и сынишка. Ротный, видимо, тоже думал об этом. «Нет, — сказал он, — надо быть вместе, вопросов сейчас надо решать много. Давай завтра переселимся в роту, в землянке второго взвода место для нас найдётся».

Комбат Емельянов просмотрел все схемы и в основном их одобрил, только заметил: «Второй взвод разместите ближе к высоте. Этот участок берега с высотой — батальонный узел обороны». Одобрил и решение немедленно пере-

селиться на берег. «Когда потребуется, вызову», — завершил он разговор.

На другой день ротный вместе со старшиной Кобзевым решил все вопросы укомплектования пулемётных расчётов и взводов. Рота вошла в штатную численность, а я к вечеру имел на руках списки коммунистов и комсомольцев. Подобрал агитаторов, познакомился с активом. Через три-четыре дня все расчёты были вооружены новыми пулемётами, а каждый боец получил винтовку СВТ. Был в основном решён вопрос с размещением людей, появилось расписание занятий, и все упорно взялись за изучение нового оружия.

На берегу дел было немало. Следовало отработать схему огня, одновременно предстояло обновить основные и запасные огневые позиции, ходы сообщения, укрытия. Все эти сооружения оборудовались тщательно. Крутости окопов и ходов сообщения закрывали жердями, вязали фашинами, а амбразуры старались укрепить добротным горбылём. Соорудили землянки для взводов. Один взвод ранее размещался в небольшом, хитро обустроенном помещении на карнизе скалы, обращённой в сторону моря. Вблизи же было хорошо сделано и замаскировано несколько пулемётных гнёзд. Поразмыслив, решили взвод разместить у подножия скалы за выступом, защищавшим это место со стороны моря. Командир взвода Исаков не возражал. Было ясно, что в случае огня корабельной артиллерии противника здесь, на этом карнизе, взводу несдобровать.

Нам с Беликовым досталась готовая землянка бывшего командира полковой пулемётной роты. Немало хлопот принесло нам приказание Емельянова отрыть и устроить командный пункт (КП) командира батальона на вершине скалы. Место для КП было, действительно, удобное. Расположенное на высоте около двухсот метров над уровнем моря, оно позволяло замечательно наблюдать местность и океанский берег. Но скала оказалась крепким орешком. Камень не брали ни кирка, ни лом. Каждый день с рассвета до темноты её в две смены долбили пятеро бойцов. И результат — углублялись на три-пять сантиметров. Покрытые

потом, люди яростно вгрызались в камень, злились. Каждый день раз, а то и два поднимался я на скалу, брал в руки лом и помогал долбить. И выдолбили-таки. КП получился отменный: весь берег был как на ладони, а впереди — бескрайняя даль океана. Позднее мы вместе с командирами взводов, а иногда и командирами пулемётных расчётов не раз поднимались на эту скалу и здесь, на этом «потогоне», обсуждали десятки вариантов организации огневой поддержки стрелков.

Удачно удалось решить и другие дела. В тылу роты, за крупной грядой в зарослях кедрача решили развернуть столовую. Достали в полку два котла, несколько вёдер. Нашлись умельцы, сложили из дикого камня очаг, из строганного кедрача сделали столы, над очагом и столами подняли крышу из дранки. Теперь суп и каша не пахли дымом, и даже в дождь бойцы могли, сбросив плащ-палатки, подкрепиться в сухом месте. Заполучив свою столовую, люди почувствовали себя на берегу куда как уютнее.

Постоянной, каждодневной заботой было санитарное состояние землянок, постелей и личная гигиена бойцов. Чаще всего в воскресенье, если выдавался сухой солнечный день, помощники командиров взводов под контролем старшины Кобзева брались за уборку. На солнышко выносились соломенные матрацы и подушки, одеяла. Дежурный и дневальные начисто выметали землянку, снимали паутину, проветривали. Бойцы стирали в ручье обмундирование, портянки, носовые платки, подворотнички, сушили ранцы и всё их содержимое.

Беликов был неравнодушен к ранцам, и, наверное, не напрасно. Аккуратно уложенный ранец и особенно хорошая скатка шинели не мешали бойцу на марше, придавали строю порядок и вид. Над скаткой трудились немало. Задача состояла в том, чтобы из шинели получился возможно более тонкий жгут одинаковой толщины по всей длине. Длина же этого жгута должна быть такова, чтобы он, наложенный на ранец и закреплённый тренчиками (брезентовыми ремешками. — *Ред.*), точно и равномерно охватывал

его сверху и с боков, причём концы этого жгута должны точно вровень сходиться с нижней стрелкой ранца.

Появившись во взводе, Беликов отдавал команду построить людей в одну шеренгу с ранцами. Взвод поспешно выстраивался. Следовала команда: «Открыть ранцы!» Командир придирчиво осматривал содержимое каждого. В них в строго установленном месте должны аккуратно лежать чистая пара белья, пара чистых же портянок, бритвенный прибор, зубная щётка и порошок, пара конвертов с бумагой, карандаш, неприкосновенный запас. Опытным взглядом Беликов сразу видел непорядок. «Васильев, почему у вас ранец разбух?» Васильев молчал. «Выложить всё!» И, кроме положенного, на свет божий извлекалась целая куча иного солдатского добра. Тут тебе и носки, и причудливой формы ножик, и наборный мундштук, и кисет с табаком, и толстая тетрадь со стихами и песнями, и книга. Да мало ли чего ещё появлялось в солдатском ранце! Беликов возмущался: «А завтра поход на пятьдесят, на сто километров!» Всё лишнее выкидывалось из ранца, затем под наблюдением ротного ранцы укладывались. «А это добро девайте, куда хотите!» Я-то замечал, что все эти «лишние» вещи потом потихоньку опять перекочёвывали на старое место.

Проверив укладку ранцев, ротный брался за скатки. Выгадывали те, у которых шинель была старая, вытертая: скатка у них получалась ровной и тонкой. А как маялся бедняга Кулагин! Новая толстая шинель его не слушалась. С потным лбом, тихо шепча ругательства, он пыхтел и тужился, но ничего путного не выходило. Скатка выходила толстой, мягкой, края жгута отворачивались. «Нет, не годится», — и всё начиналось с начала. «Комаров! — командовал Беликов. — Помогите Кулагину!» Комаров, помощник командира взвода, стройный и ловкий, стоял на правом фланге взвода и довольно улыбался. Его, как всегда образцовый, ранец лежал на траве, а скатка, плотная и равная, была надёжно прикреплена на место. Кулагин снова принимался за дело. На этот раз с помощью Комарова всё шло хорошо. Проверив в заключение своего визита наличие

иголок и ниток в пилотках, Беликов удовлетворённо произносил: «Вот, так держать ранцы и скатки. А всё лишнее выбросить!»

Сам Беликов держал свой офицерский ранец в идеальном порядке. Тут уж и мне пришлось подтянуться. Он довольно подшучивал: «Ну-ну, комиссар, не плошай, нам надо быть примером». Требовательность Романа к своему внешнему виду была постоянной. Всегда с начищенными до блеска пуговицами и сапогами, с белоснежным подворотничком, в чистом и отутюженном обмундировании, хорошо подогнанной шинели, он являл собой безукоризненный пример для всего личного состава роты.

Помню, позднее командование полка распорядилось выдать командирам всех рот клинки. Почему это было сделано, не пойму. Строевых лошадей в ротах не было. Очевидно, для того, чтобы выделить фигуру ротного. Беликов чистил свой клинок до самозабвения. Его эфес всегда блестел, словно золотой. Да и носил он его с шиком. Мы, ротные, да и батальонные политруки иногда подшучивали над этим его пристрастием. Он не обижался и беззлобно отшучивался.

Но это так, между прочим. А здесь, на берегу океана, на нашем участке появлялись новые сложности. Чрезвычайным происшествием оказалась вшивость. Каждое утро взводы выстаивались в своих землянках, а в хорошую погоду на улице, и помкомвзвода командовал: «Осмотреть на вшивость!» Отделенные, приказав скинуть нижние рубахи через спину на рукава, внимательно осматривали швы за воротником, в пазухах и кальсоны в поясе. Однажды рано утром, когда, готовясь к командирской учёбе, мы начищали пуговицы, старшина доложил о результатах утреннего осмотра: в первом взводе имеются два случая вшивости. Через час-полтора политрук роты и комиссар батальона, я и Потехин, с виноватым видом стояли по стойке смирно. Комиссар Петров бушевал: «Обовшивели, плохо контролируете, половину моете, половина ходит не мытая! Позор на всю дивизию!» Мы молчали, знали, во что обой-

дётся доклад в дивизию об этой вшивости. На другой день утром вместе с Беликовым мы стояли навытяжку уже у Меркурьева.

В роте появился полковой парикмахер и строго по списку, в присутствии старшины, стриг всех наголо, а потом проштрафившийся взвод маршировал на зимние квартиры в баню. В предбаннике сидел санитар. Голову каждого бойца он обмакивал в ведро с какой-то вонючей жидкостью, натирал ею пах и подмышки. А потом появился приказ по полку, в котором все непосредственные виновники получили по заслугам. Предписывалось завести в каждой роте книгу учёта помывки в бане. Нас, политруков рот, обязывали взять помывку под контроль. Это означало, что в банный день я обязан быть в бане и обеспечить там порядок. На другой день после происшествия в нашей землянке состоялось совещание. Взводы были на занятиях. На совещании присутствовали старшина роты Кобзев, каптенармус Сивков и все помощники командиров взводов. Обсуждался один вопрос: личная гигиена. Кобзев признался, что добрая четверть бойцов в баню не попадает — занята в дежурных расчётах и наряде. «С подменой опаздываем, — заявил он, — пока сходим до зимних квартир да помоемся, наше время проходит». «Бельё стирают плохо, не гладят», — добавил Сивков. И тут же возникла идея — организовать баню на месте. Это всем понравилось.

Взялись за дело. Нашли подходящее место на берегу ручья, ниже столовой, уютное, скрытое от моря кедрачом. Кобзев достал у хозяйственников две бочки и вместительный клепаный железный ящик, валявшийся у оружейной мастерской, две палатки, тазы. Отрыли гнёзда, натянули палатки: одну для бани, другую под раздевалку, сделали решётки, лавки. Чисто вымытые, пропаренные бочки установили в банной палатке, к ним — жестяные лотки, железный ящик для нагревания воды установили на специальном очаге снаружи.

Беликов попросил у супруги угольный утюг. Сивкова озадачили получать белье заранее и проглаживать его. Наш

«банный комбинат» заработал, бойцы были довольны. Теперь не надо топать в банные день чуть не тридцать километров, всё рядом. Рота получила дополнительное время для занятий.

Однажды в очередной банный день в расположение роты появился всадник на гнедом мерине. Выслушав рапорт, он поговорил о том о сём и заявил: «А покажите-ка свою баню». Пошли. Из палатки, где мылись бойцы, нёсся плеск, весёлый гогот. Пообщавшись с бойцами, комиссар дивизии довольно сказал: «Хорошо, молодцы!» А потом в банные дни в роте всегда находился санинструктор с объёмной сумкой, проверял бельё, тут же стриглись, приводили в порядок ногти, залечивали болячки и ссадины. Больше подобных «чрезвычайных происшествий» у нас не было.

Уже упоминал, что зима с 1941 на 1942 год была тяжёлой. Большая нагрузка боевой учёбой в поле, холодная казарма, скудный паёк ослабили некоторых бойцов. Весеннее тепло, появление дикоросов, особенно черемши, подбодрили людей. Бойцы повеселели, больше стало слышно смеха и шуток. Но недостаток питания всё же был заметен. Все мы получали один паёк и на себе испытывали постоянное, сосущее чувство голода.

Как-то, обходя огневые позиции на правом фланге роты, около устья реки Халактырки мы зашли в землянку икрянщика. Одинокий старик здесь дневал и ночевал. Пока не началась путина, он чинил невода, а на досуге просто грелся на солнышке. Мысль о ловле рыбы для роты у нас возникла давно. Но как достать невод? Это была несбыточная мечта.

Заговорили о рыбе, какая идёт сейчас. Крупной нет, не время, говорил старик, так, мелочь какая, камбала, может, корюшка. «Вот, — доложил он, — на чердаке валяется старый невод, только весь в дырах. Берите, чините, авось что поймаете».

Это уже было дело. На другой же день двое наших умельцев трудились, латая снасть. Вечером закинули и к большой радости поймали килограммов пять всякой мелочи.

От охотников заняться рыбной ловлей не было отбоя, но ротный навёл порядок. Ловить стала команда по назначению старшины, только после боевой подготовки и ужина, с девяти вечера до двенадцати ночи. Утром все рыбаки должны быть на занятиях. За дело взялись с увлечением. Команда из пяти человек отлавливала до шестидесяти килограммов рыбы и в мешках доставляла её на пищеблок. Кухонный наряд не смыкал глаз всю ночь. Жарить было не на чем, жиров не имелось. Но зато на завтрак и обед вместо жиденькой крупяной похлёбки рота получала густой рыбный суп. Бойцы были довольны.

Лиха беда начало. Вскоре уже и пятая стрелковая рота, стоявшая на берегу, тоже лакомилась рыбой. Тут, ближе к осени, когда в невод стала попадать крупная рыба, приключился один эпизод, который потом в батальоне без смеха не вспоминали. Старшина пятой роты Фомин решил коптить балыки. Не знаем, был ли он раньше рыбаком, но решил угостить своего командира роты копчёненьким. Соорудив из жердей нечто похожее на конус, он уплотнил его стенки листьями лопуха, старой корой. Всё это делал в глубокой тайне от соседей. А соседями были мы, пулемётчики. Вскоре над кожухом появился дымок. Дело, кажется, шло на лад. Развешанная в этом сооружении рыба, по замыслу Фомина, должна была коптиться. Во время обеда, когда большинство бойцов собралось около пищеблока, живо обсуждая затею старшины, над конусом взметнулось буйное пламя. Высохшие жерди и кора дружно занялись огнём. На крик бойцов «Пожар!» из своей землянки с криком: «Фомин, Фомин, растуды его, растяпу, не видишь, концессия горит!» — выскочил командир роты Садаков. Так закончилась эта затея отведать балычка. Этот случай доставил немало пищи острякам. А комбат Емельянов строго распёк затейников: «Балуете, а в роте порядка нет», — журил он Садакова.

Немало помогли нам нерпы. В тихую тёплую погоду, когда океан успокаивался, эти забавные мирные животные резвились близко от берега, вылавливая зазевавшихся рыбок.

Смерть немецким оккупантам!

Пятая дивизионная партийная конференция

МАНДАТ № 130

Тов. Юдин Сергей Константинович

является делегатом **Пятой** дивизионной партийной конференции от парторганизации 367 оад.

с правом РЕШАЮЩЕГО голоса.

Председатель мандатной комиссии Рокк

Действителен по предъявлении партбилета

Мандат участника пятой партийной конференции 101-й горно-стрелковой дивизии от 367-го отдельного артиллерийского дивизиона (НВФ 2897)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Третья дивизионная партийная конференция

МАНДАТ № 53

Тов. Юдин С К

является делегатом Третьей дивизионной партийной конференции от парторганизации 279 ап.

с правом РЕШАЮЩЕГО голоса.

Нач. отдела политпропаганды полковой комиссар Громов (Громов).

Действителен по предъявлении партбилета.

Мандат участника третьей партийной конференции 101-й горно-стрелковой дивизии от 279-го артиллерийского полка (НВФ 2896)

Смерть немецким оккупантам!

Четвертая дивизионная партийная конференция

МАНДАТ №

Тов. Юдин Сергей Ионович

является делегатом **Четвертой** дивизионной партийной конференции от парторганизации

с правом **РЕШАЮЩЕГО** голоса.

Начальник Политотдела
Подполковник (АЛЕНТЬЕВ).

Действителен по предъявлению партбилета.

ПОРЯДОК ДНЯ КОНФЕРЕНЦИИ

1. *Итоги перестройки партийно-политической работы в свете выполнения директивы Главного Политического Управления Красной Армии № 010.*
   (Докладчик тов. **Алентьев**).
2. *Отчет о работе партийной комиссии дивизии.*
   (Докладчик тов. **Тутунин**).
3. *Выборы парткомиссии дивизии.*

КОКМ оф 33369/3 Типография газеты «Верный сын Родины»

Лицевая и оборотная стороны мандата участника четвёртой партийной конференции 101-й горно-стрелковой дивизии от 726-го отдельного зенитного дивизиона резерва Главного командования (КОКМ ОФ 33369/3)

Нерпы — завзятые ныряльщики и ловкие пловцы. Долго пробыв над водой, они выныривали на поверхность с добычей в зубах и, высунув голову из воды, словно, хвастались: «Вот мы, какие ловкие!» Подстрелить их на расстоянии сорока метров было непросто. Надо попасть в голову, торчащую над водой. Но нашлись снайперы, делавшие это из мелкокалиберной винтовки. А вот подобрать добычу было нелёгким делом. Нерпу бросала волна, унося в океан, но иногда, когда благоприятствовал прибой, это удавалось. Помню, как притащили первую тушу на пищеблок. Разделали, решили куски мяса жарить в собственном жире.

Жира было много. Но... несмотря на хороший аппетит, охотников есть нерпу не нашлось. Вкус её мяса оказался далеко не привлекательным. А вот жир пригодился. Во всех землянках, отчаянно чадя, вскоре горели светильники-жирники. Ночью, при подъёме по тревоге или при выходе на боевое дежурство, их слабый мерцающий свет помогал бойцам собраться.

Увлечённые постоянными делами, смысл которых был ясен, подкреплённые питанием, бойцы роты заметно окрепли, оживились, стали добродушнее. Меня тронул такой факт. Придя поздно вечером к нашей рыболовной команде, я увидел бойцов, сгрудившихся на берегу и внимательно рассматривавших что-то у них под ногами. На траве, блестя чешуёй и жадно хватая воздух, лежала великолепная рыбина — чавыча. Из рассказов местных рыбаков мы знали, что её за отличный вкус и жирность здесь называли «морской свиньёй». Разделяя радость бойцов таким уловом, я сказал: «Завтрак будет отличный». Но тут вступил боец Тлеугалиев, наш парторг: «Товарищ политрук, мы уже не голодны, да и рыбу едим каждый день. Давайте, отдадим эту рыбину ребятишкам ротного». Меня изумил такой подход к делу, жду, что скажут остальные. Но те поддержали это предложение. «Пусть малыши полакомятся», — раздались голоса. Меня захлестнуло тёплое чувство.

Рано утром на хозяйственной двуколке вместе с капенармусом доставили увесистую рыбину Людмиле Яковлевне.

Худенькая женщина, мать двух пацанов, была смущена, но рыбу с благодарностью взяла. Я так и сказал, что бойцы подарили её детям. Беликов об этом узнал позднее. «Ну, политрук, — сказал он мне, — больше этого не делай». Отвечаю, что так решили бойцы, а сам думаю: с таким коллективом нам сам чёрт не страшен, будем воевать дружно.

Партийно-политическая, массовая работа в роте била ключом. Вскоре создали ротную парторганизацию, правда, немногочисленную — всего четыре коммуниста. Парторгом избрали рядового Тлеугалиева. Спокойный, вдумчивый паренёк относился к своим обязанностям очень серьёзно. Не было ни одного важного дела, которое коммунисты бы всесторонне не обсуждали. Комсомольская организация насчитывала около сорока человек. Бюро из семи человек возглавил сержант командир взвода Николай Тимофеевич Попов. Это был на редкость скромный и одновременно трудолюбивый, увлекающийся любым делом и умеющий зажечь молодёжь человек. Выступал он страстно и убедительно, постоянно, даже в этих суровых условиях, искал и придумывал новые дела, увлекавшие комсомольцев. В роте искренне полюбили комсомольского вожака. В скором времени Николай Тимофеевич стал офицером, в составе 1-го отдельного стрелкового батальона участвовал в Курильском десанте, отличился и был награждён. (Он завершил службу пропагандистом полка в гарнизоне полигона Капустин Яр в Астраханской области.)

В политическую и массовую работу вовлекли добрую половину роты. В каждом взводе имелись групкомсорг, агитатор, редактор боевого листка, в роте — руководители групп политзанятий, комсомольское бюро, редакция стенной газеты, товарищеский суд. Весь этот актив действовал страстно, увлечённо, Ну, а политруку хватало своих забот: всех надо инструктировать, рассказать о задачах роты, батальона, о ходе соревнования, об интересных событиях в полку и главное — пропагандировать передовой боевой опыт.

Политзанятия шли регулярно, два раза в неделю, часто проводились семинары и инструктажи руководителей групп.

Политруку надо было проследить, как идёт подготовка к очередным занятиям, прочитать, если следует, подкорректировать и утвердить конспекты. Политзанятия с сержантами вёл сам политрук. А как скупо было материальное обеспечение! Бланки для боевых листков делали из старых мишеней. Необыкновенную радость доставляло всем, если в роте появлялась коробочка цветных карандашей или акварельных красок.

Вскоре после формирования по нашему представлению был назначен с присвоением звания помощник политрука. Им стал комсомолец, отличник учёбы рядовой Иван Дубро, наводчик пулемёта первого взвода. Он не отличался особой речистостью, но самым убедительным его аргументом был личный пример. Помню, как впервые в новом составе роты проводила стрельбы. Упражнения были сложными. На расстоянии двухсот метров с ровными интервалами стояли восемь ростовых мишеней. Боец получал ленту с двадцатью патронами, ему было необходимо, стреляя с рассеиванием по фронту тремя короткими очередями, поразить три (на «хорошо») или четыре (на «отлично») мишени. Готовились тщательно. Погода стояла тихая. Все волновались. Ротный командир, опытный пулемётчик, уверенно лёг за пулемёт, раздался гром очередей. Показчики дали результат — поражено четыре мишени. Отлично. «Ну, — говорит Роман, — твоя очередь, политрук». Это упражнение я выполнял впервые. Позади вся рота. Взял себя в руки, сосредоточился, лёг за пулемёт. А впереди, в зелени буйных трав, на фоне сопки — восемь фашистов, восемь заклятых врагов, убийц и грабителей. Смерть им! Нажимаю на гашетку: пять мишеней падают! Напряжение отходит, душа ликует. Спокойно поднимаюсь, подхожу к роте. Вдруг толчок кулаком в бок. Ротный шепчет: «Мог бы и не обгонять командира». Смеюсь, отвечаю, что это дело случая, его не перестреляешь. Смеётся и командир, он доволен. Следующим за пулемёт ложится Дубро. Спокойный, уверенный. Три ровных очереди, и поражены все восемь мишеней! Это здорово! Это ли не лучшая агитация помощника политрука?

В роте всё время продолжалось энергичное и инициативное усовершенствование быта и условий учёбы. Каждый взвод оборудовал в кедраче площадку для проведения политзанятий. Из жердей устроили сидения, столик для руководителя, место для географической карты. Соорудили и небольшой полигон для проведения стрелковых и химических тренировок.

Но главное — боевая подготовка. Она шла непрерывно и целеустремлённо. Каждый боец должен был знать в совершенстве своё оружие и мастерски владеть им. Пулемётные расчёты отрабатывали взаимозаменяемость, каждый боец должен был хорошо уметь ориентироваться на местности, сноровисто окапываться, владеть противогазом, уметь оказать первую помощь раненому, совершать длительные марши и многое другое.

Нельзя без тёплого чувства благодарности не вспомнить старшину роты Ивана Кобзева. Хороший специалист, в первый год службы наводчик станкового пулемёта «Максим», Кобзев со станком за плечами прошагал много километров, провёл немало стрельб. При всём этом он всегда выделялся особой бережливостью, какой-то крестьянской любовью к коню, амуниции, каждому тренчику. Был он и командиром отделения, и помощником командира взвода. Именно его хозяйственность заметил Беликов и при формировании роты добился назначения Кобзева старшиной.

Кобзев, казалось, не знал усталости. Не было случая, чтобы он не приходил на подъём и не уходил, пока бойцы не уснули после отбоя. Он по-отечески заботился, чтобы каждый красноармеец имел крепкое, пусть бывшее в употреблении, но тщательно починённое обмундирование, особенно пёкся об обуви. Девиз: «Солдат должен быть накормлен!» являлся для него законом. Помню, как-то раз, проводя учения с маршем по ровной дороге вдоль берега, роте осталось преодолеть километров тридцать. Сделали привал. Время обеда миновало, бойцы хмурились, весельчаки отпускали грубоватые шуточки по поводу кишок, играющих музыку. Ротный и политрук беспокоились. И вот из-за

поворота появляются две пароконных повозки, приятно пахнет горячей кашей. На вопрос, где сварил обед, старшина пояснил: «За вами не угонишься, задержался, сварил кашу и на рысях сюда». Бойцы, плотно подкрепившись и попив горячего чайку, повеселели, одобрительно улыбались, когда политрук объявил Кобзеву благодарность. Ну, а БК — боевой комплект патронов в лентах и цинках — он берёг пуще зеницы ока. Там всё было вычищено, смазано и готово к бою. Сохранилась фотография Кобзева. С неё смотрит добродушное, открытое и немного хитроватое украинское лицо.

Предметом особой заботы командира и политрука была служба дежурных расчётов. День и ночь два пулемётных расчёта посменно несли боевую вахту на позициях у океанского берега под несмолкающий шум прибоя. Стояли туманы, ревели штормы, когда злые огромные валы с остервенением бросались на берег, кажется, готовые накрыть своей громадой всё живое, но часовые пребывали на постах.

В полевые караулы и дозоры назначали по две бойца, и каждый раз решали, кого туда отправить. В соседней стрелковой роте боец, поставленный наблюдателем, не выдержал монотонного, угрюмого рёва стихии, обременённый печальными известиями о судьбе родных, убитых озверелыми гитлеровцами, решил уйти из жизни. После этой трагедии политработникам и коммунистам особенно много надо было думать о людях и быть предельно предусмотрительными.

Воины тянулись к живому слову. О проведении политинформаций и напоминать нужды не было. На площадку среди кедрача являлись дружно, все, кто мог.

Как ни велика оказалась нагрузка, время пребывания на берегу шло быстро. Погода стояла хорошая, было немало солнечных дней. Ребята окрепли, загорели.

Наступила осень, а за ней и зима с 1942 на 1943 г. Стало ясно, что уход на зиму под глубокие снега не сулит ничего доброго. Командир полка Константин Дмитриевич Меркурьев принял решение, одобренное командиром диви-

зии, отвести часть на зимние квартиры. Но в новых развёрнутых штатах полк в имевшейся казарме разместиться уже не мог. Поступил приказ: первому и третьему батальонам переместиться в зимние казармы, а нашему второму — сниматься с берега и готовиться к зимовке в полевых условиях. На берегу остались дежурные стрелковые взводы и пулемётные расчёты, которые непрерывно вели наблюдение и отвечали за содержание в порядке всех инженерных сооружений. Командир батальона майор Емельянов, человек с немалым военным и житейским опытом, был весьма предусмотрителен. Для размещения батальона на зимовку он облюбовал недалеко, минутах в тридцати ходьбы от берега, уютное, укрытое от ветров ущелье, точнее, распадок со спокойным подъёмом и отлогими скатами. Этот распадок, разрезая вершины сопок, плавно спускался вниз, переходя в равнину. На дне бежал весёлый ручеёк. Место всем понравилось.

Оставив на берегу четвёртую стрелковую, миномётную и роту ПТР (сказав: «Пусть учатся, им надо подтянуться»), Емельянов поставил перед остальными задачу: «Месяц вам сроку, и казармы должны быть готовы». Указал место и размеры казарм. Хозвзвод должен был оборудовать столовую, медпункт, склад и конюшню.

Приступайте! А как? На всю роту — два хозяйственных топора и одна поперечная пила. Шанцевый инструмент трогать не велено. Помогли полк и город, нашу нужду поняли горком партии и горисполком. Через несколько дней получили четыре пилы и десять топоров. Леса на сопках хватало, но никакого транспорта не имелось. С утра два взвода отправлялись в сопки, пилили деревья и на плечах таскали их на расстояние полтора-два километра. Взвод оставшихся внизу тесал брёвна, вырубал в них пазы. Брёвна клали на мох. Пота пролили немало. Подбадривали бойцов, как могли. Частенько и командиры поставляли под брёвна своё плечо. Дело спорилось. Вскоре встал вопрос о кровле. Всем известно, какие на Камчатке дожди и снега. Решили заготавливать дранку. Одно отделение с утра до вечера

делало её на простейшем самодельном станочке. Положив прогоны, настлали потолки и, установив стропила и надев обрешётку, приступили к крыше. Ох, уж эта крыша!

Гвоздей нет, вместо них рубили колючую проволоку. Твёрдая, сталистая, она рвала дранку, ломалась. Эх, терпение солдатское, выдержка да трудолюбие! Одолели и это, крыша была готова, а вместе с ней и вся казарма, творение мозолистых солдатских рук с множеством ссадин и кровоподтёков. Не успели завершить устройство двухэтажных нар, как видим: с песнями в пешем строю идёт четвёртая стрелковая рота, миномётчики и пэтээровцы. Четвёртая стрелковая остановилась около нашей казармы. Появился майор Емельянов. «Ну, ротный, принимайте гостей. Поселяю к вам». На попытки возразить ответил: «Ничего, ничего, поместитесь. Эдакую хоромину отгрохали, молодцы!» Пришлось основательно потесниться, потом между ротами поставили стену.

Задание было выполнено в срок. Пятая и шестая роты тоже завершили стройку, причём казарма пятой была признана лучшей. Готов к этому времени был и пищеблок. Котлы и кирпичи дали хозяйственники полка, остальное сделали сами. Для командиров в столовой устроили отдельную комнату, остальной личный состав получал пищу прямо в котелки.

Прибыли посмотреть на творение наших рук командир полка майор Меркурьев, замполит майор Петров. Всё обошли, осмотрели, стались довольны. «Ну, что ж, зимовать можно, жилище есть, а для боевой учёбы пехоте — чистое поле, леса да сопки. Приступайте к учёбе». Начальство пожало нам руки и уехало.

Снова потекли дни напряжённой учёбы. Основное внимание уделяли тактике, огневой подготовке. Основательно штудировали новый боевой устав пехоты. Методично и целенаправленно отрабатывали темы: отделение в обороне, в наступлении, на марше; взвод в обороне, наступлении в различных видах боя, на марше, в головной походной заставе и прочие. С раннего утра и до вечера взводы

пребывали в поле, где бойцы овладевали мастерством оборудования позиций, начиная с одиночной ячейки для стрельбы лёжа и кончая взводным и ротным опорными пунктами и узлами обороны. После контрольных проверок знания бойцами материальной части состоялись стрельбы из личного оружия, пулемётов, ПТР. Стрельбы всегда становились крупными событиями, к ним тщательно готовились. Тут уж политработа принимала особенно конкретный характер. Цель чёткая: дай положенное количество очков, иначе ты плохой стрелок, никудышный пулемётчик.

Поздней осенью, когда легли мощные снега, командование дивизии приняло решение в каждом стрелковом полку иметь лыжный батальон. Хоть и так все бойцы имели лыжи и неплохо ходили на них, но лыжный батальон должен был обладать отличной маршевой подготовкой. Была поставлена задача: батальон в полном составе со штатным оружием и боекомплектом должен был суметь совершить марш-бросок днём и ночью на сорок-пятьдесят километров. Задача непростая, теперь лыж не снимали день-деньской!

Однажды, кажется в январе, батальон получил приказание подготовиться и проделать ночной переход. Собравшись по тревоге, следовало двинуться по маршруту, проложенному на карте, и на рассвете выйти на «противника». Срок подготовки — сутки. Задачу бойцы восприняли спокойно, но чувствовалась тревога: хватит ли сил? Закипела подготовка, проверяли оружие, состояние подгонки всех ремешков и тренчиков, готовили лыжи. Командир роты особенно беспокоился о ногах.

О, ноги солдатские! В зимнюю стужу и летний зной вы шагали и шагали. Сколько километров ими отмеряно? Вы мёрзли зимой, когда ботинки становились твёрдыми, как дерево, а сколько раз вы мокли на марше через болотистые топи? Ноги солдатские! Бывало, и болели до крика мозоли, но терпел боец и шёл дальше.

Под присмотром помощников командиров взводов бойцами были выстираны портянки, смазаны ботинки, починены рваные обмотки. В десятый, сотый раз командиры отделений

показывали, как наматывать портянки. Это не простое дело. Даже маленькая складка, неровность могла стать на марше источником мучений. Подготовили верёвки, чтобы в случае надобности оказать помощь отстающим.

Коммунистам и комсомольцам дела хватало. Провели комсомольское собрание с повесткой «На марше ни одного отстающего!», выпустили боевой листок. Взяв целую мишень, на её чистой стороне Ваня Дубро написал «Лучшие на марше. Отстающие» и повесил на стенку чистым. На недоуменные взгляды пояснил: «Заполним после марша».

В совершении этого марша, да и в последующих учениях нам крепко помог сам Антон Семёнович Макаренко. Дело в том, что нам удалось достать его «Педагогическую поэму», и несколько зимних вечеров в роте читали её. Все слушали с большим увлечением, оживлённо комментировали. И вот теперь, когда предстояли трудные физические испытания, наша ротная комсомолия извлекла из этого огромного педагогического хранилища один лозунг: «Не пищать!» Этот требовательный призыв был написан на стене казармы, в стенной газете и даже на задней стенке ротной двуколки.

Ночь стояла тихая, звёздная. Шли по двум параллельным лыжням, которые пробивали лучшие лыжники батальона. Никаких лишних заездов, рывков, каждый шагал сосредоточенно, берёг силы. Раздавался только скрип лыж и иногда команда. Километров тридцать миновали бодро. На коротком привале внимательно всматриваюсь в лица бойцов. Всё в порядке. Прошли ещё километров пять-шесть. Чаще стали слышны команды «Подтянись! Сократить дистанцию!» Люди устали. И, о чудо! На опушке леса, как в сказке, появился волшебный возок. В нём стояли бидоны. Это уже отцовская забота командира полка Меркурьева. Каждый боец и командир получил кружку горячего кофе со сгущённым молоком и пайку хлеба. Какое чудо! Люди повеселели.

Политрука беспокоили несколько ребят послабее. Но нет, вроде все идут ровно. Хотя, нет, не все. Рядовой Елизаров заметно слабеет. Лицо безразличное, голос слабый. Политрук

берёт с его плеч пулемётный станок, взваливает его себе на спину. Ага, дело пошло, и так до финиша. Рота совершила марш на «отлично», без единого отставшего. А в казарме в боевом листке появилась надпись: «Отстающих не было. Благодарность комбата».

И не раз, и не два рота и батальон совершали такие переходы, и каждый раз люди шли на них более свободно и уверенно. А однажды после марша сразу состоялись стрельбы, и рота их выполнила на «хорошо».

Помню, назначили в полку стрельбы командиров из личного оружия. Проводил их сам командир полка майор Меркурьев. Было объявлено, что победителям достанется приз — пачка табака. По графику явились на стрельбище и мы, командиры второй пулемётной роты. Перед нами уже отстреляли все командиры первого батальона и стрелковой роты нашего второго батальона. Оценки были разные, но приза никто не получил. Меркулов был явно недоволен. Стреляет Беликов — отлично, политрук — хорошо, успешно отстрелялись все. Оценка по курсу стрельбы — «отлично». Командир полка сказал: «Молодцы!» — И поспешно ушёл. Мы переглянулись: а как же табак? Ротный ко мне: «Ну, политрук, это твоя забота».

Решаюсь. Захожу в кабинет комполка. Там, кроме него, начальник штаба дивизии майор Шинкаренко и начштаба полка. Бодро обращаюсь к Меркурьеву: «Товарищ майор, политрук второй пулемётной роты прибыл за получением приза, объявленного за отличную стрельбу». Константин Дмитриевич улыбнулся: «О табачке не забыли». Достал из сейфа и подал мне коробку «Золотого руна». Выходя, я слышал, как комполка сказал Шинкаренко: «Хороший политрук, лучший в полку». Стою в коридоре штаба, нюхаю расчудесный запах табака, а по телу разливается тепло отеческой похвалы.

Рота прочно удерживала первое место в полку, получила немало благодарностей, были и премии, но эта сказанная мимоходом похвала осталась в памяти навсегда...

КОКМ ОФ 33369/36. Рукопись

24 мая 1943 г. состоялось решение ЦК ВКП(б) об упразднении института комиссаров, в том числе и заместителей командиров рот по политчасти. Взамен вводился институт назначаемых парторгов. К этому времени дала результаты большая работа, проведённая армейскими парторганизациями по подготовке и воспитанию кадров командиров-единоначальников. В своём большинстве важное звено командного состава — командиры рот — качественно изменились. Они приобрели боевой опыт, грамотно и решительно принимали необходимые, диктуемые обстановкой решения. Политорганы, парторганизации кропотливой, настойчивой работой сумели подготовить ротного командира как единоначальника, привили ему вкус к партийно-политической работе. Кроме того, к этому времени почти во всех ротах были созданы парторганизации, выросло количество командиров рот-коммунистов. Теперь уже было обычным явлением, когда командир роты беседовал с агитаторами, групкомсоргами, редколлегией стенной газеты, выступал перед рядовыми с беседами, нацеливал личный состав и актив на решение стоящих перед подразделением задач.

Таким образом, партия создала объективные условия для введения в роте полного единоначалия. Это должно было способствовать, и так это оказалось и на деле, его дальнейшему укреплению, росту огромной армии командиров, мастеров военного дела и прекрасных воспитателей. Упразднение института заместителей командиров рот по политчасти, кроме прочего, способствовало созданию значительного резерва командиров, которые, пройдя краткий курс военной подготовки, сами были готовы встать во главе рот и батарей.

В дивизии также высвободилась значительная группа офицеров, бывших замполитов. Мы понимали, что наше вероятная перспектива — это краткие курсы и потом — на Запад, на фронт, бить фашистов. Предстоящая перемена и волновала, и радовала. Молодые, энергичные, мы ра-

довались вероятной возможности принять непосредственно участие в великой битве за свободу и независимость нашей Родины.

Вскоре группа политработников села на пароход и убыла с Камчатки. Уехало немало моих друзей, в том числе замполит шестой стрелковой роты Андрей Гусев. Мы с ним договорились о регулярной переписке. Вскоре Андрюша дал о себе знать — он учился на артиллерийских курсах, где готовили командиров батарей. Письмо его было бодрым, полным оптимизма и веры в наше дело. «Я доволен, — писал он. — Немного учёбы, а там в бой. Должен же я найти точку отметки в Берлине». В письме лежала мишень, листок из блокнота с шестью пробоинами, три из них в пятачке: попадания Андрея, сделанные из малокалиберной винтовки. «Высылаю документ твоего поражения», — шутил он. Как-то раз, отправляясь на проверку боевых позиций на берегу, мы заспорили, кто лучше стреляет. С нами была малокалиберная винтовка. Дали по три выстрела, и тут Андрей меня победил.

В списках отъезжающих меня не оказалось. Замполит полка майор Петров, которому я позвонил с целью узнать, в чём дело, рассерженно ответил: «Сиди на месте, все готовы уехать». Он явно был не в духе, не хотел расставаться с энергичным молодым помощником. Однако уже на второй день мне позвонили из штаба: получите документы, переводитесь в зенитный дивизион.

Стало всё понятно. Я уже слышал мельком, что он формируется. Сборы были недолги, сложив в переносной ящичек свои книги, конспекты, я тепло распрощался с ротой и её командиром. На душе было тоскливо, друзья уехали. Уехали из роты, с которой сроднились душой и сердцем, вместе с которой пережили много трудностей и разделили немало успехов. Почему политотдел дивизии решил рекомендовать именно меня парторгом дивизиона, в это я не вникал. Значит, так надо. Отправился прямо в дивизион.

Я знал, что зенитная батарея оборудовала свои позиции недалеко от шоссе на Елизово, на высотах, что близ селения

Сероглазки. Там встретил майора Николая Раменского, который был назначен командиром дивизиона. Несколько выше среднего роста, плечистый, с добрым выражением немного хитроватого лица, он сразу производил благоприятное впечатление. Беседовали не менее часа, вместе обошли боевые позиции батареи и все служебные постройки.

Зенитчики обустроились основательно и домовито. Окопы для орудий были обделаны тщательно, все их крутости для складирования снарядов и укрытия расчётов укреплены, умело замаскированы. Приземистая казарма внутри оказалась просторной и достаточно светлой, особенно понравились нары для отдыха, сделанные из ровных досок. Привычный к примитивным землянкам пехотинцев, к нарам, изготовленным из кривых горбатых жердей, я обрадовался налаженности быта артиллеристов.

«Батареи меня не беспокоят, они готовы к бою. Надо создавать штаб, наладить связь, обустроить семьи командиров, и быстро. Вот такая задача», — сказал майор. Поняв, что дело с обустройством личного состава обстоит неплохо, я решился спросить, а нет ли возможности сейчас выделить землянки для партийного и комсомольского бюро. «Идёмте, — сказал Раменский, — вот землянка, занимайте её. Здесь и будете жить с замполитом. Майор Данилов приезжает на днях».

Такой ход дела радовал. Землянка была оборудована отлично: просторная, стол из плотно сбитых досок, пол тоже. «Здесь я жил с семьёй, — сказал комдив, — а теперь у меня есть домик. Заходите на часок».

Меня удивило наличие под потолком электрической лампочки. Увидев это, Раменский сказал, что решили сделать свет, удобно организовывать учёбу с личным составом по вечерам. Мы расстались.

Формирование 726-го отдельного зенитного дивизиона резерва Главного командования не затянулось. Уже через день-два командир имел проводную связь с соседними батареями и всеми точками прожекторного взвода. Вскоре прибыли в дивизион офицеры штаба. К моему большому

удовольствию, в числе приехавших оказались мои старые знакомые. На должность помощника командира по материально-техническому обеспечению был назначен капитан Палочкин, бывший начальник продовольственно-финансовой службы 279-го артполка, начальником артвооружения — техник из этого же полка Винников, врачом — старшина Александр Чалый, фельдшер 428-го ГАП, до призыва заведующий горздравотделом Петропавловска.

Капитан Палочкин — трудолюбивый, честный офицер — на организационном партсобрании вошёл в состав партбюро. Вскоре удалось побывать во всех батареях. Артиллеристы производили самое выгодное впечатление. Сюда подбирались грамотные, здоровые парни. Многие бойцы имели среднее, среднетехническое и даже высшее образование. Они отличались исправным, хорошо подогнанным обмундированием, выправкой.

Начал знакомиться с коммунистами, активом. Парторгом первой батареи был сержант Лебединский, в прошлом заведующий районо, человек высокой культуры и огромного трудолюбия. Комсоргом дивизиона избрали сержанта Я. Ф. Доманова. До службы он окончил институт, хорошо знал комсомольскую работу, в дивизионе был всеобщим любимцем. Забегая вперёд, отметим, что вскоре после войны Доманов был избран секретарём райкома партии. Командиры батарей капитаны Виэталов, Лапшин, старший лейтенант Жариков имели за плечами учёбу в зенитно-артиллерийском училище и опыт, являлись подлинными мастерами зенитного огня.

Парторганизация дивизиона была дружной и боевитой. Все вопросы решались грамотно и принципиально, внутрипартийная работа шла живо и содержательно.

Первое хорошее впечатление о командире подтвердилось его делами. Майор Раменский проявил себя отлично. Огневое сколачивание дивизиона шло полным ходом. Тренировки расчётов велись непрерывно. Вскоре дивизион провёл учебные стрельбы по конусам. Они получили хорошую оценку. Кроме всего прочего, майор Раменский оказался

толковым организатором дивизионного хозяйства. В короткое время был построен удобный для работы штаб. Для семей офицеров установили несколько «фанз». Так мы называли круглые домики с конической крышей, состоявшие из щитов, и полом из таких же щитов. Их сборка не занимала много времени, но они были достаточно тёплыми и просторными. В одно из фанз поселился капитан Палочкин с семьёй, и на правах старого знакомого мне не раз приходилось побывать здесь в гостях, куда меня приглашала добродушная хозяйка на вечерний чаёк. У дивизиона был хороший портной, отличные сапожники, офицеры имели возможность пошить обмундирование, да и весь личный состав щеголял в хорошо пригнанной форме и обуви. Во время путины на реке Аваче был организован промысел рыбы, солдатские котлы получали приличную прибавку к пайку.

Задача дивизиона была ясна: обеспечить прикрытие с воздуха города, порта и аэродрома. Было ясно, что сил и средств для решения такой задачи маловато, но это было пока всё. Вскоре для него наступили беспокойные деньки. Американское командование, усиливая авиационное давление на Японию, организовало налёты на метрополию с Алеутских островов. Эскадрильи американских бомбардировщиков бомбили объекты на Хоккайдо. Расстояние было немалым, и отдельные самолёты, выполнив боевую задачу, лишались возможности вернуться на свой аэродром. Экипажам не оставалось иного выхода, как садиться в океане на верную гибель. Оказавшись в таком положении, они направлялись на Камчатку. Здесь, выбрав подходящее место, одни из них направляли самолёт в океан, а сами выбрасывались на парашютах, другие искали места посадки, мотаясь над Авачинской губой или даже направляясь в сторону аэродрома 128-й смешанной авиадивизии.

Это было нарушение нашей границы, и дивизион открывал огонь. Чувствуя себя неуютно в ожерелье разрывов, американские авиаторы спешно сажали свои «Либерейторы», чаще всего на безопасное мелководье Авачинской

губы. Все они были интернированы. Первое время американцы размещались на втором этаже Дома офицеров, но вскоре это было признано неудобным, и их перевели в клуб отдельного пограничного полка гидросамолётов на Халактырском озере.

Почувствовав себя вне опасности, американские парни приходили в себя, охотно кушали наш солдатский паёк, с большим интересом смотрели советские художественные фильмы и фронтовую хронику, а по вечерам под пластинки патефона охотно танцевали модный тогда фокстрот, громко стуча башмаками на толстой подошве. «Либерейтор» выглядел солидным бомбардировщиком. Поговаривали, что он был снабжён новым образцом прицела для бомбометания, который экипажи подрывали специальным взрывным устройством при необходимости вынужденной посадки.

Пожалуй, следует отметить, что не все экипажи поступали лояльно по отношению к нам. Так, один «Либерейтор» не нашёл лучшего «выхода» из положения и вполне преднамеренно опустошил свои бомболюки над складом боеприпасов авиадивизии. Правда, бомбы в склады не попали, взорвавшись в стороне, но это насторожило, и были приняты дополнительные меры по повышению бдительности.

В связи с этими анархическими полётами американской авиации вспоминаются и эпизоды, вызывающие улыбку. Уже позднее в политотделе дивизии заместитель по политчасти командира 7-го отдельного стрелкового батальона, который дислоцировался на мысе Лопатка, рассказывал: «Экипаж одного бомбардировщика, покинув свой самолёт, выбросился на парашютах на мысе. Дежурный по части немедленно поднял по тревоге дежурную роту, и американские лётчики были немедленно окружены нашими бойцами, среди которых было немало узбеков. Американцы были немало удивлены и упорно с заметным возмущением восклицали, указывая на них: “Ниппон, ниппон!”, явно принимая их за японцев. Бойцы, поняв это, пытались, было, рассеять недоразумение, но мешало незнание языка . Уже позднее, на пограничной заставе, янки успокоились, когда им на английском

языке было разъяснено содружество наших народов, вместе служащих в Красной Армии».

Здесь, в дивизионе, нам, политработникам, пришлось вплотную заняться изучением зенитной техники. Поступил приказ: всем политработникам пройти военную подготовку в объёме обязанностей командира роты или батареи. Штаб составил плотное расписание. К проведению занятий привлекались грамотные, опытные офицеры. Замполит майор Денисов, я и комсорг Доманов взялись за учёбу. Так мы основательно ознакомились с материальной частью зенитных орудий, хорошо изучили устройство и использование приборов управления огнём, планшетом-построителем, баллистическим преобразователем, дальномером. Тренировались в правилах ведения огня по самолётам противника. Самым трудным оказалось овладеть работой на дальномере. Выяснилось, что ни у кого из нас глаза не обладают необходимой стереоскопичностью. Как мы ни бились, никто не приобрёл способность быстро и точно определять дальность летящего самолёта. Это доставило дальномерщику, шустрому ефрейтору, немало удовольствия: сам-то он выполнял это молниеносно и точно.

Завершив программу обучения, мы уже неплохо разбирались в тонкостях и немало удивлялись огромному усреднённому количеству снарядов, необходимых для поражения летящей цели. Зенитчики гордились своей военной профессией, любили её и как никто тщательно берегли свою военную технику. А уж дальномерщики и дыхнуть не подпускали на свой дальномер. Нам удалось собрать в дивизионе хорошую солдатскую самодеятельность, выступление зенитчиков на смотре в Доме офицеров было встречено дружными аплодисментами и заняло призовое место.

Имелись и другие увлечения. Командир прожекторного взвода старший лейтенант Рамин был страстным охотником. Майор Раменский как-то сделал замечание по этому поводу, на что любитель ответил: «Товарищ майор, без вашего разрешения я на охоту не хожу, и охочусь я днём, а ночью, когда потребуются прожектора, я всегда на посту». Рамин

был старый холостяк, питался из солдатского котла, а зайцев, которых он приносил по пять-шесть, отдавал в семьи офицеров: «Берите, берите, пусть ребятишки отведают зайчатинки». Комсомольцы даже организовали кружок танцев под патефон. Одним словом, хотя на тренировках зенитчики немало потели, но жили они лучше и богаче пехоты.

Неплохо устроились и несколько семей офицеров, приехавших на Камчатку ещё до начала войны. Их скромные домики были надёжно укрыты среди деревьев, а от улова рыбы командир всегда выделял долю и для них...

КОКМ ОФ 33369/35. Рукопись

Политотдельцы

Назначение инструктором политотдела 101-й стрелковой дивизии стало для меня большим событием. Политотдел, как проводник политики партии в дивизии, пользовался большим влиянием. Его мнение в оценке состояния партийно-политической работы было решающим. Был высок в частях и авторитет его работников.

Прибыв в политотдел и представившись, как положено по уставу, его начальнику подполковнику Алентьеву, получил первый краткий инструктаж. Алентьев сказал: «У тебя есть опыт комсомольской и партийной работы, был ты и в роте, военную службу знаешь. Мы надеемся на твоё активное участие во всех мероприятиях, проводимых политотделом, но персонально ты будешь отвечать за партийно-политическую информацию, на тебя также возлагается работа с кадрами. Вот ключ от сейфа, там найдёшь все документы». На этот разговор пока был окончен.

Мне предстояло работать в новом коллективе, уровень которого по профессиональной подготовке, опыту и масштабам организации боевой подготовки был несравнимо выше. Это естественно. Штаб и политотдел укомплектовывался за счёт наиболее достойных. Мне лично всегда казалось, что наша 101-я стрелковая дивизия, ввиду её большого отрыва от штаба, находилась на исключительном

положении и заслужила особое внимание командования и военного совета Дальневосточного фронта.

Руководство дивизии всегда пользовалось большим авторитетом среди личного состава. Мне хочется вспомнить о наших командирах и комиссарах. Первым командиром дивизии был комбриг Авксентий Михайлович Городнянский. Высокого роста, плотный, имевший академическое образование, прекрасно эрудированный. Когда на совещаниях или других мероприятиях комбриг выходил на трибуну, в зале наступала напряжённая тишина, все вынимали блокноты и брались за карандаши. Его указания всегда были конкретными, убедительными. Он любил носить гимнастёрку из серого коверкота, на ней как-то особенно выразительно поблескивал ромб в петлице.

Под его командованием дивизия завершила комплектование личным составом и оружием, прошла первый этап боевой подготовки. Напомню, что большинство частей было укомплектовано новобранцами. В октябре 1940 г. нашего комбрига отозвали в распоряжение штаба фронта. Впоследствии дошли сведения, что он успешно командовал дивизией и погиб во время кровопролитных боёв под Харьковом.

До середины лета 1942 г. дивизией командовал полковник Иван Павлович Пичугин, который успешно проводил линию на повышение боеспособности частей.

Новым командиром был назначен Семён Фёдорович Можаев. Он стал первым генералом, прибывшим на Камчатку после введения генеральских званий (это не совсем верно: в 1940 г. звание генерал-майора получил уже служивший на полуострове командир 60-го Камчатского погранотряда Т. Ф. Филиппов. — *Ред.*).

Время его командования запомнилось особым вниманием к повышению тактической подготовки частей дивизии. Полевые и дивизионные учения следовали одно за другим. Особое внимание уделялось отработке тактических задач на местности и лыжной подготовке. Во время учений генерал не любил засиживаться в штабе. Утвердив необходимые разработки, он отправлялся в части. Бойцы

не раз видели своего командира скользящим на лыжах в боевых порядках.

В сентябре 1943 г. нашу дивизию принял генерал-майор Порфирий Иванович Дьяков. Это был заслуженный и опытный командир, он служил с 1918, а в партии был с 1925 г. К моменту прибытия в дивизию имел три ордена Красного Знамени. Уже на Камчатке за долговременную и безупречную службу был награждён орденом Ленина, за успешное осуществление десанта на Курилы — орденом Суворова 2-й степени.

Последним с ноября 1945 г. командовал дивизией полковник Рустик Борисович Воронов, переведённый сюда с должности начальника штаба Камчатского оборонительного района (КОР).

Штаб дивизии возглавляли опытные, грамотные офицеры: полковник Всеволод Иванович Себер, подполковник Иван Алексеевич Шинкаренко, подполковник Иван Васильевич Петров, полковник Иван Михайлович Кузьмин. Во время Курильского десанта во главе штаба дивизии стоял начальник оперативного отделения майор Ф. А. Слабинский, офицер высокой штабной культуры.

Нельзя без теплоты и уважения вспомнить о политработниках. Первый комиссар полковник Громов пользовался в дивизии огромным уважением и авторитетом. Выходец из московских печатников, он обладал чувством высокой партийности, опытом и тонким пониманием нужд и запросов бойцов и командиров. Сменивший его на этом посту бригадный комиссар А. Шаров отличался огромной работоспособностью, имел боевой опыт, высокую требовательность к себе и подчинённым.

Политотдел дивизии возглавлял полковник Ясенов. Он был делегатом XVIII съезда ВКП(б) от Камчатской областной партийной организации. Вспоминаются его воодушевлённые рассказы о победах социализма в нашей стране, о руководителях партии и правительства, о встречах с легендарным наркомом Климов Ворошиловым. С 1943 г. политотдел возглавлял подполковник М. А. Алентьев.

Д. Ф. Максимов, командир орудийного расчёта. 15 мая 1942 г. (КОКМ ОФ 33369/72)

Старшина Доропейко, 279-й артиллерийский полк, 1941 г. (КОКМ ОФ 33369/63)

И. В. Валов, 279-й артполк, 1940 г. (КОКМ ОФ 33369/65)

Замкомандира 119-го отд. сапёрного батальона Ф. М. Потехин (КОКМ ОФ 33369/63)

Капитан В. И. Гетманов
(ККМГИ 29582)

А. Е. Павлюченко, май 1939 г.
(ККМГИ 29594)

Подполковник П. И. Шутов,
(КОКМ ОФ 33369/47)

Полковник В. Г. Губайдуллин
(КОКМ ОФ 33369/52)

Получив ключ от своей рабочей комнаты, я, прежде всего, убедился, что мои предшественники её основательно прокурили. В помещении стоял застарелый табачный запах. Открыв окно, ознакомился со своим хозяйством. Стол, два стула, сейф — вот и всё. Прочитав последние донесения из частей, заглянул в книгу учёта кадров политотдела дивизии. Началась моя по-новому содержательная беспокойная работа. Не было ни одного вопроса жизни и быта частей дивизии, которые не интересовали бы политотдел. Он должен был знать, и знал, как идёт боевая учёба, что отрабатывают части, как обстоит дело с воинской дисциплиной. И не только знать, но и активно способствовать успешному решению задач. На это и были направлены все формы политической работы.

Предметом особой заботы политотдела стало всемерное укрепление воинской дисциплины, выработка сознательного отношения каждого бойца к выполнению своего нелёгкого воинского долга. Не должен был политотдел упускать и не упускал ни на минуту вопросы организации быта воинов, их питания, медицинского обслуживания.

Конечно, распределение обязанностей среди политотдельцев было чётким. Наши пропагандисты майор Рожков, капитан Гетманов занимались организацией марксистско-ленинской учёбы офицерского состава, политзанятий с бойцами и сержантами. Их заботой были отработка тематических учебных планов, проведение семинаров, руководство занятиями, агитация и, разумеется, проверка на месте, в частях, состояния всех этих дел. И Рожков, и Гетманов своё дело исполняли умело и с увлечением.

Организационно-партийной работой занимались заместители начальника политотдела майор Е. М. Захаров и старший инструктор лейтенант В. А. Кот. Партийную комиссию политотдела возглавлял майор Ф. И. Кузьмин, до призыва в армию секретарь райкома партии.

Вопросами учёта партийных и комсомольских документов бессменно и отлично ведал лейтенант И. И. Волков, помощником начПО был лейтенант В. П. Тарасов. В веде-

нии политотдела находился Дом офицеров. Его возглавлял энергичный и эрудированный капитан В. И. Китаев. Безусловно, что распределение обязанностей не было окончательным. Над возникавшими новыми задачами работал весь коллектив.

Так, в подготовку партийных, комсомольских конференций, партийных активов включались все. Все были и участниками лекционной работы. Здесь существовало такое правило: при приезде в часть каждый политотделец должен был прочесть новую лекцию. Все так же активно участвовали в проведении различных семинаров и сборов. Но при любой нагрузке своё дело каждый должен выполнять честно. По долгу службы, иногда далеко за полночь, приходилось засиживаться за обработкой политдонесений в политуправление. Военный совет интересовало всё: как характеризуется политико-моральное состояние личного состава, какова воинская дисциплина, какие проведены политические мероприятия, что с обеспеченностью продовольствием и прочее. Пришлось войти в тесный контакт с оперативным отделением штаба, с отделом тыла дивизии, работниками медслужбы.

По отдельным, выходящим из рамок обычных событий, предоставлялись особые, срочные донесения. НачПО поставил задачу бывать в большинстве таких случаях на месте, в частях. Пришлось посещать и комендатуру, и госпиталь, и гарнизонную гауптвахту. Вскоре я был дружен с гарнизонным прокурором майором А. И. Грачёвым, председателем военного трибунала, с начальником отдела контрразведки майором Григорьевым, начальником тыла подполковником Лутошкиным, начмедом подполковником Голубом.

При любой занятости текущими делами в политотделе неизменным правилом было значительную долю времени уделять работе в частях. Она тщательно планировалась. Выезжали в части на несколько дней, чаще всего на неделю. Возглавлял работу и сам начПО, но чаще всего его заместитель подполковник Е. М. Захаров. Как правило, к этому времени приурочивалось вручение партийных и комсомольских

документов, иногда проводились заседания парткомиссии. Обстоятельно знакомились с состоянием всей партийно-политической и комсомольской работы. Просматривали планы, оценивали качество проводимых мероприятий. Тут же обобщали всё положительное и вскрывали недостатки. Мне, как правило, поручалось проверить состояние дисциплины и бытовые участки. Итоги работы подводились и для политсостава части, и для всех офицеров, иногда они становились основой приказа по дивизии.

Находясь в части, политотдельцы, как правило, проводили несколько лекций на отдельные темы, иногда тут же организовывали обмен опытом руководства политзанятий, смотры стенных газет, беседовали с низовым активом: агитаторами взводов, групкомсоргами, редакторами стенгазет. В подведении итогов обязательно принимал участие сам начПО.

Пребывание в ротах, батареях, взводах, беседы с бойцами давали обильный материал для размышлений о настроениях, запросах, о действенности и результативности партийно-политической работы. Всё это учитывалось в дальнейшем, использовалось для проведения партактивов, совещаний и при составлении планов.

Особенно тщательно разбирались, с доведением дела до конца, жалобы на питание и медобслуживание. При любых условиях, так ставилась задача, боец должен сполна получить всё, что положено в продовольственном пайке, обмундировании и обуви.

В условиях, когда стрелковый полк был рассредоточен по побережью океана на несколько километров, когда роты, а иногда и взводы, размещались в землянках отдельно в районе своих позиций, в деле устройства солдатского быта большую роль приобретала предприимчивость, инициатива командиров роты и взвода, старшин. Большинство командиров хорошо справлялись с этим делом. У них в землянках было чисто и тепло, бойцы имели возможность умыться, просушить обмундирование и обувь. Лишне говорить, как это было важно для людей, приходивших из дозоров,

с дежурств боевых расчётов и наблюдательных пунктов промокшими, продрогшими под дождём и туманом, тянувшимся с океана. А как дорого было тёплое, ободряющее слово командира, политработника, своевременно доставленное письмо, наша дивизионная газета «Верный сын Родины»!

Бывало всякое. У иного нераспорядительного командира и порядка в землянках не было, и вода подтекала, и крыша промокала, и солдатские портянки просушить было негде. Посмотришь пищеблок, а там тоже неблагополучно: и место, где можно покушать, не оборудовано, и посуда грязная, да и сам кашевар неопрятен.

Встречались и комические случаи. Помню, мы с майором Захаровым решили посмотреть один ротный пищеблок. Его «хозяева» — ротный каптенармус и повар — показали своё «предприятие». Всё было сносно, но вот в кладовке для продуктов мы обнаружили изрядное количество лаврового листа, хранившегося в мешке. На вопрос Захарова, почему его не добавляют в пищу, боец-повар с подкупающей простотой ответил: «Товарищ майор! Я несколько раз закладывал его в суп, но ребята его не хотят кушать, выбрасывают!»

В политотделе при обсуждении планов работы в полку мы немало смеялись над этим случаем. Смеялся и Алентьев, но выводы были сделаны серьёзные. НачПО сказал: «Пищу готовят десятки неподготовленных горе-поваров. Здесь может случиться всякое, вплоть до отравлений». Через несколько дней в части пошёл приказ о проведении сборов поваров, где их готовили опытные полковые инструкторы, а также тщательно наставляли медики.

Говоря о пользе пребывания в частях и тесного общения с бойцами и сержантами, вспоминаю и такой случай. На этот раз наша группа находилась в 373-м стрелковом полку. Работа уже завершалась, когда нашего руководителя майора Захарова срочно затребовали в управление. Отправляясь, он вызвал меня и сказал: «Посмотри-ка планы у Моргослепенко, я не успел этого сделать». Майор Моргослепенко сунул мне папку со своими бумагами, а сам

куда-то ушёл. Смотрю и глазам не верю: не план, а несколько небрежно набросанных пунктов. Никакой связи с задачами, которые решает полк, а ему предстояли стрельбы, одному батальону нужно было совершить ночной пятидесятикилометровый марш на лыжах, а в плане об этом ни слова! Не отражены и события в стране, на фронте, задачи укрепления дисциплины, а в полку нарушений немало. Я был искренне возмущён, так прямо и сказал майору. Но, очевидно, доводы лейтенанта для него казались неубедительными.

При подведении итогов пребывания в части в присутствии Алентьева я рассказал об этом. НачПО сам ещё раз просмотрел планы, Моргослепенко получил нагоняй, а через некоторое время прошёл однодневный семинар с замполитами, парторгами и комсоргами полков и отдельных батальонов по вопросам планирования партийно-политической работы. Дело было поправлено.

Много хлопот доставляли поездки в отдалённые гарнизоны. 302-й отдельный стрелковый полк стоял в Ключах, в семидесяти километрах от устья реки Камчатки, 198-й стрелковый полк — в Усть-Большерецке, что на западном берегу полуострова, а 7-й отдельный стрелковый батальон примостился на мысе Лопатка, обдуваемом свирепыми ветрами с Тихого океана и Охотского моря. Летом эти поездки обычно связывались с какой-либо оказией промыслового или торгового флота, про которые узнавали через портовское начальство. Поездки были необходимы, кроме всего прочего, они диктовались жёсткими сроками выдачи партийных и комсомольских билетов, установленных инструкцией ЦК ВКП(б). Да и других дел для штаба и политотдела находилось немало. Узнав, что пароход отправляется в ближайшее время, мы начинали сборы. Продумывался состав группы, готовились необходимые мероприятия. Больше всех хлопот было у нашего партучётчика Иосифа Ивановича Волкова. Ему приходилось брать с собой тяжеленный несгораемый сейф и организовывать его охрану. Возни с этим было много. Такие поездки затягивались

иногда на целый месяц, ведь сроки возвращения немало зависели от обратной оказии.

Зимой в Усть-Большерецк отправлялись на собаках. Брали две упряжки и спальные мешки. Как ни резвы были собаки, а одну ночь приходилось проводить в снегу. Это если не было пурги, а случалось, что снежное покрывало хранило путников два, а то и три дня. Нелегко доставались такие важные мероприятия, как партийные, комсомольские конференции или выборы в органы власти.

Вспоминается последняя на Камчатке, пятая, дивизионная партконференция. Её политотдел готовил особенно тщательно, она проходила уже после сформирования КОР при участии его командующего генерал-майора А. Р. Гнечко. Обстановка на конференции была приподнятая, всех воодушевляли великие победы Красной Армии. Приближался день окончательного разгрома фашистской Германии. Мы немало думали, как же сложится наша дальнейшая судьба, какие задачи возникнут в новых условиях для нас, воинов-камчатцев, долгие и трудные годы державших рубежи на этом далёком форпосте нашей Родины.

Всё шло хорошо. Выступление генерала Гнечко слушали с большим вниманием. Он остановился на боевых задачах дивизии, советовал обратить большее внимание на отработку действий подразделений и частей в наступлении, указал на необходимость повысить качество деятельности штабов, их оперативность, потребовал улучшить работу по укреплению дисциплины и организованности. Помню, нам, мне и Гетманову, готовившим проект решения, пришлось основательно его дополнить.

Время офицеров штаба и политотдела было до отказа заполнено работой и учёбой. Занятия с офицерами шли постоянно, много внимания уделялось марксистско-ленинской и физической подготовке, тактике. Все неплохо ходили на лыжах. Нашу лыжную колонну, отправлявшуюся «штурмовать» ближайшие сопки, всегда возглавлял подтянутый, сильный и ловкий физрук дивизии старший лейтенант Степан Савушкин.

В своих требованиях к личной военной подготовке офицеров наш начальник штаба подполковник Иван Алексеевич Шинкаренко, кажется, не знал предела. Отлично подготовленный, прекрасно эрудированный, внимательно следивший за своей внешностью, он постоянно заботился о личном примере офицеров штаба. Тянулись за ним и мы, политотдельцы. Большое внимание уделялось личной огневой подготовке. Из винтовки мы стреляли редко, а вот своим пистолетом каждый должен был владеть отлично.

Эти требования, как помню, особенно горячо поддерживал комиссар дивизии Шаров. Помню такой случай. Предстояла выдача партбилетов вновь принятым. К их выписке привлекли и меня, трудились мы в кабинете комиссара. Шаров вёл неторопливую беседу с каждым вступавшим в партию. Вот перед ним оказался молодой воентехник из 138-го стрелкового полка. Задав ему несколько вопросов, Шаров вдруг потребовал дать ему пистолет, проворно разобрал его, в том числе и колодку ударного механизма, положил всё это на стол и предложил воентехнику собрать. Тот заметно волновался, никак не мог собрать спусковой механизм. Шаров спросил, есть ли у него носовой платок. Взяв его, он аккуратно сложил туда детали, завязал узелком, протянул воентехнику и строго сказал: «Идите, научитесь владеть своим пистолетом, а вопрос о вашем приёме в члены партии решим позднее».

Большинство офицеров хорошо стреляли из пистолета. А вот не получалось это дело у нашего уважаемого редактора дивизионки майора Василия Петровича Наумова. Свою газету мы все любили, она была постоянным источником свежих сведений. Её дружный коллектив много делал для пропаганды передового военного опыта. А тут незадача: как на стрельбы, так все пули нашего уважаемого Петровича шли «за молоком». Майор страдал. Что только он не делал! Ходил к окулисту, проверял зрение, обращался даже к невропатологу, но всё оказалось тщетно. Может, такой результат давало всеобщее внимание к нему или едкие товарищеские остроты, непонятно. Перед каждой

инспекторской проверкой, перед каждой стрельбой он ходил и переживал. Много упражнялся у себя в редакции в наводке, плавном спуске курка. Но как только выходил на рубеж, его мишени не получали ни одной пробоины. «Просто напасть какая-то!» — восклицал он.

Начальство постоянно заботилось о нашей личной боеготовности. А она, кроме прочего, требовала от каждого иметь чемодан, постоянно укомплектованный необходимыми для походной жизни вещами. Там должна храниться пара запасного обмундирования, пара чистого белья, бритвенный прибор, сапожная щётка, носовые платки, бумага, карандаш. По тревоге, а они были частыми, мы хватали эти чемоданы и становились в строй в указанном ранее месте. По команде рассредоточивались, открывали чемодан, и майор Слабинский внимательно проверял его содержимое. И всегда у кого-то чего-то не хватало или было лишнее.

Однажды при этой процедуре случилось немало смеху. Начхим майор Курбатов прибежал последним. Проверка чемоданов уже заканчивалась. Слабинский был явно не в духе и довольно резко потребовал: «Откройте, майор, чемодан!» Тот был открыт, и взору офицеров предстала уморительная картина: масса разнообразного детского белья. Слабинский с явным удовольствием, театральными жестами извлекал из чемодана пелёнки, детские распашонки, штанишки. Строй нарушился, офицеры сбились в круг, смех и реплики сыпались со всех сторон. В довершение всего со дна чемодана Слабинский извлёк изрядную связку сосок-пустышек. «Ну, вояка, собери и закрой чемодан. Всем стоять на месте», — приказал он и направился в штаб, где на крыльце стояли начштаба Шинкаренко и дежурный.

Курбатов проворно схватил свой чемодан и сбегал домой, а он жил напротив, через минуту вернулся. Очевидно, Слабинский не удовлетворился первоначальным эффектом по проверке чемодана начхима и доложил начальнику штаба. Действительно, через несколько минут Шинкаренко направился к строю офицеров. Все с возросшим вниманием наблюдали, что произойдёт дальше. Строгий и решительный

Шинкаренко сразу подошёл к Курбатову: «В чём дело, майор, как вы собираетесь воевать? Откройте ваш чемодан». Курбатов открыл. Тут царил образцовый порядок, всё было на месте, прекрасно уложено. Настала очередь удивляться начальнику оперативного отделения. «В чём дело, майор Слабинский? — уже возмущённо обратился к нему Шинкаренко. — Что за шутки? У Курбатова отличная экипировка». Слабинский несколько растерянно смотрел на злополучный чемодан. Все напряжённо молчали. Обстановку разрядил начхим: «Есть моя вина, товарищ подполковник, в спешке схватил не тот чемодан, а теперь заменил, квартира рядом». «Ну, смотри, майор, а то, не ровён час, голову оставишь», — сказал начштаба и приказал разойтись.

Долго этот комический случай был для нас источником шуток и острот. (Как воевал майор Курбатов, нам известно. В честь его подвига назван один из мысов на острове Шумшу, ранее именовавшийся Кокутан-Саки. Интересно, а есть ли где-нибудь мыс имени Слабинского? Хотя сослуживцы ценили его как отличного штабного работника. — *Ред*.)

Насыщенный событиями и напряжённой работой этот период службы в политотделе был хорошей школой для нас, молодых политработников, выросших тут же из рядовых дивизии.

Большим уважением пользовался заместитель начальника политотдела майор Емельян Михайлович Захаров. Ветеран дивизии, некогда замполит части, секретарь партийной комиссии, он как никто умел анализировать состояние дел, обобщать опыт, не сдерживая инициативы. Всегда с большим вниманием мы выслушивали мнение секретаря партийной комиссии майора Фёдора Ивановича Кузьмина. В прошлом первый секретарь райкома партии, он умел с особым тактом и острой принципиальностью дать характеристику партийной работе в части, подметить и поддержать добрую инициативу.

Петропавловский горком партии послал в армию своих лучших пропагандистов. Никто лучше майора Александра Степановича Рожкова не умел читать лекции, особенно по

сложным проблемам марксистко-ленинской философии. Его достойным соратником был капитан Василий Иванович Гетманов. Ну а мы, молодёжь, старший инструктор по организационно-партийной работе старший лейтенант Василий Андреевич Кот, помощник по комсомолу лейтенант Виктор Порфирьевич Тарасов, инструктор по партучёту старший лейтенант Иосиф Иванович Волков, инструктор по работе среди войск противника лейтенант Борис Евгеньевич Кремянский и я — инструктор по информации и кадрам, старались не отстать от старших товарищей.

Обязывали и высокий авторитет политотдела, увлекала интересная, значительная работа и умелое руководство всеми делами со стороны начПО подполковника Михаила Андреевича Алентьева.

При нахождении в частях политотдельцы изучали состояние дел основательно, доходили до каждого солдата. Интересовались всем: как работает столовая, всё ли, что положено по скудному тыловому пайку, получают люди, как работает баня и прачечная, как организован ремонт обуви и многое, многое другое. Но больше всего и очень тщательно изучали настроение бойцов, командиров, как они информированы о положении на фронтах.

Ехали в части мы не с пустыми руками. Каждый готовил лекцию, доклад, и там, на месте, собирали солдат и командиров зачастую на боевых позициях, несли людям слово правды, веру и нашу победу. Выявлялось немало и недостатков, упущений. Тогда в конце работы проводились разборы, давались указания, что необходимо сделать для исправления недочётов. Часто по материалам работы в частях делались серьёзные обобщения, появлялся приказ по полку, а иногда и по дивизии, где чётко и требовательно определялись задачи.

Много и настойчиво трудился политотдел над укреплением воинской дисциплины. Анализу её состояния уделялось много внимания командирами, политработниками, партийными и комсомольскими организациями. Всё это давало свои результаты. Когда формировался КОР, его командир

генерал-майор А. Р. Гнечко остался очень доволен уровнем боевой готовности и выучки частей дивизии.

В день получения приказа на Курильский десант половина политотдельцев была в частях. Подполковник Алентьев прихватил меня и решил выйти на берег океана в район расположения наших траншей и дзотов, посмотреть на службу наших дежурных расчётов.

События развивались стремительно. После обеда удалось собрать почти всех политотдельцев на командном пункте дивизии. Задача стояла необычная, а успешному её решению могли сопутствовать мобильность, организованность при подготовке десанта и смелость, храбрость при высадке. Все мы направились в части дивизии, и со многими до освобождения острова Шумшу увидеться мне уже не пришлось.

Большой опыт, преданность делу сделали своё. На кораблях и десантных судах политотдельцы провели большую работу по мобилизации боевого порыва бойцов и командиров. И их вклад в успех десанта велик. Во время операции, в ходе боя за овладение островом Шумшу политотдельцы действовали смело. Старший лейтенант В. А. Кот проявил подлинный героизм при высадке отряда захвата и в бою, за что ему присвоили звание Героя Советского Союза. Майоры Кузьмин, Рожков, лейтенант Тарасов находились на переднем крае и своим примером воодушевляли бойцов. Сам Алентьев был примером решительных действий, он лично в критический момент, пренебрегая опасностью, выехал в логово врага и требовал немедленной капитуляции. Много способствовал успеху переговоров о капитуляции лейтенант Кремянский, прекрасный знаток японского языка.

Все политотдельцы за проявленное мужество и героизм при высадке десанта и в бою за овладение островом Шумшу были отмечены высокими государственными наградами. И в том, что наша дивизия была награждена орденом Ленина, мы, политотдельцы, видим признание и наших скромных заслуг.

Прошло много лет. Где-то сейчас наши боевые друзья-политотдельцы?

Полковника М. А. Алентьева друзья и соратники проводили в последний путь в Ленинграде. Подполковник А. С. Рожков скончался и похоронен в Кишинёве. Подполковник Е. М. Захаров после длительной службы в армии ушёл в отставку, был активным лектором общества «Знание», жил в Уфе. Майор И. Ф. Кузьмин демобилизовался и долгие годы был партийным работником на Дальнем Востоке. Полковник в отставке В. Л. Тарасов преподавал на военной кафедре одного института в Красноярске. Полковник в отставке Герой Советского Союза В. А. Кот, мой лучший друг, жил во Львове.

При встречах и в письмах мы часто вспоминали Курильский десант, массовый героизм и беззаветную доблесть воинов 101-й стрелковой дивизии и добрым словом поминали тех, кто отдал жизнь во славу и величие нашей Отчизны.

КОКМ ОФ 33369/40. Рукопись

ПОДВИГ НА КУРИЛАХ

Десант

Острова Курильские — в камни бьёт прибой.
Мы сквозь эту кипень шли на смертный бой.
С моря брали доты, гибли в свой черёд.
Не забудет Родина сорок пятый год,
И живых и мёртвых, взявших у врага
Нашу землю кровную, наши берега.
В. С. Акшинский, парторг 279-го артполка, участник десанта

Весна 1945 г. была насыщена большими событиями. Наша героическая армия, нанеся в 1944 г. ряд сокрушительных ударов по врагу, причинила фашистам невосполнимый урон, вышла широким фронтом на государственную границу и приступила к выполнению исторической миссии — освобождению Европы от нацистской нечисти. Призыв «Водрузить знамя Победы над Рейхстагом!» приобрёл совершенно реальное содержание. Чувствовалось приближение столь желанной Победы.

В частях дивизии царило огромное воодушевление. Бойцы с нетерпением и радостью ловили каждую весточку с фронта. Наша дивизионная газета «Верный сын Родины» шла нарасхват. Задачи решались с большим подъёмом. Чётко действовали все звенья партийно-политической работы. Постановка информации личного состава о текущих событиях была до предела оперативной. Оживилась работа клубов, библиотек, киноустановок. Наша гордость — прекрасный Дом офицеров, возглавляемый талантливым руководителем капитаном Василием Ивановичем Китаевым, поставил оперу Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Партию Оксаны великолепно исполнила жена офицера Новицкая, в одной из партий пел лейтенант Ильиных. Опера была встречена восторженно, её многократно повторяли и в Доме офицеров, и в областном драматическом театре.

В этой обстановке всеобщего подъёма командование и политотдел дивизии требовали соблюдения постоянной высокой боеготовности. На это же нацелила всех коммунистов пятая дивизионная партконференция. Все посты наблюдения за морем и воздухом были постоянно начеку. В частях шла напряжённая боевая учёба, не прекращались тактические занятия, марши, стрельбы.

В марте-апреле 1945 г. на Камчатку стали прибывать офицеры. Нам в политотделе уже было известно, что на полуострове на базе имевшихся военных формирований образован Камчатский оборонительный район. Все восприняли это с удовлетворением, так как давно чувствовалась необходимость органа, имеющего право согласования действий стрелковой дивизии с частями усиления, авиаторами и моряками. Правда, возникали трудности с расквартированием, но все понимали, что с этим можно и необходимо мириться. Прибыл и командующий КОР генерал-майор Р. А. Гнечко. Он был чуть выше среднего роста, плотный. Всегда спокойное лицо было не лишено какой-то украинской лукавинки. Пышные запорожские усы придавали ему отеческое выражение. Генерал был нетороплив, немногословен и основателен.

Не дожидаясь прибытия остальных офицеров штаба, Гнечко основательно знакомился с дивизией, побывал во всех частях, включая и мыс Лопатку. И, удивительное дело, видно, в самом деле, бойцы отметили в генерале что-то отеческое: само собой и сразу за ним закрепилось уважительное прозвище «Батя».

А штаб КОР быстро становился, что называется, на ноги. Прибыли начальник штаба полковник Воронов, начальник оперативного отдела майор Радужанов, деятельные, энергичные офицеры, надёжные помощники командующего. Заняв одно из зданий военного городка, штаб приступил к активной деятельности. Зачастили сюда моряки, лётчики, пограничники. Нередкими гостями были и секретари обкома и горкома, но чаще генерал сам бывал в обкоме у первого секретаря Петрова.

Прошло несколько совещаний офицерского состава дивизии. Выступления командующего были чрезвычайно убедительными. Он не был хорошим оратором, но глубокий разбор состояния, знание опыта войны на Западе против гитлеровцев, ясные выводы и чётко поставленные задачи увлекли участников этих совещаний.

Уже при активном участии штаба КОР были проведены пробные учения полков, а затем состоялись и дивизионные. Они резко отличались от предыдущих. Действия дивизии развёртывались на довольно обширной лесистой местности севернее Авачинской губы и носили чётко выраженный наступательный характер. К учениям были привлечены все тыловые части и подразделения дивизии. Когда наступление находилось на завершающем этапе и полки поднялись в атаку против десанта «противника», по переднему краю «врага» силами бомбардировочного полка 128-й смешанной авиадивизии был нанесён массированный удар. Затем атаку поддержала истребительная авиация, поливая «противника» огнём. На правом фланге был слышен гром береговой артиллерии. КОР основательно показал свои силы, бойцы и командиры были восхищены и очень довольны. Слышались реплики солдат: «Вот это батя взялся за дело! Батя всех поднял на ноги! Вот это здорово, пускай самураи сунутся!»

Генерал Гнечко тоже был доволен. После отбоя на большой поляне он принял парад частей дивизии. Парадом командовал генерал-майор Порфирий Иванович Дьяков. Облачившись по этому поводу в парадную форму, он выглядел весьма внушительно. Всем была объявлена благодарность командующего КОР. С громкими песнями роты и взводы возвращались на свои постоянные позиции.

Незадолго до этих учений в драматическом театре состоялось вручение генералу Дьякову ордена Ленина, которым он был награждён за долговременную и безупречную службу в Красной Армии. Присутствовали представители общественности Петропавловска и войсковых частей. Выступая со словами благодарности, генерал завершил свою речь

словами солдата Блохина из особенно популярной в дивизии книги А. Н. Степанова «Порт-Артур»: «Ну, а если японцы решатся на авантюру, мы скажем: “Умри, япошка!”» Эти слова зал встретил громом аплодисментов.

И думали мы и тогда, и после, что неспроста японские генералы при своих безмерных амбициях к захватам и в самое трудное время для нашей Родины, когда враг стоял у Волги, не решились на поползновение в сторону Камчатки. Чуяли самураи, что дорого им обойдётся эта авантюра. В этом, мне кажется, большая историческая заслуга воинов 101-й стрелковой дивизии, частей усиления, моряков, авиаторов и пограничников советской Камчатки.

Случилось и ещё одно событие, но уже летом. В начале августа 1945 г. радио сообщило о том, что американцы сбросили атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки. Сообщение было кратким и не комментировалось. И хотя Америка была нашим союзником в войне с Германией, эта весть не радовала, чувствовалось, что это — демонстрация военной силы не столько против Японии, которая уже была на грани катастрофы, сколько угроза Советскому Союзу. Так это мы поняли в то время здесь, на Камчатке.

Самым ярким, запомнившимся на всю жизнь событием весны 1945 г. для нас, воинов-камчатцев, стала весть о Победе. Восторгам, ликованию солдат и командиров не было предела. Люди, испытавшие многочисленные лишения, не скрывали слёз радости. Все торжествовали, кричали «Ура!», качали своих командиров. Все, кто был в городе и политотделе, собрались в кабинете Алентьева. Говорили одновременно, дружески похлопывая друг друга по плечу, обнимались.

Решили, что надо везде провести митинги. На вопрос, каковы наши задачи? — следовало разъяснение: «Мы на боевом посту, здесь, на Востоке. Вокруг бушует война и мы должны быть готовы к любой неожиданности».

Передав в части указание политотдела, мы с Гетмановым пошли в город. Петропавловск ликовал. Зашли в горком партии, где у Василия Ивановича трудилось много друзей.

На обратном пути Гетманов завернул в типографию газеты «Камчатская правда», а на мой вопросительный взгляд пояснил: «Чудак человек, в типографии тоже хорошие люди». Выйдя, он показал бутылочку: «Чистейший. Пойдём ко мне, отметим радость победы».

Вскоре после Дня Победы штаб и политотдел дивизии переместились с зимних квартир на полевые, на командный пункт, расположенный на западных склонах высоты 261,0. Вероятно, Гнечко и Дьяков решили в этот заключительный этап событий на Востоке быть начеку.

Знакомые места: служа в 428-м ГАП, позиции которого были у восточного подножия этой высоты, мне приходилось десятки раз обходить её на лыжах вместе со своими комсомольцами. Обживались на новом месте, в землянках. По-прежнему, даже чаще, бывали в гостях.

15 августа выдался ясный, светлый, тёплый денёк. Утром меня встретил подполковник Алентьев: «Пойдём, Сергей, на берег океана, посмотрим, чем он дышит». Себе он взял дробовик, мне вручил мелкокалиберную винтовку. Я знал, что наш начПО страстный охотник и не удивился. Он решил побродить с ружьём, отдохнуть от непрерывных забот. Мы вышли на берег. Океан был спокоен. Нерпы на этот раз близко что-то не появлялись. Два или три выстрела были безрезультатны.

Время шло к обеду. Тут прибежал запыхавшийся посыльный из штаба и передал, что генерал Дьяков просит срочно Алентьева к себе, важное дело! На командный пункт мы возвращались почти бегом. Алентьев сразу пошёл к генералу. Уже через пятнадцать минут в нашей землянке стали собираться политотдельцы, вскоре пришёл и сам Алентьев. Мы заметили, что начальник волновался. Убедившись, что все на месте, перешёл к делу: «Перед дивизией поставлена боевая задача — десантом захватить Курилы, высаживаться будем на Шумшу. Цель десанта пока держится в тайне. Части дивизии уже подняты по тревоге. Задача: по возможности скрытно сосредоточиться в районе порта для посадки на корабли».

Тут же был решён вопрос расстановки политотдельцев. В отряд захвата заместителем его командира майора Шутова назначили старшего лейтенанта Кот, в 138-й стрелковый полк пошёл капитан Гетманов, в 373-й отправились майор Рыжков и старший лейтенант Тарасов, в 279-й артполк — майор Кузьмин. Майору Захарову поручили взаимодействие с учреждениями тыла. Алентьев, Годин, Кремянский вошли в оперативную группу штаба дивизии.

Буквально через пару часов командный пункт дивизии на высоте 261,0 обезлюдел. Большинство офицеров штаба направились в части, опустели и землянки политотдела. Остались мы вдвоём со старшиной Пашей Лызловым, нашим секретарём. Осмотрели все землянки, все закутки, уничтожили ненужные бумаги. К вечеру удалось связаться с политотдельцами, работавшими в частях. Все сообщали, что подъём частей по тревоге, сосредоточение в городках проходит организованно, никаких происшествий не случилось.

Как стало известно позднее, директива фронта отводила на организацию десанта одни сутки, однако уложиться в них оказалось невозможно. Имеющиеся в наличии десантные суда и военные корабли не могли принять десант, а суда торгового флота, которые пришлось использовать для этого, стояли на рейде и в порту с грузами.

Порт работал с колоссальным напряжением. Полным ходом шла разгрузка необходимых плавсредств, подготовка их к приёму десантников. Постоянные деловые контакты генерала Гнечко с обкомом и горкомом партии оказались чрезвычайно полезными. Без их большой оперативной помощи решение задач подготовки, посадки людей, размещения техники было бы чрезвычайно затруднено. Ходом дел постоянно интересовался первый секретарь обкома, а секретаря обкома Елисеева специально уполномочили для оказания помощи в решении всех вопросов на месте.

Сейчас трудно, невозможно восстановить все детали событий этих часов. Одно помню чётко: это огромное воодушевление, охватившее всех солдат и офицеров. Казалось, что долгое, годами копившееся напряжение, которое терпеливо

испытывали и переживали люди, вырвалось наружу активной боевой деятельностью сплочённого силой, волей, единой идеей военного организма. Ещё не зная чётко предстоящей задачи, бойцы чувствовали, что им предстоит что-то важное, где сполна можно будет проявить себя, свою готовность скрестить меч с врагами Родины. Упорный труд командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций давал свою отдачу. В движении находилось всё. Тихо, без лишнего шума перемещались подразделения, шли повозки, машины с боеприпасами, орудия.

На рассвете 16 августа на командном пункте не было ни души. В редакции нашей дивизионки меня встретил Алентьев. Здесь я узнал, что редакция и типография пока остаются на месте. Тут же Алентьев сказал, что оперативная группа штаба и политотдела пойдёт в десанте на сторожевом пограничном корабле «Киров». После этого мы с Кремянским большую часть времени проводили в порту.

Подразделения стрелковых полков грузились успешно. Хуже обстояло дело с артиллерией. Орудия опускали в трюмы. Громадные, тяжёлые гаубицы с трудом поддавались строповке. Но большой опыт, старание грузчиков порта и расторопность артиллеристов сделали своё дело: огромные трюмы пароходов поглотили все пушки. Первыми на рейд выходили десантные суда со сводным отрядом захвата.

Повсюду царило всеобщее возбуждение, даже не без лихости. Политработники, которых удалось повстречать в это время, были настроены по-боевому. Когда отчаливал большой пароход «Туркмен», бойцы, находившиеся на палубе, дружно грянули песню: «Прощай, любимый город, уходим завтра в море...» Наш дирижёр из Дома офицеров даже привёл свой оркестр и грянул, было, марш, но его выпроводили обратно. Всю ночь на 17 августа порт напряжённо трудился, и к утру погрузка десанта завершилась.

На корабль «Киров», на котором следовали командир дивизии генерал П. И. Дьяков и оперативная группа штаба, погрузился со своим имуществом и комендантский взвод. По палубе ковылял капитан Сочнев, начальник шестого

(шифровального) отделения штаба. Накануне он где-то вывихнул ногу и теперь ходил в одном сапоге, ступня другой ноги была обвязана бинтом. Самым последним грузился повар генерала Митрич, как его называли бойцы. Митрич — отменный мастер своего дела, не прочь был похвалиться тем, что некогда служил шефом в большом ресторане. Он прибежал с целым ворохом кастрюль и противней. Моряки улыбались, глядя на поварскую возню.

Рано утром 17 августа корабли с десантом вытянулись в колонну и покинули Авачинскую губу, взяв курс на юг. Всего набралось 64 корабля, или, как говорят моряки, вымпела. Уже позднее мы узнали, что наш караван сопровождал дивизион подводных лодок. Отчалил и вскоре оказался на океанском просторе и наш сторожевик. Набрав ход, он взял мористее, караван оказался правее и стал почти незаметен. Очевидно, командование возложило на сторожевик задачи наблюдения и охраны.

У меня всегда вызывали большой интерес море и корабли. Обошёл сторожевик. Корабль был небольшой, без всякой броневой защиты, его вооружение состояло из палубного и кормового орудий калибром 76 мм. На носу стоял зенитный автомат типа «Эрликон» для борьбы с самолётами.

Океан был спокоен, качки никакой не ощущалось, все чувствовали себя превосходно. Но спокойствие было чисто внешним. Экипаж корабля находился начеку. Моряки-пограничники, далеко не первого года службы, действовали деловито и сноровисто. Они постоянно наблюдали за морем, расчёты дежурили у автомата и орудий, наготове были унитарные снаряды. Моряки были предельно вежливы и предупредительны. Командиру десанта и всем нам, офицерам оперативной группы, они уступили свои кубрики и кают-компанию. Большинство офицеров, свободных от дел, собрались в кают-компании, живо обменивались мнениями о недавно завершившихся спешных делах по организации и погрузке десанта. О том, каким успехом увенчается десант, говорили мало. Многое было неизвестно, слишком мало мы знали о противнике. Большинство предпочитало

находиться на палубе, зорко всматриваясь в море. О чём они думали? Скорее всего, их заботил успех предстоящей операции. А может, хотели помочь наблюдателям, ведь мог появиться перископ вражеской подводной лодки или пенный след торпеды!

Однако всё шло спокойно. Генерал на палубу не поднимался, сидели в кубрике и офицеры оперативного отделения. У них забот было немало. Изредка из кубрика генерала, ковыляя перевязанной ногой, пробирался в свою охраняемую каюту капитан Сочнев. Было ясно, что генерал поддерживает шифрованную связь с командующим КОР.

В ночь с 17 на 18 августа мало кто спал. Всех охватило тревожное ожидание. К утру корабль находился на траверзе острова Шумшу. Слышались артиллерийские залпы, несколько десантных судов горело. Очевидно, поняв, что на нашем корабле находится командование, противник предпринял несколько ожесточённых авиационных атак. Его истребители с жёлтыми кругами на крыльях парами стремительно атаковали сторожевик. Но большинство атак оказались безуспешны. По самолётам врага стреляли все: пулемётчики из «Эрликона», артиллеристы и бойцы из винтовок. Одному истребителю удалось из пике выйти на корабль. По палубе дробно пронеслась пулемётная очередь, попадали мелкие бомбы. Был тяжело ранен моряк из состава орудийного расчёта. Находясь поблизости, я, было, бросился помогать подавать снаряды, но командир орудия строго сказал: «Отойдите! Справимся сами!» После этого налёта Алентьев дал мне строгую взбучку, ведь я находился на палубе без каски.

Во время этих налётов мы, офицеры, чувствовали себя крайне неуютно. Злило бессилие. Что можно сделать, имея только пистолет? Корабль при стрельбе орудий гремел, как бочка. Так хотелось на землю, к которой мы привыкли! При одном из следующих налётов лётчику удалось прицельно сбросить несколько бомб. Осколками ранило двух человек из расчёта зенитного автомата. Взрыв сделал пробоину как раз в том кубрике, где я провёл ночь. Пробоина

оказалась невелика, моряки из аварийной команды забили её клином, течь прекратилась. Уже позднее узнали, что при этом повредило рулевое управление, но корабль остался на плаву.

Уже к вечеру артиллеристы открыли огонь по танкеру «Мариуполь». Это судно затонуло ранее, как раз недалеко от места высадки десанта, и японцы оборудовали на нём батарею. По танкеру били и другие военные корабли. Мы слышали глухие раскаты залпов. Танкер загорелся, и на чернеющем небе заполыхали языки пламени.

Под утро подняли с полузатонувшей шлюпки солдата. Он закоченел и не мог вымолвить ни слова — почти сутки провёл в море мокрым. Когда врач привёл его в чувство, мне удалось с ним поговорить. Он был из 373-го стрелкового полка. «Наш корабль японцы расстреляли прямой наводкой из орудия, и он загорелся. Большинству бойцов удалось выбраться на берег, но многие утонули. Я уцепился за шлюпку, но она была перегружена, вёсел не было. Течение понесло её в море. Ночью все, кто держался у борта, закоченели и утонули, человек двадцать».

С рассветом генерал отправил на берег разведку на двух шлюпках. Командовал ей старший лейтенант Александр Дьяков, его сын. Вскоре шлюпки вернулись, разведчики доложили, что высадка прошла в основном успешно, передовой отряд захватил надёжный плацдарм и продвинулся к подножию сопок 171,0 и 165,0. Туда же подошли подразделения 138-го и 373-го полков. Идёт выгрузка артиллерии. Саша Дьяков сообщил мне, что потери большие и что погиб капитан Гетманов.

Сразу же произвели высадку на шлюпках. Берег носил следы героических действий десанта. Рядом дымило догорающее десантное судно, другое, тоже горящее, моряки оттянули в океан. На берегу лежали тела погибших от артиллерийских осколков. Вот брошена плита от миномёта, а остального нет, валяются порожние цинки — патроны с собой забрали наступавшие бойцы. Много тяжелораненых. Вот старшина Алексеенко, мой друг по 428-му гаубичному артполку,

секретчик. Мёртв. Лежит, полузакрыв глаза, солдат. Дышит. Его бок распорот снарядом и внутренности вывалились на песок. Медики не справляются с потоком раненых, медсанбат и эвакогоспиталь ещё не высадились. Работают санитары рот, санинструкторы используют всё, что оказалось в санитарных сумках, но не успевают.

Командный пункт командира десанта обосновался в глубоком овраге по руслу небольшого ручья, тут же, вблизи от берега. Комендантский взвод споро отрыл щели в крутостях оврага... и установил две палатки. Оперативное отделение, возглавляемое майором Слабинским, быстро продвигается вперёд и останавливается в одном из тоннелей, пробитом сквозь скалистую гряду недалеко от переднего края. Сделано это своевременно. Очевидно, авиация японцев сразу заметила эти злополучные палатки, и по командному пункту, по палаткам сразу начались ожесточённые удары вражеских истребителей.

Прятались в отрытых щелях. Помню, при одном из налётов я оказался в щели рядом с генералом Дьяковым. Тот возмущённо кричал: «Снимите эти чёртовы палатки немедленно!» Пулемётные очереди врага, дробя гальку и высекая искры, ложились прямо у наших ног. К счастью, никто не пострадал, и только на открытом берегу, где шла выгрузка артиллерии, японским лётчикам удалось нанести некоторый урон.

Сразу же после высадки нашей группы я встретился с Фёдором Ивановичем Кузьминым, секретарём партийной комиссии. На радостях обнялись. Он не скрывал своего удовлетворения: «Всё идёт хорошо, передовой отряд уже около сопок, туда же выдвинулись стрелковые полки. Ну, а артиллеристы пока задержались, выгружать орудия без причала не просто. Но ничего, один дивизион уже продвинулся вперёд поддержать пехоту, остальные спешно выгружаются». Тут его лицо помрачнело, и он с горечью добавил: «Трудно пришлось первому эшелону пехоты. Шутов успел проскочить, а вот пехоте было тяжело, много полегло под прямым артогнём с мыса Кокутан-Саки. Утонули тоже многие».

На командный пункт пришёл и замполит передового отряда старший лейтенант В. А. Кот. Он был вконец измучен, прямо сознался, что «ноги не держат, надо передохнуть», и тут же добавил: «Добре мы япошку турнули с берега, плацдарм захватили надёжный». Залез в палатку и мгновенно уснул. Но недолог был его сон: пулемётная очередь из японского штурмовика чуть было не захватила моего друга. Буквально за ноги втащил я его в щель.

Здесь же, на КП, состоялась еще одна интересная встреча. Уже в сумерках из густых зарослей сверху оврага появился наш начхим майор Курбатов. Вид у него был, прямо скажем, неважный: гимнастёрка и брюки порваны, особенно на коленях. Но присущий ему юмор он сохранил. «Чёртовы япошки, пока мы их допекли, почти без штанов остались! Дайте попить», — внезапно попросил он, заметив фляжку. Жадно схватив её, не переводя дыхания, осушил до дна. «Уф, благодать, двое суток росинки во рту не было». Я попросил рассказать о ходе боёв.

«Когда мы высаживались, — начал он, — японцы нас накрыли. Снаряды рвались прямо над головой, прошивали наши суда насквозь. Несколько десантных судов уже горело. Но мне повезло, я выплыл невредимым, выплыли и мои химики. Ну, думаю, если не заткнуть япошкам глотку, перебьют наших. Решил блокировать мыс Кокутан-Саки с суши. Полковник Артюшин это одобрил, бери, говорит, любую команду, только заглуши их там. Взял химиков, несколько бойцов из 138-го полка. До мыса добрались быстро, там окопы, но японцы из них драпанули. Правда, на колючках да кустарниках пообрывали всё. Видим: вход в капонир завален камнем. Сами японцы, отступая, завалили, чтоб не сдавались артиллеристы. Сделали их смертниками, как их называют, камикадзе, что ли.

Что делать? Бросили несколько гранат на завалы, результата никакого, подползёшь поближе — оттуда из щели огонь. А орудия продолжают бить по нашим прямой наводкой. Нашли сверху пару каналов, видно, для вентиляции оставили, спустили туда гранаты Ф-1. Тоже без толку.

Рвутся где-то под землёй, а орудия своё дело делают. Зажгли у этих каналов шашки, тоже безрезультатно, дым вниз не идёт.

Нет, думаю, я вас допеку. Нашли кабель от телефонного провода, навязали на него дымовые шашки, зажгли и опустили вниз прямо к амбразурам. Мыс окутался дымом. Перестали стрелять орудия, ослепили мы их, ну а позже японцы прекратили сопротивление и сдались в плен».

Курбатов попросил помочь сделать ему перевязку. Оказывается, осколок гранаты угодил ему прямо в «мягкое место». «Вот чёрт, — ругался начхим, — даже не знаю, чей осколок: наш или японский». На КП никого из санитаров не было, и на перевязку майор пустил свою нательную рубаху.

За короткое пребывание КП в этом злополучном овраге вспоминается ещё один эпизод. Налёты японской авиации нас насторожили. Огонь по самолётам открывали все, кто успел, но безрезультатно. Висела низкая облачность, самолёты летели, вернее, выскакивали на малой высоте, и мгновенно, прошив очередью берег и сбросив бомбы, скрывались. Наша авиация пока не показывалась. Но вот погода стала проясняться. Следуя курсом вдоль берега с юга на север, показался истребитель. Весь берег открыл огонь.

Стреляли все, даже и те, у кого пули до цели не долетали. Особенно усердно работала счетверённая пулемётная установка, прикрывавшая КП. И вот на наших глазах самолёт задымил, оставляя за собой длинный шлейф дыма, начал резко терять высоту. Через несколько секунд он спустился на воду. Все были в восторге. Генерал Дьяков, видевший всё это своими глазами, кричал: «Молодцы, зенитчики! Вызвать их ко мне!»

Каково же было наше удивление и разочарование, когда из рядом расположенного ответвления оврага выскочил разъярённый подполковник — командир 128-й смешанной авиадивизии — и разразился ругательствами: «Подлецы, негодяи! Лучшего командира эскадрильи сбили!» Все смущённо умолкли, а наш генерал потихоньку скрылся в блиндаже.

Позже артиллеристы из 279-го артполка рассказали, что когда самолёт сел на воду недалеко от корабля, лётчик сумел выбраться из кабины и остался на плаву. С корабля раздались торжествующие крики: «Ага, самурай, отлетался!» К удивлению артиллеристов, «самурай» разразился отборным матом на чистейшем русском языке. Пришлось срочно подать шлюпку. Мокрый и злой лётчик не мог успокоиться: «Удружили, стервецы!»

К вечеру 19 августа людей на нашем КП оставалось мало. Генерал и офицеры штаба сразу после обеда оставили злополучный овраг и придвинулись ближе к передовой, где КП разместился в надёжном убежище — тоннеле, вырытом противником. Мне было приказано пока оставаться на месте, по возможности связаться с политработниками полков, собирать сведения... и проследить, чтобы у всех них в удостоверении личности на десятой странице было подчёркнуты слова «подпись владельца». Это было распоряжение штаба дивизии. Допускалось, что фальшивыми удостоверениями могут воспользоваться лазутчики врага. В моём удостоверении эти слова подчеркнул майор Слабинский. Оно сохранилось у меня до сих пор.

В силу возложенных на меня обязанностей обеспечения сведениями вышестоящих политорганов, хотелось быстрее знать о состоянии дел по выполнению боевой задачи, о том, как действовали бойцы и командиры при высадке, о подвигах и героях.

Из сообщения В. А. Кот, майора И. Ф. Кузьмина было уже ясно, что высадка передового отряда (захвата) удалась. Для японцев она оказалась неожиданной, и пока самураи соображали, что происходит, отряд без особого сопротивления продвинулся далеко, на три-четыре километра вперёд, обеспечив надёжный плацдарм для высадки главных сил. Но к моменту высадки первого и второго эшелонов противник уже пришёл в себя и начал организованно оборонятся. Высадка подразделений 138-го и 373-го полков явила самые героические и зачастую трагические моменты. Артиллерия японцев с мыса Котомари и особенно из

капониров мыса Кокутан-Сака прямой наводкой поражала наши десантные суда, вызывая на кораблях пожары.

Многие наши бойцы не умели плавать, да и умеющим было нелегко при полном обмундировании, с оружием преодолевать оставшуюся до берега сотню метров. А море кипело от разрывов. Японцам удавалось поражать не только корабли, но и шлюпки, наполненные бойцами. В эти критические моменты десантники явили беспримерную доблесть и мужество. Кажется, люди забыли о страхе. Смело и решительно они бросались в тёмные воды океана и плыли к берегу. Достигли его не все. Кто-то ушёл под воду, поражённый осколком, кто-то не смог преодолеть тяжести оружия и силы прибоя. Потери были значительны. Но те, кто вышел на берег, не теряли времени. Командиры проявили максимум организованности в этих условиях. Отделения, взводы, роты быстро принимали боевой порядок и шли вперёд, к высотам, где залёг передовой отряд.

Вскоре после высадки оперативной группы мне удалось снова побывать на берегу. Мыс Кокутан-Саки молчал. Полным ходом разгружалась артиллерия. Многим раненым уже оказали медицинскую помощь, но часть людей ещё ждала перевязки. Ротные санитары и санинструкторы выбивались из сил.

Возвращаясь на КП дивизии, увидел сидевших в укрытии генерала Дьякова и полковника Алентьева. Удручённый виденным на берегу, решил доложить Алентьеву о том, что с оказанием медпомощи раненым дело обстоит плохо. Обратившись по уставу, доложил суть дела. Генерал был озабочен. Посмотрев на меня, он строго сказал: «Занимайтесь, старший лейтенант, своим делом!» Позднее мне стало ясно, сколько вопросов он решал в это время. Ведь исход боя за остров ещё не был решён.

Вспоминаю многие эпизоды этих героических событий. Удалось установить обстоятельства гибели лучшего лыжника дивизии, сержанта батальона связи Белокопытова, которого я хорошо знал лично. Он, отличный спортсмен, смело бросился вплавь к берегу, но взял несколько в сторону.

Уже почти достигнув берега, услышав какие-то крики, решил, что там враг, и повернул обратно к кораблю, но сил не хватило, и вскоре он скрылся под водой. Бойцы, свидетели гибели Белокопытова, сожалели, но и не одобряли его поведения. «Сильного пуля боится», — заявил один из них.

В этот день мне удалось побывать на КП 373-го стрелкового полка, повидаться с заместителем командира по политчасти майором Моргослепенко, встретился также со многими секретарями партийных и комсомольских организаций. Сел за донесение в политотдел КОР, вернее, не сел, а лёг. Пошёл мелкий моросящий дождь, всё намокло. Хорошо, что в планшетке оказалась чистая тетрадь и простой карандаш. Сделав из плащ-палатки укрытие, приступил к работе.

Написал об успехе передового отряда, о героической высадке десанта под огнём, о героизме майоров Шутова, Курбатова, старшего лейтенанта Кот, о нескольких эпизодах, показывавших мужество, героизм и высокий моральный дух солдат и командиров. Вспоминая сейчас свою работу, думаю, как много я тогда не сделал, как мало в моих донесениях было показано боевых эпизодов и подвигов. Но и приятно, что во многих случаях мои донесения явились основой для составления представлений к высоким наградам отличившихся героев.

Позднее донесения посылались в политотдел КОР по несколько раз в день. Алентьев иногда покачивал головой, просматривая мои творения на тетрадных листах, но подписывал, и с офицером связи они шли адресату.

Как-то, встретив начПО, подаю ему на подпись очередное донесение. Алентьев прочёл, подписал. Помедлив, сказал: «На передовую шибко не лезь без моего разрешения, в зарослях много японских “кукушек”». Потом добавил: «Здорово мы наклали самураям по шеям. Дрейфят. Уже была попытка с их стороны пойти на переговоры». Позднее я узнал обстоятельства этих переговоров, которые вёл полковник Артюшин на участке наступления 373-го стрелкового полка.

На КП шла напряжённая работа. Командир десанта генерал Дьяков, высадившись, сразу же крепко взял управление в свои руки. Времени терять нельзя было ни минуты. Ошеломлённый первыми внезапными ударами противник начал приходить в себя. К этому времени потери у врага были немалые, сводный передовой отряд под командованием майора Шутова потеснил его до высот 171,0 и 165,0. Предпринятая японцами контратака силами танкового полка успеха не принесла. В эти часы ожесточённого боя отлично проявили себе моряки под командованием майора Почтарёва. Смело действовали бойцы подошедших подразделений 373-го и 138-го полков. Отличились бронебойщики. На поле боя враг оставил десятки горящих машин и вынужден был отступить. Высоты были в наших руках.

Но, повторяю, была дорога каждая минута. Генералу стало ясно, что противник имеет большие возможности усиления своих сил за счет переброски подкрепления с острова Парамушир. И штаб напряжённо работал. Большинство офицеров находились в частях, помогали ускорить выгрузку и переброску артиллерии на передний край. Устанавливалась связь, налаживалось взаимодействие. Большую работу выполнило оперативное отделение штаба, возглавляемое энергичным майором Слабинским. Во время десанта он исполнял обязанности начальника штаба дивизии.

В частях, выполняя задания штаба, пребывали начальник артиллерии дивизии подполковник Харитонов, начальник химической службы майор Курбатов, дивизионный инженер майор Клячкин, начальник медслужбы подполковник Голуб и другие. В частях помогали наладить партийно-политическую работу секретарь парткомиссии майор Ф. И. Кузьмин, пропагандист майор А. С. Рожков, помощник по комсомолу капитан В. П. Тарасов.

Дивизия в темпе наращивала силы для новых ударов по врагу. В полках, ротах, батареях кипела боевая деятельность. Подтягивалась с места выгрузки пушки, артиллеристы 279-го артполка, 428-го гаубичного полка занимали огневые позиции, разгружали и подвозили боеприпа-

сы, вели активную разведку целей. Стрелковые полки выравнивали передний край и окапывались, взаимодействуя с силами усиления и поддержки. Везде царил необыкновенный боевой подъём. Бойцы и командиры были полны решимости нанести врагу новый сокрушительный удар.

Но обстановка резко изменилась. Японские вояки, крепко побитые и деморализованные, поняли, что их сопротивление на острове бесполезно. Безусловно, на ходе событий сказалась и общая военно-стратегическая обстановка, которая явно сложилась не в их пользу. На материке была разбита и прекратила сопротивление миллионная Квантунская армия, император Японии объявил о прекращении сопротивления. И хотя японским генералам не хотелось капитулировать, иного выхода у них не оставалось.

Вот и здесь, на острове Шумшу, японцы начали предпринимать попытки и переговорам. На нескольких участках переднего края их офицеры появлялись с белыми флагами, вступали в контакт с нашими командирами. Это, скорее всего, походило на разведку наших сил и намерений. Но японцы везде получили твёрдый ответ: «Только полная, безоговорочная капитуляция!»

Так было на участке 373-го полка. Здесь со стороны врага с белым флагом пришли три японских офицера. Командир полка подполковник Губайдуллин доложил об этом полковнику Артюшину, который с момента высадки главных сил десанта находился в боевых порядках полка. Полковник привёл себя в порядок, побрился, почистил сапоги, заменил порванную гимнастёрку кителем, который взял у командира 279-го стрелкового полка майора Тарасова. При встрече японцы предложили прекратить огонь, приостановить боевые действия. Поведение их было уклончивым, рассчитанным на выигрыш времени. Артюшин твёрдо и решительно заявил парламентёрам: «Только полная и безоговорочная капитуляция!» Учтиво кланяясь, японцы удалились, пообещав доложить своему командованию. Подобные попытки происходили и на других участках.

Когда об этом доложили командиру десанта генералу Дьякову, тот потребовал передать японскому командованию: решение может быть только одно — полная, безоговорочная капитуляция, и что для её принятия должны прибыть полномочные представители. Время шло, нетерпение нарастало. В этих условиях смелое решение принял начПО Алентьев. Он лично с группой офицеров штаба выехал в штаб японцев. Несколько машин с белым флагом проследовали в сторону противника. Все волновались: а не учинят ли японцы какую-нибудь подлость? Но на это они уже были не способны. Алентьев к нашему всеобщему удовлетворению вскоре прибыл и сообщил, что японская делегация вскоре прибудет. Чтобы не терять времени, японцам ещё раз было предложено явиться, причём назначено время и место встречи. На это раз это поручение генерала выполнил наш инструктор политотдела лейтенант Борис Кремянский, прекрасно владевший японским языком.

О готовности японцев к капитуляции генерал Дьяков доложил командующему Курильской десантной операцией генералу А. Р. Гнечко. Мне довелось стать свидетелем этого события.

Дотошные штабные писари достали где-то стол. Его поставили на лужайке недалеко от места высадки десанта, так, чтобы было видно поле недавнего боя. На нём, как в назидание, тоскливо стояли разбитые японские танки. Стол накрыли красной скатертью. «Тоже знак немаловажный», — шутили мы между собой. За столом стояли полковник Артюшин, подполковник Алентьев, офицеры штаба и политотдела дивизии.

До назначенного времени прибытия японских парламентёров осталось полчаса. Генерал Дьяков поехал встречать А. Р. Гнечко. Настроение было приподнятое, все оживлённо делились своими впечатлениями о событиях. Артюшин рассказывал: «У меня ни гроша нет веры японцам. Коварный противник. Мне довелось здесь, на Шумшу, первым иметь с ними разговор. После высадки основных сил десанта, когда оперативная группа штаба во главе с генералом

Дьяковым была ещё на корабле, я оказался здесь и главнокомандующим, и главноначальствующим». Он улыбнулся и с видимым удовольствием затянулся сигаретой. «Когда Шутов турнул их с берега и потеснил с помощью Губайдуллина и Меркурьева до сопок, наступила пауза. Японцы оказались ошеломлены и дезорганизованы, но и в наших боевых цепях порядку не было. Я в это время находился на первом фланге 373-го полка. Меня основательно заботила необходимость установить контакт с 138-м полком и закрепить десант.

Вот в это-то время со стороны японцев появились три офицера с белым флагом. Губайдуллин запросил через посыльного: “Что делать?” Даю распоряжение препроводить их ко мне. Критически осмотрел свою внешность. Да, быть дипломатом в таком виде не годится. Ведь я советский офицер, полковник. Взялись за дело. Мой чемодан остался где-то на корабле, выплывал налегке. У одного бойца в вещмешке нашлась бритва. Ординарец отчистил от глины сапоги и брюки, но вот гимнастёрка — совсем негодная, порвал я её где-то на колючей проволоке. Вблизи оказался командир 279-го артполка майор Тарасов. Попросил одолжить его китель. Тесноватый оказался, но целый и почти новый. Прикрепили на погоны по две звёздочки, и я был готов. Сожалел, что не нашлось одеколона. Приказал привести японцев. Один из них на скверном русском языке заявил, что “они желают перестать огонь и вести переговор с рус”. Задаю вопрос, кто их уполномочил, в ответ слышу неясное бормотание. Какие есть документы? Опять молчание. Ну, думаю, номер, тянут время. Говорю: “Так не пойдёт, никаких переговоров, только безоговорочная капитуляция”. Учтиво кланяясь в пояс, японцы удалились, заявив, что доложат своему командованию».

Под дружный смех окружавших он спросил: «Ну, как, неплохим я был дипломатом?»

«Но не это главное, — продолжал Пётр Алексеевич. — Ушли японцы, вернул я китель майору Тарасову, натянул починённую ординарцем гимнастерку, а подполковнику

Губайдуллину приказал усилить наблюдение, подготовить все огневые средства, неспроста, думаю, японцы волынку затеяли. Так и оказалось. Не прошло и полчаса, как началась танковая атака. Вот так, друзья мои, бывает. А чем завершилась эта атака, рассказывать не буду, вот они, танкито, стоят. Как надгробные памятники битым самураям», — завершил Артюшин. Застенчиво улыбаясь, в разговор вступил Боря Кремянский: «А мне, товарищ полковник, тоже пришлось быть дипломатом. Первый раз, когда мы ехали в штаб японцев с подполковником Алентьевым, а второй раз я там был сам».

Тут на дороге, что на южном склоне высоты 171,0, показались две открытые машины, на передней — белый флаг, на задней — японский генерал.

Полковник Артюшин указал японцам место по левую сторону стола. Через несколько минут к месту переговоров подошёл генерал А. Р. Гнечко в сопровождении генерала Дьякова и офицеров штаба КОР. Гнечко шёл неторопливой, мерной поступью. Подойдя к столу, он так же неторопливо ответил на наше приветствие. Лицо его было спокойно и значительно. Офицер штаба КОР положил на стол папку с текстом акта капитуляции. «Ну, что ж, приступим, — сказал генерал и обратился к японцам, — вы должны подписать акт о капитуляции и выполнить её условия». Переводчик штаба КОР перевёл его слова. Японцы как-то нерешительно переглянулись, закивали, делая вид, что не поняли. Наступила пауза.

По лицу Гнечко пробежала тень недовольства. Подполковник Алентьев быстро подозвал Борю Кремянского, тот чётко повторил предложение Гнечко. Японцы оживились, быстро переговорили между собой и заявили: «Наше решение необходимо согласовать с командованием». Гнечко недовольно поморщился: «Не будем терять время. Подписывайте, или отдаю приказ открыть огонь и начать наступление». Это до японцев дошло сразу. Их генерал торопливо заявил: «Да, да, согласны». Акт капитуляции был подписан.

Генерал Гнечко напомнил японцам требование о немедленном выполнении её условий. Генерал Дьяков тут же приказал полковнику Артюшину с группой офицеров выехать в японский штаб для разоружения японских войск. Гнечко отбыл на корабль. И снова потянулись минуты томительного ожидания. Наконец прибыл офицер связи, с которым Артюшин передал сообщение: «Капитуляция японцами выполняется, разоружение идёт полным ходом». Всеобщая радость охватила нас. Бойцы и командиры поздравляли друг друга с победой, обнимались.

В тот день с утра стояла пасмурная погода. Тёмные тучи низко, задевая вершины сопок, медленно ползли с Охотского моря, моросил мелкий, нудный дождь. Но после обеда, к моменту церемонии, погода резко изменилась. Тучи поднялись, туман рассеялся, дождь перестал. В крупных разрывах между облаками засияло солнце. Природа ожила. Капли недавнего дождя бриллиантами сверкали на траве и листьях зарослей. Кажется, и природа ликовала, отмечая великое событие. Здесь, на далёких Курилах, отгремели последние бои Второй мировой войны. Здесь, на Курилах, наступил долгожданный мир.

КОКМ ОФ 33369/34. Рукопись

Полк в десанте

Этот очерк, рассказывающий о действиях в Курильском десанте 373-го стрелкового полка, составлен нами из авторской рукописи (ККМГИ 29578) и одноимённой статьи, впервые опубликованной в газете «Советский Сахалин» (КОКМ ОФ 33369/14).

В десантной операции по освобождению северной группы Курильских островов принимали участие четыре стрелковых, два артиллерийских полка и части специального назначения. В ходе операции они закрепили и развили успех отряда захвата плацдарма, состоявшего из подразделений 101-й стрелковой дивизии, двух рот военных моряков и роты пограничников.

Постоянным местом дислокации 373-го стрелкового полка был довольно густой лесной массив, километрах в восьми к северо-востоку от Петропавловска. И хотя расстояние было невелико, этот укромный уголок местности надёжно скрывал часть от посторонних глаз. В летнее время, когда деревья и кустарники покрывались листвой и поднимались густые травы, полк просто растворялся в зелени.

Сложный полковой организм жил полной военных тревог и забот жизнью. Кроме постоянной боевой задачи по охране значительного участка плоского побережья океана, он всегда был готов сняться с места, совершить марш и вступить в бой с врагом в любом месте. Подполковник Губайдуллин, теперь командовавший частью, эту задачу понимал особенно отчётливо. С утра до вечера подразделения, начиная стрелковым отделением и кончая батальоном, пропадали в поле, решали разнообразные тактические и огневые задачи, поднимались по тревоге, совершали марши. Это давало результаты. И летом, и зимой полк был готов к выполнению любой боевой задачи. Временем роста его огневой мощи стали 1942 и 1943 годы. В каждом батальоне были сформированы роты: пулемётная, миномётная (получена батарея 120-мм миномётов), противотанковых ружей, автоматчиков.

Партийно-политическая работа в части била ключом. Крупную, сплочённую партийную организацию возглавлял способный организатор капитан Шпилёв. Надёжными помощниками командира были заместитель по политчасти майор Моргослепенко, агитатор капитан Орешкин, комсорг старший лейтенант Елмашев.

16 августа утром в 373-й полк прибыл заместитель командира дивизии полковник П. А. Артюшин и приказал поднять людей по тревоге, скрытно сосредоточиться и с полным комплектом оружия и боеприпасов к 14.00 выдвинуться в район порта. Командиру полка подполковнику Губайдуллину сообщил: «Идём освобождать Курилы, обстановку и задачи уточним, сейчас дорога каждая минута, действуйте».

К назначенному сроку организованно и без суеты полк в полном составе был на месте. Погрузился на транспортный пароход «Туркмен» и несколько десантных судов. 17 августа отряд кораблей с основными силами под командованием полковника Артюшина отплыл к Курильским островам.

На рассвете 18 августа подошли к острову Шумшу. На кораблях во время перехода была проведена большая работа. Разъяснили бойцам задачу, но возможности отработали варианты взаимопомощи при высадке. Главный упор был сделан на решительность и быстроту. Создали передовой отряд из двухсот пятидесяти человек под командованием заместителя командира полка майора Борисова, которому предстояло первым высадиться на остров. Эту задачу решить было непросто.

Противник открыл ураганный артиллерийский огонь. Отряд понёс большие потери. Майор Борисов был ранен, но плацдарм всё же захватили. Высадка основных сил шла под несмолкаемый гром вражеской артиллерии, бившей с мыса Кокутан-Саки и танкера «Мариуполь». Густо рвались снаряды, корёжа металл, вызывая пожары, нанося большие потери.

Героизму бойцов и командиров не было предела! С оружием в руках они смело бросались в воду. Не всем удалось добраться до берега: косили осколки снарядов, тянула назад прибойная волна, и не все с ней справились. Вплавь достигли берега полковник Артюшин, командир полка Губайдуллин, командир артполка майор Тарасов.

В короткое время бойцы нашли своё место в боевом строю. На острове шёл бой. Где-то там впереди и правее действовал отряд захвата майора Шутова и 138-й стрелковый полк. Связи с ними — никакой, связи с соседями — тоже, фланги прикрыты только своими средствами. Пушки артполк ещё не выгрузил, да и своя артиллерия пока оставалась на кораблях. В этих условиях командир полка принимает смелое решение: используя растерянность, замешательство противника, быстро продвигаться вперёд и захватить господствующие высоты. Батальоны пошли в наступление.

Японские офицеры прибыли для переговоров о капитуляции, о. Шумшу (Ф 4632)

Переговоры о капитуляции, 22 августа 1945 г. В центре — командир десанта генерал-майор П. И. Дьяков (ККМГИ 9335)

Генерал-майор П. И. Дьяков с офицерами штаба 101-й стрелковой дивизии (Ф 4637)

Встреча участников Курильского десанта в Петропавловском порту, 10 сентября 1945 г. Слева генерал-майор А. Р. Гнечко (Ф 4639)

Мелкие очаги сопротивления уничтожали, не задерживаясь. Но когда передовые порядки выдвинулись к основанию высот, их встретил организованный огонь.

Бойцы залегли и начали сноровисто окапываться. А артиллерии всё ещё нет — пушки артполка пока на судне, полковая батарея только разгружается. Для подавления огневых точек врага использовали миномёты. Налаживается связь командного пункта полка с батальонами. Проявил находчивость командир роты связи капитан Матвеев. Он со своими связистами использовал захваченные у противника телефонные аппараты и кабель. Внезапность и решительность действий десанта ошеломили противника, и вскоре появились три японских офицера с белым флагом. Подпустив к своим позициям, бойцы отобрали у них оружие и препроводили к полковнику Артюшину, который всё время находился в полосе наступления полка, внося необходимые коррективы в действия подразделений.

«Ведите японцев», — распорядился Артюшин. Парламентеры явились. Один из японских офицеров на ломаном русском языке предложил временно прекратить боевые действия. Японцы что-то хитрили, видимо, хотели выиграть время. Артюшин категорическим тоном предложил: «Прекратить всякое сопротивление, сложить оружие, безоговорочно капитулировать!» Японцы, кланяясь, сказали, что доложат об условиях своему командиру. Это, действительно, была лишь хитрость врага. Через некоторое время японцы бросили в атаку свой танковый полк. Бой разгорелся с новой силой. Меткими выстрелами противотанковых ружей, гранатами солдаты 373-го полка и действующие на правом фланге морские пехотинцы сорвали атаку. На поле боя пылали вражеские танки.

Налаживалось взаимодействие. Прибывший на КП полка морской офицер с рацией сообщил, что корабль «Охотск» поддержит наступление полка огнём своих орудий. Было решено наступать без промедления. Третий батальон двинулся в обход высоты. Мощные взрывы снарядов корабельной артиллерии крушили всё... Полк пошёл в наступление. Враг

был опрокинут и начал панически отходить вглубь острова, неся большие потери. Имел урон и полк: командир третьего батальона капитан В. И. Очередный был ранен, его начальник штаба капитан Шапкин убит, погибли все командиры миномётных рот. Общая убыль составила до двадцати процентов личного состава.

Часть продвинулась от места высадки на семь-восемь километров и закрепилась на занятых рубежах. За сутки она выполнила главную боевую задачу: господствующие высоты в полосе наступления полка были в наших руках. К этому времени его огневые возможности выросли: 76-мм орудия, 120-мм миномёты, 45-мм противотанковые пушки были выгружены и заняли боевые позиции. Бойцы приводили себя в порядок, пополняли боезапас. Активно велась разведка. Полк получил новую задачу. С соблюдением мер боевого охранения он покинул свои позиции и к вечеру 23 августа сосредоточился в районе военно-морской базы Катаока.

Как развивались дальнейшие события, рассказывает командир полка подполковник В. Г. Губайдуллин: «24 августа меня вызвали в штаб дивизии. Командир дивизии, выслушав мой доклад, тут же отдал новый боевой приказ. Помню его основное содержание: “373-му стрелковому полку сосредоточиться в Катаока. Произвести посадку на десантные корабли и своими силами освободить от противника южную часть острова Парамушир, а также острова Онекотан, Харимукатан, Сяосикотан. Сопротивление противника подавить, японские гарнизоны разоружить и пленить, действовать по обстановке”.

Посоветовавшись со своими помощниками, я принял решение: первому батальону капитана Никитина, усиленному батареей, овладеть островом Онекотан; стрелковой роте второго батальона с взводом противотанковых ружей овладеть островом Харимукатан, роту автоматчиков высадить на остров Сяосикотан. Главным силам полка произвести высадку на южный мыс острова Парамушир».

Подразделения были пополнены боеприпасами, снабжены продовольствием, средствами радиосвязи и приступили

к выполнению боевой задачи. В течение 26—28 августа она была успешно решена. На мысе Курабу, теперь носящем имя Васильева, разоружили и пленили около тысячи солдат и офицеров противника. Этот мыс Васильева на юге Парамушира и остров Онекотан стали пунктами постоянной дислокации полка.

В этом кратком эпизоде видна вся необычность задач, решавшихся частью. Всё было выполнено отлично. За храбрость и мужество 400 солдат, 290 сержантов и 60 офицеров были отмечены орденами и медалями. Полк награждён орденом Красного Знамени.

Подполковник Вениамин Гиниатулович Губайдуллин за эти бои был награждён орденом Суворова 3-й степени. Он жил и трудился в Казани, вёл обширную переписку с однополчанами. Славные дела его жизни венчали орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Суворова 3-й степени и двенадцать медалей.

Губайдуллин — комсомолец с 1919 г., в военную школу поступил в 1922 г. Прошёл все ступени военного роста: командир взвода, роты, начальник полковой школы, командир батальона, в декабре 1943 г. принял полк. В 1925 г. вступил в ВКП(б). На Дальнем Востоке — с 1938 г., начальник отдела штаба корпуса, заместитель командира полка, а с началом войны — начальник курсов усовершенствования комсостава. После войны с 1946 по 1954 г. преподавал тактику на курсах усовершенствования офицерского состава в г. Балашове Саратовской области. В 1954 г. ушёл в запас. Скончался в Казани в 1995 г.

Капитуляция на Шумшу

Фрагменты одноимённой авторской рукописи (ККМГИ 29585). Опущена часть текста, рассказывающая об уже описанных выше событиях. Схожие тексты были опубликованы в газетах «Курильский рыбак» за 24 августа 1985 г., № 102 (КОКМ ОФ 33369/15), и «Камчатская правда» за 30 августа 1985 г., № 199 (ККМГИ 28896).

...19 августа 1945 г. старший лейтенант Кот, лейтенант Кремянский и я стояли на зелёной поляне острова Шумшу. Это недалеко от места высадки десанта и от восточных скатов высоты 171,0, за овладение которой недавно шёл ожесточённый бой. Совсем рядом стоят два японских танка. Один, уткнувшись и овраг, почти опрокинулся, обнажив днище, другой — дымит.

Побережье острова между мысами Кокутан-Саки и Котомари носит свежие следы боя. В траве валяются то пустая фляга, то цинковая коробка из-под патронов, то разбитый автомат. На поляне деловито распоряжаются бойцы комендантского взвода. Они расчистили площадку, принесли из ближайших казарм грубо сбитый стол. Нудный мелкий дождь, продолжавшийся более суток, прекратился. Туман рассеялся, в облаках появились просветы, и яркие лучи солнца щедро полились на остров.

Все наши боевые друзья полны впечатлениями от только что закончившегося боя. Но внимание привлечено к предстоящему событию. На этой поляне должен состояться акт подписания капитуляции японских войск северной группы Курильских островов...

Приказ осуществить десант на Курилы поступил 15 августа. Срок подготовки — двое суток. Командующим десантной операцией назначен генерал Алексей Романович Гнечко. Эти сутки стали временем колоссального напряжения, никто не давал себе ни минуты отдыха. Штабы отрабатывали взаимодействие, вели расчёт сил и средств. Командиры сосредоточивали личный состав и технику для посадки на корабли.

16 августа генерал Гнечко принял решение: первая задача десанта — захват острова Шумшу. Командиром десанта был назначен генерал-майор Дьяков, командиром высадки — капитан 1-го ранга Пономарёв. Большую помощь в организации десанта, особенно в подготовке необходимых судов, оказал Камчатский областной комитет партии.

Прошло с той поры сорок лет. Василий Андреевич Кот вспоминает о действиях передового отряда:

«Переход десанта до Курил моряки выполнили отлично. Впереди шли десантные суда с отрядом захвата. Это около тысячи трёхсот человек. В этом числе было две роты моряков. Командир отряда майор Шутов и я, назначенный замполитом, готовили личный состав к высадке. Разъяснили задачу. По просьбе десантников я составил клятву. Последние слова её были такие: "...боевой приказ выполним с честью, водрузим на Курильских островах знамя победы!" Клятву подписали все десантники отряда.

Рано утром под покровом тумана суда подошли к острову. Стоит тишина. Берег молчит. Даём команду: "Вперёд!" Бойцы, командиры прыгают в воду, плывут, накапливаются на берегу. Высадка идёт успешно. Но вот раздалась пулемётная очередь, и берег словно взорвался. Японцы открыли огонь прямой наводкой. Медлить было нельзя. С возгласом: "Вперёд, смелее!" я увлёк на берег остальных десантников отряда. Майора Шутова в это время ранило осколком, но он выплыл на берег, организовал управление, и отряд быстро развернул наступление вглубь острова.

Успех решили внезапность, храбрость воинов. Плацдарм был захвачен. Отряд свою задачу выполнил».

Трудно доставался захват высоты бойцам первого эшелона. То на одном, то на другом судне вспыхивали пожары. Багровые языки пламени поднимались над тёмной водой. Шлюпки и плывущих бойцов осыпало осколками. Океан, кажется, кипел. Не всем удавалось достигнуть берега. Десант нёс тяжелые потери. Но был неукротим боевой порыв наших воинов. Позднее майору Курбатову удалось блокировать с суши капониры на мысе Кокутан-Саки (сейчас это мыс Курбатова). Доты на мысе Котомари заглушили моряки. Высадка десанта пошла успешней.

Событием, полным героизма наших воинов, стал бой за овладение ключевыми высотами 165,0 и 171,0. Противник подбрасывал подкрепления, ввёл в бой танки. Бесчисленны проявления героизма наших воинов. Панику и страх сеяли в стане врага моряки под командованием майора Т. А. Почтарёва. Героями проявили себя лётчики дивизии

подполковника И. А. Ерёмина. Решительно и смело атаковала врага пехота полков, которыми командовали подполковник В. Г. Губайдуллин и майор К. Д. Меркурьев. Старшина 1-й статьи Н. А. Вилков, забросав дот гранатами, закрыл амбразуру своим телом. Его подвиг повторил матрос П. И. Ильичёв. Парторг роты сержант Черепанов, бросившись с миной под вражеский танк, подорвал его. Такой же подвиг совершили техник-лейтенант Водынин, матрос Рындин и младший сержант Баландин. Отличились бронебойщики. Поле боя дымилось от горевших танков. Враг не выдержал и отступил. Высоты были в наших руках. Поняв безнадёжность своего положения, японцы выбросили белый флаг.

Что же происходило на поляне дальше? В 16.00 стало оживлённо. К столу подходят генерал Гнечко, генерал Дьяков, подполковники Артюшин и Алентьев. Приблизились и мы, политотдельцы. На машине появляется японский генерал (позднее мы узнали, что это был командир 73-й пехотной бригады генерал-майор Сузино Ивао) и сопровождающие его офицеры. «Вам предлагается, — заявил Гнечко японцам, — подписать условия капитуляции, сложить оружие и сдаться в плен. Готовы ли вы выполнить это требование?»

Переводчик передаёт сказанное. Японский генерал делает вид, что до него не дошла суть вопроса, пожимает плечами. Гнечко твёрдо повторяет свой ультиматум. Теперь его переводит на японский язык наш политотделец Борис Кремянский.

Сузино Ивао начинает длинно объяснять, что должен согласовать решение со своим командующим. Гнечко нахмурился, потрогал пышные усы и, сохраняя полное самообладание, заявил: «Либо вы принимаете условия капитуляции, либо я приказываю открыть огонь и начать наступление». С лица японского генерала падает маска непроницаемости, он торопливо произносит: «Да, согласен, согласен».

Документ был подписан. Вместе с японским генералом в штаб противника выехал с группой офицеров полковник

Артюшин для контроля выполнения условий капитуляции. Наши части продолжали стоять в полной боевой готовности. Вскоре полковник Артюшин сообщил: «Японцы складывают оружие».

Трудный и долгий путь к победе был успешно завершён, но коварство врага ещё проявилось. Когда 20 августа наши корабли вошли во Второй Курильский пролив, японцы открыли по ним стрельбу. «Огонь из всех орудий!» — скомандовал капитан 1-го ранга Пономарёв. Меткие выстрелы наших кораблей привели провокаторов в чувство.

Смелыми и решительными были действия бойцов и командиров при разоружении и пленении противника на островах Шумшу, Парамушир, Онекотан, Матуа, Уруп. Всего было взято в плен около шестидесяти тысяч солдат и офицеров.

1 сентября 1945 г. генерал А. Р. Гнечко докладывал командованию: «Поставленная перед войсками Курильской десантной операции задача выполнена. Все Курильские острова, от Шумшу до Урупа включительно, освобождены от японских оккупантов и возвращены Родине».

За успешные действия в десанте 101-я горно-стрелковая дивизия награждена орденом Ленина. За смелость и отвагу в бою около трёх с половиной тысяч бойцов и командиров отмечены орденами и медалями. Приказом Верховного Главнокомандующего всем участникам десанта объявлена благодарность. Генералу А. Р. Гнечко, офицерам Л. Г. Пономарёву, С. А. Савушкину, П. И. Шутову, В. А. Коту, Т. А. Почтарёву, старшинам В. И. Сигову, Н. А. Вилкову, матросу П. И. Ильичёву присвоены высокие звания Героев Советского Союза.

Наши потери в десанте составили 1 567 человек.

НА НАШЕЙ ИСКОННОЙ ЗЕМЛЕ

Советские зори на Курилах

Мне хочется рассказать о действиях наших частей после капитуляции японских войск на острове Шумшу, о ходе освобождения остальных островов, пояснить некоторые малоизвестные эпизоды этого периода, а также поведать о первых порах становления и упрочения на Курильских островах нашего советского образа жизни.

После того как японцы, побитые и потерявшие всякую надежду удержать острова, были вынуждены капитулировать, события развивались стремительно. Наши части проявляли решительность, смелость, находчивость. Не теряя ни одной минуты, продвигались вперёд, занимая остров за островом, освобождая исконно русские земли. Как это было?

Батальоны 138-го и 373-го стрелковых полков, поддерживаемые артиллерией 279-го ЛАП и 428-го ГАП с позиций на высотах 171,0 и 165,0, не свёртывая боевых порядков, стремительно продвинулись вперёд и вышли ко Второму Курильскому проливу, заняли аэродром, базы, склады и военно-морскую базу. Этим было завершено освобождение острова Шумшу. Было не ясно, как поведёт себя противник на остальных островах. Командование в целях пресечения возможного сопротивления непрерывно наращивало силы.

20 августа на остров Шумшу высадился 7-й отдельный стрелковый батальон, дислоцировавшийся на мысе Лопатка. В походном строю, соблюдая меры походного охранения, батальон совершил марш-бросок через остров. В ночь с 22 на 23 августа, используя захваченные плавсредства, он переправился через Второй Курильский пролив и высадился на острове Парамушир севернее Касивабары (ныне Северо-Курильск). Командовал батальоном капитан Желандов, в его боевых подразделениях непрерывно вёл работу заместитель по политчасти майор Дроздов. В кромешной темноте,

по осклизлым, замшелым камням батальон буквально на животе поднялся по обрывистым скалам, вытянулся на прибрежные высоты и залёг, готовый с фланга нанести удар по врагу.

Однако при высадке на остров Парамушир противник не оказал сопротивления. Только по взводу, который десантировался в районе центрального пирса, японцы открыли из района складов и рыбозавода ружейный огонь. Но решительные действия наших воинов быстро привели их в чувство. При ночной высадке батальона бойцы проявили смелость, решительность. Особенно сноровисто действовал минометный взвод под командованием лейтенанта Николая Попова. Минометчики, используя ремни, обмотки от ботинок, умудрились поднять свои миномёты на кручи, заняли выгодные позиции, залегли с готовностью на рассвете открыть огонь, поддержать пехоту. Лейтенант Попов за смелость и отвагу получил правительственную награду.

24 августа на Парамушир высадился 198-й стрелковый полк, продвинулся вперёд, захватив аэродром и все расположенные в северной части острова укрепления противника. Одновременно части дивизии занимали другие острова. 302-й стрелковый полк продвинулся на кораблях с десантом на юг и взял остров Матуа. Действия стрелковых частей активно поддерживали артиллеристы.

Не всё шло гладко. Дивизион 279-го артполка погрузился во Втором Курильском проливе на грузовой пароход с задачей следовать на остров Матуа и при необходимости оказать артиллерийскую поддержку 302-му полку. Но около острова Ширинкотан пароход по вине вахтенного прочно сел на подводную банку. Трое суток понадобилось, чтобы перегрузить дивизион и доставить на остров. Стрелковый полк к этому времени свою боевую задачу уже выполнил.

Решительно действовал 373-й стрелковый полк под командованием подполковника В. Г. Губайдуллина. 24—25 августа, погрузившись во Втором Курильском проливе на пароход «Туркмен» и несколько десантных судов, он приступил к выполнению новой боевой задачи: предстояло освобо-

дить южную часть острова Парамушир, а также острова Онекотан, Ширинкотан, Шиашкотан. Какие силы противника находились в этих пунктах, командир полка не знал. Было приказано: «Действуйте по обстановке».

Расчёт на то, что внезапное появление десанта вынудит противника капитулировать, оказался верным. Батальон капитана Никитина овладел островом Онекотан, усиленная рота лейтенанта Хохлова взяла Ширинкотан, рота автоматчиков захватила Шиашкотан. Основные силы полка высадились на мысе Курабу, пленив здесь около тысячи солдат и офицеров противника.

Так после капитуляции на острове Шумшу развивались и завершились боевые действия частей 101-й стрелковой дивизии по освобождению северной группы Курильских островов. В их ходе умело и оперативно действовал штаб дивизии. Высадившийся на остров Шумшу с некоторой задержкой из-за повреждения корабля штаб немедленно взял в руки управление частями. Особенно активно влияло на события оперативное отделение, возглавляемое майором Слабинским. Кстати, он был первым в дивизии, получившим боевую награду. Большую помощь частям оказали офицеры штаба майор Курбатов, майор Клячкин и другие.

Не без интереса вспоминаются эпизоды во время капитуляции японских войск на северной группе Курильских островов. Уже к вечеру 18 августа, после дерзкого броска на остров Шумшу передового отряда под командованием майора П. И. Шутова, после решительного и успешного наступления частей дивизии, находившихся в первом и втором эшелонах десанта, увенчавшимся занятием господствующих над островом высот 171,0 и 165,0, стало ясно, что японцам не удержать своих позиций. Их поражение предрешено.

К этому времени общее военно-политическое положение Японии после вступления в войну верного своим союзническим обязательствам Советского Союза оказалось критическим. Император Японии был вынужден выступить с декларацией о капитуляции. Но она носила общий характер. Связанная преступлениями перед народами Китая

и Юго-Восточной Азии, японская военщина не хотела сдаваться. Японские войска продолжали оказывать упорное сопротивление. И здесь, на Шумшу, отступив под ударами наших частей, противник укреплял свои позиции, готовился к бою. Готовились к решающему наступлению и наши части: выравнивались позиции, подтягивалась артиллерия, шла интенсивная разведка, устанавливалось взаимодействие с боевыми кораблями и авиацией.

Первую попытку к заключению перемирия японцы осуществили на участке наступления 373-го стрелкового полка. Над бруствером японского окопа появился белый флаг. В направлении наших позиций двигались три японских офицера. Доложили командиру полка В. Г. Губайдуллину. Приказав прекратить стрельбу, тот сообщил о появлении японских парламентариев находящемуся в боевых порядках полка заместителю командира дивизии, командиру главных сил десанта полковнику А. П. Артюшину. Пётр Алексеевич решил лично принять японцев. Твёрдо и безапелляционно заявил им о том, что разговор может быть только о полной безоговорочной капитуляции. Учтиво улыбаясь и ломая спины в поклонах, японцы обещали доложить о результатах переговоров своему командованию.

Артюшин, опытный офицер, много повидавший на своём веку, тут же предупредил командира полка: «Готовься, возможно, это временная уловка». И, действительно, через некоторое время японцы бросили в атаку танковый полк. Но она стала лебединой песней японских вояк на острове. С подготовленных позиций бойцы смело расстреляли вражеские танки. Многие проявили беззаветную храбрость и самоотверженность вплоть до героического самопожертвования. В этом бою отличились славные военные моряки из передового отряда. Танковая атака японцев успеха не имела. На поле боя пылали и дымили более половины брошенных в атаку машин.

Позднее подобные попытки к перемирию японцы предприняли на другом участке, но получили ответ о том, что речь может идти только о полной капитуляции. Насту-

пило затишье. Наши части продолжали активную подготовку к наступлению.

В этих условиях смелое решение принял начПО дивизии подполковник Михаил Андреевич Алентьев. Он обратился к командиру дивизии генералу П. И. Дьякову с предложением лично выехать в японский штаб. Генерал колебался, размышлял, но потом согласился. Взяв с собой нашего инструктора Бориса Кремянского, знатока японского языка, захватив двух автоматчиков, машина тронулась. Мы все, свидетели этого, сильно волновались. Напряжение ожидания возросло. Машина вернулась, наш начПО сообщил — японцы готовы капитулировать, обещали выслать своих представителей в назначенный пункт. Но время опять не назначили. Вражеская хитрость могла обойтись дорого. Это было всем ясно.

Командование принимает новое решение. На этот раз в штаб японцев направили лейтенанта Кремянского. Об этой поездке к японцам следует рассказать подробнее.

Взяв с собой автоматчика, лейтенант на машине доехал до нейтральной полосы. Рискуя попасть под случайный обстрел, Кремянский с бойцом, нёсшим белый флаг, прошёл эту полосу пешком. Встретив какого-то японского офицера на машине, он попросил доставить его в штаб командования. Японец был немало удивлен, увидев русского офицера, но требование выполнил. В штабе, найдя старшего, Кремянский передал требование нашего командования: японские представители должны прибыть для подписания условий капитуляции к шестнадцати часам. В случае неприбытия в указанное время и назначенный пункт советское командование начинает наступление. Японцы, выслушав, заверили: «Представители готовятся, будут в установленый срок». Кремянский попросил машину. Японцы вежливо отказали, сославшись на то, что машин, к великому сожалению, около штаба нет.

А времени было в обрез. Выйдя из тоннеля, где размещался штаб японцев, наш офицер заметил в кустах несколько замаскированных автомобилей. Вернувшись на КП,

Кремянский заявил, что они стоят около штаба в зарослях. Так же бесстрастно, вежливо улыбаясь, японский командир отдал распоряжение доставить парламентёра до нейтральной зоны.

«Уже пошёл четвёртый час. Моему беспокойству, — вспоминает Кремянский, — не было предела. Выручила случайность. Через дорогу бойцы тянули телефонный кабель. Знакомый офицер сказал: “Тянем связь от КП дивизии в артполк”. “Можете соединить со штабом дивизии?“ “Пожалуйста”, — ответил офицер. Установил аппарат, штырь загнал в землю. Загудел зуммер, и на проводе послышался штаб дивизии. Попросив генерала, я, волнуясь и заикаясь, доложил, что японские представители прибудут в назначенный срок».

На этот раз японцы не решились волынить, были точны. Около стола, установленного под открытым небом на зелёной лужайке, стояли командующий десантной операцией генерал-майор А. Р. Гнечко, командир десанта генерал-майор П. И. Дьяков. Тут же находились начальник политотдела дивизии подполковник М. А. Алентьев, заместитель командира дивизии полковник П. А. Артюшин, офицеры штаба и политотдела. С левой стороны стоял японский генерал с офицерами своего штаба.

Генерал Гнечко был немногословен: «Готовы ли представители японских войск подписать условия безоговорочной капитуляции, сложить оружие и сдаться в плен?»

Среди японцев возникло замешательство. Оказалось, что переводчик не смог чётко перевести вопрос, и они ничего не поняли. Гнечко недовольно поморщился. Вывел из затруднения подполковник Алентьев. Он быстро подозвал лейтенанта Кремянского. Вопрос повторили. Японцы начали оживлённо переговариваться между собой, после чего генерал сказал, что должен согласовать решение со своим командованием. Он явно хитрил, тянул время.

Гнечко был непреклонен. «Или вы примите условия капитуляции, или я приказываю открыть огонь и начать наступление!»

Это подействовало. Бесстрастное лицо японского генерала выразило растерянность: «Да, да», — поспешно ответил он. Документ был подписан.

После подписания акта капитуляции генерал Дьяков приказал полковнику Артюшину с группой офицеров штаба и охраной тут же выехать вместе с японской делегацией в расположение их войск. Наши офицеры вскоре прибыли в штаб японцев. Артюшин предложил японским генералам тяжёлую технику оставить на позициях, а личный состав с оружием построить на большой поляне. Наши офицеры наблюдали и докладывали полковнику о ходе сосредоточения японцев. Примерно через час-полтора сообщили, что те построены. Японский генерал, полковник Артюшин, офицеры вышли из штабного блиндажа. Японец вытащил клинок и проделал им в воздухе какой-то замысловатый салют. Затем спросил: «Какие будут распоряжения?» Поступила команда: «Кругом, сто шагов вперёд!» Затем японские солдаты с правого и левого флангов по одному выбегали в центр и бросали своё оружие. Последними сдали свои пистолеты офицеры, оставив при себе холодное оружие.

После донесения в штаб, что японцы разоружены, получен приказ отконвоировать пленных на аэродром. Когда колонна пленных приблизилась к дороге, по ней продвигалось одно наше подразделение в сторону базы Катаока. Вид у бойцов был усталый, сапоги в грязи, на щеках выступила густая щетина. Но, увидев группу офицеров во главе с Артюшиным и огромную колонну пленных японцев, солдаты приободрились. Лица повеселели, шаг стал твёрже. Кто-то из офицеров сказал: «Парад победителей». Эта мысль полковнику явно пришлась по сердцу.

Когда рота поравнялась с офицерами, Артюшин зычным голосом приветствовал колонну: «Слава победителям!» Громовое «Ура!» разорвало тишину. Эхо прокатилось над островом и угасло где-то далеко на берегу океана. Оживление овладело всеми. А солдаты роты, поняв, что соблюдать тишину уже нет надобности, грянули старую полюбившуюся песню:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд...

На другой день подобным образом приняли капитуляцию гарнизона на базе Касивабара острова Парамушир. Пленение японских войск на южной оконечности острова Парамушир (мыс Курабу) осуществил 373-й стрелковый полк.

Между тем группа Артюшина на корабле «Дзержинский» устремилась к острову Матуа. Здесь гарнизон состоял из отдельного императорского полка, подчинённого ставке и имеющего непосредственную связь с Токио. Командир этой части — выходец из знатного рода, близкого ко двору, встретил советских офицеров вежливо. Поняв, что старшим является полковник Артюшин, он доложил: «Полк согласно императорской воле готов капитулировать». Пригласив офицеров, он провёл их в просторное помещение, выдолбленное в скале. Здесь стоял стол, довольно богато сервированный. На нём несколько блюд из риса, разнообразные консервы, в кувшине стояло сакэ, несколько бутылок дорогого вина.

Хозяин пригласил всех к столу. Однако Артюшин сказал: «Делу время, потехе час». Распорядился подготовить полк к разоружению. Вскоре пришёл офицер и доложил, что полк построен. Вышли. Командир японцев перед строем полка совершил салют саблей, доложил о готовности к разоружению. Повторилась обычная процедура: складирование оружия и боеприпасов. Разоруженных отконвоировали в казармы и взяли под охрану.

Только после этого Артюшин разрешил сесть за стол. Немалое удивление у наших офицеров вызвали самодельные деревянные вилки. Видимо, японцы решили проявить гостеприимство. Командиру японского полка было сказано, что наш корабль покидает остров через час и что он поедет с нами. Попросив разрешение взять с собой ординарца, он отправился собирать вещи.

Артюшин был в ударе, много шутил. Настроение у всех было отличное: полученная задача успешно решена. Предложив поднять бокалы, полковник лично наполнил вод-

кой до краёв большую фарфоровую миску, стоявшую на столе, и преподнёс её начальнику штаба японского полка. Тот что-то невразумительно залопотал, видимо, не решаясь выпить. Но Артюшин встал и сказал: «За победу Красной Армии пьём до дна!» Тост перевели, японец выпил. Все улыбались, а он вскоре сник.

К острову подходили корабли с подразделениями 302-го полка. Стояла тишина, вдруг на горизонте появились два самолёта. «Боинги», приблизившись на низкой высоте, сделали несколько кругов над островом и удалились. Американцам здесь ничего не улыбалось: русские своё дело сделали аккуратно.

Запомнился ещё один эпизод на заключительном этапе капитуляции японцев. Фрегат «Быстрый» под флагом командующего десантной операцией вошёл во Второй Курильский пролив. Генерал Гнечко потребовал к себе командующего группой японских войск на северной группе Курильских островов. Генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки прибыл без особых церемоний на открытой самоходной барже в сопровождении адъютанта. Гнечко пригласил его за стол, вёл беседу. Коснулись закончившейся десантной операции на островах. Цуцуми Фусаки спросил: «Сколько бойцов было в передовом отряде?» Когда Гнечко, увеличив цифру вдвое, сказал, что три тысячи, японец помрачнел: «Зная это, — сказал он, — уничтожил бы всех, а потом капитулировал». «Поздно, генерал, поздно», — заметил Гнечко.

В это время на корабль прибыл командир десанта, командир дивизии генерал-майор Дьяков. Когда он вошёл в кают-компанию и доложил Гнечко, японец оживился. «А мы с генералом знакомы», — и, не обращая внимания на всеобщее удивление, вытащил из нагрудного кармана френча фотографию. На ней был Порфирий Иванович в парадной форме. Дьяков был немало удивлён. «Откуда у вас моё фото?» Японец, хитро улыбнувшись, ответил: «Разрешите, генерал, пусть это будет маленькая военная тайна, — и продолжил, — наверное, генерал разрешит сохранить её у меня ради столь исторической встречи?» Гнечко хитро улыбался.

За нашу Советскую Родину!

старшему лейтенанту Юдину Сергею Константиновичу

Приказом Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища **Сталина** от 23 августа 1945 года № 372 за овладение островами Сюмусю и Парамушир из группы Курильских островов всему личному составу нашего соединения, в том числе и **Вам**, принимавшему участие в боях, **объявлена благодарность.**

М. П.

Генерал-майор Дьяков

"6" Сентября 1945 года.

Типография Н-ской части.

Благодарность Верховного Главнокомандующего, 6 сентября 1945 г. (КОКМ ОФ 33369/8)

„ЗА ПОБЕДУ НАД ЯПОНИЕЙ"

Г № 160898

УДОСТОВЕРЕНИЕ

За участие в боевых действиях против японских империалистов

Юдин

Сергей

Константинович

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 года награжден медалью

„ЗА ПОБЕДУ НАД ЯПОНИЕЙ"

От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена

2 декабря 1946 года.

Командир 101 стрелковой Ордена Ленина дивизии

(должность, воинское звание и подпись лица, вручившего медаль)

М. П. полковник (Воронов)

Удостоверение о награждении медалью «За победу над Японией» (КОКМ ОФ 33369/7)

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

НЕОБХОДИМО ПОМНИТЬ УКАЗАНИЯ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА О ТОМ, ЧТО ПЕРЕЙДЯ К МИРНОМУ ТРУДУ, НУЖНО ПОСТОЯННО БЫТЬ НА-ЧЕКУ, БЕРЕЧЬ, КАК ЗЕНИЦУ ОКА, ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ И ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ НАШЕЙ СТРАНЫ.

И. СТАЛИН.

ГРАМОТА

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ Юдин С.К.

Вы с честью выполнили свой воинский долг. Ваша служба в Красной Армии — пример беззаветного служения Родине. В период мирной учебы и на поле боя Вы вложили много сил и энергии, чтобы возвеличить славу Красной Армии и своего соединения, которое Советским правительством награждено орденом Ленина.

Командование и Политотдел соединения за безупречную службу в Красной Армии ***ОБЪЯВЛЯЕТ ВАМ БЛАГОДАРНОСТЬ и НАГРАЖДАЕТ ГРАМОТОЙ.***

Надеюсь, что Вы и на фронте мирного строительства будете самоотверженно работать над выполнением послевоенной Сталинской пятилетки, крепить оборонную мощь своей любимой Родины, высоко нести честь и славу воина-победителя.

Командир соединения
полковник ВОРОНОВ.

Начальник Политотдела соединения
полковник АЛЕНТЬЕВ.

„29" Марта 1947 г.

Грамота командования и политотдела 101-й стрелковой дивизии (КОКМ ОФ 33369/9)

«Ну вот, — сказал он, обращаясь к Дьякову, — тебя вся Япония знает».

Японец, не понимая, молчал. Дьяков, человек прямой, отпарировал: «Пусть знают наших», — и, взяв со стола бокал, произнёс тост: «За победу советского оружия!» — и выпил до дна. Выпил и Гнечко. Японец, прослушав перевод тоста, жеманно отпил из своего бокала. Гнечко довольно улыбался, поглаживая свои пышные запорожские усы. У него было основание быть довольным. Десантная операция, несмотря на отдельные недостатки, удалась. Приказ Ставки был выполнен. Курильские острова навечно возвратились Родине.

После завершения военных действий части дивизии выдвинулись в пункты постоянного расквартирования, отведённые командованием. Здесь дел хватало. Необходимо было определить потери, пополнить боевые расчёты, привести в порядок технику, организовать размещение личного состава, наладить нормальный быт, внутреннюю и караульную службы. Всё это происходило в обстановке высокой бдительности и постоянной боеготовности.

О первых днях и месяцах нашего пребывания на освобождённых Курильских островах мне хочется рассказать подробнее.

Комендатура. На острове Парамушир штаб дивизии разместился в большой неприспособленной казарме, здесь же расположился и политотдел. Всё было необычно. Низкое, приземистое строение имело тонкие стены с узенькими окнами-форточками, везде щели, через которые гуляет ветер. Кроме нескольких столиков, никакого инвентаря, только на цементном полу — камышовые циновки. Но надо было работать. Дошлые писари сбили из досок несколько столов, притащили откуда-то круглые вращающиеся стулья, и штаб начал действовать.

Первой из многих забот командования и политотдела была организация гарнизонной службы. Уже первый осмотр селения и местности показал необходимость срочного наведения порядка. Везде, в самых неподходящих местах в пол-

ном беспорядке валялись взрывчатка и боеприпасы. Это таило большую опасность.

Первым комендантом острова Парамушир был назначен заместитель командира дивизии полковник Пётр Алексеевич Артюшин, заместителем по политчасти — старший лейтенант Василий Андреевич Кот. Полковник Артюшин был ветераном дивизии, долго и успешно командовал одним из стрелковых полков. Спокойный, уравновешенный, отличный офицер, он пользовался в штабе и частях большим авторитетом. Артюшин, как никто другой, умел неторопливо и умно разобраться в любой сложной ситуации. Его советы и рекомендации высоко ценили командиры частей.

Во время десанта он командовал группой основных сил и с задачей справился отменно. В сложных условиях высадки на остров вносил организованность и порядок. После капитуляции полковник Артюшин провёл большую работу, руководя группой офицеров штаба, выполнявшей задачи по разоружению японских частей.

В помощь Артюшину выделили группу офицеров, и комендатура, заняв помещение небольшого домика, стоявшего недалеко от центрального пирса, заработала. Уже на другой день выставили гарнизонный караул, под бдительную охрану взяли все склады боеприпасов, оружия, продовольствия, вещевого имущества, стройматериалов, все производственные сооружения. Организовали патрульную службу.

Обязанности коменданта на острове Шумшу возложили на командира 138-го стрелкового полка подполковника Константина Дмитриевича Меркурьева. Вскоре им стал вновь назначенный на эту должность боевой офицер, участник многочисленных сражений против немецких войск полковник Колесников.

Несомненной заслугой первого коменданта является то, что на Парамушире почти не было несчастных случаев от небрежного или неумелого обращения с оружием и боеприпасами. Всё это, в спешке брошенное противником где попало, собрали, бережно складировали и взяли под охрану.

Вспоминается единственный случай, имевший место на базе. Как назло, он произошёл в караульном помещении. Свободный от постовой службы боец решил покрепче подтопить в комнате. Насобирав различных обломков дерева, он деловито подбрасывал их в уже топившуюся печь, при этом не заметил бруска шимозы. Раздался взрыв, печь, добротно сложенная японцами из дикого камня, рассыпалась начисто. На счастье, комната была пуста, и никто не пострадал. Вбежавший начальник караула обнаружил незадачливого истопника, приходящего в себя от испуга.

Менее благополучно было на острове Шумшу. Но об этом позже. Немало забот доставляла комендатуре работа с военнопленными. Выполняя условия безоговорочной капитуляции, офицеры комендатуры завершили разоружение остальных мелких гарнизонов и команд. Всех военнопленных сосредоточили в укрупнённых командах, организовали их нормальное размещение и питание, а раненых отправили в госпитали, оказали им необходимую медицинскую помощь.

Вспоминая прошлое, хочется сказать о той большой гуманности, которая проявлялась к военнопленным. Все они были приняты на довольствие по нормам военнослужащих Красной Армии. Мы интересовались, как было организовано питание у японцев. Но как мы ни искали, ничего, кроме запасов неочищенного риса да крупных складов каких-то корнеплодов, не находили. Правда, в отдельных складах для офицеров имелись рыбные и фруктовые консервы, вино.

С нашей пищей японцы освоились быстро. Все с аппетитом уплетали наваристые борщи, супы, каши, свежий душистый хлеб, выпекаемый дивизионной походной пекарней. Свои традиционные национальные инструменты для приёма пищи — деревянные палочки — они вскоре забросили и заправски орудовали выданными русскими ложками. Японским офицерам создали нормальные условия быта. Помню, позднее их с разрешения командования несколько раз приглашали в Дом офицеров на вечера самодеятель-

ности, и они, освоившись, увлечённо танцевали фокстрот под духовой оркестр.

Никаких инцидентов с военнопленными не было. Видимо, оценив гуманное отношение к ним, группа японских офицеров во главе с генералом напросилась на приём к командиру дивизии и выразила глубокую благодарность за хорошее отношение.

Гражданского населения на освобождённых островах почти не было. Небольшое количество японцев-специалистов использовалось как мотористы, водители мелких судов для сообщения через пролив. Потом мы выяснили, что японские власти завозили на северные острова в период путины рыбаков. Посмотрели их жилища: приземистые бараки, продуваемые всеми ветрами, в которых не было ничего, кроме камышовых циновок.

Вскоре стало известно, что в Касивабаре есть женщины — две ещё не старые японки. Они жили в отдельном домике неподалёку от расположения комендантского взвода. Стало известно и другое, а именно повышенный интерес некоторых бойцов взвода к этим представительницам слабого пола. Они с удовольствием рубили им дрова, приносили рис, угощали съестным из своего пайка. Когда об этом доложили Артюшину, он хитровато улыбнулся, сказал: «Ну, что ж, молодцы, настоящие джентльмены», — и приказал переселить японок в отдельные помещения в районе лагеря военнопленных.

Командование и политотдел постоянно интересовались положением военнопленных. Обычно в лагерь отправлялись мы втроём: В. А. Кот, Б. Е. Кремянский и я. Полковник Алентьев, заваленный кучей дел, несколько раз напоминал: надо знать настроение японцев. Прибыв к ним, принимались за дело. Кот проверял размещение, питание, организацию охраны, а мы с Кремянским, устроившись где-нибудь в уголке, подолгу беседовали. Выясняли всё: и удовлетворенность питанием, медицинским обслуживанием, отношением к событиям. Японские солдаты, как правило, радовались окончанию войны, возможности возвращения

домой, к семьям. Частенько мы посещали японский госпиталь. Это был обычный длинный барак, никаких белоснежных палат и коек мы не нашли. Раненые размещались на полу. Начальник госпиталя — японский подполковник лет сорока пяти, всегда безукоризненно, аккуратно одетый, охотно толковал о вопросах лечения раненых, вежливо благодарил за хорошее питание, но только мы заводили разговор о политике, лицо его становилось непроницаемым и было трудно вытянуть из него хоть слово. Удалось только выяснить его рабскую преданность японским традициям. Но многие офицеры шли на разговор охотно, соглашались, что японский и советский народы могут жить дружно, к взаимной выгоде развивая торговлю и культурный обмен.

Где сейчас эти люди? Мне понятно только одно, что они ничего плохого о нас, советских людях, сказать никому не могли.

Победоносное завершение десантной операции, освобождение исконно русских островов, окончание войны вызвали величайшую радость и удовлетворение у всех бойцов и командиров. Приподнятое настроение царило повсюду. Все оживлённо делились своими впечатлениями, вспоминали боевые эпизоды. Теперь, когда бои остались позади, припоминалось немало и комического. Конечно же, с грустью вспоминали о погибших друзьях и товарищах. Родина щедро награждала героев.

Передо мной пожелтевший листок. «Приказом Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина от 23.VIII.45 № 372 за овладение островами Шумшу и Парамушир из группы Курильских островов всему личному составу вашего соединения, в том числе и вам, принимавшему участие в боях, объявлена благодарность».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г. наша 101-я стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина. Указ от 30 сентября 1945 г. учреждал медаль «За победу над Японией». Вскоре мы узнали и о приказе, вводившем новые льготы военнослужащим, служившим на Курильских островах. Их было

немало, например, устанавливались новые, необыкновенно щедрые, нормы довольствия.

Эти радостные и приятные события глубоко волновали. Мы гордились нашей могучей Родиной, нашим народом, который, преодолев все невзгоды войны, вышел победителем, сломал хребет фашистскому зверю, помог народам Европы и Азии освободиться от ига фашизма и японского милитаризма. В частях проходили митинги, посвящённые этим выдающимся, имеющим всемирно-историческое значение событиям.

Немало приятных хлопот доставляло оформление документов о наградах. Общая оценка действиям бойцов и командиров была ясна: они с беззаветной смелостью и храбростью шли в десант, бросались с кораблей в воду и, добравшись до берега, бросались в бой. Мы не знали случаев проявления малодушия и нерешительности. Но когда потребовалось оформить документ, дающий индивидуальную оценку действия в бою того или иного бойца и командира, это оказалось непросто.

Почти все наши политотдельцы были во время десанта в частях, вместе с ними высаживались с кораблей и находились в боевых порядках. Многое требовалось уточнить, выяснить факты. Помню, вечером, когда все уходили, приходилось засиживаться до двух-трёх часов ночи, обобщая все данные, придавая им форму строгого документа. К наградам представили всех политотдельцев. Помню, что старшее командование поправило наши скромные реляции и, по достоинству оценив заслуги, высоко отметило многих наших товарищей.

Командование дивизии и политотдел были единодушны в необходимости просить Президиум Верховного Совета СССР присвоить высокие звания Героя Советского Союза майору П. И. Шутову, старшему лейтенанту В. А. Кот, старшему лейтенанту С. С. Савушкину. Вскоре мы с радостью узнали о награждении их этим высоким отличием.

Разделяя со всеми бойцами и командирами состояние радости и удовлетворения высокой оценкой действий дивизии,

командование и политотдел обратили внимание на некоторые негативные явления. Выше упоминалось о взрыве в караульном помещении. Более крупные неприятности произошли на острове Шумшу в зоне недавних боевых действий. Так, почти одновременно на минах подорвались две автомашины, одна везла в кузове бойцов. При взрыве двое погибли. В 138-м полку произошёл взрыв печи, аналогичный уже описанному.

Однажды утром мне передали приказание прибыть к командиру дивизии. Войдя в кабинет, я увидел озабоченные лица генерала Дьякова и полковника Алентьева. «Срочно выезжайте на Шумшу и разберитесь, что там произошло, есть краткое донесение по радио — имеют место отравления наших бойцов», — сказал Алентьев.

Переплыв на самоходной барже пролив и заполучив у командира истребительного противотанкового батальона в своё распоряжение машину, прибыл в 138-й полк, солдаты которого работали на пирсе и «угостились» какой-то жидкостью из бочки. Полковник Колесников уже передал всем командирам частей на острове распоряжение о мерах предосторожности. Я вместе с ним отправился во второй батальон, люди которого и находились на пирсе. Без труда узнали, что в землянке одного взвода имеется канистра, привезённая оттуда. Зашли. Группа бойцов деловито вскрывала консервы, резала хлеб, около стола стояла злополучная канистра. Полковник Колесников, вне себя от гнева, схватил канистру и, выйдя из землянки, вылил содержимое на землю и зажёг. Жидкость вспыхнула и загорелась длинными синими языками. «Метиловый спирт — смертельный яд», — заключил комендант острова. Кругом стояли испуганные, ошарашенные бойцы.

Приехав в медсанбат, куда прямо с пирса попало несколько человек, почувствовавших после первой пробы что-то неладное, мы ещё раз убедились, что бойцы выпили метилового спирта. Этот «эксперимент», к сожалению, дорого стоил. Двоих рядовых и сержанта с трудом удалось выходить. Только на другой день вечером поехал во все части

и, убедившись, что источник спирта был один, вернулся в штаб дивизии. Дьяков и Алентьев внимательно и хмуро выслушали доклад. «Надо наводить порядок», — сказал генерал и отпустил меня.

Были и другие вызывающие беспокойство явления. Японцы держали в частях огромное количество грелок. Это — жестяная баночка ёмкостью примерно двести граммов, наполненная белой массой, похожей на вазелин. Будучи зажжённой, она горела ровным синеватым пламенем, распространяя тепло. Первые дни после высадки десанта, когда мелкий моросящий дождь и сырость изрядно донимали, этими грелками неплохо воспользовались наши бойцы. Помню, растянув плащ-палатку в виде шалаша, я залезал под это укрытие, зажигал две-три грелки и при их мерцающем скудном свете писал донесения. Но позднее нашлись отдельные «умельцы». Выбрав содержимое грелок в котелок, подогрев его, пропускали через тряпку. При этом выделялась мутная жидкость — спирт. Этот способ быстро получил наименование «жми-дави», и командирам пришлось немало поработать, чтобы прекратить такие «опыты».

По дивизии был отдан приказ, обязывающий командиров всех уровней навести строгий порядок. Провели большую разъяснительную работу. Она принесла результаты: больше подобных случаев в частях не было.

Надвигалась зимняя пора, следовало позаботиться об устройстве личного состава. Помещения японцев явно нас не устраивали. Мы просто недоумевали, как они умудрялись в них зимовать. Наши камчатские землянки казались куда уютнее. У командиров, политработников имелось довольно ясное представление об островной зиме. От пронизывающего сырого океанского ветра и обильных снегопадов требовались более надёжные помещения. Опыта у нас было немало, а инициативы — хоть отбавляй. Строили все. Казармы переоборудовались, укреплялись и утеплялись стены, менялась внутренняя планировка. На строительство служебных помещений штаба, да и других сооружений широко привлекались пленные. В короткое время оборудовали

помещение штаба и политотдела. Старшие офицеры получили отдельные кабинеты, в помещениях стало тепло и уютно. Были построены спортивный зал, столовая. Большими объектами стали Дом офицеров и стадион. Под Дом офицеров переоборудовали большую *Т*-образную казарму, низко посаженную в землю. Здесь оснастили довольно вместительный зрительный зал, фойе, несколько комнат для секционной работы. Тут же рядом размещалось хозяйство старшего лейтенанта Глущенко — наш дивизионный музыкальный взвод. Под стадион выровняли довольно хорошую площадку, устроили ограду. Позднее установили монумент героям, погибшим за освобождение Курил.

Одним из ранних объектов было сооружение бани. О её необходимости заговорили сразу. Строительство взял под контроль начальник штаба. Через девятнадцать дней на склоне живописного ущелья, рядом с ручьём, шумно брызгающим горной водой, было построено сооружение с раздевалкой, мойкой и парилкой. Воды — изобилие. Сущим блаженством было погреться на полке, пропотеть после хлопотливой недели. Часто вспоминали о венике, но их не было: берёзы на острове не росли. Пожалуй, ни одно сооружение не вызывало такого удовлетворения, как появление бани.

Как мылся личный состав у японцев, многим было неясно. Помню, после утомительного марша через Шумшу под дождём, штаб и политотдел разместились в помещении большого штаба японцев в Катаоке. Найдя подходящую комнату, я крупно написал на бумаге «Политотдел» и повесил на дверь. Подобрал несколько столов и скамеек. Сел за бумаги. В политотделе и штабе почти никого не было, все находились в подразделениях. Решались вопросы размещения частей на острове, переброски войск через Второй Курильский пролив на Парамушир. Вскоре появился В. А. Кот. «Знаешь, Сережа, — с белорусским акцентом заявил он, — а ну, давай помоемся». Обошли все помещения, но никаких признаков душа не нашли. Наконец в каком-то конце коридора обнаружили нечто похожее на баню. В небольшом помещении стоял простой деревян-

ный ящик, наполненный водой, под его железным днищем обнаружили топку. Решили, что это и есть японская баня.

Налив свежей воды, затопили топку. Нагревшейся водой помылись, полив друг друга ведёрком. Впоследствии мы узнали, что японцы — большие любители помыться. Нагрев так воду, они могли подолгу сидеть в ней. Это была офицерская баня. А где и когда мылись солдаты, мы так и не установили.

Полная инициатива подыскания и оборудования помещений под квартиры в части была предоставлена офицерам. Первое время офицеры штаба и политотдела размещались в одном бараке, разделённом тонкими перегородками. Но на зиму это жильё явно не годилось. Было решено: кто хочет оставлять семью на Камчатке — пожалуйста. Но таких оказалось немного. Как-то само собой разумелось, что мы находимся на своей земле навсегда, и нам её надо оборудовать для себя. Большинство хотели забрать к себе семьи немедленно. Опыт, смекалка сделали своё дело, и вскоре уже многие заявили: «У меня квартира есть, можно везти своих». Там, конечно, не было удобств, но жить было можно.

Конечно, в этом деле помогли и благоприятные обстоятельства. Японцы завезли на остров немало материалов для строительства укреплений, в том числе леса. Теперь всё это и пригодилось. Так же успешно решался вопрос строительства и во всех частях. Офицеры-холостяки тоже заводили квартирки и вели разговор об отпуске, без обиняков заявляя: «Пора жениться».

Главным строителем в гарнизоне Касивабара был рядовой Александр Куценко. Родом из Полтавы, перед призывом он окончил строительный техникум. Его авторитет в делах был непререкаем. Он каким-то присущим ему профессиональным чутьём находил среди японцев специалистов: плотников, столяров, печников. Уже через несколько дней в его распоряжении оказалась довольно многочисленная бригада. Работал Саша, как его называли, неутомимо и никому не отказывал в помощи. Надо сложить печь, застеклить

окна, поправить кровлю, сделать деревянную кровать — все шли к Саше. Своё солдатское обмундирование и обувь он скоро порвал. Ходил в японской защитной куртке и трофейных тяжёлых сапогах. Кроме этого наличие элегантной бородки делало его заметным. Выслушав просьбу, Саша записывал что-то в толстой потрёпанной тетради, которая вечно торчала у него за поясом, и, будь спокоен, завтра или послезавтра вместе с мастерами появлялся в квартире, и всё было сделано.

Саша был женат. Его супруга, бойкая полтавчанка Лариса, в начале войны оставила Полтаву и приехала на Камчатку. Сняв комнату, она устроилась на работу. Но на Курилы она так и не приехала, резонно считая, что скоро начнётся демобилизация, и она вместе с Сашей уедет в родную Полтаву. Кстати сказать, и нас с Васей Кот Саша «пригрел»: он оборудовал нам уютную квартирку. Позднее я встретился с Куценко в Полтаве. Зашёл по адресу. Саша, сняв рубаху, стоял в ворохе стружек и орудовал рубанком. Достраивал дом, который затеял ещё до войны. Встреча была, как никогда, приятной и памятной.

К октябрьским праздникам весь личный состав и офицеры были размещены вполне удовлетворительно. За короткий срок построили и оборудовали всё необходимое для жизни, быта и боевой учёбы.

Хочется сказать хорошее о службе тыла дивизии. То, что ею было сделано в первый период нашего пребывания на Курилах, выше всяких похвал. Офицеры под руководством деятельного подполковника Лутошкина проделали большую работу. Они сразу же и очень проворно сохранили и взяли на учёт все запасы продовольствия и имущество.

Весьма энергично на остров завезли необходимое: столы, стулья, шкафы, кровати, канцелярские принадлежности. Буквально через месяц личному составу поступило всё продовольствие по новым, весьма щедрым нормам. Части были обеспечены топливом.

Забота о быте личного состава составляла большую долю внимания со стороны высшего командования. Курилы посе-

тил командующий фронтом генерал армии Н. И. Крылов. Он объехал острова, побывал во многих частях, заходил в солдатские столовые и квартиры офицеров. Приезжал в дивизию и член военного совета фронта генерал-лейтенант Лукашин. Одним словом, части дивизии быстро и сравнительно неплохо освоились на новом месте.

Можно было переходить к нормальной боевой учёбе. И всё же первая зимовка на Курилах принесла немалые трудности. Большие неприятности доставляла разобщённость частей и подразделений: гарнизон был разбросан на большом пространстве от Шумшу до Матуа.

Каждый военный знает, как важна в деле боевой учёбы, жизни и деятельности частей постоянная тесная связь. Ничто не заменит живого общения. Всем известно значение таких мероприятий, как инструктажи, сборы, семинары, проверки в ходе боевой учёбы, а возможности их проведения были ограничены. В распоряжении командира дивизии имелись только самоходные баржи.

Однако, как мы вскоре убедились, эти мелкие и тихоходные плавединицы можно успешно использовать только в зоне проливов. Каботаж по всем островам на них практически невозможен. Охотское море, омывающее острова с запада, и Тихий океан в зимние месяцы ведут себя далеко не спокойно. Более того, свирепые штормы и ветры огромной силы здесь — частое явление. Один из первых рейсов самоходной баржи из Байково на южный мыс Парамушира прошёл удачно. Океан был спокоен, и группа офицеров благополучно добралась до цели. Всё хорошо шло первое время и при возвращении. Но когда до Второго Курильского пролива оставалось километров двадцать, начало усиливаться волнение. Баржу кидало, словно щепку. Всех охватила тревога, а на барже находилось пятнадцать человек. Было уже поздно, но командир не покидал штаб дивизии. Связь по радио оборвалась. Прошло несколько томительных часов, и только поздно ночью потрёпанная баржа вошла в пролив.

Была еще одна попытка добраться до мыса Васильева на «самоходках». Из Северо-Курильска вышли две баржи

с продовольствием и вещевым имуществом. Воспользовавшись оказией, Алентьев решил послать в полк работников политотдела. На одной барже находился капитан Кот, на другой — лейтенант Кремянский. Однако на этот раз оказалось ещё хуже. Баржи только вышли из пролива, как погода начала портиться. Небо потемнело, опустились рваные тучи, усилилось волнение. Капитаны сообразили, что надо немедленно возвращаться. В итоге командир дивизии запретил выходить в море на этих ненадёжных судёнышках.

Случались казусы со снабжением. Помню, как-то стрелковый полк, находившийся на мысе Васильева, оказался без соли, прозевали снабженцы. Каждый понимает, что такое обед без соли. Около двух недель это лихорадило людей, пока не помогла Камчатка. Судно, выделенное для нужд дивизии, обошло все острова и забросило на них этот необходимый продукт.

Немало досаждали снежные заносы. Засев на островах, мы ещё не знали их характера и многого не предусмотрели. На восточном склоне, недалеко от гребня горы, в уютном местечке разместили госпиталь. Всё было хорошо. Но вот начались снегопады, пурги и над склоном горы почти над госпиталем начал нарастать снежный гребень. Сперва на это никто не обратил внимания. Но как-то поступило донесение с острова Матуа: личный состав одной батареи в пешем строю шёл по кромке берега, и в это время пошла снежная лавина. Великое благо, что лавина уже потеряла силу, а берег в этом месте был пологим. Снег накрыл бойцов, смешал их в кучу и выбросил в море. К счастью, обошлось без жертв. Только двое бойцов получили ранения, остальные же отделались синяками и холодной ванной.

Узнав об этом случае, в политотдел прибежал майор Сучков, замполит госпиталя. Взволнованный, то и дело поправляя сползающие на нос крупные очки, он сообщил Алентьеву о грозящей опасности. «Мы погибли, мы погибли!» — непрерывно твердил он. Пошли к командиру. Выслали отряд лыжников, обошли склоны горы, осмотрели. Положение действительно опасное: в сторону госпиталя угрожающе нави-

сал огромный снежный гребень. Решили незамедлительно всех больных эвакуировать в медсанбат. Госпиталь опустел. По гребню несколько раз выстрелили из орудия фугасными снарядами. Снег, казалось, ждал команды. Тысячетонная глыба оборвалась и понеслась, ускоряя свой бег, вниз по склону. Лавина пронеслась рядом с госпиталем, прошла левее, смела пустую прачечную и рухнула в русло ручья, образовав на месте оврага снежную гору.

Не повезло самоходчикам. Их отдельный батальон прибыл на Парамушир в октябре. Командир решил оставить его на месте. Задача одна — подготовиться к зимовке. Выбрав подходящее, на первый взгляд, место — пустынную площадку около западных склонов, самоходчики принялись за дело. Батальон имел отличную воинскую славу. Он с боями против немецких войск прошёл сотни километров, участвовал в десанте с Тамани на Керченский полуостров. Бойцы и командиры были решительны и неприхотливы. За короткое время они оборудовали артиллерийские парки, казармы, все подсобные помещения. Началась зимняя пора. Вот тут-то и стало ясно, почему японцы не обживали эту площадку.

Зимой по небольшой долинке, покрытой низким кедрачом, постоянно, даже при малом ветерке, с гор тянуло снег. Батальон сначала упорно откапывал свои убежища, работая почти ежедневно. Но вот началась пурга, и белое одеяло накрыло расположение. Уборку снега пришлось прекратить. Самоходки, поставленные на чистую смазку, ушли под снег до весны. И батальон жил под снегом. Передвигались по снежным коридорам, сверху торчали лишь жестяные да деревянные трубы для отвода дыма и вентиляции. Пришлось менять расписание занятий, благо командир был находчив. Теперь почти каждый день, когда не было пурги, самоходчики, надев маскхалаты, отправлялись на тактические занятия и стрельбы. В дивизии самоходчиков прозвали «снежными людьми».

Не везде принято входные двери делать открывающимися внутрь, но японцы знали необходимость этого. Помню,

ещё с вечера взбесилась пурга. Подтопив в своей квартире, мы спокойно улеглись спать. Утром, открыв двери, обнаружили сплошную снежную стену. Вот тут-то мы по достоинству оценили смекалку строителей. Осторожно вынимая глыбы снега в коридор, образовали нишу. Орудуя лопатой, проделали дыры наверх. С нами вместе жил рядовой Вася Краснопёров. Его, сухонького и лёгкого, мы с Василием Андреевичем подняли в это отверстие и вытолкнули наружу. Подали лопату. Через некоторое время услышали шум и сопение. Вася успешно отрыл проход. Позднее мы проделали снежную галерею, выходившую на дорогу, и больше таких конфузов не возникало.

А вот с редактором нашей дивизионной газеты Василием Петровичем Наумовым получилось хуже. На службу он не пришёл. В редакции спохватились к обеду. Газетчики отправились с лопатами, и вскоре Наумов, смущённый, явился в политотдел и рассказал о своих злоключениях. Оказывается, у него дверь открывалась наружу. Позднее он последовал нашему опыту и благополучно покидал своё жилище в любую погоду.

К сожалению, первая наша курильская зима принесла и потери. Два бойца, лихие лыжники, поддерживавшие постоянную связь штаба дивизии с гарнизоном на аэродроме, отправились с пакетом и не вернулись. Ветер налетел, как бешеный, трое суток свирепствовала пурга. Найти их тела удалось только весной, выяснилось, что их погубил снежный обвал.

Боевая учёба. Подготовка к зиме, обустройство частей и штабов, вопросы снабжения, борьба с заносами требовали немало времени, усилий бойцов и командиров. Но боевая учёба продолжалась. Уже в сентябре штабы засели за планы и расписания, и, начиная с первого октября, занятия проводились регулярно. Когда выла и свирепствовала пурга, бойцы сидели в казармах и классах, изучали оружие, теорию стрельбы, уставы и наставления, устанавливалась погода — становились на лыжи, занимались отработкой тактических задач, отправлялись на стрельбище.

Регулярно шли занятия с офицерским составом. Вспоминается, как в погожий день были организованы стрельбы офицеров управления дивизии из пистолетов. На этот раз они прошли с интересом. Перед строем командир дивизии объявил: лучшего стрелка отметит часами. Мною, как, наверное, и многими другими, овладело нетерпение. Результаты стрельбы у меня были неплохие, и я в душе надеялся на успех. Как я стрелял, знал и подполковник Алентьев. Поэтому он заинтересованно подошёл к моей мишени. Увы, только двадцать пять очков. Это неплохо, но о призе и думать было нечего. Стрельба продолжилась. Дело уже шло к концу, когда к стрельбищу подошёл наш дивизионный прокурор майор Александр Васильевич Грачёв. Осведомившись о ходе стрельбы, он попросил мишень. Бах, бах, бах — три выстрела — двадцать девять очков. Это лучший результат. Деловито забрав часы, он отправился по своим делам.

Вспоминается ещё один эпизод. Зимой в штабе зародилась идея провести военно-теоретическую конференцию. Начали подбирать тему. Заинтересовала возможность обсудить опыт какого-либо десанта. Идея увлекла, в подготовку конференции активно включился начальник штаба дивизии подполковник Кузьмин, он всю войну против фашистов провёл на фронте, был ранен, в дивизию прибыл незадолго перед десантом на Курилы. Он сразу, что называется, пришёлся ко двору, был исключительно добродушным и простым. Эта черта его характера особенно понравилась нам, политотдельцам. Бывало, в разгар рабочего дня он заходил в политотдел, присаживался: «Ну, что, братцы-политотдельцы, пишем?», — и благожелательно улыбался. Немного посидев, уходил, оставляя тёплое дружеское чувство. В подготовку конференции включилось и оперативное отделение штаба. Удача сопутствовала затее.

Прибывший на усиление дивизии 32-й танковый полк участвовал в десанте с Тамани на Керченский полуостров. Эту операцию и решили разобрать. Нашёлся и основной докладчик — начальник штаба танкового полка. Задумались

над тем, как показать вопрос авиационной поддержки десанта. Но и тут повезло. В разговоре в политотделе узнали, что замполит самоходного батальона — в прошлом лётчик бомбардировочного полка, в одном из воздушных боёв был сбит, получил ранение и списан из авиации. Послали его на политработу. Начали уточнять, оказалось, — он участник Керченского десанта. Так нашёлся второй докладчик.

Конференцию готовили тщательно. Сделали много схем, карт, выписок, подобрали и прочитали всё, что нашли об этой операции. В назначенное время зрительный зал Дома офицеров был полон. Изложив свой доклад, сел за стол начальник штаба, танкист. К картам вышел замполит самоходчиков. В момент, когда он начал рассказывать о боевом ударе авиации в поддержку пехоты, высадившейся на полуостров, первый докладчик не выдержал, вскочил из-за стола и закричал: «Так это вы — прохвосты — нас разбомбили!»

Так за тысячи километров от места действия обрушился гнев на авиаторов, которые не смогли опознать переднего края пехоты, выдвинувшейся вперёд расчётного времени. Зал с живым интересом реагировал на эту полемику. Конференция прошла успешно.

Политработа. Необыкновенная радость, вдохновение, чувство удовлетворения за выполненный долг, гордость за нашу могучую армию, за нашу великую Родину и героический народ овладели всеми бойцами, командирами после безоговорочной капитуляции противника. Тяжёлая кровопролитная война была победоносно завершена, и в этой победе была часть нашего ратного труда. Дышалось легко и вольготно, настроение у всех было превосходное. Высокая оценка — награждение дивизии орденом Ленина, благодарность Верховного Главнокомандующего, награды героям сопутствовали этому настроению.

Политотдел усматривал свой долг в поддержании высокого патриотического духа и боевого настроения. После получения Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии во всех частях были проведены митинги,

торжественными собраниями отметили также указ об учреждении медали «За победу над Японией», приказ о благодарности. В эти дни засиживаться в кабинетах было некогда. Часто в политотделе оставался только один старший лейтенант Иосиф Иванович Волков, инструктор по партийному учёту, остальные находились в частях. Выступая на митингах и собраниях, бойцы и командиры заверяли партию и правительство о своей беззаветной преданности и готовности выполнить любое задание. Политотдел стремился направить энтузиазм бойцов и командиров на решение очередных задач: благоустройство частей и подразделений в новых пунктах дислокации, поддержание высокой дисциплины, организованности и бдительности. Собираясь, мы обменивались мнениями, рассказам об отдельных эпизодах не было конца. Мой блокнот распухал от записей. Ведь всё, что здесь говорилось, характеризовало политико-моральное состояние личного состава.

Наш пропагандист майор Александр Степанович Рожков засел за бумаги, и уже к 1 октября все части имели разработанные планы марксистско-ленинской подготовки офицеров, а также тематику политических занятий для солдат и сержантов. Работы у Рожкова было много, и он кряхтел, часто вспоминая о Гетманове: «Эх, Вася, Вася, видно, не судьба. Как бы нам сейчас вдвоём хорошо работалось!» Но Гетманова не было, он погиб смертью героя при высадке десанта.

Особое внимание было обращено на политическую информацию личного состава о событиях в мире. После окончания боёв политинформации проводились практически ежедневно. Рассказать бойцам было о чём. Но тут вскоре встретились затруднения: газеты поступали редко и с большим опозданием, а радио было не у всех. Но выход из положения нашли: в японском госпитале изъяли хороший радиоприёмник. Мы сразу его забрали в политотдел, а чтобы не испортили любители, поставили в запиравшейся комнате. В нужное время садились за приёмник и записывали основные новости. Записав сообщение, тут же на тонкой бумаге

отпечатывали, вкладывали в конверт и отдавали дежурному по штабу. Непрерывно кочующие посыльные, да и попутчики, доставляли их адресатам.

Так последние известия попадали во все части, стоявшие на Парамушире и Шумшу. Позднее эта группа информации, получившая название «Курильское ТАСС», по указанию начальника политотдела и по своей инициативе добавляла в эти листки свои комментарии или советы, на что необходимо обратить внимание личного состава. После того, как начала выходить на Курилах дивизионка «Верный сын Родины», это дело выполняла она.

Вскоре после размещения частей на островах политотдел получил большую помощь от военного совета фронта: в штат ввели должность старшего инструктора по культурно-массовой работе.

Нас всех особенно обрадовало решение военного совета открыть на острове Парамушир Дом офицеров. Его начальником был назначен начальник дивизионного клуба старший лейтенант Василий Гресь. Он с большой энергией принялся за дело. Это его усилиями две старые, мрачные, приземистые казармы вскоре превратились в чистые, уютные помещения, довольно хорошо оборудованные для проведения всех мероприятий. Штат Дома офицеров удалось укомплектовать не сразу. Но сделано было немало. Здесь имелся прекрасный духовой оркестр — это дивизионный музыкальный взвод во главе с опытным дирижёром старшим лейтенантом Глущенко. Заработали радиоузел, секция художников, художественная самодеятельность, да ещё как заработали! Тут был и хор, и пляски, и декламации. Фойе и зрительный зал красиво оформили. Дом офицеров стал настоящим центром культурно-массовой работы. Нигде, кажется, не проявлялась такая тяга к коллективу, к культурным мероприятиям, как здесь. Отбоя от желающих прийти сюда не было.

Можно сказать, что партийно-политическая работа в частях била ключом. Регулярно проводились партийные и комсомольские собрания, на которых горячо обсуждались назрев-

шие задачи. Лучшие воины подавали заявления в партию. Пополнил ряды комсомол. В ротах и батареях начали выходить стенные газеты.

Большое внимание уделялось лекционной работе. Победоносное завершение войны, разгром Красной Армией фашистской Германии и милитаристской Японии привели к коренным изменениям в мировой политике. Как никогда, возрос авторитет Советского Союза, коммунистической партии, усилилась роль рабочего класса и революционного движения, национально-освободительное движение охватило Африку, Азию, Латинскую Америку. В ходе побед зародилось и крепло великое социалистическое содружество. Все эти явления вызывали большой интерес у личного состава, люди задавали немало вопросов.

С лекциями в частях выступали практически все работники политотдела. Но особой популярностью пользовался наш признанный лектор Рожков. Серия лекций состоялась в Доме офицеров. В феврале 1946 г. по инициативе партбюро штаба была тщательно подготовлена и проведена теоретическая конференция по труду В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». На фоне фундаментальных ленинских выводов особенно ярко и убедительно выглядели новые изменения, происходящие в мире. Запомнился первый партийный актив на острове. Потребность собраться, подвести итоги, обсудить положение, определить задачи чувствовалась во всём.

Политотдел готовил собрание оперативно и тщательно. Погода стояла хорошая, и на актив удалось собрать представителей всех частей Шумшу и Парамушира. Сколько было восторженных, дружеских встреч в нашем Доме офицеров! Ведь многие знали друг друга почти шесть лет. Долгие трудные годы службы на Камчатке в постоянной готовности отразить врага сплотили коллектив коммунистов. И вот здесь, встретившись после победных боёв, многие не могли скрыть своего волнения. Дружеским объятиям, похлопываниям по плечу, рукопожатиям, кажется, не было конца.

Скорбным молчанием почтили память погибших. В докладе начальника политотдела кратко подводились боевые итоги, чётко формулировались задачи: организованность, порядок, дисциплина. Подготовка к зиме — вот основная забота. Яркими и вдохновленными были выступления участников собрания актива. Послали телеграмму военному совету фронта о своей готовности выполнить любые задачи. С огромным воодушевлением приняли приветствие Центральному Комитету партии. В завершение состоялся концерт. Мощно прозвучали песни о Родине. Воодушевлённые и радостные разъезжались коммунисты в части, чтобы с новой силой приступить к решению практических задач.

Серьёзным экзаменом организаторских способностей командиров и политработников явились выборы в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 г. Это были вторые выборы в наш советский парламент с момента принятия Конституции на VIII Чрезвычайном съезде Советов, состоявшемся 5 декабря 1936 г.

Здесь, на Курилах, работа по их подготовке и проведению приобретала особое значение. И дело не только в сложности условий. Здесь, на исконно русских землях, с боями возвращённых Родине, этот большой государственный акт значил особенно много. В этом вновь проявлялись торжество и непобедимость нашего советского строя, нашей советской демократии, олицетворяющей подлинное народовластие. Правда, на Камчатке уже был накоплен опыт проведения этой работы. Но здесь условия были сложнее. Всё затруднялось плохими возможностями живого общения с командирами, политработниками отдельных гарнизонов.

Строгое неукоснительное соблюдение всех сроков, установленных законом в части образования избирательных участков и комиссий, составление списков избирателей и решение массы других вопросов требовали большой оперативности. Для связи использовались все возможности. Многое делалось с большим упреждением. Большую работу в политотделе по подготовке и проведению выборов вели майоры Е. М. Захаров, Ф. Н. Кузьмин, капитан В. А. Кот.

В частях большая доля забот выпала на политработников, партийные и комсомольские бюро.

Как-то военный совет фронта потребовал данные с указанием всех пунктов размещения гарнизонов на островах. Это требовалось для доставки избирательных документов. Как быть? Назвать остров недостаточно. Решили использовать морскую терминологию — указать широту, долготу. Телеграмма получилась длинная. Мы испытывали неуверенность. Однако всё вышло хорошо. В нужный срок военный корабль обошёл все острова и пункты дислокации, доставил бюллетени. Как мы потом узнали, это было нелегко. В одном пункте бюллетени пришлось со шлюпки упакованными в резиновый мешок выкидывать с помощью длинного линя.

Ко дню выборов всё было готово. Погода установилась. Когда звучали звуки Государственного гимна, у избирательных участков собралось много избирателей. Голосовали дружно и единодушно. В 12.00 пошла телеграмма военному совету фронта, что голосование на советских Курильских островах завершилось.

Как-то весной 1946 г. начальник политотдела высказал озабоченность по поводу того, что начинает прибывать гражданское население, на островах развивается хозяйство, а гражданских властей нет. Требовалось решить вопросы создания государственного аппарата, широко привлечь трудящихся, населяющих острова, к участию в управлении всеми делами.

Уже было решено о включении Курильских островов в Сахалинскую область, о переименовании бывшей японской базы Касивабара в город Северо-Курильск. Он и должен стать административным центром района.

После окончания военных действий несколько мелких рыбообрабатывающих предприятий находились в состоянии полного бездействия. Правда, на причалах рыбного порта царило оживление. Тут орудовал наш саперный батальон. Его специалисты под руководством командира и замполита капитана Потехина сравнительно быстро освоились

с техникой порта, в основном в качестве мотористов самоходных барж и мелких катеров.

Батальон хорошо помог дивизии в транспортировке всего необходимого на Шумшу и обратно. Но рыбной ловли не было, заводики не работали. Комендатура позаботилась только о том, чтобы там сохранилось всё на месте, и никто ничего не трогал. Патрули имели задание наблюдать за этими предприятиями.

Вскоре на острове начали появляться первые гражданские специалисты. Ими стали представители рыбопромышленных организаций Дальнего Востока. Минёры проверили территории заводов, убедились, что мин нет, и специалисты приступили к осмотру оборудования и ознакомлению с технологией производства. Численность гражданского населения начала расти. Встал вопрос о кандидатуре начальника гражданского управления. Алентьев как-то пригласил меня и предложил подумать, кого можно им назначить. Необходим был энергичный, знакомый с функциями Советов человек.

Я предложил Адама Ефимовича Павлюченко. Именно его кандидатура отвечала таким требованиям. Я его знал ещё с 1938 г., вместе ехали на Камчатку. Он был членом партии и среди нас, активистов-комсомольцев, выделялся основательностью суждений, знанием жизни, принципиальностью. В 279-м артполку в звании заместителя политрука исполнял обязанности политрука батареи, был членом бюро ВЛКСМ полка, затем рекомендован секретарём бюро ВЛКСМ 428-го ГАП, избирался парторгом артиллерийского дивизиона.

При встречах он по-дружески мне говорил: «Знаешь, Сергей, кончится война, поеду в Сибирь». Но когда я предложил ему новую должность, он согласился, хотя и сомневался: а справится ли? Пригласили Адама Ефимовича в политотдел. Через несколько дней приказом по личному составу старший лейтенант А. Е. Павлюченко был освобождён от обязанностей парторга с возложением на него временных обязанностей начальника гражданского управления.

На другой день, забрав с острова Шумшу семью, приступил к делам. После этого я видел его редко. Он всегда спешил и, увидев меня, шутливо грозил кулаком. Было ясно — Павлюченко весь в заботах. Политотдел помогал ему, чем мог. Подыскали помещение. Наш художник из Дома офицеров написал на фанере вывеску «Управление по гражданским делам», выделили наряд для поддержания порядка в помещении управления. Несколько расторопных комсомольцев несли постоянное дежурство, а главное — штаб дивизии обеспечил связь с Камчаткой и Сахалином, с областными организациями.

Через день после назначения Павлюченко явился с неотложной просьбой: силами медучреждений дивизии временно решить вопрос медицинского обслуживания населения. Этот вопрос был решён. Наш санбат на Шумшу и полевой госпиталь на Парамушире получили указание — организовать пункты оказания помощи гражданским лицам и небольшие родильные отделения. На этот счёт Павлюченко волновался больше всего. Однажды ночью прибежал к нему рабочий, а с ним молодая жена — беременная, на сносях. Спрашивает, нет, не спрашивает, а плачет: «Скажи, начальник, а где моя Надя будет рожать?» Тот даже растерялся. Успокоил, как мог, а сам не находил места.

Как-то поздно, уже за полночь, заметив светившееся окно, я зашёл в гражданское управление. Все три стола, стоящие в небольшой комнатушке, а также шкаф были завалены бумагами. Павлюченко сидел за столом, запустив пальцы рук в свою волнистую шевелюру. При моём появлении он устало поднял голову. Но сразу оживился: «Садись, садись, поговорим. Надо хоть отвлечься чуток. Вот, видишь, — пожаловался он, — и домой забежать некогда. Девчонок своих, уже забыл, когда держал на руках. Я же один, аппарата никакого. Каждый день десятки телеграмм. И всё вопросы. Да какие: как с жилплощадью для врачей, сколько детей школьного возраста и подобные. А тут население прибывает. Да что говорить. Сам видишь и знаешь. Буду решать самое неотложное».

Но, однако, хлопоты и труды первого начальника гражданского управления дали неплохие результаты. Вскоре заработала почта. Первые дни отправка корреспонденции вызывала немало хлопот. Писали письма все. Писали днём в свободную минуту, писали вечером при слабом свете коптилок. Заветные фронтовые треугольники появлялись сотнями и тысячами. Но как их отправить? Да чтоб дошло быстрее. Желание естественное и понятное. Там, за тысячи километров, ждали мать, отец. Ведь провожали сына на два года, а прошло уже шесть лет! Там братья, сёстры, невесты, заждались! Главное — надо сообщить, что жив, здоров, мы победили! И первые дни ловили бойцы каждого морячка и убедительно просили, вынимая из кармана письмо: «Опусти, браток, в почтовый ящик!» Изумлялся моряк: «В какой ящик?» «Да там, на Камчатке или на Сахалине». Браток брал треугольники, и письма шли «по морям и океанам».

В частях дивизии дело с почтой наладилось быстро. Сперва за него взялся по указанию политотдела начальник связи, а вскоре появилась с Камчатки наша полевая почта. Но надо было организовать почту для населения. Вскоре приехала с Сахалина черноокая девушка. О ней как-то Павлюченко сказал: «Её никакие двери не сдержат». И, действительно, она так взялась за дело, что уже через день на одном из домиков около центрального пирса появилась вывеска: «Северо-Курильское почтовое отделение».

Открылся первый магазин. Под него приспособили ранее стоявшее без потолка и крыши, но ещё добротное, здание. Поступила довольно крупная партия товара. Начальник гражданского управления схватился за голову. Ведь товары можно было отпускать только по талонам. А кто и кому будет их выдавать? Талоны все пришли на управление. Но и это дело начало налаживаться.

Вскоре мне пришлось выехать в длительную командировку по делам службы на материк. Но уже позднее, после возвращения, Адам Ефимович поведал мне один случай, о котором хочется написать.

«После назначения, — рассказывал Павлюченко, — получил распоряжение прибыть в облисполком. Хорошо сказать прибыть, это не на трамвай сесть. Надо плыть на Сахалин. Но делать нечего. Прибил на двери объявление: “Нахожусь в командировке”. Попутным кораблём добрался до Сахалина. Сильно волновался. И не напрасно. Меня завалили вопросами: сколько гражданского населения на островах, сколько жилья, в каком состоянии предприятия и так далее. На большинство подобных вопросов я не мог дать удовлетворительного ответа. “Какая нужна помощь?” Отвечаю, что людей нет, работать некому. В управлении пока один.

Но за пару дней до отплытия на Курилы я всё-таки постарался решить один вопрос, не дававший мне покоя. Дело в том, что, узнав о моей поездке на Сахалин в облисполком, ко мне пришли три женщины. Они были крайне возбуждены и настроены воинственно. Заявили: “У нас малые дети, а молока нет. Как хочешь, начальник, а без коровы не возвращайся!” Я был крайне смущён. Пробовал отшутиться, хотя и понимал, что дело серьёзное. А они нажимали и нажимали, пока я не сдался и не пообещал похлопотать.

Здесь, на Сахалине, после многих бесед с руководителями в обкоме и облисполкоме с распухшей головой и тетрадью для записей, напичканной указаниями, распоряжениями и советами, я как-то и не решался заговорить о корове. Но, вспомнив предстоящую встречу с женщинами, за несколько дней до отъезда, рассказал об этом. Обещали помочь. Мне полегчало. Ну, думаю, хоть что-то сделал. И точно: в день отъезда мне заявили, что выделена корова, распоряжение хозяйству дано, забирайте.

Хорошее дело — забирайте. Ведь я один как перст. Но решился. Перед отъездом времени было в обрез. За два часа до отплытия двинулся в путь. Получил корову, нашёл хворостину, и мы с ней тронулись. Корова попалась норовистая. Всё метит повернуть назад, а до порта далеко. Пот с меня катит градом. Досталось всем чертям на орехи. Почти обессиленный, дотянул я корову до пирса. Команда парохода встретила наше появление с энтузиазмом. Поняв

моё положение, люди помогли. Достали где-то тюк сена. Последовала команда с парохода, опущена сетка, и через несколько минут бурёнка оказалась на борту.

Я был в изнеможении. И представь себе, только мы выгрузили её на пирс, там уже стояли те три женщины. Они бросились меня благодарить, а я к ним с вопросом: "А где мы её поставим, чем кормить будем?" "Не ваша забота, начальник, — ответили женщины, — и место есть, и ухаживать будем". Забрав корову, они повели её. В этот момент на эту скотинушку у меня уже никакой обиды за её каверзы не было».

В Сахалинском обкоме партии, облисполкоме было решено формировать районные власти незамедлительно. Вскоре на должность секретаря райкома партии прибыл Василий Казанцев, на должность председателя райисполкома политотдел рекомендовал Сергея Кузьмича Татаринцева — капитана, заместителя командира батальона 373-го полка, в прошлом бывшего председателя райисполкома, имевшего большой опыт советской и хозяйственной работы. Начали формировать отделы райисполкома.

Вскоре состоялось первое собрание партийно-хозяйственного актива. Оно проходило в помещении Дома офицеров. Народу собралось порядочно. Пригласили командование дивизии, пришли и мы, политотдельцы. Много было приезжих представителей областных организаций, рыбопромышленных объединений. Народ нетерпеливый, шумный.

Но когда зашли в зал, наступила торжественная тишина. Минутой молчания почтили память воинов, погибших при освобождении островов. Казанцев произнёс краткую торжественную речь: «Мы, коммунисты,— говорил он, — собрались здесь на этой исконно русской земле, освобождённой от японских милитаристов и политой кровью наших бойцов. Мы должны вдохнуть в неё жизнь, организовать работу предприятий».

Выступление Татаринцева было более конкретным. Поблагодарив командование дивизии за оказанную помощь, он выразил уверенность, что и впредь тесный контакт и взаи-

мопомощь будут основой успеха. Речи были страстными и горячими. В конце собрания актива кто-то предложил спеть «Интернационал». Зал в единодушном порыве поднялся, и на Парамушире, впервые на Курилах, торжественно прозвучали слова нашего партийного гимна. Павлюченко ходил довольный, улыбался: «Нашего полку прибыло, дела пошли веселее».

Передав дела, он принял новую должность старшего инструктора по организационно-партийной работе политотдела артиллерийской бригады. Несколько позднее Адам Ефимович демобилизовался и уехал в родной Маслянинский район Новосибирской области. Там длительное время работал председателем колхоза. (Секретарь Маслянинского райкома КПСС В. Прокудин, племянник А. Е. Павлюченко, сообщил С. К. Юдину, что тот умер в августе 1980 г. и похоронен в селе Матвеевке [КОКМ ОФ 33369/25]. — *Ред.*)

Жизнь шла своим чередом. Из длительной командировки на материк я вернулся на острова не один. Нина, с которой мы нашли общий язык, основательно заколебалась, узнав, что предстоит поездка на Курилы. «Там же нет пресной воды, как же мы будем жить?» — говорила она. Я смеялся, рассказывал, что на островах весело журчат десятки горных речек с прозрачной водой. Здесь, в Северо-Курильске, мы зарегистрировали брак. А в марте 1947 г. в родильном отделении военного госпиталя появился мой первенец — сын Борис.

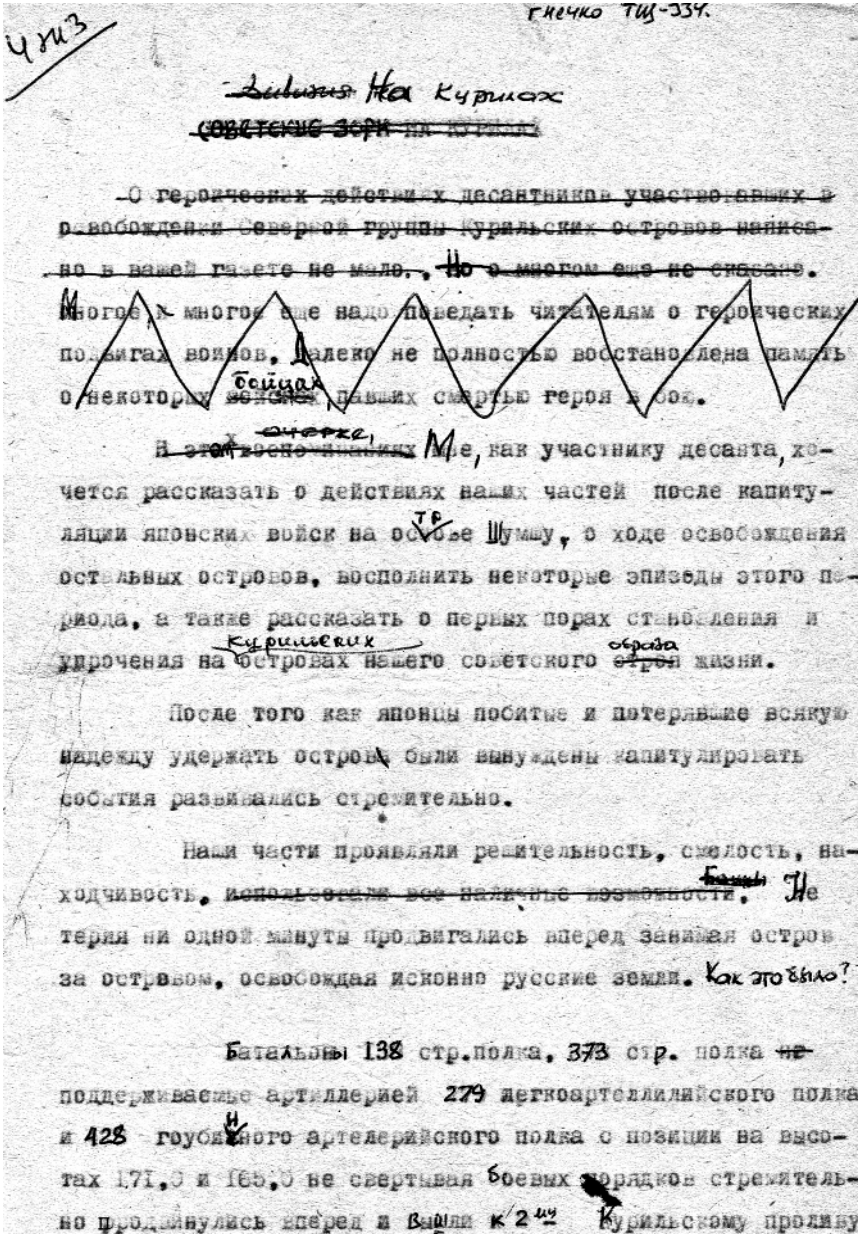
И опять вспоминаю майора Курбатова, героя боя на мысе Кокутан-Саки. В тесной комнатушке ЗАГС оказался и он со своей супругой. На мой удивлённый взгляд пояснил: «Сколько лет жили, не регистрировались, а сейчас поступил приказ: не выдавать паёк на семью без свидетельства о браке. Тут, брат, ничего не поделаешь». Мы дружно смеялись. А вечером в семье Курбатова состоялось веселье. Каламбуры и остроты, кажется, сыпались без конца. Да и стол оказался отменным. Супруга Курбатова была на то великая мастерица.

Герой Советского Союза В. А. Кот на параде
в Петропавловске-Камчатском, 9 мая 1946 г.
(ККМГИ 26546/236)

Северо-Курильск, апрель 1947 г. Подпись С. К. Юдина:
«На первом плане моя хата» (КОКМ ОФ 33369/66)

Гнечко ТЩ-334.

Чиз

~~Зимняя Ночь~~ Курилах

~~СОВЕТСКИЕ ЗОРИ НА КУРИЛАХ~~

~~О героических действиях десантников участвовавших в освобождении Северной группы Курильских островов написано в нашей газете не мало. Но о многом еще не сказано.~~

Много, х многое еще надо поведать читателям о героических подвигах воинов. Далеко не полностью восстановлена память о некоторых ~~воинах~~ бойцах павших смертью героя в бою.

~~В этом~~ очерке, ~~весьма~~ кратком М мне, как участнику десанта, хочется рассказать о действиях наших частей после капитуляции японских войск на ~~о~~ острове Шумшу, о ходе освобождения остальных островов, восполнить некоторые эпизоды этого периода, а также рассказать о первых порах становления и упрочения на ~~о~~ островах нашего советского ~~строя~~ образа жизни.

После того как японцы побитые и потерявшие всякую надежду удержать острова были вынуждены капитулировать события развивались стремительно.

Наши части проявляли решительность, смелость, находчивость, ~~использовав все наличные возможности~~. Не теряя ни одной минуты продвигались вперед занимая остров за островом, освобождая исконно русские земли. Как это было?

Батальоны 138 стр.полка, 373 стр. полка ~~не~~ поддерживавшие артиллерией 279 легкоартиллерийского полка и 428 гаубичного артиллерийского полка с позиции на высотах 171,0 и 165,0 не свертывая боевых порядков стремительно продвинулись вперед и вышли к 2-му Курильскому проливу

Страница рукописи С. К. Юдина «Советские зори на Курилах» (ККМГИ 29577)

Наш советский образ жизни. Имелся ли приказ о новом месте расположения дивизии, не помню, но твёрдо знаю, что все мы, оказавшиеся на Курилах, чувствовали себя на родной земле. Даже разговоров на эту тему не возникало. Так утвердился в нашем сознании важный исторический факт — возвращение Курил Родине. Более того, также это воспринимали все семьи офицерского состава. Вскоре наиболее предприимчивые и энергичные супруги начали прибывать на острова. Делалось это просто, без лишних слов. Но не примечателен ли это факт проявлением замечательного советского патриотизма, гражданственности, истоки которых лежат глубоко в народе?

Одной из первых появилась на острове Инна — жена инструктора политотдела Бориса Кремянского. Коренная дальневосточница, хабаровчанка, она в начале 1945 г. приехала к мужу на Камчатку. Лиха беда начало. Вскоре не приходило ни одного судна с Камчатки, на котором не появлялась бы одна или несколько семей — жён вместе с детьми. Начали обзаводиться семьями и холостяки.

Вспоминаю свою историю. Поженившись в командировке в Хабаровске, мы с супругой на Курилы более двух месяцев ехали с эшелоном пополнения. За это время бойцы эшелона в ожидании парохода помогали колхозам Приморья убирать сою, разгружать пароходы в порту Владивостока. Хлопот в дороге было немало.

Сложная история с женитьбой оказалась у моего друга Володи Зоточкина с острова Матуа. Захватив свою суженую в Ишиме, он с большим трудом за два месяца добрался до Шумшу. Здесь, во Втором Курильском проливе, при погрузке ночью на пароход его Валя, выбираясь на борт парохода по штормтрапу, сорвалась и упала в холодную воду пролива. А при спасении, испуганная, увидев под ногами палубу, опустила спасательный круг и упала на балки, крепко ушибив ноги.

Как только появились наши дорогие женщины и дети, быт начал налаживаться быстрее. Примечательным явлением этого времени стало проявление исключительной

дружбы и доброжелательности. Помогали друг другу, чем могли. Появление каждой новой семьи на острове воспринималось как радостное событие. На пирсе собиралась дружелюбно настроенная толпа. Помогали выгружать вещи, ободряли вновь прибывших, детей сразу брали на руки. Радостным восклицаниям не было конца. Провожали до квартиры, а тут уж, совсем по-свойски, кто растапливал печь, кто тащил чего-нибудь горяченького покушать. Одним словом, новосёлы были окружены заботой и вниманием.

Примечательная черта наших людей — чем больше трудностей, тем плотнее друг к другу, тем ближе локоть товарища. Товарищество, взаимная помощь и выручка, гостеприимство проявлялись везде и всюду. Когда у нас появился первенец Борька, мы немного растерялись, нет ничего: ни кроватки, ни корыта, ни пелёнок. Но тут прибежали соседки, кто-то притащил простенькую самодельную кроватку. За один вечер из салфеток, что в индивидуальном пакете, сшили одеяльце, набрали и пелёнок. Труднее оказалось с тазиком для купания. Но выручил мой друг Павлюченко. У него оказался большой, не раз чинённый таз.

Необыкновенно дружно жил и наш коллектив. Помню первое наше товарищеское торжество. Капитан В. А. Кот был вызван на Камчатку, где ему вручили орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. Мы, политотдельцы, друзья и товарищи, решили это отметить. За дело взялся Иосиф Иванович Волков, наш инструктор по партучёту. Где он достал изрядный кусок свежего свиного мяса, уму не постижимо. Договорились с поваром генерала Дьякова. Получились отличные отбивные. Когда все собрались, оказалось, что стол для той поры довольно богат. Пригласили Алентьева, Артюшина, Дьякова. Генерал Дьяков приболел и прийти не смог. Тепло поздравили нашего друга с наградой, спели несколько песен и на последок под баян наш начальник контрразведки майор Григорьев удивил всех, пройдясь по кругу чечёткой.

Нет, не напрасно получил наш начальник Дома офицеров Вася Гресь награду из рук генерала. Дом офицеров стал

настоящим центром культурно-массовой работы. Самодеятельность, шахматно-шашечные турниры, вечера танцев шли регулярно, с большой активностью, заработала общеобразовательная школа, кружки кройки и шитья, вязания. Я уже не говорю о занятиях спортом. На лыжах ходили буквально все. Как только устанавливалась погода в воскресенье, да и вечером, после работы, склоны гор были усеяны лыжниками.

Находили себе дело и любители охоты. Когда разоружали противника, на складах нашлось большое количество охотничьих ружей и ящиков со снаряжением и патронами. Командир распорядился раздать ружья офицерам. Правда, оказалось, что патроны снаряжены не свинцовой дробью, а чугунной картечью. Позднее выяснилось, что японцы эту картечь «приготовили» для нас в случае, если бы мы применили воздушный десант. Истинные, настоящие любители вскоре обзавелись дробью и с увлечением охотились.

Осенью обнаружилось, что в семьях есть по нескольку детей школьного возраста. Первым забила тревогу Инна Кремянская. Профессиональных учителей не нашлось, но неугомонную Инну это не остановило. Заполучив в штабе тёплую комнату, она сама организовала занятия. Как там было с педагогикой, не знаю, но уроки она вела регулярно, обзавелась позднее и тетрадями, и карандашами. Одним словом, жизнь на острове била ключом, и наши советские люди налаживали её на свой лад. Это и был наш советский образ жизни.

Культурная жизнь развертывалась вовсю и в других гарнизонах на острове Шумшу, на мысе Васильева, на острове Матуа. Везде были организованы клубы, работала самодеятельность, бойцы и жители читали газеты, слушали радио. Помню, с каким удовлетворением мы услышали, что коллектив инициаторов во главе с парторгом дивизиона Зоточкиным организовал на острове Матуа постановки пьесы Островского «На бойком месте», пушкинского «Каменного гостя».

Большая земля, наша Родина, никогда не забывала о нас, освободителях Курил. Это проявлялось в щедрых наградах героям и другом. Большинство офицеров служило на Камчатке и Курилах семь-восемь лет. Конечно, об отпусках, поездке к родным никто и не помышлял. Вскоре начались переводы на материк. Уехали полковник Артюшин, командир дивизии генерал Дьяков, был переведён на Камчатку, поближе к семье, В. А. Кот. Командиром дивизии назначили начальника штаба КОР полковника Воронова.

Новый командир был энергичен. Занятия в частях приняли более планомерный характер. Новым содержанием наполнилась и учёба офицерского состава. Особенно требовательно командир относился к штабам. Многочисленные смотры-проверки основательно встряхнули людей. Никакого благодушия, самоуспокоенности — вот его решительные требования. Он живо интересовался бытом и досугом офицеров и солдат, внимательно следил за состоянием спортивной работы, запросто заходил в квартиры и беседовал с семьями. Быстро решил вопрос о молоке: одно из хозяйств Камчатки переправило нам десять коров. Все дети семей офицеров, да и больные в госпитале стали получать свежее молоко.

Забота государства о Курилах проявлялась не только по отношению к военным. Весной 1946 г. острова посетил А. И. Микоян (в это время заместитель председателя Совета Министров СССР, одновременно министр внешней торговли СССР. — *Ред.*). После его визита заметно усилился поток специалистов рыбной промышленности, начались работы по организации лова рыбы. Сначала он вёлся в малых размерах, и рыба в основном по нарядам передавалась военным частям для довольствия личного состава.

Офицеры в свободное время вместе с жёнами любили приходить посмотреть на улов. Рыбаки были добродушны и щедры. Чаще всего наши супруги, пользуясь их добротой, брали крупную камбалу. Огромная, одна на сковороду, поджаренная на сливочном масле камбала была необыкновенно

вкусна. Как-то случайно проходя около выгруженной рыбы, я увидел огромного колючего краба. Это был редкий экземпляр. Краб сердито щелкал клешнями, ворочался, пытаясь освободиться. Заполучив его, принёс домой. У нас в то время на кухне были две хозяйки. Бросил краба на пол кухни и сказал: «Получайте деликатес», а потом был изумлён произведённым эффектом.

С диким визгом наши дамы бросились кто куда. Валентина Титова заскочила на стол, моя супруга оказалась на ящике с мукой. С трудом мне удалось их успокоить. И хотя мясо краба съели с удовольствием, мне долго не могли простить эту выходку...

Много интересного было в жизни на Курилах. И когда в середине 1947 г. моя семья покидала остров, мы с женой с палубы корабля печально всматривались в синеющие очертания удаляющихся островов. Прощайте, Курилы, наша родная земля...

Курильский рыбак, 22 апреля — 2 июня 1984 г., № 49—66

Новый 1946-й год

...Я с однополчанами находился в Северо-Курильске. Части дивизии приводили себя в порядок. Под казармы и жильё для офицерских семей наскоро переоборудовали японские бараки. Затопились печи, запахло русскими щами, пирогами. Паёк курильчанам дали хороший. Настроение у всех было отличное, победное.

Новый год по стародавнему обычаю решили отметить, как следует. Так и было сказано в политотделе всем командирам и политработникам: в каждой роте должна быть ёлка, в каждом взводе — торт или пирог, каждый воин должен получить новогодний подарок. И поздравления, музыка, танцы, самодеятельность.

С утра 31 декабря погода взъярилась. Океан ревел, бросал громадные валы на утёсы. Разгулялась пурга, крутила, бросала снег, ничего не было видно. Кажется, всё замерло, ушло под толщу снега. Но нет. Наступил вечер, и люди

попарно, стараясь крепко держаться друг за друга, потянулись к Дому офицеров. Приподнимая занавес из брезента, юркали в коридор, оживлённо отряхивали снег. Слышались смех, шутки. В зале тепло, обилие света, гремит оркестр, блестит ёлка... Чудесная, добрая ёлка, искусно собранная из лап кедрача.

Наступила полночь. Слышен звон курантов, поздравления. И песни, танцы. Фокстрот, танго и вальс, любимый всеми и всегда вальс. Мы праздновали первый Новый год на Курилах! На земле, навеки возвращённой Родине, где загорелись советские зори, где торжествует труд.

Над островом вспыхивают огни ракет. Над проливом тоже сияют ракеты. Это с корабля, стоящего на якорях, моряки отвечают торжественным салютом...

Этот Новый год запомнился мне навсегда.

ККМГИ 29589. Рукопись. Фрагмент

БИТВЫ КУРИЛЬСКОЙ ГЕРОЙ

В этой части воспоминаний С. К. Юдина мы представим короткие очерки, в которых рассказывается о шести отдельных лицах. С ними его в разные годы сводила воинская служба. Все они, так или иначе, сыграли в жизни автора определённую роль и уже упоминались в предыдущих материалах, а сейчас у нас есть возможность узнать о них несколько подробнее.

Батя

Вступление в должность командующего КОР генерала Алексея Романовича Гнечко прошло без всякой помпезности. Как мы поняли позднее, это соответствовало его характеру. Штаб КОР формировался неспешно, но влияние генерала на дела дивизии было уже заметно. Правда, ещё начиная с 1943 г. в боевой и политической подготовке произошли заметные изменения. Основной темой боевой учёбы была подготовка к обороне, которая должна стать противопехотной, противоартиллерийской, противоавиационной, противотанковой, противохимической, устойчивой и надёжной против любых форм воздействия противника.

Тщательно отрабатывались элементы наиболее рационального использования местности. Этому настойчиво учили и бойцов, и командиров всех степеней. Взвод, рота в обороне должны иметь опорный пункт, а узел обороны батальона — это уже была сплошная система земляных укреплений. Организация ружейного и пулемётного огня предполагала наличие резерва и умелое использование приданных и поддерживающих средств. Оборона должна быть круговой.

Сохранив все эти требования к обучению войск, теперь значительно больше стали обращать внимание на действия в наступлении. Бойцы быстро уловили эту перемену и довольно шутили: «Хватит обороняться, надо наступаться».

За этим скрывался большой смысл. Окружив под Сталинградом огромную группировку фашистов, Красная Армия продемонстрировала свою мощь. А развернувшееся вслед за этим наступление показало всему миру величайшую силу советского оружия. Бойцы знали, о чём говорили!

Приняв должность, генерал мало сидел в штабе. Он посетил все части дивизии и усиления. Побывал в Усть-Камчатске, в Ключах, где стоял 302-й отдельный стрелковый полк, на западном побережье в расположенных там частях, дважды был на мысе Лопатка в 7-м отдельном стрелковом батальоне. Предполагал ли командующий возможный характер будущей военной операции? Возможно, да, но об этом нигде ничего не сказано.

Вскоре мы, офицеры штаба и политотдела дивизии, стали свидетелями тщательной отработки новых в условиях Камчатки форм взаимодействия всех родов войск. В штаб зачастили лётчики и моряки. Это всем нам нравилось. Надо признать, что до приезда Гнечко связи дивизии с лётчиками, а особенно с моряками и пограничниками нельзя было признать достаточными. Крепкое взаимодействие командующий наладил и с местными партийными и советскими органами. Всем импонировало постоянное общение генерала с первым секретарём обкома партии И. Ф. Петровым. В президиуме какого-либо собрания они, как правило, сидели рядом, дружески разговаривали.

Но, конечно, главное внимание командующий обращал на ход боевой подготовки, состояние воинской дисциплины частей дивизии. Помню, вскоре после его приезда меня вызвал начальник политотдела подполковник М. Я. Алентьев и весьма серьёзно предупредил: «Надо тщательно подготовить доклад о состоянии воинской дисциплины — Гнечко требует. Завтра в десять часов совещание».

Для меня это было ново. Правда, донесения на эту тему мы предоставляли в политуправление регулярно. Но то были бумаги, они уходили, а мы писали другие. Материал у меня под рукой имелся, к вечеру доклад был готов. НачПО внимательно его прочитал, попросил захватить все необходимые

дела по интересующему вопросу. Утром мы отправились к командующему.

Кабинет генерала был просторен. Сам он сидел за столом и просматривал газету «Камчатская правда». Пригласил нас к столу и углубился в чтение. Я внимательно рассматривал его. Он был среднего роста, плотен, лицо с живыми глазами и довольно пышными усами так и отдавало добродушием и какой-то хитринкой. Вошли командир дивизии генерал П. И. Дьяков, начальник штаба КОР полковник Воронов. Гнечко как-то просто и обыденно сказал: «Ну что, начнём?» Алентьев встал, приготовившись читать доклад. Гнечко прервал его: «Пусть старший лейтенант доложит своими словами, а мы послушаем, курите», — обратился он к присутствующим. Однако никто не закурил.

Кратко я доложил о том, что политико-моральное состояние частей дивизии крепкое, воинская дисциплина поддерживается на высоком уровне, подтвердил это фактическими данными. Гнечко спросил: «Выходит, у тебя, старший лейтенант, нет нарушителей дисциплины?» Генерал Дьяков улыбнулся. Я доложил об имеющихся фактах нарушений, сделал вывод и сообщил о мерах, проводимых по утверждению уставного порядка. «Ну, хорошо, — сказал Гнечко и кивнул в мою сторону, — вы свободны». Часа через три пришёл в политотдел Алентьев. «Ну, как?» — спросил я его. «Ничего, генерал доволен, заканчивая совещание, подытожил, что политотдел хорошо знает состояние дел в частях».

Вскоре решили провести пятую дивизионную конференцию. Мы, политотдельцы, — В. И. Гетманов, А. С. Рожков, В. А. Кот и другие — с головой ушли в дела, готовили доклад, проекты резолюций, решали множество организационных вопросов. Участие командующего в работе конференции требовало от нас особой ответственности. Здесь присутствовали также первый секретарь обкома партии И. Ф. Петров, секретарь К. М. Чуйко.

Перед выступлением Гнечко делегат конференции, секретарь партийной комиссии майор Фёдор Иванович Кузьмин,

внёс предложение, чтобы генерал рассказал о себе. Гнечко был скромен и краток: «Родился на харьковщине в крестьянской семье, работать начал с тринадцати лет. Когда подрос, трудился на шахте. С 1918 г. служил в Красной Армии, воевал в гражданскую рядовым. В 1922 г. окончил пехотную школу в Одессе, в 1936 г. — военную академию».

Выступая, генерал поднял несколько важных вопросов организации боевой подготовки с учётом опыта войны: на фронте он командовал дивизией. Особое внимание обратил на отработку элементов управления, организацию взаимодействия родов войск, улучшение работы штабов, дал высокую оценку боеготовности частей дивизии. Он прямо сказал: «С такими бойцами и командирами мы решим любую боевую задачу!»

Выступление командующего было воспринято с воодушевлением. Помню, после этого в проект нашей резолюции пришлось внести существенные поправки.

В апреле или мае, точно не скажу, состоялись большие многодневные дивизионные учения. Штаб дивизии к этому времени окончательно покинул зимние квартиры и обосновался на западном склоне высоты 261,0. Приближение штаба к частям, находящимся на боевых позициях, внесло в их полевую выучку элемент конкретности.

Дивизионные учения отличались сложностью, большой маневренностью и разнообразием решавшихся задач. Однако во всём чувствовалось особое стремление к проведению наступательных действий. Особое внимание обращалось на обработку взаимодействия разных родов войск. На заключительном этапе наступления дивизии авиация провела прицельное бомбометание. В воздухе барражировали истребители. С побережья доносились глухие раскаты артиллерийских залпов — это береговая артиллерия отрабатывала свои огневые задачи.

Всё это вместе взятое произвело большое впечатление на солдат и командиров дивизии. Сказывалось ощущение нашей силы, больших боевых возможностей. Помню, мы подошли к группе сапёров, закончивших переброску моста

через горную речку. Мост был уже готов, бойцы прилегли на траву и курили. Молодой солдатик вдумчиво сказал: «Всех подняли, и моряков, и лётчиков». Боец постарше, с усами, ответил: «А ты как думал, все вместе самураев лупцевать будем! Батя знает своё дело», — с любовью завершил он.

В заключение учений командующий принял парад частей дивизии.

Вскоре мне пришлось увидеть генерала Гнечко совсем в иных условиях. Наш передовой отряд, состоявший из лучших боевых подразделений, в боевом содружестве с моряками и пограничниками дерзким броском захватил плацдарм на острове Шумшу, продвинулся вперёд и, получив подкрепления, завязал бой за овладение господствующими высотами 171,0 и 165,0. Боевой порыв десантников был беспредельным. Попытки японцев остановить, сорвать наступление силами танков и артиллерии были бесплодны, захват высот оказался решающим этапом, враг выбросил белый флаг.

И снова мы увидели нашего генерала. Он прибыл на остров для осуществления условий безоговорочной капитуляции японцев. Гнечко стоял у стола. Лицо его выражало твёрдость и достоинство. Угадывалась гордость за нашу армию, наших храбрых воинов. Он продиктовал условия безоговорочной капитуляции. Японцы хитрили, медлили, тянули время, но Гнечко был спокоен и непреклонен. Капитуляция подписана. Победа! Всеобщее ликование!

Действия наших частей по освобождению северной группы Курильских островов отличались чрезвычайно высокими темпами. Буквально за несколько дней большая группировка противника на островах Шумшу и Парамушир была разоружена и взята в плен. Почти одновременно были разоружены гарнизоны противника на островах Шиашкотан, Онекотан, Матуа. Наши войска прочно обосновались на островах, возвратив их навечно в состав земель нашего Отечества.

И во всех действиях частей чувствовалась твёрдая, непреклонная воля нашего командующего. Уже значительно позднее мы не раз обсуждали итоги морского десанта. Больше всего нас восхищало и даже удивляло, каким обра-

зом генералу Гнечко и его штабу удалось так добротно организовать взаимодействие частей дивизии с моряками, лётчиками, пограничниками. И за какие-то сутки без предварительных тренировок был сколочен огромный морской десант, состоявший более чем из пятидесяти кораблей и судов. Были сняты с боевых полевых позиций, погружены на корабли и в назначенный срок доставлены в район высадки боевые части и техника из Усть-Камчатска, Усть-Большерецка, Петропавловска, с мыса Лопатка!

Конечно, в этом проявились лучшие качества советских воинов, но ясно, что в успехе операции большую роль сыграл огромный военный опыт, авторитет и талант командующего, его умение организовать усилия различных родов войск, способность опереться на мобилизующее влияние политорганов и партийных организаций, тесная связь с Камчатским обкомом партии и Петропавловским горкомом, наконец, личное обаяние и огромная эрудиция. Нельзя забывать и того, что Гнечко был старшим военным начальником на Камчатке и таким образом нёс личную, персональную ответственность за выполнение приказа Ставки Главного Командования. За успешное выполнение боевого задания по освобождению северной группы Курильских островов от японских милитаристов, за проявленные при этом храбрость и мужество генерал-майору Алексею Романовичу Гнечко присвоено звание Героя Советского Союза.

Отгремели артиллерийские залпы, кончилась война. Но и в мирное время наш генерал нёс трудную службу воина. Он окончил академию Генерального штаба, был заместителем командующего округа. А когда в 1959 г. по состоянию здоровья ушёл в запас, продолжал вести большую работу по военно-патриотическому воспитанию. Был внимателен и отзывчив.

Скончался Алексей Романович в Москве в 1980 г.

Мы, участники десанта, воины 101-й стрелковой ордена Ленина дивизии, никогда не забудем светлый образ нашего генерала, нашего Бати.

ККМГИ 29588. Рукопись
ККМГИ 29591. Курильский рыбак, 29 августа 1981 г., № 103

Полковник Артюшин

Многие воины при осуществлении десанта по освобождению северной группы Курильских островов проявили смелость, героизм и самоотверженность. Среди отличившихся в боях с японскими захватчиками был и полковник Пётр Алексеевич Артюшин. О нём мне и хочется рассказать.

Ранним утром 16 августа Артюшина можно было видеть в полках дивизии. На этот раз его визит был короток: он имел задание подготовить их к десанту.

Командир 373-го стрелкового полка В. Г. Губайдуллин вспоминает: «Приехал Артюшин на рассвете, передал приказ поднять полк по тревоге и в полном составе с комплектом боезапаса подготовить людей и технику к маршу и совершить посадку на корабли. Когда я у него спросил о причинах поспешности, Артюшин доверительно сказал, что готовится десант на Курилы, а цели и задачи уточнятся позднее».

Подняв полки, Артюшин с головой ушёл в работу. Надо было проследить, чтобы приказ был выполнен без лишней суматохи, чтобы части шли в десант с максимальной боеготовностью. К этому времени он уже знал, что назначен командиром первого эшелона главных сил десанта.

На рассвете 18 августа, когда корабли первого эшелона приблизились к острову Шумшу, там уже шёл бой на подступах к высоте 171,0. Артюшин знал, что отряд Шутова, высадившийся ранее, невелик и имеет только лёгкое оружие. Потому и решение его было таково: быстрее начать высадку полка, поддержать и закрепить успех людей первого броска.

Противник вёл бешеный артиллерийский огонь. Несколько судов передового отряда, не успевших отойти в море, горело. Промедление было гибельным. Путь оставался один — только вперёд, на сушу. Смело и решительно бойцы бросились в воду и стали добираться до берега. Море кипело от взрывов. Несколько шлюпок разбили разрывы снарядов.

Поняв, что дело идёт успешно, Артюшин сам вместе с Губайдуллиным и командиром 279-го артполка майором Тарасовым благополучно достигает берега. Теперь

вперёд! Роты развёртываются в боевой порядок и переходят в наступление. С выгрузкой артиллерии возникает задержка, но медлить нельзя.

В ходе боя полковнику Артюшину пришлось решать немало задач. Но главное он видел в немедленном продвижении вперёд, чтобы закрепить успех, не дать противнику опомниться. Одновременно Артюшин решал и другие задачи: устанавливал связь с командирами, принимал меры к укреплению флангов, подтягиванию артиллерии. Он поддержал боевую инициативу начхима дивизии майора А. Н. Курбатова — блокировать мыс Кокутан-Саки с суши.

К этому времени командир десанта с оперативной группой штаба ещё не высадился, и как старший по званию, полковник Артюшин все вопросы решал сам. Работая в экстремальных условиях, в непросохшем обмундировании, под разрывами снарядов вражеской артиллерии, полковник сохранял самообладание, ясность мышления и личное бесстрашие. Когда в бою за высоты 171,0 и 165,0 противник пытался обратиться через офицеров-парламентёров с просьбой приостановить сражение, его ответ был краток и решителен: «Только безоговорочная капитуляция!»

Принимая парламентёров, он проявил твёрдость, показал высокое достоинство и честь советского офицера, позаботился о своей внешности и не пошёл на встречу, пока не побрился, не начистил сапоги.

Позднее, после капитуляции противника на острове Шумшу, Артюшин проявил высокую организованность и боевую активность. С небольшой группой офицеров он прибыл в штаб генерала Цуцуми Фусаки и потребовал разоружить части противника, дислоцированные на острове. Убедившись, что японцы сложили оружие, он организовал их конвой и охрану. Незамедлительно переправившись через Второй Курильский пролив, Артюшин принял капитуляцию японцев на острове Парамушир. Он же совершил на корабле «Дзержинский» рейс по штормовому океану и принимал капитуляцию японского императорского полка на острове Матуа.

Пётр Алексеевич был честным сыном Родины, коммунистической партии, верным солдатом Великого Октября. Выходец из семьи московского рабочего, он не мыслил себя без верного и беззаветного служения своему народу. В 1918 г. он — кремлёвский курсант-пулемётчик. Пётр Алексеевич видел и слушал В. И. Ленина, охранял Кремль. С 1919 г. — член коммунистической партии. А потом — длительная и напряжённая служба. Артюшин мужал и набирался военного опыта вместе с ростом и укреплением Красной Армии. За плечами служба на разных должностях, начиная от командира взвода до командира полка.

В этой должности Артюшин сосредоточивает все усилия на боевой подготовке. Он отлично знал и умело вёл полковое хозяйство. У него всё было в порядке: и склады, и столовая, и казармы. Заботу о людях полковник всегда ставил на передний план. Он умел опереться на своих заместителей, на штаб. Все работали с воодушевлением, с охотой. Командир полка любил партийно-политическую работу, сам принимал в ней активное участие. В этом деле у него были замечательные помощники: замполит подполковник Фарштатов, признанный в дивизии мастер воспитания бойцов, молодой парторг В. А. Кот, энергичный комсорг Саша Петрик. Любил полковник потолковать с бойцами. Для молодых воинов он был живой легендой...

Таким и остался в памяти ветеранов дивизии, участников десанта, полковник Артюшин, первый комендант острова Парамушир.

КОКМ ОФ 33369/13
Курильский рыбак, 3 сентября 1983 г., № 106

Полевой майор

Впервые про Петра Ивановича Шутова мне довелось услышать в начале 1943 г. на совещании политсостава в политотделе дивизии. Выступал бригадный комиссар Шаров. В этот период в дивизии проводились крупные организационные мероприятия, непосредственно влияющие на повышение её боевой мощи.

Как ни тяжело было положение в стране, как ни трудна обстановка на фронтах борьбы с фашистскими захватчиками, партия ни на минуту не забывала о нас, воинах-дальневосточниках, бдительно охранявших восточные рубежи страны и готовых в любую минуту дать отпор японским милитаристам. Камчатка получила большое количество новейшего вооружения: противотанковые ружья, автоматы, автоматические винтовки, скорострельные станковые пулеметы, миномёты.

Дивизия усиливала полки, формировала новые подразделения. Если ранее стрелковый батальон имел три стрелковые роты и пулемётный взвод, то теперь в нём, кроме стрелковых рот, вооружённых автоматическими винтовками и автоматами, были ещё миномётная и пулемётная роты и рота противотанковых ружей. Огневая мощь роты, батальона, полка неизмеримо возросла.

На упомянутом совещании речь шла о подборе и расстановке кадров. Комиссар Шаров, человек решительный, волевой, пользовался в дивизии большим авторитетом и влиянием. Выступая, он, между прочим, раскритиковал кадровиков: «Захожу я в штаб тыла. Смотрю, сидит майор Шутов, корпит над бумагами. Спрашиваю: что делаешь? Да вот, говорит, отрабатываю сводную ведомость на потребное количество картофеля, моркови, капусты и огурцов. Оказывается, наши кадровики додумались лучшего строевого командира посадить за бумаги, считать огурцы!»

П. И. Шутов прибыл на Камчатку в 1940 г. Сначала был начальником штаба 302-го стрелкового полка, где проявил себя прекрасным организатором боевой подготовки и внутренней службы. А в 1942 г. его назначили начальником штаба тыла дивизии.

Возмущению комиссара не было предела, и в 1943 г. Шутова перевели заместителем командира стрелкового полка. Тут-то в полной мере и проявились его прекрасные командирские качества. Развёртывание полка, образование новых подразделений, получение современного вооружения выдвигали новые задачи в боевой подготовке. Кроме

прочего, к этому времени в дивизию поступил новый боевой устав пехоты. Он был отработан с учётом опыта, родившегося в тяжких сражениях Великой Отечественной войны.

Устав включал много нового. Изменялся характер боевых порядков в наступлении, они становились более гибкими, максимально учитывали использование сосредоточенного огня и особенностей местности. По-иному усматривалось место командира в бою. Высокие требования предъявлялись к организации обороны. Командир должен быть мастером эффективного использования огневой мощи своего подразделения, а также средств поддержки и усиления.

В полку почти непрерывно шли учебные сборы командиров рот, взводов, сержантского состава. Воины настойчиво изучали новое оружие, новые тактические приёмы. Стрельбище не знало отдыха. Отрабатывали огневые задачи пулемётчики, автоматчики, миномётчики, стрелки. С утра до вечера раздавались пулемётные очереди, гулкие выстрелы. С раннего утра до позднего вечера среди бойцов и командиров находился майор Шутов.

Но подлинной его страстью, можно сказать, увлечением, была тактика. Высокий, подтянутый, худощавый, с обветренным от постоянного пребывания на воздухе лицом, он, кажется, без устали шагал и шагал на маршах, в боевых порядках воинов и везде непрерывно учил. Учил, как маскироваться, как окапываться, как вести огонь. Бойцы так и прозвали Шутова: полевой майор.

Прекрасная военная подготовка, творческий подход особенно проявлялся при проведении занятий с командирами. Соберут, бывало, нас, появляется Шутов. Ну, всё ясно: идёт ли дождь или снег — всё равно на весь день в поле!

Новые уставы, новое оружие предъявляли к командиру высокие требования. Командир обязан правильно оценить остановку, принять грамотное решение с учётом всех особенностей, отдать боевой приказ и организовать его выполнение на всех стадиях боя. Шутов был великолепным методистом. Он требовал всё отрабатывать практически на местности, с массой дополнительных вводных.

Когда поступил приказ на проведение десанта по освобождению Курильских островов, кандидатура командира передового отряда, отряда захвата плацдарма, была одна: майор Шутов.

В передовой отряд вошли: две роты автоматчиков, рота противотанковых ружей, сапёрная и миномётные роты, взвод химиков. Кроме того, отряд усилили двумя ротами военных моряков под командованием майора Почтарёва и ротой пограничников.

Отряд погрузился на четыре десантных судна и на рассвете 17 августа в сопровождении военных кораблей покинул причалы Петропавловского порта.

Крупная морская десантная операция по разгрому японских войск на северной группе Курильских островов, проведённая под командованием генерал-майора А. Р. Гнечко, увенчалась полным успехом. Разбив основные силы японцев на острове Шумшу, наши войска принудили их к безоговорочной капитуляции. Успех операции был обеспечен оригинальностью замысла командующего, совместными героическими действиями пехоты, моряков, лётчиков, пограничников и моряков гражданского флота.

Большой вклад в успех операции внесли решительные, дерзкие действия передового отряда под командованием майора П. И. Шутова. Советское правительство высоко оценило действия участников десанта: 101-я стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина, а за умелые решительные действия во главе передового отряда десанта, за проявленные при этом храбрость и мужество майору П. И. Шутову присвоено звание Героя Советского Союза.

Прошло много лет. После демобилизации из рядов Советской Армии моя семья осталась жить в г. Львове. При совершенно случайных обстоятельствах здесь удалось повстречаться со своими однополчанами — участниками десанта: замполитом передового отряда подполковником В. А. Кот, Героем Советского Союза, и командиром пулемётного взвода Н. Т. Поповым.

С новой силой возобновилась наша старая боевая дружба. В торжественные праздники — Дни Победы над фашистской Германией и милитаристской Японией — наши семьи собирались вместе. Воспоминаниям не было конца.

Однажды, придя с работы, я нашёл дома записку от В. А. Кот: «Сергей! Приходи, у меня Петро Шутов». Сборы были недолги, и старые боевые друзья снова вместе. Шутов взволнован: «Вот, решил повидаться с вами, посмотреть древний Львов». Не менее взволнованы были и мы, и наши боевые подруги. Два вечера, проведённые с дорогим гостем, пролетели, как мгновение.

Уютно устроившись в уголке дивана, Пётр Иванович вспоминал:

— Вы знаете, после получения боевого приказа я времени не замечал. Ведь в моём распоряжении имелось менее суток, а задача была так необычна. Надо и отряд подготовить, и обстановку хорошо уяснить. Дел было по горло.

— Но как всё-таки развивались события? — спросили мы.

— Пожалуй, в деталях, спокойно и всесторонне продумать возможные варианты высадки удалось уже на корабле. Переход отряда кораблей прошёл благополучно, погода нам благоприятствовала, океан был спокоен. Моряки — молодцы, провели корабли замечательно, а ведь шли без огней, только слабо мерцали кормовые сигналы. Перед посадкой мне удалось собрать всех офицеров десанта, и мы кратко, но конкретно договорились, что ещё необходимо сделать для обеспечения успеха.

— А скажи, Пётр Иванович, дело прошлое, поджилки-то всё же тряслись? Ведь ты не знал, сколько японцев на острове, как они вас встретят?

— Знаешь, Сергей, о себе я не думал и был уверен, что задачу по захвату плацдарма мы решим. Народ в отряде боевой, своих бойцов я знал хорошо, в храбрости моряков сомнений не было.

Японцы здорово прохлопали. Когда корабли подошли к острову, стояла мёртвая тишина. Океан только начал просыпаться, туман медленно пополз вверх, и остров будто

сбросил одеяло. Берег был перед нами, началась энергичная высадка. Правда, кое-кто из бойцов не решался прыгать в воду, но твёрдая воля командиров сделала своё дело. Японцы очухались, когда почти весь отряд был на берегу. Артиллерия врага прямой наводкой ударила по кораблям. Вокруг рвались снаряды, осколком мне оторвало два пальца на левой руке, но боли я не почувствовал. Обмотал руку носовым платком, бросился вплавь и вылез на берег. Понял: нельзя терять ни одной минуты. Надо признаться, что на берегу сумятицы было немало, но в короткое время решительными командами боевые порядки были восстановлены. Рота моряков — на левом фланге, рота автоматчиков — на правом, остальные — в центр. Вперёд!

Когда через час отряд почти без напряжения продвинулся не менее чем на два километра, обратив в бегство японских солдат, находившихся в казармах вблизи восточных скатов высоты, я понял, что пока противник не пришёл в себя, надо решительнее продвигаться вперёд и захватить высоту 171,0. Но не тут-то было. Противник уже опомнился, сопротивление нарастало. Японцы ввели в действие артиллерию, танки. Когда я поднял одну из рот в атаку, меня как дубиной огрело: японская пуля пробила мне грудь навылет. Попытался продолжать командовать, но почувствовал, что силы тают. Передал командование начальнику штаба, а самого понесли на носилках. В сознании было одно: задача выполнена!

Да, жаль погибших боевых товарищей, но кровь пролита недаром: Курилы навечно наши!

Пётр Иванович оживился:

— А знаете, друзья, ведь я был на Камчатке и Курилах! Приглашали на День Победы. На остров Шумшу высадились там же, где когда-то десант. Народу было много, даже ковровую дорожку постелили. Это были волнующие минуты!

Как-то осенью, года через два после встречи во Львове, я находился по делам службы в Москве. Мне удалось заехать к полковнику в отставке Шутову. Нажал на кнопку,

раздался мелодичный звук звонка. Дверь открыл хозяин. Он также строен, сухощав, только плечи чуть-чуть подались вперёд, выдавая небольшую сутулость. Небольшая трёхкомнатная квартира выглядела уютно. Супруга Галина Ивановна накрыла нам стол и отправилась куда-то по делам. Придвинув ко мне тарелку с ломтиками румяного, лоснящегося жиром балыка, Пётр Иванович приговаривал:

— Угощайся, рыбка-то с Курильских островов, я ведь был недавно там, пригласили воины-дальневосточники...

Наш однополчанин майор в отставке Николай Тимофеевич Попов в дни пребывания Шутова во Львове (1 октября 1969 г.) написал посвящённое ему стихотворение «Битвы Курильской герой»:

Битвы Курильской герой,
Твои сослуживцы гордятся тобой!
Твой доблестный подвиг жить будет в веках,
Потомки расскажут о славных делах.
О том, как мы вплавь окружали Шумшу,
Огонь неприятеля пенил волну.
Как ты среди нас первым ринулся в бой,
За Родины честь всех увлёк за собой.
И шли мы, босые, в одежде сырой
На штурм укреплений, на шквал огневой.
Вражьи танки наш натиск сломить не смогли,
Наше мужество, стойкость броню их прожгли.
В жестоком бою друзья пали не зря:
На сопках седых засияла заря!
Над Курильской грядой был развеян туман.
Свободными стали пути в океан.

ККМГИ 29581. Рукопись
КОКМ ОФ 33743/19. Курильский рыбак, 23 февраля 1982 г.

Коммунист, политбоец, воин

Передо мной лежит пожелтевший лист бумаги, вырванный из какой-то деловой книги. На нём наскоро, карандашом, написано: «Моя милая Анюта, мои милые детки! Целую. Желаю благополучия. Жив, здоров. Нахожусь в боях

с момента отплытия. Если есть чудо, то надо в него верить. Японская сволочь, коварная и злая, продолжает творить своё гнусное дело. Многих друзей уже нет. Конечно, победа будет за нами...»

Письмо написано А. С. Рожковым 21 августа 1945 г.

Вспоминаю Александра Степановича Рожкова. В дивизию он пришёл из аппарата Камчатского обкома партии. Общительный, живой, добродушный. Для политотдела его появление было настоящей находкой.

Перед работниками идеологического фронта в то время стояли важные задачи. Необходимо было широко и доходчиво разоблачать человеконенавистническую идеологию фашизма, его теорию грабежа и убийств. Было необходимо воспитывать жгучую ненависть к захватчикам, которые топтали нашу священную землю, жгли, разрушали города и сёла, убивали, терзали советских людей на временно оккупированной земле.

В частях дивизии его встречали всегда доброжелательно, с радостью. Замечательные, яркие, хорошо аргументированные историческим и фактическим материалом лекции и доклады Рожкова бойцы и командиры слушали с большим увлечением. Такие выступления оставляли в их душах глубокий след.

На Камчатке он был не новичок. Его хорошо знали в партийных организациях и трудовых коллективах Петропавловска и уже в годы военной службы тоже часто приглашали для чтения различных лекций.

У капитана Рожкова была хорошая семья. Супруга Анна Матвеевна, москвичка, — статная, стройная русская красавица с открытым лицом, рассудительная и ласковая, нравилась всем истинно русским гостеприимством и доброжелательностью. Оба безгранично любили своих дочек Элеонору и Римму. Элеонора уже училась в школе, была отличницей. Крошка Сима родилась во время десанта.

И вот ещё строчка из коротенького письма от 24 августа: «Японцы уже не сопротивляются, сдаются тысячами в плен, многих друзей уже нет. Погиб Гетманов Вася.

Сходи к Гетмановой Полине, раздели её горе, успокой её. Мы с Серёжкой (так он называл меня), Васей Кот, Игнатовским погрустили о нашем славном боевом товарище. Вася Кот у нас герой. Я горд сознанием того, что мы победили. Какая торжественная минута! Как она была бы приятна нашим родителям...»

Отец Рожкова — Степан Михайлович — участвовал в русско-японской войне, сражался под Мукденом и вернулся из-под Порт-Артура без правой руки. «На глазах у нас блестели слёзы радости, — вспоминает Анна Матвеевна о встрече с мужем после десанта. — Мы обнялись. Саша расцеловал детей, и первое, что он сказал, было: "Я рассчитался за отца, за его поражение, мы победили!"»

Нелегко давалась военная служба Александру Степановичу, Саше, как мы в политотделе называли его. Помню, вскоре после злодейского нападения фашистской Германии и начала Отечественной войны у нас в 279-м артполку появилась группа политработников, призванных из запаса. Среди них были Рожков, Гетманов, Акшинский, Сучков. Им следовало пройти стажировку, ознакомиться с организацией боевой учёбы и партийно-политической работы. Это были хорошие люди, настоящие коммунисты. Их стремление войти в курс армейской службы было огромным. Они упорно с утра до вечера под руководством опытных командиров изучали тактику, оружие, отличались серьёзным отношением к делу.

Комиссар полка батальонный комиссар С. Я. Новак привлёк их к активному участию в политической работе среди бойцов. Они выступали на батареях с лекциями и докладами. Бойцам и командирам особенно нравились их рассказы о Камчатке, её природе, климате, рыбных запасах Охотского моря и Тихого океана, о крабовом промысле, вулканах. Политрук Рожков уже в первые дни пребывания в полку прочитал несколько замечательных лекций для актива по вопросам марксистской философии.

Тяжеловато приходилось запасникам в походах и на ученьях. Александр Степанович был старше нас, он ро-

дился в 1907 г., и ему уже тогда шёл четвертый десяток. Мужчина он был крупный, тяжеловатый, и в армейском обмундировании, с оружием, противогазом, ранцем ему было в походах несладко. Когда на марше лил проливной дождь, всё становилось тяжёлым, особенно уставали натруженные ноги, вязнувшие в грязи. Но добродушие никогда не оставляло Рожкова. Разувшись где-нибудь на привале и потирая усталые ступни, он шутил: «Ничего, ничего, вот втянемся в службу, подтянем животы, и тогда всё пойдёт хорошо».

В политотделе дивизии, куда Рожкова назначили для прохождения службы пропагандистом, политрук чувствовал себя уверенно. Его жизненный опыт, эрудиция создали ему заслуженный авторитет среди коллег. К этому времени он уже не отличался от кадровых военных. Хорошо ходил на лыжах, неплохо стрелял из пистолета.

Мы, молодые инструкторы, любили Рожкова как родного отца. Нас покоряли его обширные знания и необыкновенная доброта. Для работы в частях мы всегда выезжали группой, зачастую со штабными командирами. Пока, бывало, идёт проверка состояния дисциплины, быта и учёбы, обсуждаются вопросы организации партийной и политической работы, Рожков и агитаторов соберёт, и с редакторами стенных газет побеседует, и несколько лекций прочитает для бойцов и командиров.

Нас необыкновенно трогала его забота о семье, о детишках. Однажды на совещание в политотделе в кабинет начальника он пришёл прямо с занятий в подразделениях тыла. Когда деловые вопросы были решены, мы заметили у Рожкова непомерно раздувшуюся полевую сумку. Кто-то шутливо спросил: «Гранаты?»

Рожков деловито достал маленькие ботиночки и, нежно держа их в руках, сказал: «Вот наши сапожники обувку Риммочке починили». Все улыбнулись, стало как-то теплее от проявления этой отцовской заботы.

Кстати, о детях. Любимый сын, первенец Леонард, умер рано и похоронен на кладбище около Елизово. Как Рожковы хотели иметь сына! Но рождались дочери. Истинно отеческое

отношение к детям принесло добрые плоды. Старшая Элеонора жила в Москве, работала научным сотрудником института геологии. Вторая дочь, Римма, окончила Новосибирский университет, трудилась в Академии наук Молдавии. Сима работала на заводе «Сигнал» в Кишинёве, Наташа — в Москве на авиационном предприятии.

Щедро отдавал работе и семье свои знания, опыт и любовь Рожков. А за плечами было немало: школа, рабфак, институт красной профессуры и активная комсомольская и партийная работа там, куда посылала его партия — в Ашхабаде, Архангельске, на Амурской флотилии и Камчатке.

В день получения боевого приказа на десант А. С. Рожков находился в своей землянке на высоте 261,0, готовился к занятиям с офицерами штаба. После короткого совещания в политотделе, где был доведён смысл боевой задачи, полученной дивизией, направился в 373-й стрелковый полк: требовалось лично встретиться с политработниками, оказать им помощь. Задача предстояла сложная, необычайная по замыслу и способам осуществления. А время для сосредоточения полка было в обрез, считанные часы.

Вечером Рожков докладывал: «Всё идёт хорошо, задача воспринята с энтузиазмом. Полк сосредоточен и готов к маршу для посадки на корабли».

К месту высадки шли на десантных судах. Партийно-политическая работа велась непрерывно. Бойцам напомнили военную присягу. Тут же ознакомились с памяткой десантнику. Собирали коммунистов, беседовали с комсомольцами. Призыв был краток: действовать смело, решительно, совершить быструю высадку на остров и, закрепившись на плацдарме, двигаться вперёд, не давая противнику опомниться. Выявили бойцов, не умеющих плавать, в каждом отделении прикрепили к ним хороших пловцов. Сделали расчёт для посадки людей на шлюпки. Как было дальше, рассказывал сам Рожков при моей с ним встрече на острове:

«Корабли шли в кильватерной колонне с потушенными огнями, ориентируясь на кормовой сигнал. На палубе — наблюдатели, дежурные расчёты для ведения огня по само-

лётам противника. Океан спокоен, кругом тишина. Ночью почти никто не спал. Бойцы тихо переговаривались. О чём? Много о чём может передумать боец в ночь перед первым боем. Командиры ещё и ещё раз продумали детали высадки. Договорились с командой корабля до подхода к месту высадки заранее подготовить шлюпки, чтобы можно было быстрее спустить их на воду. Рано утром услышали глухие мощные залпы артиллерии, поняли, что по острову бьёт береговая артиллерия с мыса Лопатка. Рассветало, уже появились очертания острова Шумшу, слышалась артиллерийская стрельба. Командиры распорядились подготовиться к высадке. Решено на шлюпки не рассчитывать, высаживаться прямо с борта. Остров приближался. В районе высадки видим несколько наших кораблей, один из них объят огнём.

Наступает решающий момент. Капитан принимает решение, и судно полным ходом устремляется к берегу. Удар. Машины ещё работают, корабль мелко дрожит, но стоит на месте, сев носом на грунт. До берега метров пятьдесят. Бойцы, сержанты смело устремляются вперёд и через низкие борта прыгают в воду, плывут к берегу. Я всё время на палубе. Подбадриваю бойцов, тороплю их. В корму — попадание снаряда, взрыв, корабль дрогнул. Страха нет, хочется скорее идти вперёд. Кричу бойцам: “Быстрее, там, на берегу, наши!” Вижу, как первые уже вышли на сушу, заметил, что некоторых бойцов накрыла волна прибоя. Снова взрыв. Одну шлюпку по правому борту разбило, и её остатки повисли на блоках. Но что это? Около палубных надстроек жмётся группа солдат, человек двадцать. Узнаю: это — не умеющие плавать. Даю команду сесть в шлюпку по левому борту, где под прикрытием корпуса корабля безопаснее. Бойцы разместились в двух шлюпках. Сам берусь за вёсла.

Море кипит от разрывов, страшный грохот. Когда до берега оставалось совсем близко, взрывом снаряда нашу шлюпку опрокинуло. Опомнился в воде, в глазах темно, сильная боль в затылке. Я не боялся воды, родился близ Горького, рос на реке, плавал отлично, и это пригодилось.

Вокруг в воде барахтались бойцы. Опомнившись, кричу: “Вперёд, к берегу!” Выплыл, выплыли и бойцы. Мешкать некогда было, вперёд, там бой...»

Всё время до капитуляции врага Рожков находился на переднем крае в боевых порядках. Словом и примером подбадривал бойцов, вселяя в них уверенность в нашей победе. За проявленную храбрость, решительные действия при высадке десанта он был награждён орденом Отечественной войны первой степени.

Позднее, рассказывая в политотделе о героизме бойцов и командиров, жаловался: «Болит голова, здорово меня стукнуло». Мы простодушно смеялись: ничего, мол, пройдёт, счастливец — шишками отделался. Но всё оказалось значительно серьёзнее. И хотя наш боевой друг оставался в строю и после выезда с Курил ещё много и плодотворно работал в политотделе Молдавского военного комиссариата, контузия, полученная при высадке, дала о себе знать. Какие-то повреждения оказались необратимыми, приступы болезни всё учащались, и 25 декабря 1972 г. подполковник Александр Степанович Рожков скончался...

ККМГИ 29584. Рукопись

Парторг полка

...Раскрывая небольшую книжицу в скромной красной обложке, ветераны задумываются. Их мысли возвращаются к скалистым берегам Курильских островов, снова и снова в памяти всплывают события десанта...

На обложке фамилия автора — Акшинский. Не все знают его близко, и мне хочется кратко написать о своём друге-однополчанине. Он — парторг 279-го артиллерийского полка, активный участник десанта.

В 1942 г. наш полк основательно окопался на шестом километре по дороге из Петропавловска в Елизово. Батарейцы расположились в просторных землянках, оборудовали артиллерийские парки. И если бы не здание клуба, сработанное артиллеристами и стараниями батальонного

комиссара С. Я. Новака, то зимой, под глубокими снегами, полка никто бы и не заметил.

На западе шли тяжёлые бои. А мы учились. Учились стрелять, совершали ночные марши. Зимой — все на лыжах. Многие рвались на запад — туда, где решалась судьба Родины. Но всех энтузиастов ставили на место. А один боец, решившийся самовольно двинуться на советско-германский фронт, был снят с корабля и попал в дисциплинарную роту.

Весной 1942 г. в полку появился новый командир — старший лейтенант Василий Семёнович Акшинский, избранный по рекомендации политотдела парторгом полка. Мы знали, что он был редактором областной газеты «Камчатская правда», но особенно этому не удивились: тогда многие гражданские надели воинские гимнастерки.

Меня, молодого комсорга полка, неодолимо влекли обаяние и широкая эрудиция парторга. Да и партийные дела у нас пошли веселее, он вносил в них немало нового. Помню, как с большим интересом прошло полковое собрание с обсуждением вопроса «О советском патриотизме». Здесь В. С. Акшинский сделал яркий увлекательный доклад. Наши повседневные дела он умело связывал с историей этого глубокого, гордого чувства. Как-то особенно, по родному, прозвучали имена Ивана Сусанина, Кузьмы Минина. Коммунисты почувствовали себя соучастниками великого дела. Среди многочисленных, трудных повседневных забот В. С. Акшинский не порывал с литературой, поэзией. Выступая о текущем моменте, он будил сознание бойцов яркими словами стихов Маяковского. Не раз поздним вечером он зазывал меня и моих товарищей к себе в землянку и читал свои новые стихи.

Частенько на семинарах политработников и комсоргов мы просили Василия Семёновича выступить. Он поднимался на трибуну и говорил о Маяковском, Асееве, Есенине, на память читал их стихи. Аудитория смолкала, проникалась вместе с оратором новыми, волнующими чувствами.

Работая в политотделе, я узнал те события из жизни Акшинского, о которых раньше он никому не рассказывал.

Василий рос, учился и работал, мужал вместе с нашей советской страной, полной чашей хлебнул трудностей. Был землекопом, грузчиком, молотобойцем, матросом. Пытливо осматривался, изучал жизнь народа и с неукротимым энтузиазмом боролся за всё новое. Он — ворошиловский стрелок, значкист ГТО, парашютист, получил звание инструктора парашютного спорта.

Надо было учиться. Учёба в те годы по призыву партии стала всеобщей заботой, всеобщим увлечением. В 1930 г. Василий Семёнович окончил Хабаровский педагогический техникум. Говорил, что по ночам ему снился институт. Но сказали — надо поработать, попросился на Камчатку. И вот — далёкий полуостров. Изрядная глухомань: западный берег, рыбацкое село Привольное. Здесь работал вначале учителем, затем заведовал начальной школой.

Рыбаки полюбили своего учителя. В зимние вьюжные вечера охотно шли в школу, слушали его рассказы, стихи. Вскоре (хотя районо и сопротивлялось) Василия назначили редактором одной из районных газет. И на журналистской работе мечта об институте не оставляла его. Но вскоре новое назначение — редактором областной газеты «Камчатский комсомолец». В Петропавловск он пошёл на лыжах, преодолел триста километров. Это был персональный агитационный лыжный поход по ранее нехоженому маршруту.

В «Камчатском комсомольце» забот хватало. Кадров недоставало, штат наполовину сокращён. Был Акшинский и наборщиком, и корректором, а поздно ночью вся комса бралась за веники и тряпки — сами убирали редакцию.

В 1940 г. В. С. Акшинского назначили редактором областной газеты «Камчатская правда», было ему тогда всего двадцать восемь лет!

Когда грянула война, просиживание в редакторском кресле показалось ему слишком спокойным занятием. Попросился на фронт раз, другой — не отпускают. Побеседовал по-дружески с членами бюро Камчатского обкома партии. Поняли его товарищи, и в очередной раз на просьбу бюро

дало согласие. Только на западный фронт не попал — оставили Акшинского здесь же, на Камчатке, парторгом полка...

Во время боя за Шумшу Василий Семёнович обеспечивал высадку второй батареи. Под огнём разгрузили пушки, выдвинули их на боевые позиции. А рядом шёл бой: гибли боевые друзья, да и самого его от смертельного осколка случайно предохранил автоматный диск. Орден Красной Звезды, медаль «За победу над Японией», благодарность Верховного Главнокомандующего — таковы его награды Родины за мужество и героизм в десанте.

После боёв — демобилизация, работа на Сахалине и, наконец, — долгожданная учёба в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. После — длительная поездка с советской миссией в Китайскую Народную Республику, а потом ответственная, интересная, содержательная работа в аппаратах ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР.

Дни летели стремительно. Но Василий Семёнович не расставался с пером. В 1966 г. в издательстве «Советская Россия» выходит сборник его стихов «Края рассветные». Совместная работа, общение с выдающимися деятелями партии и государства дают ему пищу для размышлений. В 1974 г. «Политиздат» выпускает книгу новую В. С. Акшинского — «К. Е. Ворошилов — биографический очерк». Книга об этом народном герое, легендарном полководце многократно переиздаётся. В 1987 г. в издательстве «Плакат» выходит работа «К. Е. Ворошилов — жизнь и деятельность в фотографиях и документах». Книги В. С. Акшинского идут нарасхват, переиздаются в республиках.

Кажется, так много сделано, теперь можно дать себе передышку. Но не таков наш боевой товарищ. С августа 1945 г. он не находит себе покоя. Надо, обязательно надо написать о Курильском десанте, о его героях. Время идёт, надвигается старость, нельзя расслабляться. Начинается активный поиск в архивах, живых очевидцев десанта.

Никто не считал, сколько бессонных ночей прошло за анализом огромной переписки, сопоставлением фактов, эпизодов, уточнением имен героев. И вот результат этого

напряжённого труда: увидела свет книга под названием «Курильский десант».

Родился Василий Семёнович под счастливой звездой — 9 мая. В 1985 г., в 40-летие Победы, ему исполнилось семьдесят три года. Но не оскудевает энергия ветерана — рождаются новые замыслы...

ККМГИ 29586. Рукопись
КОКМ НВФ 3858. Курильский рыбак, 9 мая 1985 г., № 56

Капитан Гетманов

Семья капитана Гетманова после его гибели переехала в Петропавловск-Камчатский. Полина Ивановна работала в редакции «Камчатской правды», позднее уехала на материк. Она скончалась в Омске в 1956 г., дети — двое сыновей — попали в интернат. Один где-то сейчас в Узбекистане, а другой — в Харькове. Сестра живёт в Евпатории. Послал ей книгу «Курильский десант», сыну в Харьков — готовую публикацию.

Данные о подвиге капитана Гетманова для книги «Курильский десант» я дал полностью. По моему же настоянию он был представлен к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени. Часто скорблю о гибели друга Василия Ивановича Гетманова, слёзы непроизвольно катятся из глаз, когда о нём вспоминаю.

20 сентября 2001, г. Львов

...Решил, что расскажу о моём друге, однополчанине Василии Ивановиче Гетманове. Несколько раз брал в руки перо... и одолевали сомнения. Найду ли нужные слова, смогу ли, как надо, рассказать о подвиге, в котором человек, коммунист, воин, презрел смерть во имя Победы...

Вскоре после мобилизации в армию группы коммунистов, партийных работников Камчатки, направленных на укрепление партийного и политического аппарата частей, политрук В. И. Гетманов, бывший инспектор Петропавловского горкома партии, зарекомендовал себя как деятельный, принципиальный коммунист-политработник.

Назначенный пропагандистом политотдела дивизии, он проявил себя настоящим политбойцом. В его выступлениях и лекциях всё было пронизано глубоким пониманием дум и чаяний бойцов, горячим призывом к героизму во имя защиты завоеваний Великого Октября. Бойцы и командиры любили слушать его.

Получив назначение в политотдел дивизии, мне пришлось близко узнать Гетманова, более того, мы стали друзьями. Из коротких воспоминаний в минуты досуга моего друга, комсомольца тридцатых годов, задолго до начала Отечественной войны вступившего в ряды партии коммунистов, запомнились его рассказы о славных трудовых делах рыбаков Камчатки и комсомольцев. Одно время Гетманов был инструктором Корякского окружного комитета комсомола. Мы заслушивались его рассказами о жизни и быте коряков, чукчей, этих смелых, но сильно отсталых в ту пору народах Севера. Он говорил, как комсомольцы садились на оленьи или собачьи упряжки, презирая опасность, подстерегающую их, мчались на сотни километров в тундру, стойбища и там терпеливо несли кочевым народам слова правды. Они организовывали красные яранги, боролись за раскрепощение коряков и чукчей от влияния шаманов, знахарей, становились учителями, первыми несли им слова «партия», «Ленин», «Москва».

Гетманов увлекательно рассказывал о тяжёлом труде оленеводов, промысле морского зверя.

Василий Иванович постоянно учился. Учился мудрости жизни и мудрости знаний, много читал. Хорошо знал историю, в том числе и народов Севера, любил Камчатку.

В политотделе он пользовался всеобщим уважением. Трудолюбие, рассудительность, вдумчивость при анализе состояния дел в частях — были его неотъемлемыми качествами. По вечерам в свободное время нередко приходилось бывать у него дома, в семье. Жена Полина Ивановна, радушная хозяйка, коренная ленинградка, подавала чай. Она, всегда жизнерадостная, отличалась остроумием. Затеем, бывало, спор, вмешается и одним к месту вставленным словом

или фразой поставит точку. Мы смеёмся. «Ну, вот, — бывало, скажет Василий Иванович, — и спору конец. Полина наша — великий мудрец».

Очень редко, но случалось, что на столе появлялся графинчик с какой-нибудь настойкой. Наступало оживление. Не помню сейчас, каких краёв уроженцем был наш гостеприимный хозяин, но скорее всего, с Украины. Как он рассказывал о ней! Помню, с каким вдохновением читал стихи:

Ты знаешь край, где всё обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишнёвых рощах тонут хутора.

Любил он русские и украинские песни, а больше всего — «Вечерний звон». Посадит сынишку Гену на колени, маленького Сашеньку на стол, меня заставит выводить «Бом... Бом...», а сам с увлечением затягивает: «Вечерний звон, вечерний звон...» Песня нам явно не удавалась. Полина Ивановна заразительно смеялась. «Будет вам, певцы, соседей напугаете», — шутила она.

Кстати, лучшей и любимой лекцией моего друга была о советском патриотизме. Он много над ней работал, проштудировал массу литературы, сделал кучу выписок. Там были и Л. Н. Толстой, и Н. В. Гоголь, и В. Г. Белинский, и, конечно, больше всего мыслей Владимира Ильича Ленина.

Мой друг быстро втянулся в военную службу. Сухощавый, мускулистый, он не боялся никаких физических нагрузок. Хорошо стрелял, был отличным лыжником. Помню, как со стрелковым полком мы совершали ночной марш. Мне, как более молодому и натренированному в таких делах, казалось, что ему придётся нелегко. Однако мы прошли пятьдесят километров, и он не только был бодр, но и на каждом привале оживлённо беседовал с бойцами.

Сутки от получения боевого приказа до отплытия десанта были насыщены до предела. Штаб и политотдел в это время находились на командном пункте дивизии на восточных скатах высоты 261,0, что севернее Авачинской губы. Сразу после уяснения боевой задачи, стоявшей перед

частями дивизии, наш начПО подполковник М. А. Алентьев собрал политотдельцев и всем дал конкретные задания. Предстояло в короткий срок провести большую работу. Было необходимо довести до личного состава частей смысл и значение необычайной боевой задачи — предстоящего морского десанта по освобождению Курильских островов.

Капитан Гетманов направился в 138-й стрелковый полк. В этот день он больше в политотделе не появился, успел побывать в первой и третьем батальоне полка. Вместе с заместителем командира части собрал политработников, беседовал с коммунистами и комсомольцами. Вечером доложил: «Задача воспринимается с энтузиазмом, настроение в полку боевое, сосредоточение для посадки на суда идёт организованно». Гетманов уже знал, что он будет следовать в составе первого эшелона главных сил десанта.

Весь день и большую часть ночи все политотдельцы провели в частях. Шли сборы и сосредоточение личного состава, части и подразделения выдвигались в район Петропавловского порта на погрузку.

Последний раз я встретился с Гетмановым уже при посадке 138-го полка на суда. Это случилось утром 16 августа. Он стоял у входа в порт, на шее у него сидел маленький Саша, рядом стояли Гена и Полина Ивановна. Все были взволнованы, но меня приветствовали радостно. «Вот видишь, — шутил Гетманов, — весь расчёт в сборе. Забежал на минутку домой проститься, а они все в голос: проводим тебя, папка, до порта, всё равно по пути!» Расцеловавшись с детьми и женой, сказал: «Ну, мне пора, не печальтесь, родные, скоро увидимся. Вернёмся с победой!» — и направился на посадку.

О том, что наш боевой друг и товарищ погиб, мы узнали рано утром 19 августа. Возвратившись с острова Шумшу на корабль «Киров», на котором находилась оперативная группа штаба и политотдела десанта во главе с генералом П. И. Дьяковым, наша разведка доложила, что передовой отряд под командованием майора П. И. Шутова успешно решил боевую задачу по захвату плацдарма.

Б. Е. Кремянский, 1970-е гг.
(КОКМ ОФ 33369/74)

В. П. Тарасов, 1977 г.
(КОКМ ОФ 33369/76)

Е. М. Захаров, 1972 г.
(КОКМ ОФ 33369/10)

К. Д. Меркурьев, 1983 г.
(КОКМ ОФ 33389/46)

В. С. Акшинский, 1981 г. (КОКМ ОФ 33369/41)

С. К. Юдин, 1968 г., г. Львов (ККМГИ 26569)

А. Р. Гнечко на выборах в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 г. и в конце 1970-х гг. (ККМГИ 29622/101; Ф 9112)

После доклада генералу старший лейтенант Александр Дьяков сообщил мне, что Гетманов погиб. После высадки на остров, пробираясь на боевые позиции 373-го стрелкового полка, чтобы найти заместителя по политчасти майора Моргослепенко, Дьяков встретил сержанта Николая Петрова, моего друга по службе в 138-м полку. Тот один шёл к берегу по тропинке в густых зарослях около ручья. Правая рука была перевязана и висела на бинтах. Встрече искренне обрадовался. «Дали мы прикурить самураям, теперь не очухаются, — заявил он. — А я отвоевался. Вот, руку, гады, осколком перебили». На вопрос о том, как прошла высадка, кратко рассказал: «Плыли нормально, море было спокойно. Бойцы почти ночь не спали, велико было напряжение. Ведь предстоял бой. Всё время среди них были командиры и капитан Гетманов из политотдела. Он рассказывал о Курилах, как их захватили японцы. Потом читали присягу, памятку десантнику, беседовали с коммунистами и комсомольцами. Погиб капитан Гетманов, и старшина Лызлов погиб».

Старшина Паша Лызлов был секретарём политотдела. Добродушный и исполнительный, аккуратный парень, заядлый гитарист и песенник. Я вспомнил, как он хлопотал, собирая необходимое для работы в маленький чемоданчик. Помню, что и гитару он взял с собой.

Я попросил рассказать подробнее и вот что узнал.

«Когда наше судно подошло к берегу, японцы с мыса Кокутан-Саки открыли артиллерийский огонь прямой наводкой. Расстояние было малое, стоящее почти вплотную справа десантное судно горело. Промедление, даже на минуту, грозило людям гибелью. Командиры и бойцы, понимая это, бросались в воду, вплавь выбирались на берег. Я плавал хорошо, и мне командир роты приказал быть замыкающим. Но часть бойцов, не умеющих плавать, замешкались. И тут капитан Гетманов организовал их посадку на шлюпку по левому борту судна, скрытому от прямого огня противника. Действовал он решительно и хладнокровно. Море кипело от взрывов, были убитые. Гетманову помогал старшина Лызлов. Вот одна шлюпка ушла к берегу. В числе последних поспешил на по-

садку и Лызлов со своим чемоданчиком и... гитарой. В это время раздался взрыв на палубе у левого борта. Жалобно тренькнули перебитые гитарные струны, инструмент мелкими щепками рассыпался по палубе. Смертельно раненый старшина упал, обливаясь кровью.

Гетманов, презирая опасность, продолжал посадку людей на шлюпки, но эта последняя ушла на берег без него. Прямым попаданием снаряда капитан был сражён насмерть».

Наш боевой друг и товарищ, коммунист, агитатор выполнил свой долг до конца. Вражеский снаряд оборвал его жизнь, когда он проводил в бой последнего бойца.

Не дождались Гена и Саша своего папки, не пришлось Полине Ивановне проводить любимого мужа в последний путь. Корабль, на котором группа раненых бойцов и тела погибших, в том числе и капитана Гетманова, были отправлены на Камчатку, получил повреждение и задержался в пути. Командир принял решение похоронить тела погибших в море. На палубе выстроилась команда и раненые десантники, которые могли стоять в строю, со своим оружием. Короткая прощальная речь, оружейный залп, и море приняло тела героев.

За проявленное мужество и храбрость при высадке десанта капитан Василий Иванович Гетманов был посмертно награждён орденом Отечественной войны 2-й степени.

В январе 1946 г. по делам службы я выехал с островов в Петропавловск, имел задание вручить этот орден семье капитана. Скорбные это были минуты! К этому времени Полина Ивановна с сыновьями перебралась из военного городка в город, где ей исполком выделил скромную квартиру. Работала, кажется, в типографии областной газеты.

Прошло много лет. Где сейчас Саша и Гена Гетмановы? Они уже взрослые. На моё письмо живо откликнулся Петропавловский горком комсомола, обещал направить на поиск следопытов. Хочется, чтобы имя героя было золотыми буквами написано во всех памятных местах. Трудящиеся Камчатки и Курил должны знать о его подвиге.

ККМГИ 29583. Рукопись

ФОРПОСТ НА ЛОПАТКЕ

Заключительную часть книги составляет один документальный одноимённый очерк. Его в 1960-е гг. написал бывший сержант, комсорг первой роты 7-го отдельного стрелкового батальона, командир первого минометного взвода Николай Тимофеевич Попов. Можно предположить, что это было сделано по просьбе его друга С. К. Юдина. Они впервые встретились в бытность последнего политруком пулемётной роты 138-го стрелкового полка. Летом 1943 г. их пути разошлись, а вновь боевые товарищи встретились спустя много лет после окончания войны во Львове, где жили их семьи. Передавая в музей накопленные материалы, Сергей Константинович больше всего хотел, чтобы в первую очередь был опубликован, прежде всего, именно очерк Н. Т. Попова. Вот поэтому мы и включили его в эту книгу. Очерк предваряет вступление, подготовленное С. К. Юдиным.

Н. Т. ПОПОВ

Форпост на Лопатке

Было известно, что мыс Лопатка во время русско-японской войны 1905—1905 гг. входил в зону вторжения японских войск на полуостров Камчатку. С целью обороны этого района, а также с задачей прикрытия действия батареи береговой артиллерии на мысе был размещен и занял оборону 7-й отдельный стрелковый батальон. Часть находилась в тяжелейших условиях. Личный состав жил в землянках, стойко перенося трудности со снабжением, сильно страдая от капризов погоды, сырости, холода. Особенно тяжко приходилось в зимнее время. Несение службы в этих условиях требовало мужества, отваги и терпения.

Во время подготовки десантной операции батальон зачислили в резерв. В ходе боёв за остров Шумшу возникла

необходимость усиления действующих частей, было приказано задействовать часть, перебросив её, возможно скорее, с Лопатки. Батальон переправили на остров 21 августа 1945 г. на нескольких кораблях: первую роту — на пароходе «Коккинаки», вторую — на гидрографическом судне «Полярник», а третью, вместе с миномётной, пулемётной и ротой ПТР — на чётырех десантных баржах. При высадке использовались не только табельные средства, но всё подручное: самодельные плоты, брёвна, доски. Сноровку и умение при этом проявил первый номер пулемётного расчёта Ярославский, второй номер Кривошеев, сержанты Астанеев, Анищенко. Расчётливо и толково действовали офицеры Зобник, Пацейко, Казанцев, Махаринский, Николаев, Павлюхин, Плотников.

Один миномёт сорвался с вьюка и ушёл на дно. Наводчик младший сержант Струков около часа нырял в хлодную воду, пока не вынес его на берег. Несколько раз погружался в воду ефрейтор Каншин, пока тоже не нашёл затонувший миномёт.

Высадившись, батальон быстро занял оборону. На следующий день часть участвовала в боевых действиях по ликвидации группы японцев в глубине острова, а утром 23 августа совершила марш-бросок через весь остров на Катаоку, будучи готовой к новому десанту, теперь на Парамушир.

В ночь с 23 на 24 августа погрузили людей, оружие и после перехода через Второй Курильский пролив батальон высадился на Парамушире. Здесь его подразделения действовали смело и решительно. Под руководством полковника Артюшина ночью они блокировали штаб 91-й японской дивизии, разоружили и пленили его офицеров, в том числе командира дивизии генерал-лейтенанта Цуцуми Фусаки, и приступили к разоружению и пленению японских войск. Утром 24 августа третья стрелковая рота капитана Мартюшева, переброшенная на сейнере, пленила 74-ю японскую пехотную бригаду. Всего подразделения батальона взяли в плен 3 600 японских вояк.

КОКМ ОФ 33362/2. Автограф

Раньше всех на мысе Лопатка высадилась первая стрелковая рота старшего лейтенанта Мартюшева, усиленная пулемётным и сапёрными взводами, отделением связи и транспортным отделением, состоящим из десяти лошадей и соответствующего количества ездовых. Остальной состав батальона должен был прибыть несколько позднее, через месяц-два. Но в силу ряда причин на месте постоянной дислокации он появился лишь год спустя.

В тёмную августовскую ночь (1943 г. — *Ред.*) пароход, на котором находилась рота Мартюшева, бросил якорь километрах в восьми от берега. С рассветом начались приготовления к выгрузке. Спустили на воду два небольших кунгаса и мотобот для их буксировки. Когда совсем рассвело и поднялся туман, закрывавший берег, началась высадка личного состава, выгрузка лошадей, продовольствия, имущества и боеприпасов.

С первым рейсом на берег попал пулемётный взвод лейтенанта Пацейко. Только ему мог поручить Мартюшев приёмку грузов на берегу. Ведь берег открытый, на него даже в тихую погоду накатываются могучие океанские волны прибоя. Прозеваешь, не успеешь вовремя правильно закрепить у берега кунгас, и пиши пропало, он будет на суше, а груз — в пенящихся волнах. Поэтому от людей, разгружавших кунгасы, требовались быстрые и сноровистые действия.

Лейтенант Пацейко — бывалый дальневосточник, знал коварные повадки моря, а взвод его отличался высокой дисциплиной и организованностью. Во взводе не было ни одного человека, отлынивавшего от тяжёлой работы. Бойцы и сержанты, заходя по пояс в воду, с необыкновенной лёгкостью выхватывали из кунгаса мешки и ящики и выносили на берег подальше, чтобы их не достал морской прилив.

Вторым высадился третий стрелковый взвод Виктора Махаринского. Командир роты, уже находившийся на берегу, подозвал его к себе, развернул карту, поставил на ней карандашом точку и глухо сказал: «Здесь будет место нашей дислокации. Вы с взводом отправитесь туда и подготовите

лагерь. Разведайте местность, определите, где можно взять воду, дрова, где накосить сена для лошадей. С вами пойдут две повозки».

Уяснив задачу, лейтенант собрал командиров отделений, распорядился о подготовке к маршу. А сам по карте стал изучать маршрут движения.

Туман рассеялся, ласково светило редкое в этих краях солнце. Бойцы переобувались, катали шинельные скатки, собирали вещмешки. Помощник командира взвода старший сержант Чуд с отделением сержанта Лучинина укладывал на повозки лагерные палатки, постельные принадлежности, шанцевый инструмент.

Наконец командир взвода доложил о готовности к движению, и ротный приказал «Шагом марш!»

Строй навьюченных до отказа бойцов медленно потянулся в гору. На маячной высоте открылась панорама мыса Лопатки: узкая полоска земли, изрезанная множеством оврагов, по которым текут мелкие и быстрые речки. То там, то здесь поблескивают зеркала впадин, заполненные водой. Вдоль западного берега живописной полосой проходят прибрежные дюны-кучегуры (песчаные бугры, сыпучие кочки. — *Ред.*). На поверхности не видно ни одного деревца, всё голо. Земля покрыта диковинной растительностью: мягким тёмно-коричневым ковром устелил её ягодник шикши.

Пустынно и дико. Усиливается ветер. С океана понесло низкие рваные тучи, которые, проплывая одна за другой, стали закрывать солнце.

— Вот эта землица! — воскликнул командир взвода, обращаясь к военфельдшеру Николаю Дикому, и деланно громко засмеялся.

Вот куда забросила служба его — Виктора Махаринского. Шум города, музыка парка, нестройное веселье ресторана — всё это было позади, осталось там, далеко для других. А для него?

С этими людьми, что мерно шагают с ним, предстоит жизнь в глуши, вдали от большой земли, напряжённая

работа по строительству оборонительных сооружений, а может быть, и вооружённая защита этого далёкого, но дорогого для Родины кусочка земли.

Необходимость и целесообразность прибытия всех их сюда была Махаринскому ясна и понятна, но, тем не менее, грустное чувство томило душу. Невольно всплыло в памяти прошлое: города, в которых пришлось побывать, шумные улицы, наполненные людьми, солнечные, ярко украшенные площади, кинотеатры, стадионы. Вспомнилась Москва, куда он ездил пять лет тому назад, роскошный фонтан «Дружба» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Затем в памяти воскресли дорожные эпизоды по пути в Москву. Живо представился вагон, в котором ехал, пассажиры и улыбающееся, с ямочками на щёках, лицо той милой девушки, для которой он, тогда ещё мальчик, рискуя отстать от поезда и сломать шею, бросился за цветами. Девушка была свежа и румяна, по каждому пустяку звонко хохотала. Виктору почудился её смех, и защемило сердце: шагая по песчаной, еле заметной тропе, он удалялся от всего, что так мило его сердцу, всё дальше и дальше, и даже неизвестно, на какое время.

Но не только Виктором овладело грустное чувство. Первое впечатление от пустынности и необитаемости местности, по которой двигался взвод, грустью отозвалось в каждом сердце. В строю было необыкновенно тихо. Рядовые и сержанты шли молча, угрюмо думая каждый о своём.

Шагавший рядом с Махаринским военфельдшер Дикий низко опустил голову и даже согнулся. Но не от тяжести санитарной сумки, нет. Он тоже взгрустнул. Ему вспомнились родные места на херсонщине... Но в основном мысли кружились вокруг недавних событий его жизни. Перед глазами светилось улыбкой круглое лицо санитарки медсанбата, с которой у него установились сердечные отношения. Она льнула к нему и не чуралась его ласк, что вселяло в него сладостные надежды. Но пришлось расстаться, не изведав всего того, что обещала эта близость. Больше

всего он досадовал на себя за свою нерешительность во время их последней встречи.

Так в молчании и раздумьях прошёл взвод большую часть пути. Показалось озеро Казачье, а за ним несколько домиков погранзаставы. Вид на озеро и жилые постройки вывели людей из задумчивости. В рядах послышался тихий говор и смех.

— Не одни здесь будем горе мыкать!

— Ну, в таком колоссальном населённом пункте, какое тут горе, — отозвался на это острослов.

А когда взошли на перешеек, отделявший озеро от моря, грусть рассеялась вовсе. Отчего-то почувствовалось облегчение, хотя под ногами пересыпалась мелкая галька, и идти стало значительно труднее. Подошвы скользили и словно откатывались назад. Послышался чей-то голос: «Вот оно на практике — шаг вперёд, два шага назад».

Некоторые бойцы, экипированные сверх нормы и уставшие, поругивались себе под нос. Рядовой Хоботнев как будто нечаянно толкнул соседа, и тот упал на колено, загремел котелком. Передние оглянулись. По рядам перебежал смех, шутки.

Тем и хороша воинская служба! В солдатском коллективе не живут долго грусть, уныние, тоска и плохое настроение. Всегда найдутся шутники, остряки или просто нерасторопные люди, угловатые действия которых вызывают колкие замечания. Настроение от этого поднимается.

За озером взводу встретился наряд пограничников. Лейтенант Махаринский объяснился с ним. Они, будучи в курсе дела, долго не задерживали, даже подсказали, куда и как следует двигаться дальше.

Последний километр пути на восток от погранзаставы был ещё более тяжёлым — по бездорожью, своеобразной целине, где, может быть, ещё и не ступал человек. Ноги тонули в мягком ягоднике с чёрными мелкими ягодами шикши.

Неровная, кочковатая почва выматывала силы. Особенно тяжёло было двигаться армейским двуколкам: лошадей бросало из стороны в сторону, било оглоблями. Небольшие

лошадки-монголки, ещё не оправившиеся от морской болезни, часто спотыкались и попадали бы, если бы их не поддерживали ездовые.

Спустившись с пограничной высоты к ручью, Махаринский увидел вкопанный столб — знак места их дислокации. Здесь он и остановил взвод. Привычным командирским взором осмотрел местность, быстро оценил, где будет удобнее разместить бивак. А взвод тем временем составлял в козлы оружие, складывал снаряжение. По команде помкомвзвода бойцы встали в двухшереножный строй, выровняли ряды.

— Смирно! Равнение на середину! — звонко скомандовал старший сержант Чуд и, приложив руку к головному убору, повернулся для доклада командиру. Но Виктор не стал слушать доклад, подав команду вольно.

— Вольно! — повторил Чуд.

Махаринский объяснил задачу бойцам и приказал после пятнадцатиминутного перерыва приступить к разбивке лагеря. Командирам отделений он дал конкретные задания. Повару приказал установить котлы по течению ручья выше лагеря на сто метров.

Работа не клеилась. Усталые, голодные бойцы двигались вяло, долго раздумывая над всяким пустяком. То здесь, то там слышались недовольное ворчание и споры.

— Хлопцы, — обратился Виктор к бойцам в товарищеском тоне, — видите: небо сплошь заволакивает, будет дождь. Надо торопиться.

— А мы в гостиницу пойдём ночевать, правда, Ванька? — усмешливо подмигнул Хоботнев своему дружку Кураеву.

— Поторапливайся, Мишка, — отозвался на это Кураев, — натянем палаточку, настелим побольше травы, получится лучше, чем в гостинице. Ветерок будет освежать атмосферу.

— Ты прав... — бросил Хоботнев и участил движения, расчищая землю для гнезда под палатку.

Когда всё было готово и надо было ставить палатки, выяснилось, что в двух комплектах не хватает центральных кольев. Как быть? Где их взять? Хорошо в лесу! Два

взмаха топором по тонкой берёзе, и готов кол. А здесь, сколько видит глаз — всё голо! К Махаринскому подошёл повар, напомнил: «Надо что-то с дровами предпринимать, вблизи нет ни одной щепки».

Виктор вызвал помкомвзвода, послал его с группой бойцов на берег. Только там можно найти какие-либо коряги, брёвна или доски, выброшенные морем. Больше негде, кустарник отсюда километрах в двадцати, а ближайший населённый пункт — втрое дальше. Напомнил Чуду также и о центральных кольях, велел поискать что-нибудь подходящее.

Через полтора часа гуськом, с тяжёлой ношей вернулась группа бойцов, посланная к морю. Они принесли всё необходимое. А Чуд с сияющими глазами доложил: «Жить будем, что надо, товарищ лейтенант. На берегу столько всего... мать моя мамочка! Там не только топлива — брёвен полно. Можно смело начинать строительство. Далеко, правда, но ничего, выдержим!»

Надвигалась ночь. Стал накрапывать дождик. Бойцы поспешно устанавливали палатки, дёргали заросли шикши, траву, чтобы устелить ими пол. Торопились скорее забраться под брезент палаток, лечь, вытянуть отёкшие ноги. Хотелось поесть горячего: уже четыре дня супа не хлебали.

К наступлению темноты ветер усилился, но всё уже было готово. Убрали снаряжение, почистили оружие. В темноте поели суп с недоваренной фасолью. Насытившись, бойцы притихли. Редко в какой палатке вспыхивали цигарки. Слышались слова одалживавших друг у друга курево. Можно было представить, как жадно тянулись бойцы, чтобы приложиться к цигарке, вдохнуть в себя крепкого самосадного дымка! Плановое снабжение табаком камчатский частей с началом войны было нарушено, куревом располагал лишь тот, кто имел родственников в Петропавловске.

После ужина Виктору тоже захотелось покурить, и он обратился к военфельдшеру Дикому, которого пригласил на жительство в свою палатку: «Будешь дымить, не забудь обо мне — оставь на две-три затяжки».

Дикий имел табак — подарок санитарки. Она, прощаясь, вручила ему туго набитый кисет, старательно расшитый узорами и надписью «Помни Полину». Как не угостить из такого кисета товарища! Но Дикий воздержался. Будучи скрягой, он прочёл Виктору целую лекцию о вреде курения. «Реже курить — лучше для здоровья. Закурим утром, после завтрака», — завершил он свою речь.

Сам Дикий курить не хотел, видно недавно курнул тайком. Он частенько поступал так. Чтобы выкурить цигарку вволю, он либо уходил подальше от товарищей, либо дымил в рукав, стараясь при этом как можно меньше выдыхать дыма.

Виктор знал об этом и не поддавался на уговоры. Он начал подшучивать над Диким: «Ты, Коля, живёшь по пословице — хлебцем вместе, а табачком врозь. А это нехорошо!»

На цигарку он не просил, так как был уверен, что это бесполезно. Но в конце концов военфельдшер размяк: привычка взяла верх над благоразумием. Он свернул большую козью ножку. Виктору досталась добрая половина. Он вдосталь накурился и быстро уснул. А Дикого сон не брал долго. Он жалел о своей щедрости — одолженной другу «сороковке».

Ветер хлопал палаткой. Дождевые капли, пробивая полотно, мелкими колючками сыпались на лица спящих бойцов...

К вечеру половина груза была переправлена с парохода на берег. Взвод лейтенанта Пацейко и первый взвод лейтенанта Казанцева были готовы работать и ночью, даже насобирали плавника, чтобы разжечь костры. Но к вечеру усилился ветер, стал накрапывать дождь, море совсем разволновалось, кунгасам стало трудно причаливать к берегу. Капитан судна с последним кунгасом передал, что пройдёт через пролив в Охотское море и продолжит выгрузку на западном берегу мыса.

Дождь усилился. Командир роты приказал лагерными палатками и плащ-палатками накрыть штабеля продовольствия. Когда совсем стемнело, повёл бойцов на западный берег.

Это был тяжёлый путь в кромешной тьме при сильном порывистом ветре. Крупные капли дождя били в лицо, из-за шума ветра и моря не было слышно рядом идущих, их голосов и шагов. Двигались по незнакомой местности и знали, что впереди нет крова, негде будет даже прилечь для короткого отдыха. Отстань от строя, останься один — погибнешь, и никто не узнает, где тебя искать. Поэтому надо тесниться друг к другу. Чувствуя локоть товарища, легче, не робеешь, шагаешь твёрже.

Мартюшев и Пацейко шли впереди, не видя перед собой ничего, просто шагали в темноту. Они, бывалые люди, только сейчас по-настоящему стали понимать, что такое тяготы военной службы. Ориентировались по ветру. Если идти так, чтобы тот бил в правый бок, то будешь идти в заданном направлении, придёшь на западный берег.

Бойцы устали, но никто не роптал. Когда под ногами почувствовали упругий песок, поняли, что приблизились к цели. Мартюшев сказал: «Железные у нас люди!» «Железо — ещё не сталь, — отозвался Пацейко, — нам всем предстоит закаляться на этой земле».

Прикорнули до рассвета, прижавшись друг к другу, закутавшись в плащ-палатки. Утром снова приступили к работе. От стоявшего на открытом рейде парохода приходили кунгасы. Закрепив их у берега, выносили из них мешки и ящики.

Через три дня, закончив выгрузку, на место дислокации прибыл весь личный состав роты и приданных ей средств. Шестерых оставили на берегу охранять продовольствие и боеприпасы.

Махаринский доложил командиру роты о результатах разведки местности: за это время он исходил почти весь мыс, обследовал его береговую кромку на расстоянии до пятнадцати километров.

Для ознакомления с обстановкой командир роты собрал командиров взводов, с начала разгрузки не видевших друг друга. Встретившись, обменивались приветствиями, улыбками, рукопожатиями.

— Все собрались? — спросил Мартюшев. — А где же фельдшер? Зовите и его.

Когда подошёл Дикий, командир роты пригласил всех сесть на устилавшие местность ягодники, а сам остался стоять.

— Мы как Робинзоны, — начал он, — высадились на необитаемую землю. Нам предстоит освоить её: используя природные богатства и подручные средства, создать здесь нормальные условия для нашей повседневной жизни, оборудовать ротный район обороны вон на той высоте, — он кивнул головой в ёе сторону, — она называется Восточной. Взвод Махаринского займётся сенокосом, взвод Казанцева — заготовкой дров. Миномётчики и транспортники с сапёрным взводом построят пищеблок и конюшню. Остальные на Восточной высоте начнут рыть траншеи. Общее техническое руководство будет осуществлять командир сапёрного взвода лейтенант Плотников. Сегодня же проведём рекогносцировку, определим места каждого строительного объекта. А завтра за работу: времени мало, тёплой погоды месяца на полтора, не больше. В октябре здесь может наступить зима. Вопросы есть?

Поднялся Дикий:

— А как с жильём, в чём жить-то будем, неужели в палатках?

— Должны прибыть с Сахалина сборные казармы. Нам придётся их ставить, утеплять. Это тоже большая работа. Но прежде всего мы должны оборудовать район обороны, так приказал командир батальона.

После обеда состоялось общее собрание роты. Мартюшев сделал доклад, в котором подвёл итоги морского перехода и изложил задачу по укреплению обороны мыса Лопатки, призвал бойцов к высокой дисциплине и организованности.

После собрания с командиром остались коммунисты. Их было всего пятеро: три члена партии — Мартюшев, сержант Малов, командир приданного сапёрного взвода лейтенант Плотников и два кандидата партии — сержант

Лучинин и наводчик пулемётного взвода младший сержант Осадчий.

— Вы заметили, товарищи, — сказал, обращаясь к ним, командир роты, — что у некоторых бойцов подавленное настроение, а Защелкин выражает недовольство. Надо принять меры — упавших духом подбодрить, выяснить, чем недоволен Защелкин. Нас ждут большие трудности, здесь будет много невзгод, лишений и нельзя допустить, чтобы отрицательные высказывания наносили вред порядку и дисциплине. Людей, подобных Защелкину, единицы, и мы с ними справимся, если будем вести активную политическую работу среди рядовых и сержантов. Информируйте командиров взводов и меня лично о настроении людей.

— Всё ясно, товарищ старший лейтенант, — сказал Малов, — не подведём!

— Ну, если ясно, тогда свободны.

На следующий день с утра на всех участках закипела работа. Дрова заготавливали на берегу моря. В отдельных местах штормовые волны нагромоздили всякую всячину: доски, брёвна, остатки разбитых кунгасов, отдельные клёпки и целые бочки, обломки мебели. Всё это выносилось на берег, сортировалось, громоздкое распиливалось, складывалось для просушки.

Сено косили по кучегурам. Взвод Махаринского вышел в район Первой речки, разбил лагерь. Косили с рассвета дотемна. Это было ударное задание. Надо было максимально использовать погожие дни, чтобы сено хорошо просохло и было смётано в стога.

В первый день сенокоса Виктор, рассматривая окрестности, не мог не восхититься прекрасной травой, которая, словно грива холёного коня, устилала кучегуры, колыхалась от ветра — густая, нетронутая. Определив отделениям участки для сенокоса, Виктор задержался и некоторое время смотрел на бойцов, начавших косить. Дружно взлетали косы, широко взмахивали косари. Трава толстыми слоями безжизненно падала в прокосы. Виктор отметил, как сразу менялся вид местности, нарушалась красота девственной

природы. Многие кучегуры быстро были оголены, будто постриженные макушки. Их серые лысины обдувал ветер, срывая и перенося песок. Бойцы трудились с полным сознанием ответственности за порученное дело, сильно уставали от непривычной работы, особенно бывшие горожане, но никто не хныкал. Косили и убирали сено с зари до зари, а вечером при свете жалких коптилок чистили оружие, приводили в порядок снаряжение.

Косы тупились, а наводить их умели не все, не хватало брусков, да и терпения. И если темпы косьбы в первую неделю были высокими, то чаще всего это достигалось упорством и молодыми силами. В этом возрасте их легко было восстанавливать сном и хорошим питанием. Сон у ребят был крепкий, а вот харчи слабоваты: суточный рацион скудный, по тыловой норме.

Вместо хлеба получали сухари. Пекарни ещё не было. При большой физической нагрузке бойцы явно недоедали. Появилась вялость в движениях, всё чаще одолевала усталость. Темп косьбы снизился.

Защелкин, отличавшийся неустойчивостью, во время перерыва перешёл к группе бойцов и, показывая свежие мозоли на ладонях, сказал:

— К чёрту эту косовицу! Что мы, колхозники, что ли? Наше дело оружие изучать, совершенствовать боевое мастерство, а не косить. В эту дыру сено должны привозить на пароходах, — брюзжал он. — Окопы рой, казармы строй, дрова заготавливай — всё на солдатском горбу. И ещё для коней... поиздыхали бы они! Что в них толку? Брёвна на себе носим. Подождите, зимой сено будем носить для них вязанками. Зачем их сюда брали? Здесь же нет дорог.

— Что верно, то верно, — поддержал его рядовой Аланкин. — Жратва слабая, курева не дают, а всё жми и жми. Лучше бы на фронт отправили! Там бы хоть накурился перед смертью.

Коммунист сержант Малов, издали заметив резкую жестикуляцию Защелкина, подошёл к этой группе. В ответ на последние слова Аланкина сказал:

— Куда вас с Защелкиным на фронт, когда вы здесь, за тридевять земель от передовой, спасовали. Ведь там куда труднее, там жизнь постоянно под угрозой, а здесь снаряды не рвутся, пули не свистят, даже мухи не кусают. Ну не докурили, не доели, набили мозоли. Это не смертельно. Всему народу тяжело.

Вот послушайте, что пишет мне племянница из Куйбышевской области, — продолжал он, расстёгивая на груди клапан кармана. — Ей всего семнадцать лет.

Потом вынул сложенное треугольником письмо, изрядно потёртое от долгого лежания в кармане, развернул его, пробежал глазами первые строчки, нашёл нужное место, стал читать:

— Работаю я теперь, дядя, в полевой бригаде. Сейчас стоги мечем, а когда косили ячмень, я работала на косилке, сбрасывала валки. Ой, трудно как! Придёшь домой, всё тело ноет. Подруга моя, Нюшка Гаврилова, надорвалась от тяжёлой работы и сейчас в больнице лежит. Мама тоже часто болеет, у неё бывают головокружения. Работа в колхозе тяжёлая, а питание плохое. Макуха (остатки от выделки растительного масла. — *Ред.*) выручает. Да что писать о нашей жизни! В колхозе какая сейчас жизнь? Одна работу и работа. Ничего не поделаешь — война. Бейте сильнее фрицев, добивайтесь скорее победы! А мы будем хорошо трудиться и трудом вам помогать.

Наступило молчание. Малов, окинув взглядом слушавших, сказал:

— Вот так живёт наш народ.

Все стояли, потупив взор. Было ясно, что письмо произвело сильное впечатление. Сержант бережно сложил его, положил на место и молча пошёл к другой группе бойцов.

Защелкин посмотрел Малову вслед и грубовато сказал:

— Айда на работу. Агитаторов не переспоришь.

— А чего с ним спорить, — отозвался Аланкин, — он правильно сказал.

Придя на свою полосу, Защелкин схватил косу и рьяно принялся косить. Аланкин весело повёл прокос вслед за ним.

Вечером лейтенант Махаринский узнал о происшествии с Защелкиным, вызвал его к себе, долго с ним беседовал, стыдил, убеждал. Защелкин был лет на пятнадцать старше комвзвода и, естественно, имел большой жизненный опыт. Слушал он Махаринского рассеяно, с этакой покровительственной ухмылкой бывалого человека, как бы пропуская мимо ушей наивные речи юноши.

— Вы поняли, товарищ Защелкин? — спрашивал его взводный. Неужели бойцы-фронтовики будут косить сено для наших лошадей? Им некогда этим заниматься — надо воевать. У колхозников руки тоже заняты — снабжают действующую армию продовольствием и фуражом. Такова обстановка. Будем воевать, и нас будет обеспечивать, — закончил он и посмотрел в глаза Защелкину, желая найти в них хоть что-то напоминавшее угрызения совести. Но не увидел ничего подобного.

— Вы, товарищ лейтенант, мораль мне читаете, — а не лучше ли подумать о том, как улучшить питание. Ведь бойцы от этого кондёра с прелым пшеном скоро ноги не будут таскать.

Пшено, действительно, было прелым: оно подмокло под дождём во время разгрузки. Много мешков совсем испортилось, но часть крупы удалось спасти, просушить. Все бойцы знали об этом и ясно принимали, что другого выхода у них нет.

— Едим мы столько, сколько положено по норме, и то, что имеется в наших запасах, — ответил Махаринский. — Паёк, безусловно, слабый, но ещё большие трудности переживает наш народ. На кого вы обижаетесь?

— Известно, на кого, на командование, — продолжал Защелкин в том же духе. — Работу спрашивают, а чтобы позаботиться об усилении питания, того нет.

Подавив в себе раздражение, Махаринский встал.

— Наше положение известно вышестоящему штабу, да и мы сами думаем над тем, как улучшить питание.

— Долго думаете, от этих дум животы подвело, — продолжал пререкаться Защелкин. И Виктор резко одернул его:

— Прекратите разговор, Защелкин, иначе я накажу вас за пререкания. Идите и подумайте о своём поведении!

Что он ещё мог сказать этому человеку? Он сам жил впроголодь, хотя и не испытывал такой физической нагрузки, как его бойцы. В душе он соглашался с требованиями, выдвигаемыми Защелкиным. Но что предпринять?

Километрах в тридцати на север протекала река Камбальная, в ней можно ловить рыбу, но у них нет никаких снастей. Командир роты говорил, что должны привезти в роту невод, и тогда будет организована рыбалка. Но когда это произойдёт? Как выйти из положения? Размышляя, Виктор вспомнил, как близко к берегу подплывают нерпы, и подумал, что в его условиях самая реальная возможность усилить солдатский рацион — это убить нерпу.

На следующее утро, когда взвод построился, чтобы следовать на работу, Махаринский подошёл к строю. Помкомвзвода подал команду «Смирно!»

— Здравствуйте, товарищи! — обратился Виктор в бойцам.

— Здравия желаем, товарищ лейтенант! — устало, без подъёма, прозвучало в ответ.

Виктор подошёл ближе.

— Трудно, товарищи, работа тяжёлая, но хныкать мы не должны. Призываю вас к порядку и высокой дисциплине. А что касается питания, то обещаю его усилить.

Взвод ушёл. Махаринский прошёл по палаткам, осмотрел оружие, стоявшее в импровизированных пирамидах. На многих винтовках — налёт ржавчины. В чём дело? — недоумевал он. Ведь вчера вечером после работы чистили. Неужели так небрежно стали относиться к оружию?

Приказал дневальному вызвать с работы командиров отделений. В ожидании их достал из кобуры свой пистолет и ужаснулся: он был красный от ржавчины. Что за чертовщина? Три дня назад чистил и хорошо смазал.

Послышались приближающиеся шаги. Махаринский поспешно опустил пистолет в кобуру и вышел из палатки. Подходили командиры отделений. Не дожидаясь их уставных докладов о прибытии, он стал резко выговаривать им:

— С каких пор, товарищи командиры, вы стали пренебрегать первейшей своей обязанностью — ежедневно осматривать оружие? Полюбуйтесь, в каком виде винтовки?

Он повёл их в палатку четвёртого отделения, где командиром был младший сержант Мохов.

— Посмотрите на пулемётные диски, — с силой открыл он коробку.

Сержанты увидели коричневые диски вместо чёрных.

— Стыд и позор, до чего довели оружие!

Подобная картина наблюдалась во всех отделениях, но хуже всех было у Мохова.

— Имейте в виду, — вновь обратился к ним взводный, — скидки не будет ни на работу, ни на полевые условия. Ведь это истина: чем хуже условия, тем надёжнее следует хранить оружие и имущество. Объясните, Мохов, почему в отделении четыре ржавых винтовки и в таком ужасном состоянии находятся диски?

— Не могу знать, товарищ лейтенант, — прижав руки к бёдрам и преувеличенно вытянув подбородок, выпалил младший сержант. — Вчера вечером чистили и смазывали винтовки, а утром, пожалуйста, опять ржа. Не иначе, как оружейное масло с водой.

— Не масло с водой, а вы сами, — раздражённо сказал Махаринский. — Снизили требовательность к подчинённым. Диски, наверное, недели две не чистили. Объявляю вам, Мохов, выговор. А наводчика ручного пулемёта за ржавые диски накажите сами.

Затем Махаринский обратился к командиру отделения Лучинину:

— А вы, Лучинин, чем объясните ржавчину на оружии вашего отделения?

— Виноват, товарищ лейтенант, не досмотрел.

«Конечно, не масло с водой причина этому, — подумал Махаринский. — Климат сырой. Ведь каждую ночь и почти полдня висит туман, да ещё какой густой»! И вслух произнёс:

— Разве вы не замечаете, товарищи командиры, что по утрам все одеяла и одежда наши влажные. Влага оседает

и на оружии. В палатках мы ходим неосторожно, задеваем винтовки, обтираем смазку, а где её нет, сразу появляется ржавчина. Вот в чём секрет. Здесь за оружием догляд да догляд нужен.

После некоторой паузы командир взвода заговорил, отчеканивая каждое слово:

— Приказываю: оружие осматривать два раза в день — утром и вечером. Ежедневно чистить, но ружейное масло экономить. Не наливать на стволы, как здесь.

Он взял из пирамиды винтовку.

— Вот, смотрите, сколько на затворе масла, и в то же время на многих местах ржавчина. Масло надо наносить тонким слоем, но равномерно.

Махаринский отпустил отделённых, пошёл в свою палатку. Тщательно вычислил и смазал пистолет. Потом пошёл на берег моря, который был совсем рядом. Ветер дул навстречу, приходилось напрягаться, чтобы преодолеть его порывы.

«Ну и мерзкий же климат здесь, — размышлял он. — Тихой погоды не бывает. Утром дул восточный ветер, а сейчас западный прёт. А сколько влаги! Мы почти постоянно в туманной мгле».

Подойдя к песчаному обрыву, он глядел в море. Вдали виднелся небольшой вулканический остров, сопка Алаид. На его белой вершине отдыхало серое облако. Но ветер уже растрепал его края, и от них потянулись дымчатые полосы.

Виктор, наблюдая всё это, размышлял о суровости здешней природы. Металл не выдерживает. Едкие туманы разъедают его, приводят в негодность. А как же человек? Он мысленно всматривался в лица своих бойцов, осунувшиеся за последнее время. А войне конца не видно. Правда, успехи на нашей стороне — наступает Красная Армия, но до границы далеко. Союзники второго фронта не открывают. Япония же против нас может выступить в любой момент. И он представил, как японцы на шлюпках, катерах и в специальных плавательных костюмах, ведя ураганный

огонь, стремятся овладеть берегом, а он, Виктор, со своим взводом отражает их атаку. Будет трудно, но отобьём — подсказывало сознание.

Размышляя так, Махаринский не замечал, что в море недалеко от берега играли нерпы, то и дело высовывая из воды чёрные бульдожьи морды. Вдруг, словно ребёнок, вскрикнула пролетавшая чайка. Виктор вздрогнул и, выйдя из задумчивости, прямо перед собой, метрах в ста от берега, увидел две нерпичьи головы. «Надо убить — вот она добавка к питанию! — пронеслось у него в голове. — И, главное, — немедленно выполню своё обещание».

Бегом бросился в лагерь, схватил винтовку, обойму патронов и обратно на берег. Только бы не промахнуться!

Повар, рядовой Бабахин, увидел, как лейтенант стремглав побежал на берег, на ходу заряжая винтовку, догадался, в чём дело, бросил мешать кашу и последовал за ним. Добежав до обрыва, Виктор лёг. Две нерпичьих головы маячили на том же месте. Виктор полежал несколько секунд, чтобы отдышаться и выстрелил. Получился недолёт: второпях он забыл поставить прицел. Виктор выругался, исправил оплошность, перезарядил винтовку. Нерпы продолжали плавать, лишь несколько удаляясь друг от друга. Услышав выстрел, с интересом смотрели на берег.

Махаринский прицелился снова. Раздался выстрел. Нерпа взметнулась кверху, затем перевернулась, показав белёсое пузо, и скрылась под водой. Вторая также исчезла.

Виктор вытянул шею и с физиономией ярого охотника стал всматриваться в синеву моря, страстно желая узнать результаты стрельбы. Но вот на воде стали появляться бурые пятна крови.

— Убил! — закричал Виктор и заулыбался.

— Что-то нерпы не видно, должно быть только ранили, — усомнился подошедший кашевар.

— Не может быть. Убил, — уверенно сказал Виктор. Сам зорко смотрел на воду, кусая от волнения ногти.

Через некоторое время на том месте, куда они смотрели, всплыла беловатым животом кверху нерпа.

— Ну, вот видишь! — сделав широкий жест, с довольной улыбкой на лице показал в море Виктор. — А ты не верил!

Но вдруг ему показалось, что течение уносит нерпу от берега. Виктор ожидал всего, но только не этого. Сердце, переполненное чувством заботы о подчинённых и желанием выполнить данное обещание, не могло вынести такого удара.

Виктор, не задумываясь, молниеносно разделся и прыгнул с обрыва. Не успел повар сообразить, в чём дело, как его командир уже далеко внизу, плыл, размахивая руками.

Как что-то невесомое схватили Виктора морские волны, холодная вода обожгла тело. У него захватило дыхание. Он готов был выскочить на сушу, но постеснялся оставшегося на берегу зрителя и продолжал плыть, но, как ни старался пересилить морскую стихию, не мог — прибой неумолимо тащил его назад, к берегу.

Минут десять боролся Махаринский с Охотским морем, но, укачавшись на волнах и продрогнув, сдался, не достигнув цели. На песок отлива вышел, шатаясь и дрожа. Пока одевался и приходил в себя, нерпу выбросило на берег.

Вечером повар принёс ему в палатку вкусно зажаренную нерпичью печёнку.

Плотно поужинав, бойцы повеселели. Повздыхав над тем, что нет махорки, запели бывшую в то время в моде песню:

Бушует полярное море,
Вздымается борт корабля.
А где-то далёко-далёко за нами,
Осталась родная земля.

Виктор, подведя итоги дня, пошёл к поющим. Бойцы расступились, освободив ему место. Он сел и запел с ними вместе. Песня зазвучала сильней, душевней. Ребята с уважением и признательностью смотрели на командира. Песня долго спорила с шумом моря и неслась среди кучегур, совсем ещё недавно не слыхавших человеческого голоса.

Эх, нерпа! Неуклюжее ты морское животное! На всю жизнь запомнился вкус и запах твоего мяса. А старшему сержанту Белянцеву нерпа часто снится во сне. И каждый

раз от такого сна он просыпается в холодном поту. За нерпичью печёнку однажды он чуть не поплатился жизнью. Да и пулемётчик младший сержант Недоступенко не без содрогания сердца вспоминает охоту на нерпу.

В одно ясное и относительно тихое утро старшина роты Белянцев с двумя сержантами — свободными от смены дневальным и рабочим по кухне — собирали на берегу дрова. Среди всевозможного плавника, выброшенного морем, они обнаружили маленькую плоскодонную шлюпку, наполовину замытую песком. Старшина и бойцы долго возились, откапывая её. Наконец перевернули вверх дном и тщательно осматривали — цела ли, готова ли к плаванию?

Лейтенант Пацейко выбрал место для пулемётного окопа, поставил задачи отделениям, и бойцы начали орудовать лопатами. Сам он спустился на берег, чтобы найти хорошее кресало (огниво. — *Ред.*). Шёл медленно, раздвигая ногой гальку, высматривая нужный кремень. Прибрежная часть океана была гладкой. В её зеркальной поверхности играли лучи утреннего солнца.

Вдруг недалеко от берега из воды показалась нерпичья голова. Первым её увидел Белянцев, хотя был занят осмотром лодки, а животное от него находилось довольнотаки далеко.

— Мы допустили оплошность, что не взяли винтовку, — с горечью произнёс он, обращаясь к бойцам.

Те молчали, не чувствуя за собой никакой вины: они не сразу даже узнали, куда и зачем идут. Старший сержант вызвал их, сказал «Пошли!», и они двинулись за ним.

Но вот Белянцев увидел Пацейко. Зная, что у командиров пистолеты всегда с собой, он стал кричать лейтенанту и показывать в сторону моря. Пацейко увидел нерпу и сразу догадался, о чём его просил Белянцев. Прикинул расстояние. Далековато.

Подошёл ближе к воде. Носки его кирзовых сапог нежно лизала волна. Он вынул из кобуры пистолет, стал прицеливаться. Подбежал Белянцев, предложил для упора своё

плечо. Пацейко отказался. Его лицо напряглось — он решал задачу: насколько вынести точку прицеливания.

Белянцев нетерпеливо топтался рядом. Серые, на выкате его глаза беспокойно бегали от нерпы к пистолету и обратно. Он горел желанием во что бы то ни стало добыть нерпу, но сомневался, удастся ли командиру попасть в цель с такого расстояния. Ему хотелось хорошо накормить бойцов и тем загладить свои недавние фельдфебельские замашки.

После вечерней поверки он водил роту на прогулку и хотел, чтобы она обязательно пела. Но дружной и громкой песни не получалось: людям было не до пения — за день они намаялись так, что не чаяли, как добраться до постели. Но старшина был неумолим. Стараясь заставить роту выполнить его волю, он надолго задержал строй после отбоя. За это командир роты его поругал. Сегодня же он хотел приподнести каждому по куску нерпичьего мяса и тем самым показать, что он не только строг, требователен до придирчивости, но и заботлив.

Наконец грянул выстрел. Нерпа стремительно, словно подброшенная, показала свою жирную тушу, неуклюже перевернулась и скрылась под водой.

— Смотри ты, попал! — воскликнул Белянцев восхищённо.

— Кажется, есть, — ответил Пацейко. Его лицо было серьёзно и непроницаемо. Но внимательный наблюдатель мог заметить лёгкую самодовольную улыбку.

Глядя в море, Пацейко вложил пистолет в кобуру. Навряд ли кто другой мог на таком большом расстоянии пробить нерпичью голову из пистолета, думалось ему, но он пробил, потому что хорошо знал теорию стрельбы. Вот что значит сделать точный расчёт, правильно вынести точку прицеливания — цель поражена.

Пацейко отошёл от кромки берега на сухой песок, куда не доставала прибойная волна, стал закуривать. Из карманчика для часов у пояса брюк достал самодельный мундштук, потом из бумажника осторожно вынул ранее отрезанную четвертушку американской сигареты, вставил её в мундштук

и с наслаждением вложил его в зубы. Также неторопливо достал из шинели кремень, стальную плашку и трут. Долго вертел кремень, выбирая наиболее выпуклое место. С одного удара добыл огонь. Прикурил.

Внешне Пацейко был совершенно спокоен и, казалось, абсолютно равнодушен к судьбе нерпы, но частые взгляды, бросаемые им в сторону моря, говорили о крайнем нетерпении: он ждал, когда же появится на поверхности воды его жертва.

Белянцев же, как только раненая нерпа погрузилась в воду, словно ужаленный, забегал по берегу.

— Как же её достать? — кричал он во всё горло.

Он хотел немедленно извлечь нерпу из воды, чтобы уже в обед преподнести бойцам сюрприз: по куску мяса. Кроме того, его волновал вопрос, где будет выброшена нерпа? Часто море долго качает на волнах свою ношу, а потом выносит её где-нибудь в совершенно неожиданном месте. Поэтому глаза Белянцева сверлили морскую синь, казалось, что он видит под водой всё до самого дна. Ещё нерпа не появлялась на поверхности, а он уже с горечью в голосе прокричал, что её уносит от берега.

Что делать? Как достать добычу из воды? Вдруг счастливая улыбка пробежала по его лицу. Его осенила смелая мысль: он нашёл выход из положения! Стремглав бросился к шлюпке, возле которой возились бойцы. С их помощью та быстро оказалась на воде. Белянцев схватил первый попавшийся, ещё мокрый от долгого пребывания в воде обломок доски, сильно оттолкнулся от берега, вскочил в шлюпку и поплыл с хитрой улыбкой находчивого человека.

Пацейко, увидев легкомысленные действия старшины, побежал к нему, чтобы остановить, вернуть назад. На ходу кричал:

— Белянцев, ты с ума сошёл! Вернись сейчас же! С морем не шутят!

Но тот в ответ махнул рукой: мол, ничего страшного, всё будет в порядке. И заработал дощечкой, перебрасывая её с борта на борт.

Поплыл он довольно быстро, держа наискосок, к нерпе. Подойдя к ней, закружил вокруг, пытаясь продвигать её к берегу. Но это оказалось нелёгким делом: доска короткая, управлять шлюпкой трудно. А отливное течение уносило и Белянцева, и нерпу всё дальше и дальше. Тут уж Белянцев отказался от мысли вернуться с добычей и решил плыть к берегу без неё. Усиленно заработал своим неудобным «веслом», вспотел от резких движений, но берег не только не приближался, а отступал всё дальше и дальше.

Пацейко первым сообразил, что начался отлив, Белянцева относит течением и он не в состоянии его преодолеть. Немедленно послал бойцов доложить о случившемся командиру роты, а сам застыл в беспомощной позе и, досадуя на себя за то, что не мог своевременно предотвратить безрассудного поступка Белянцева, не отводя глаз, наблюдал за удаляющейся шлюпкой. Её несло в открытое море.

Бойцы, вбежав в командирскую палатку, перебивая друг друга, стали докладывать. Мартюшев долго не мог понять, что же случилось.

— Товарищ старший лейтенант! Старшина пропал, — сказал один из них.

— ЧП, — сказал другой, — подстрелил нерпу...

Командир роты рассердился. Заставил говорить одного, и тогда понял, что произошло. Вскочил так, что закачался стол, упала табуретка. Сквозь загар проступила бледность, придав лицу сероватый оттенок. Пересохло во рту.

— Ну, допустили пехоту к морю, — протяжно сказал он, — теперь наломают дров... Рождённый ползать — летать не может! Куда же он полез? — возмущался командир по адресу старшины.

Но делать нечего, надо было принимать меры к спасению. Ведь он здесь самый старший начальник и отвечает за жизнь и здоровье всех подчинённых.

У Белянцева есть мать, она его ждёт вот уже пять лет. У неё теплится надежда, что сын вернётся, обласкает и обеспечит её старость. Мартюшев понял и свою оплошность, что в охоте за солдатским приварком допустил самотёк.

Но как спасать Белянцева? Ведь в распоряжении роты нет для этого никаких возможностей. Решил ехать на погранзаставу, чтобы попросить на помощь пограничный катер, приказал оседлать лошадь. Сейчас, думал он, когда война уносит десятки тысяч жизней, каждый из нас дорог, как никогда. А Белянцева особенно жаль, ведь он мой товарищ по службе. Поступил легкомысленно, слов нет, но всё же из-за благородных побуждений. Не успел ездовой и рта открыть для доклада, а Мартюшев уже был в седле. Вороной получил сильный удар в бока и поскакал, что есть мочи.

На заставе узнал, что на маяке разгружается пароход и что лучше всего обратиться к его капитану. Это будет быстрее. Старший лейтенант, не теряя времени, поскакал на маяк. Он очень волновался. Переживал и лейтенант Пацейко, но без внешних проявлений. Он поднялся на высокий берег, сел там и словно окаменел. Затаив дыхание, не моргая, следил за чёрной точкой, время от времени появляющейся на гребне волны.

А что пережил Белянцев? Опасность, угрожавшую ему, он осознал не сразу. Пока берег был отчётливо виден, а волны не так огромны, он не волновался, полагая, что его поболтает некоторое время вблизи берега и выбросит где-нибудь в стороне. Опасался он лишь одного: как бы не опрокинуло шлюпку. И сколько мог, обломком доски поддерживал её устойчивость. Но когда мыс показался узкой полоской на горизонте, а утлое судёнышко стали бросать океанские волны, он понял всю опасность его глупой затеи.

От сильного волнения, вызванного безысходностью положения, колотилось сердце, не хватало воздуха, и он задыхался. Чувство одиночества, обречённости, страх перед возможностью остаться навсегда в бездонной морской пучине — вот что испытывал он.

Больше всего его мучило сознание нелепости случая, который мог привести к роковому концу. «Легкомыслие, глупость, ребячество — вот до чего они доводят», — думал он, проклиная всё на свете: и нерпу, и лодку, и Пацейко,

и мыс Лопатку, но больше всего самого себя. «Ведь меня никто не толкал, — сокрушался Белянцев. — Сам на погибель кинулся». Но в глубине души оправдывался: не ради пустой забавы всё это, а за общее дело хотел порадеть.

Всякий раз, когда шлюпка с гребня волны стремительно скользила вниз, вызывая тошноту, ему казалось, что его сейчас накроет волна. От этого волосы поднимались дыбом, а по коже пробегал мороз... Но человек привыкает ко всему. Волна Белянцева не накрывала. Он вновь взмывал на гребень. Мало помалу отчаяние миновало, появилась надежда на спасение: шторма не было, волны, хотя и большие, перекатывались лениво, без бурунов.

«А может, всё обойдётся, — думал он, — здесь часто проплывают корабли, и, может быть, меня подберёт один из них». Белянцев решил передохнуть. Он устроился поудобней, положил у ног злополучное «весло» и отдался стихии. «Плыви, мой чёлн, по воле волн...» — как поётся в песне.

В трудную минуту, когда на волоске висит жизнь, всегда вспоминается дом, мать, семья. Белянцев словно в дымке увидел родное село, старушку маму, которая давно его ждёт (он должен был уволиться в запас ещё осенью сорок первого). Дождётся ли, увидит ли она его? Вернутся со службы односельчане. Мать будет одиноко стоять у калитки и всматриваться в их лица. Какое же горе обрушится на неё тогда!

Жалко стало её и самого себя, он заплакал. Слёзы текли по щекам и накапливались в пшеничных усах, совсем недавно ещё придававших его лицу солидность и бравость. Смахнуть их не было возможности, так как руки цепко держались за борта шлюпки. Да он и не замечал слёз, не ощущал их.

Вдруг на горизонте показался дым парохода. О, как он обрадовался этому. «Я спасён!» — вырвалось у него из груди. Вернулось самообладание. Лишь сейчас он увидел, что в шлюпку набралось порядочно воды. Осторожно, чтобы не опрокинуться, он принялся горстями вычерпывать её. Тем временем пароход приблизился настолько, что отчётливо вырисовывались его палубные надстройки.

Белянцев засигналил пилоткой, потом снял телогрейку, замахал ею.

Но пароход шёл своим курсом, направляясь в пролив. Белянцев стал кричать и махать руками. Его не заметили. Судно, войдя в пролив, совершенно скрылось из вида. Появившаяся, было, надежда рухнула. Им снова овладело чувство одиночества, обречённости. А когда увидел, что за шлюпкой, шумно разрезая волну и обгоняя друг друга, идут косатки, содрогнулся. «Вот они, чуют поживу, — подумалось ему, — караулят, чтобы разорвать на куски». Однако косатки, как будто не желая связываться с мелочью, играя, прошли стороной. Солнце приближалось к горизонту. Белянцев почувствовал усталость. Волна укачала его. Голода не ощущалось, видимо, сказывалась морская болезнь.

На маяк, к месту разгрузки парохода, на взмыленной после двенадцатикилометрового галопа лошади примчался командир роты. Он был одет в защитного цвета телогрейку без погон. Лишь пилотка и бриджи тёмно-синего армейского сукна говорилось о его военной принадлежности.

— Где капитан парохода? — торопливо спрашивал он попадавшихся ему на пути людей.

Работавшие на разгрузке отвечали неопределённо. Одни говорили, что капитан на судне, другие, что на берегу.

— Да зачем вам капитан? — с участием спросил кто-то из них, заметив на лице военного печать крайнего беспокойства.

— Человека унесло в море, надо спасать!

Люди зашумели и забегали по берегу. Увидев участие неизвестных ему, Мартюшев несколько воспрянул духом. С благодарностью смотрел на суету добрых простых незнакомцев.

Подошёл кунгас с грузом, но разгружать его не стали. Рабочие всецело были заняты тем, что искали способы спасения человека. Знатоки моря, окружив командира, излагали свои планы, другие, кто помоложе, бросились отыскивать капитана.

Тот был на берегу и вскоре пришёл к месту разгрузки. Мартюшев вкратце рассказал ему о случившемся, попросил помощи. Но капитан огорчил его, сказав: «Сейчас на фронте миллионы погибают. Жаль, конечно, человека. Но если унесло в океан, что же сделаешь. Сообщи по-хорошему родным, что погиб при исполнении служебных обязанностей.

— Да не погиб он, искать надо, — горячо возразил командир роты. — Здесь не фронт... Вся надежда на вас и ваш корабль.

— Ну, а если уже поздно? На шлюпке, говоришь, плоскодонной, без вёсел? Пехота? Опрокинулся уже, наверное. Ищи в гостях у крабов.

— Не может быть этого — море спокойное.

Но капитан продолжал настаивать на своём:

— Ты представляешь, во что обойдётся этот поиск? Это расход топлива, воды, а они у меня на исходе. Потеря времени. Нам надо спешить с разгрузкой, барометр падает. А потом, я не могу сняться с якоря без разрешения военного командования. А оно знаешь где?

— Где бы то ни было, это неважно, — твёрдо заявил Мартюшев. — Для спасения человека надо пойти на всё. И никто за это не осудит.

— Высокопарные слова.

— Давайте всё же запросим командование.

Слышавшие этот разговор грузчики и члены судовой команды поддержали военного. Послышались возгласы: «Как же бросить человека в беде? Не по совести это!»

Капитан недовольно поморщился.

После некоторого раздумья он согласился запросить командование военно-морской базы. Вместе с командиром роты отправился к начальнику маяка, чтобы воспользоваться его радиостанцией. Из её помещения первым буквально выскочил Мартюшев с просветлевшим лицом, все находившиеся на берегу поняли, что поиск разрешён.

Когда подняли якорь и пароход малым ходом начал поворот на восток, день склонялся к вечеру. А через час в открытом

океане в двенадцати милях от берега был найден Белянцев. Два матроса на бортовой шлюпке подошли к его утлому судёнышку, гостеприимно пригласили смельчака перебраться к ним. Но старший сержант молчал и не двигался. Спазма радости обожгла горло. Тело застыло, руки и ноги затекли. Радостное волнение, близость людей, реальность спасения совсем расслабили его. Он силился подняться, но не мог. Помогли моряки, и он с большим трудом переместился в их шлюпку. На палубу парохода его подняли на грузовой металлической сетке-стропе. А заговорил Белянцев лишь после того, как проглотил полстакана разведённого спирта и подкрепился сытным флотским ужином.

Командир роты был на маяке до тех пор, пока не сообщили с парохода, что Белянцев жив, здоров и находится на борту. После этого с чувством полного удовлетворения он вновь оседлал своего коня и рысцой отправился в роту: его ждали там неотложные дела, двести подчинённых ему людей, которым вместе с ним предстояло сделать неприступным этот участок побережья.

Белянцев проспал всю ночь богатырским сном. Утром со слезами на глазах поблагодарил своих спасителей и с первым кунгасом отправился на берег. В роту он шагал бодро, весело напевая: «Смело, братья, ветром полным парус свой направил я. Полетит на скользких волнах быстрокрылая ладья». Но временами его лицо мрачнело, между лопатками пробегал холодок. Вспоминалось только что пережитое: громады диких волн в нерадующих холодных блёстках солнца, стая косаток, резвящаяся в морской зыби. Он содрогался и старался вспоминать иное, более приятное: чистый матросский кубрик, тепло, разлившееся по всему телу после спирта и ужина, показавшуюся такой мягкой корабельную койку.

Белянцев вошёл в палатку командира роты. Приложив руку к головному убору, хотел чётко доложить обо всём, произошедшем с ним. Но Мартюшев с радостным возгласом бросился к нему и расцеловал, как родного брата, как самого доброго человека. Командир роты был беспредель-

но рад тому, что Белянцев спасён, ведь тот находился рядом со смертью. Чувство дружбы, войскового товарищества вернули Белянцева в родную воинскую семью. Испытывал радостное чувство Мартюшев и от того, что теперь не придётся докладывать по команде о чрезвычайном происшествии.

Тот из командиров, кто перенёс на себе всю тяжесть доклада начальству о происшедшем в подразделении ЧП, тем более о гибели человека, помёт все те сложные чувства, которые овладели тогда Мартюшевым. Но когда восторг, вызванный встречей, прошёл, Мартюшев обрушил на Белянцева всю силу своего гнева за этот необдуманный, ребяческий поступок. Он ругал его, на чём свет стоит. И слова «распущенность», «недисциплинированность», «разболтанность» повторялись ещё не раз и не были самыми резкими.

Белянцев застыл по стойке «смирно», краснел и бледнел. Он никогда не видел командира в таком возбуждении. В заключение Мартюшев сказал Белянцеву:

— При таком поведении тебе ещё рано быть старшиной роты, ты станешь предметом насмешек. Сдашь роту старшему сержанту Гребневу, а тебя назначаю помощником командира второго взвода. Белянцев в душе согласился с командиром и без привычной лихости тихо ответил: «Слушаюсь».

Конечно, подумал он, и рядовые могут посмеиваться, а уж сержанты, тем более старшие по званию, то наверняка. В этом он убедился сразу же по выходе из платки Мартюшева. Увидавший его помощник командира первого взвода старшина Филонов издалека крикнул: «Эй ты, моряк, корма в ракушках! Ну, как, вкусна нерпичья печёнка? Пока ты плавал, мы её съели». Но Белянцев был уже в хорошем настроении и ответил, перефразируя слова Горького: «Я видел море, ты не увидишь его так близко, эх ты, бедняга!» «Почему я бедняга? — недоумевая, пожал плечами недалёкий Филинов. — Это ты бедняга, вон, смотри, поседел».

Но для большинства личного состава роты, вопреки ожиданиям Мартюшева, хлебнувший лиха Белянцев стал героем. Оказавшись один на один с морской стихией, он не

потерял самообладания и вышел победителем в единоборстве с океаном. В каждом взводе его окружали, расспрашивали, восторгались.

Прошло два месяца напряжённого труда. Бойцы и командиры работали с рассвета до темна. Занятия проводились только по политподготовке. В перерывах читали короткие сводки Совинформбюро, записанные радистами: их размножал для каждого взвода комсорг роты младший сержант Осадчий. Общего прослушивания радиопередач не производилось, так как нужно было экономить питание радиостанции. Свежих газет ещё ни разу не привозили.

За прошедшее время было сделано многое: оборудован ротный район обороны, построены кухня и пекарня, конюшня, заготовлены сено и дрова. Весь годовой запас продовольствия перевезён с берега и размещен в помещении, выделенном под склад погранзаставой. Осталось подготовить жилище для личного состава. Пароход с Сахалина с заготовками для казарм ещё не прибыл, и его ждали с нетерпением.

Погода резко изменилась, похолодало. По небу, гонимые ветром, быстро проплывали тёмные массы рваных облаков. Время от времени вместе с дождём выпадала снежная крупа. Приближалась зима. В лагерных палатках, хотя они были наполовину обложены дёрном, тепло не держалось. Порывы ветра в одно мгновение выдували весь жар раскалённых печурок. Волглые шинели просушить было негде.

Озябшие, в сырых шинелях, бойцы ходили понурые, кое-кто из малоустойчивых уже начинал роптать: «Нас на погибель сюда завезли... Сгниём здесь не за понюх табаку...»

Что делать? Как защитить людей от надвигавшейся суровой зимы? Эти вопросы всё настойчивее вставали перед командиром роты. На сахалинские казармы рассчитывать уже не приходилось. Если даже их привезут, то разгрузить судно будет невозможно — начались штормы. Можно постараться успеть до снега построить примитивную земляную казарму, но нет брёвен, нет дорог. Каков же выход?

В эти пасмурные дождливые дни в роту прибыл заместитель командира батальона старший лейтенант Вожов. Он долго совещался с офицерами и после этого заявил перед выстроившейся ротой: «Есть один выход, товарищи! За высотой Машковской обнаружено большое скопление выброшенного морем строительного леса-плавника. Там можно сколотить плот и перегнать его по морю поближе к вашему расположению. А здесь всё уже в нашей власти. Перенесём брёвна сюда и построим землянки. Работа большая, тяжёлая, лес далеко, плохая погода. Но другого выхода у нас нет.

Вспомните, товарищи, каково нашим бойцам на фронте. Не легко и нам здесь. Но мы — советские воины, должны выполнять данный нам приказ: зимовать здесь. Это не чья-то прихоть. В девяти километрах за проливом находятся японские войска, давнишние наши враги и друзья немецких фашистов. А через этот Первый Курильский пролив у советских моряков единственный выход в Тихий океан. Он нужен нашей стране, чтобы получать грузы из Америки — это один из каналов помощи нашему фронту из союзных держав.

На фронте наши войска форсировали Днепр, в настоящее время они окружают Киев. Будем же достойны наших братьев-фронтовиков!»

Речь командира бойцы слушали с большим вниманием. На их лицах всё чётче проявлялась решимость сделать всё для того, чтобы обеспечить безопасность жизненно важного для Родины морского пути. Они горячо откликнулись на призыв — немедленно начать заготовку леса, который необходим для строительства жилья.

Из каждого взвода выделили бывалых, физически сильных воинов, преимущественно из тех, кто работал на лесозаготовках и рыбных промыслах Камчатки. Из них создали группу для сооружения и перегона плота, возглавил её сам Вожов. Остальные бойцы начали рыть котлованы под времянки, резать и подносить к ним дёрн.

Через пять дней солидный плот был доставлен к месту назначения в устье небольшой речки в пяти километрах

от расположения роты. Его тянули вдоль берега бурлацким способом на бечеве. Двадцать километров показались как все сто. Отсюда воины перенесли брёвна к месту строительства землянок волоком и на плечах.

Землянки строили для каждого взвода. Работали с невиданным подъёмом: хотелось быстрее забраться под крышу, спрятаться поглубже в землю от ветра, холода, дождя и снега.

Наступил ноябрь. Погода стояла отвратительная: ветер и дождь, потом закрутила метель, снег бил в лицо. А усталые бойцы упорно продолжали резать размокший, похожий на студень дёрн, укладывать его вдоль стен.

Хорошо организовали дела в пулемётном взводе Пацейко и в третьем взводе Махаринского. Здесь не было толкотни, излишней суеты, каждый знал своё место, имел определённое задание, поэтому ни одна минута не уходила впустую. Взвод Пацейко за один день построил две землянки: для личного состава и командира. Махаринский целыми днями находился вместе с бойцами. Он видел каждого из них и знал, кто чем дышит, на что способен. А по вечерам в его палатке долго мерцала коптилка, заправленная нерпичьим жиром. Он тщательно продумывал работу на следующий день, распределял задания, учитывал успехи отличившихся, не забывал и нерадивых. Утром воздавал должное каждому по его заслугам.

Четвёртого ноября строительство землянок было завершено. Люди повеселели, шумно вносили и размещали в самодельных пирамидах и на стеллажах оружие, имущество. С удовольствием вытягивались на голых нарах, примеряя их длину. А когда заправили постели, затопили печи, тёплый воздух стал приятно ласкать тело, им показалось, что уютней и комфортабельней землянок нет ничего на свете.

Оставалось три дня до двадцать шестой годовщины Октябрьской революции. Заместитель командира батальона и командир роты по радио доложили командиру батальона, что рота к зиме готова.

«А как же будем праздновать? — выходя из землянки, спросил Вожов Мартюшева. И, не дожидаясь ответа, продолжил свою мысль. — Праздник Октября надо встретить торжественно, как положено, организовать для бойцов культурный отдых». Командир вызвал комсорга роты Осадчего и комсомольского активиста Махаринского.

— Слушайте, комсомольцы, — сказал он им, — а не сообразим ли мы на седьмое ноября концерт?

— За три-то дня? — удивился Махаринский.

— А что? — весело посмотрел на него Мартюшев. — Освобожу «артистов» от всех работ и нарядов.

— Надо привлечь к этому бывших участников самодеятельности, — вступил в разговор Осадчий. — Ведь у них есть что-то уже готовое. Составим программу и начнём по ней репетировать. Разучивать новое некогда, да и материала для этого нет.

— Это деловой разговор — поддержал его Мартюшев. — Действуйте, товарищ Осадчий, не теряйте времени. Лейтенант Махаринский вам поможет.

Осадчий, приложив руку к головному убору, повернулся и вышел из землянки. При этом сильно ударился головой о дверную раму: он был высок ростом и ещё не привык соизмерять его с низкими входами в землянки. Потерев ушиб ладонью, направился во взводные землянки записывать желающих принять участие в праздничном концерте. Но охотников не находилось. Бойцы, измучившиеся во время недавних работ, вяло отшучивались:

— Ну, вот придумали! Какие из нас артисты?

— Да я и смотреть не пойду, лучше посплю в это время, — заявил старшина Филинов из первого взвода.

Комсоргу удалось всё же выявить небольшую группу любителей искусства. Составили программу. В неё вошли небольшое представление о хитрости и ловкости советских партизан, плениших командира фашистских карателей, чтение стихотворений разных авторов от Пушкина до Константина Симонова, хоровая песня «Священная война» и сольное исполнение русской народной песни «Когда

б имел златые горы». Нашлись и гармонисты. Текст скетча Махаринский восстановил по памяти. Он видел его примерно год назад, когда служил в другой части.

Репетировали два полных дня, с подъёма до отбоя. Виктор Махаринской участвовал в скетче, играл фашистского офицера и, надо сказать, играл с вдохновением, стремился как можно реальнее показать зрителю наглого, циничного и в то же время трусливого эсэсовца. Хор под управлением рядового Сулименко хорошо разучил песню «Священная война».

Седьмого ноября в конюшне соорудили сцену. Две плащпалатки заменили занавес. Коптилки, заправленные нерпичьим жиром, скромно играли роль театральных люстр. Чтобы освободить место под зрительный зал, лошадей пришлось временно уплотнить: поставить по две в каждой станок.

Собрались бойцы.

— Ничего себе, филиал МХАТ! — воскликнул кто-то.

— Шахта времён Екатерины Второй, — отозвался чей-то хриплый голос.

Вокруг засмеялись.

— Ну, ты брось, в шахтах Екатерины самодеятельность не показывали, — не унимался первый.

— Но и во МХАТ тоже на представление лошадей не водят, — не желая остаться в долгу, острил хрипатый.

Снова раздался смех.

Но вот появились командиры, прозвучала команда «Смирно!» Всё стихло. Лишь было слышно, как громко хрустели сеном лошади.

— Прошу садиться, — произнёс старший лейтенант Вожев. Люди начали размещаться: кто позаботился заранее — на скамейках, у кого их не было — залез на балки-перекладины, а большинство устроилось, как говорится, на своих двоих.

— Товарищи бойцы, сержанты, командиры! Вот в каких условиях приходится нам встречать двадцать шестую годовщину Великого Октября, — начал свой доклад заместитель командира батальона, и говорил он долго. Напом-

нил о том, как живёт наша страна, о положении на фронтах войны, которую нам навязали немецко-фашистские захватчики. Потом подробно изложил задачи, стоящие перед ротой, признавал личный состав с тем же энтузиазмом, с каким готовились к зиме, переключиться на совершенствование своего боевого мастерства. Учиться только тому, что нужно на войне.

— Мы, — сказал он, — находимся на передовой позиции. До противника рукой подать. Японцы давно уже готовят нападение на нашу страну и, если дело дойдёт до схватки, прежде всего, попытаются лишить нас именно этого пролива — выхода из Охотского моря в Тихий океан. Не исключена возможность, что именно нам придётся первыми отражать удар врага и оказывать ему длительное сопротивление, пока не подойдут главные силы. Поэтому бдительность и высокая боевая готовность должны войти в нашу плоть и кровь, стать законом нашей жизни.

В заключение доклада прозвучали здравицы: «Да здравствует Советская Родина! Да здравствует наша партия, вдохновитель и организатор разгрома немецко-фашистских захватчиков!» Всё долго аплодировали стоя. Правда командирских слов вселила в сердца бойцов бодрость и уверенность, подняла их воинский дух.

После торжественного собрания состоялся концерт. Тепло встречали все номера, но особенно большим успехом пользовался рядовой Сулименко. Он руководил хором, выступал и с сольными номерами, плясал, декламировал. Его встречали бурными аплодисментами, вызывали на бис. Поощрённый таким приёмом, он до того разошёлся, что исполнил сверх программы семь номеров, чем продлил удовольствие зрителей на целый час. В этом репертуаре были русские и украинские песни, русская и цыганская пляски, комические охотничьи рассказы, стихи. Особенно восхитил всех его последний номер: лихо отбивал чечётку, выделывая при этом различные замысловатые коленца, орудуя ногами и руками, в такт музыке щедро бил ладонями по груди, коленам, лбу и полу.

Зрители вытягивали шеи, крутили головами, следя за всеми движениями плясуна. Вдруг сзади раздался глухой стук. Все оглянулись, моментально громыхнул оглушительный взрыв хохота. Оказывается, старшина Филинов, который прежде высказывал полное пренебрежение к солдатской самодеятельности, до того увлёкся пляской, что соскользнул с перекладины, где он устроился на двухметровой высоте. К счастью, полёт завершился благополучно — он отделался лёгким испугом, так как свалился на головы стоявших внизу. Долго потом вспоминали этот забавный случай.

После концерта состоялся праздничный обед. Его украшением было нерпичье мясо, кусок которого достался каждому. Но и этот обед отразил все трудности воинского житья-бытья. В землянки приносили первое в котелках, второе — в крышках от них. Хлеб выдавался общим весом на отделение. Его долго делили. Вначале опытный, с «набитым» глазом боец резал буханку на примерно равные порции, а затем кому-то завязывали глаза и спрашивали у него, указывая на ту или иную порцию: «Кому». Тот называл фамилию. Такой способ распределения хлеба считался самым справедливым.

А тем временем люди, глотая слюну, сгорали от нетерпения. Некоторые не выдерживали и съедали суп и кашу, а уже после жевали сухой хлеб. Не обходилось без происшествий. Во втором взводе рядовой Кузьмичёв, съев приварок, набрасывался на кусок ещё не разделённого хлеба и моментально съедал всё, что успевал захватить. Так повторилось несколько раз. Возмущению товарищей не было предела, но они быстро нашли выход из положения. Как только в землянку вносили хлеб, Кузьмичёву связывали руки его же собственной обмоткой. Первое время он возражал, а потом привык и уже сам подставлял руки.

Так было и во время праздничного обеда. В землянках долго, но точно разрезали на порции хлеб. Потом из них некоторое время слышалось: «Кому?» «Петрову». «Кому?» «Иванову»...

Конец дня испортила внезапно разыгравшаяся пурга, загнавшая всех в землянки и быстро закупорившая их снегом. Зажгли коптилки, стало смрадно, с потолка капало. Дежурный по роте раньше времени объявил отбой. Люди с удовольствием завались спать, но многие из них ещё долго переговаривались: худо-бедно, но всё-таки не так уж и плохо отметили Октябрьский праздник.

Бушевал норд-ост. Двери и окна землянок плотно завалило снегом. Лейтенант Махаринский не мог выбраться из своего жилья и попасть во взвод. Он ничего не ел уже сутки. Накануне ему приносили пищу по разу в день, тогда ещё не так сильно были завалены двери. Боец, принёсший командиру взвода холодную похлёбку, извещал его об этом, крича в трубу: «Обед!»

Виктор распахивал дверь, она открывалась вовнутрь. Перед ним стояла стена снега, он протыкал сквозь снег палку. Боец ей и ногами пробивал дыру пошире и в неё просовывал принесённое. Виктор, приняв котелок, ставил его на печурку, где чуть тлели сырые дрова. Немного подогрев, он с жадностью набрасывался на жидкий суп. При своей крупной комплекции он любил поесть.

Но в этот день, сколько не прислушивался, никаких сигналов не услышал. В трубе свирепо гудел ветер. Открыл дверь и попытался сквозь снег выбраться наружу. Но быстро оставил эту затею, так как иначе пришлось бы завалить снегом всё своё жильё. Сел около печки, спать не хотелось. Читать было нечего: весь книжный фонд роты, включая «Справочник воинствующего безбожника» — собственность сержанта Малова — им был давно прочитан. Малов до войны заочно учился в антирелигиозном институте и с тех пор не расставался со своим справочником, всегда мог дать любую справку о существующих религиях и времени их зарождения.

Махаринский любил читать, читал много и быстро. Вслед за книгами ротной библиотечки он прочитал и все художественные произведения, какие нашёл на мысе Лопатка у своих товарищей. Теперь в длинные пурговые сутки

приходилось листать и перечитывать всё, что было под рукой — брошюры на темы воинского воспитания, уставы и наставления. Чтобы как-то скоротать время, он взял наставление по противовоздушной и химической обороне, но читать не смог. Чуть-чуть мерцал ещё тлевший огонёк коптилки, запас нерпичьего жира иссякал. Положив ногу на ногу и обхватив колено руками, Махаринский с беспокойством думал о взводе. Как себя чувствуют люди? Что они делают? Все ли на месте?

Во время пурги из землянок выходили по крайней нужде и за пищей на кухню. При этом, как правило, перемещались группами, взявшись за руки или связавшись между собой ремнями. Движение широким фронтом исключало возможность пройти мимо кухни. Были случаи, когда идущие в одиночку люди, сбившись с пути, долго петляли и вместо кухни попадали на западный берег. Там в затишье под обрывом у самой воды им приходилось коротать время, пока не стихнет пурга. Так что лейтенант Махаринский беспокоился не без основания.

А во взводе происходило вот что. Как только стало известно, что пища на кухне не готовится, помкомвзвода объявил отбой и сам первым залез на верхние нары. Он знал, что занятия сейчас организовывать бесполезно. «Ну кто на голодный желудок станет изучать устройство ручного пулемёта», — думал он. И успокаивал сам себя: расписание занятий рассчитано не на такую обстановку.

Более половины бойцов взвода команду выполнили, залезли под одеяла и дремали. А несколько ребят сгрудились у печки. В ней ярким пламенем, потрескивая, горела сухая доска, только что оторванная от нар. Из неплотно прикрытой печной дверцы выбивались язычки пламени. Их отсвет прыгал по лицам бойцов, по тёмным стенам землянки. Было жарко, пахло испарениями от портянок.

— Эх, не здесь бы сейчас сидеть, а в ресторане «Золотой Рог», — тихо произнёс рядовой Кравцов. — Довелось мне побывать в нём, когда ехал на Камчатку. До сих пор помню, какие вкусные блюда подавали! Я заказал какое-то

мудрёное, кусок хорошо прожаренного мяса, на нём глазунья в одно яйцо, гарнирчик, огурчики — всё так культурно разложено на тарелочке. Мы с дружком опрокинули по стаканчику «Пшеничной» и так толково закусили.

— Это, наверное, был лангет, — вставил Цепелев, — но я больше всего уважаю свиные отбивные. Мать, бывало, набьёт куски с лапоть, обжарит, и вот сядем с брательником, веселимся, запиваем квасом. Хорошо!

— А для меня приятнее всего рыбные блюда, — глотая слюну, сказал Терехов. — Особенно люблю камчатские балыки, копчёные брюшки кеты. Когда ешь их, во рту такая приятность. По бороде жир течёт...

— Известно, что лучшая рыба — это колбаса, — ударил по плечу Терехова Хоботнев. — Бросьте вы об этом говорить, ребята. Я бы сейчас собаку съел. Не нужно мне ваших изысканных блюд, дай мне то, что положено по раскладке. Что думает Колоникин? (Рядовой Колоникин исполнял обязанности заведующего столовой.) Почему не кормит? Он явно не справляется со своими обязанностями, его надо в строй.

С нар послышался тенорок, запевший на мотив песни «Шёл со службы пограничник»:

Шёл со склада Колоникин,
На груди слюна блестит.
Задержался у каптёрки:
Дай дровишек, говорит...

— Что думает Колоникин? — продолжал тот же голос. — Он так же, как и мы, лежит на нарах и сосёт лапу. А что ему ещё делать, если дров нет, продукты кончились, на склад не пройдёшь? Что он, сверхчеловек, что ли?

— Ведь пятый день бушует! — вступил в беседу ещё один боец. — Страшно, что делается на улице. В двух шагах ничего не видно. В воздухе настоящий снеговорот. Выскочил по лёгкому делу на минуту, вернулся весь в снегу, как будто меня вывалили в сугроб. Во все карманы снегу набило. Где только что стоял — ни осталось никаких следов. Вот это ветер, вот это стихия!

— Можно, конечно, было бы преодолеть этот ветер, ползком ползти на склад за продуктами, — вновь раздался голос «тенора» из полутьмы. — Так ведь не видно, куда идёшь! В этом коловороте сразу теряешь ориентировку. Смотреть невозможно, глаза залепляет. Нет, братцы, лучше погодим. Давайте переспим это дело. А перестанет пурга, наверстаем, будем «рубать» по две порции.

— Знаешь что? Нам твои сладкие речи ни к чему, — поднялся Защелкин и со злостью посмотрел в сторону тенорка. До этого он лежал на нижних нарах на спине, свесив обутые ноги. — Житуха хуже, чем в ссылке! Темно, сыро, голодуха. Спрашивается, чем мы провинились, за что бросили нас сюда? Кому нужен этот проклятый мыс? Ну, а если необходимо здесь держать войска, так создавай условия для жизни! Если ещё сутки не пожрёшь — ног не протянешь. Какие же из нас будут вояки? Иди и как мух дави. Командиры — шляпы! Позабило их в землянках, спят, небось, никаких мер не принимают. С такими командирами гроб нам тут всем.

— Подожди, не умирай! — поднял голову с подушки сержант Малов. — И почему это, Защелкин, у тебя при солидной внешности такая слабая душонка? Можно подумать, что ты белоручка, нежно воспитан, не умеешь преодолевать трудности. Нет, ты просто распустился и не хочешь держать себя в руках. Постыдился бы молодых, которые в жизни ещё ничего не видели, но проявляют больше выдержки и спокойствия. Командиров ругаешь. А они что, святые духи? У них тоже, как и у нас, животы подвело. Да и нет у них ещё опыта организации жизни и учёбы подразделения в таких условиях, как здесь. Ведь зима только начинается, и такое, чтобы пятые сутки дуло, встречается впервые.

Убедившись, что его внимательно слушают, он продолжал:

— В другой раз будем умнее. Вместо того, чтобы бузить, ты бы подумал о том, что надо сделать, чтобы в дни длительной пурги мы не бедствовали. А потом своими соображениями с нами бы поделился, а может быть, и командиру роты высказал. Вот это было бы по-солдатски. А то пошёл...

И ссылка, и каторга... Нет, не ссылка это и не каторга! Мы выполняем почётную задачу. И я, например, горжусь тем, что служу в этой роте. Если не на фронте, так уж здесь выполнять трудное и почётное дело!

Так думал не только сержант Малов.

— Верно сказано, — поддержал его тенорок. Так думали и остальные, хотя и не выразили этого вслух. Они стойко переносили трудности, с энтузиазмом несли службу.

Защелкин затих. Он слушал Малова. Во-первых, Малов был старше его года на три, а во-вторых, всегда говорил дельное.

Так зима полностью вступила в свои права. Снежные пурги следовали одна за другой с небольшими перерывами в два-три дня. Иногда они по неделям не давали возможности выйти на улицу. Землянки оказались глубоко под снегом, в одной из них под тяжестью снега лопнула продольная балка. Крыша осела и угрожала полным обвалом во внутрь землянки. Потребовалось немало усилий, чтобы приподнять её и укрепить балку подпорками. Не было жести, чтобы наращивать дымовые трубы, кромки которых оказались ниже уровня снежного покрова. От этого тяга стала слабой, печки задымили.

С каждым днём командир роты всё больше и больше убеждался в том, что место расположения жилья было выбрано неудачно. Землянки располагались в седловине. Здесь прочно оседал как выпадающий снег, так и сдуваемый ветром с высот. Об этом в своё время не подумали, а заботились лишь о маскировке. Она была безукоризненной: только в непосредственной близости по грязным тропкам да «лисьим норам», которые вели к землянкам, можно было обнаружить лагерь. Ну, что ж, этот урок на будущее.

В два первых месяца зимы, когда погода наиболее неустойчива, а морская стихия бушует особенно люто, людям пришлось перенести много невзгод и лишений — насиделись и в голоде, и в холоде. Дрова находились в местах их заготовки — в трёх-пяти километрах от лагеря. Их доставали

и несли к землянкам вручную вязанками. Лошади были заняты исключительно на подвозке сена.

В таких условиях создать большого запаса дров на кухне, в пекарне и в каждой землянке просто не успевали. Поэтому, когда свирепствовала пурга, для экономии дров горячую пищу готовили один раз в день. А когда кончались запасы, обходились и без этого. В такие дни использовался суточный неприкосновенный запас, имевшийся у бойцов в вещмешках. В дальнейшем потуже затягивали ремни и, сидя вокруг потухших печек, тихо вели разговор о всяких всячинах, в том числе о ресторанах, об искусстве поваров, лучших национальных блюдах.

Неожиданно пришла новая беда. Однажды на утреннем осмотре у нескольких бойцов нашли вшей. Вшивость быстро распространилась, охватив все взвода. Причина этого была ясна: людям негде было как следует помыться и выстирать бельё. Своей бани в роте не было. Летом и осенью, до снега мылись на улице, возле речки. Грели воду в железной бочке и обливались ею. Бельё стирали, кто как мог в тёплой или холодной воде.

Когда стало холодно, ходили мыться к пограничникам. У тех на заставе была маленькая банька, человек на пять, а набивалось в неё втрое и вчетверо больше. Мылись кое-как. Но когда появились вши, нужно было решать всё по иному. Командир роты приказал старшине освободить землянку, в которой размещалась каптерка. В короткий срок переоборудовали её под баню. В ней мылись по отделениям. Воду грели на улице в бочке. Помещение было маленькое, без предбанника. Бойцы раздевались в своих землянках и бежали в баню в одних кальсонах и на босу ногу.

Однажды, когда мылся и стирал бельё взвод ротных миномётов, внезапно разыгралась пурга. Помкомвзвода сержант Александр Коротков приказал «закругляться»: надо спешить в землянку, пока ещё сквозь снежную мглу видны ориентиры. Но не успели. Ветер усилился, закрутил снег, превратившийся в плотную непроницаемую завесу.

Коротков повёл взвод наугад. Он был уверен, что идёт прямо к своей землянке. Последним из бани вышел рядовой Старцев. Он задержался, чтобы закрыть дверь. Пока закручивал проволоку, служившую надёжным запором от порывов ветра, взвод скрылся в снежной мгле. И Старцев побежал также наугад в сторону жилья. Через минуту он ввалился в землянку, фыркая и смеясь, весь облепленный снегом. Войдя в темноту со света, он какое-то время ничего не видел, отряхивался, что-то говорил, оправдываясь за то, что отстал от строя, как вдруг услышал беспокойный голос взводного:

— А где же остальные?

— Разве не пришли? — растерянно заморгал Старцев. — Значит, заблудились.

У взводного волосы встали дыбом: ведь люди только что из бани, в одном нательном белье. Он выскочил из землянки и стал кричать. К счастью, все, держась друг за друга, блуждали недалеко и отозвались на голос командира. Он помог им найти вход в землянку. В неё спускались настоящие снежные бабы с моргающими белыми ресницами. Кальсоны, завязанные внизу, раздулись от набитого в них снега. Молодые и крепкие, они, добравшись до тепла, сразу забыли об опасности, которой подвергались, хлопали друг друга куда попало, легкомысленно хохотали до коликов. Вместе с ними искренне радовались командир взвода и «замыкающий» Старцев.

Бороться со вшивостью взялись серьёзно. Об этом говорили на партийном, комсомольском, взводных и общем ротном собраниях. Борьба за чистоту стала общим делом. Солдаты кипятили бельё и тщательно его утюжили. Единственный в роте паровой утюг не остывал всю зиму. Фельдшер Николай Дикий с санитарами производил дезинфекцию землянок.

Неважная была баня, но своя. Мылись регулярно. Долгое время насекомые не покидали рядового Комбатова. Азербайджанец по национальности, он сплошь оброс волосами. На лице лишь нос да лоб были свободны от волос.

Как только его не обрабатывали, но всё оставалось по-прежнему. Неоднократно обстригали его с ног до головы, натирали какой-то мазью, выдавали нательное и постельное бельё со склада — первой категории, однако ничего не помогало. «Вот чёрт», — ругался недавно прибывший в роту врач батальона и гнал Комбатова снова мыться и кипятить бельё. Наконец с вшивостью покончили, и это было воспринято всем личным составом роты как немалая победа во всей их необычной жизни.

Много препятствий мешало боевой подготовке. Устройство одного только быта на мысе требовало огромных усилий и бойцов, и командиров. Однако в роте проводились и тактические занятия, и строевая подготовка, и боевые стрельбы. После пурги здесь обычно устанавливалась великолепная погода: ясная, солнечная, на яркий снег смотреть больно. К сожалению, такая погода стояла недолго. В эти дни торопились откопать землянки, расчистить проходы, заготовить запас дров, сена, выполнить и другие хозяйственные работы. И вместе с тем спешили стать на лыжи, выйти в поле — на тактику, на стрельбу. Интересно отметить, что ходить здесь можно было и без лыж: снег настолько утрамбовывался ветром, что его трудно было даже копать.

Те взводы, где дисциплина держалась выше и было больше организованности, быстрее справлялись с хозяйственными работами, больше занимались боевой подготовкой. В результате воинская выучка их личного состава оказалась лучше. К ним, прежде всего, относился пулемётный взвод лейтенанта Пацейко. И это не было случайностью.

Георгий Васильевич Пацейко был честен как человек, справедлив как начальник. В обращении с подчинёнными он никогда не повышал тона, был чёток и немногословен. Солдаты всегда видели его в ровном настроении — деловым и спокойным. Никогда он не проявлял поспешности, горячности, растерянности, не распекал подчинённых и не требовал от них невыполнимого, как допускают некото-

рые другие при нарушении душевного равновесия или осложнения обстановки.

Таким в роте был командир первого взвода Казанцев. Если его поругают за недостатки в работе, то он рвёт и мечет, вымещая свои недоработки на подчинённых: ругает, наказывает их, требует немедленно исполнения того, что возможно выполнить лишь за несколько дней. «Ну, пошёл взводный метать икру!» — говорили в таких случаях бойцы.

Пацейко таким не был никогда. Может, он просто невозмутимый и халатно относился к делу? Нет, как и все смертные, и волновался, и переживал, но умел владеть собой. Порой он долго не спал, часто вздыхал, если обнаруживал во взводе какие-либо неполадки. Также волновался и перед учением или инспекторской проверкой.

Георгий Васильевич отлично знал материальную часть оружия и теорию стрельбы. Поэтому просто и доходчиво объяснял всё это. Свой пистолет всегда чистил сам, не передоверяя это другим. На глазах у взвода любовно разбирал оружие, тщательно выковыривал деревянной палочкой сгустившуюся смазку из пазов и зазоров, аккуратно смазывал тонким слоем, как бы втирая масло в металл. Затем собирал пистолет, и тот в его руках действовал безотказно. Это также укрепляло его авторитет.

Нередко он в часы досуга играл в шахматы с подчинёнными. При этом никогда не старался выиграть за счёт «зевков противника». Всегда предупреждал, если тот, увлечённый какой-то своей комбинацией, подставлял под бой фигуру. «Смотри, потеряешь», — говорил в таких случаях Пацейко. И сегодня он создал такую обстановку на шахматном поле, при которой «противник» вынужден был отдать фигуру.

Пацейко был смелым и мужественным человеком. Как-то в один из выходных дней к офицерам роты пришли моряки-артиллеристы. Они угостили пехотинцев махорочкой, разговорились. Разговор перескакивал с темы на тему, наконец остановился на баллистических свойствах оружия и правилах стрельбы. Говорили, что для того, чтобы метко

вести артиллерийский огонь, надо хорошо знать теорию, уметь правильно и быстро решать артиллерийские задачи. Что же касается стрельбы из стрелкового оружия, сказал один из моряков, то здесь никакой теории, по существу, нет, просто нужна сноровка. Это был молодой моряк, он больше всех петушился и щеголял своей военной эрудицией.

— О чём здесь говорить, — продолжал он. — Возьмите, к примеру, стрельбу из пистолета, ведь это карточная игра. Повезёт, выполнишь упражнение, не повезёт — идут пули «за молоком».

С ним многие согласились.

Пацейко криво улыбнулся.

— Всё это глупости, молодой человек, — возразил он. Меткость стрельбы из пистолета, так же как и артиллерийская стрельба, зависит от умения и знания баллистики. И поскольку он много говорить не любил, то решил убедить моряка практически.

Поднял валявшуюся клёпку от бочонка длиной сантиметров семьдесят, на один конец пристроил пустую консервную банку. Отошёл в сторону моря на двадцать пять метров, вытянув в сторону левую руку, в которой держал клёпку, и сказал:

— Тебя, лейтенант, не буду просить выстрелить по банке, поскольку для тебя стрельба из пистолета — карточная игра, а вот Павлюхина попрошу. Он знает теорию стрельбы из пистолета, поэтому я не боюсь держать мишень.

Павлюхин — тоже молодой командир, недавно был выпущен из училища, под руководством Пацейко научился стрелять отлично. Тот выстрелил и не подвёл своего учителя. Цель была поражена. После такого убедительного доказательства никто из присутствующих не мог уже утверждать, что отличная стрельба из личного оружия — везение.

И бойцов Пацейко обучал больше практическим показом. Подчинённые его любили, как отца или старшего брата, никто не смел его ослушаться. И, удивительное дело! Находясь в равных условиях со всей ротой, личный состав

пулемётного взвода Пацейко отличался от других бодростью, ловкостью, бравым видом. Рядовые и сержанты были подтянуты, дисциплинированны всегда и во всём — и в расположении, и вне него.

В состав взвода входили такие богатыри, как Николай Осадчий и Иван Недоступенко — наводчики. По тревоге они брали себе на плечи «Максимы» в собранном виде и бегом выносили их в район сбора. Недоступенко был закалён физически, имел завидное здоровье.

Однажды дали ему один патрон и послали убить нерпу, чтобы пополнить запасы нерпичьего жира — горючего для коптилок. Стоял ноябрь, погода была не штормовая, но ветер дул приличный. Недоступенко вышел на скалистый берег. Внизу о камни бил мощный прибой, а вдали от берега море было спокойным. Там одиноко торчала нерпичья голова. «На ловца и зверь бежит», — подумал Нестеренко. Он прилёг поудобнее на самом краю обрыва. Промахнуться было нельзя, ведь у него всего один патрон.

Убив нерпу, пришёл в отличное расположение духа и стал следить за тем, куда её относит течение. Вдруг, когда он хотел изменить положение тела, винтовка выскользнула из его рук и булькнула в воду. Недоступенко обмер. На лбу выступил холодный пот. Посмотрел вниз, а там, бурля и пенясь, били о скалу прибойные волны. С шумом откатывались они назад и вновь набегали на скалу, превращаясь в пену и брызги.

Жутковато стало Ивану. Но и возвращаться без винтовки он мог: потерять оружие — тягчайшее преступление! Решение напрашивалось одно: достать винтовку со дна морского. В стороне от скалы Недоступенко спустился на песчаный берег, разделся и, выждав момент, когда отхлынула волна, бросился к месту падения винтовки. Тело обожгло холодной водой, но это его не остановило. Нырнул и долго шарил руками по дну среди камней. Первая попытка успехом не увенчалась. Он вынырнул и увидел, как на него катиться огромный вал. Набрав воздуха, быстро опустил на дно, спрятался там, ухватившись за камень, чтобы

уцелеть. Волна, нанеся тысячетонный удар по гранитной скале, откатилась и потащила, было, его вместе с песком и галькой в пучину, но он удержался на месте.

Вторая, третья и четвёртая попытки также не увенчались успехом. Только нырнув в шестнадцатый (!) раз, он нащупал винтовочный ствол и сразу же бросился вон из воды, высоко подняв над собой оружие. Быстро одевшись, побежал во взвод сушиться и греться.

Здесь его напоили горячим чаем, озноб прошёл, он вновь почувствовал себя в норме. Разобрал винтовку и с великой нежностью почистил и смазал её. «Ну, вот, оживил утопленницу», — ласково произнёс он и поставил её в пирамиду. Раньше отбоя попросился спать. Утром встал, как ни в чём не бывало. У него не было даже насморка.

Пацейко, выслушав доклад помкомвзвода о том, как Недоступенко доставал со дня моря винтовку, спокойно сказал: «Иначе и не должно быть. Кто же за него доставал бы его оружие из ледяной воды?» Но в то же время с восхищением подумал: «Силён, детина, настоящий богатырь!»

Наступил 1944 г. Старший лейтенант Мартюшев заболел: стала беспокоить печень. Врач радировал командиру батальона о болезни и просил принять меры по отправке его на стационарное лечение. Через две недели на нарте собак прибыл вновь назначенный командир роты старший лейтенант Беликов. Мартюшев, сдав ему роту, на этой же нарте уехал.

В конце февраля по плану боевой подготовки вышли в зимний лагерь. Планировалось пробыть там трое суток, а оказалось семь: план изменила погода. На исходе вторых суток разразилась пурга.

Вот это было испытание на выносливость! Район зимнего лагеря выбрали в двадцати километрах от расположения роты, между невысоких сопок, поросших кустарником. Совершив марш в назначенный район, личный состав получил короткий отдых. Перекусили сухим пайком и приступили к сооружению лагеря. Вырыли котлованы в снегу до самой земли, поставили в них палатки. На землю

настелили хвороста, накрыли плащ-палатками и одеялами. Получились довольно мягкие постели.

Старшина роты в укромном местечке на небольшой полянке развернул пищеблок, предварительно очистив территорию от снега. К вечеру приготовили пищу, сразу обед и ужин. Воины плотно поели. Суп получился густой, да и каши вышло больше обычного. Разошлись по палаткам. Хотелось курить, но, увы!

Тяжелее всех лишений, которые выпали на долю личного состава роты, было, пожалуй, отсутствие табака. Ярые курильщики пробавлялись дымом сухих листьев, конского помёта, а то и просто бумаги. Сколько из-за табачной пайки возникало ссор, друзья становились врагами. Некоторые лебезили, унижались перед тем, кто имел курево.

Лейтенант Казанцев заискивал перед бойцами в надежде получить «сороковку». В его же взводе как-то приключился такой случай. Солдат Бердыбеков, узбек, за украденную у товарища ружейную принадлежность выменял у моряков на батарее пачку махорки. Теперь он был царь и бог!

Вечером бойцы играли в домино. Играл и Бербыдеков. Имея махорку, он в охотку закурил. Взоры всех присутствующих в землянке обратились на него. Некоторые подсели ближе с надеждой «дёрнуть» пару раз. Бердыбеков ни на кого не смотрел. Стучал костяшками по столу с независимым видом, с чувством превосходства над всеми. Сделав несколько глубоких затяжек, он крикнул, ни к кому не обращаясь: «Воды!»

К бачку бросились два человека. Между ними из-за кружки произошла борьба. С силой и злостью оттолкнув товарища, «победитель» раболепно поднёс кружку Бербдыбекову. Выпив воду, последний не удосужился даже посмотреть на того, кто оказал ему услугу. В землянке стало жарко. Бердыбеков вспотел. И опять, не глядя ни на кого, протянул свободную от костяшек руку, потребовал полотенце. И полотенце ему с готовностью подало то же лицо.

Теперь все стали с надеждой смотреть на «победителя». Никто уже не сомневался, что он будет обладателем цигарки.

Один боец даже подошёл к нему, коснулся его плеча, тот кивнул головой в знак согласия. Но как возмутил всех финал этого эпизода! Когда у Бердыбекова осталась половина цигарки, он встал из-за стола, подошёл к нарам, разбудил спящего земляка рядового Кукузова и дал ему докурить.

Возмущение кипело в груди у многих. Но никто не высказал его в слух, никто не упрекнул обладателя махорки. Лишь помощник командира взвода Филинов примирительно сказал: «Ну, что, хозяин — барин».

На каждом собрании и политинформациях люди спрашивали одно и тоже: «Почему не дают табак? Ведь мы живые люди, хотим курить. Почему не считаются с нами, с нашими привычками?» Трафаретные ответы командиров со ссылкой на войну, на сокращение посевов не убеждали, потому что другие военнослужащие на Лопатке — пограничники и моряки береговой батареи — получали махорку по норме двадцать граммов в сутки.

И не только в махорке были ущемлены пехотинцы. Батарейцы, например, жили в благоустроенном помещении, которое построил специально посланный сюда строительный батальон Тихоокеанского флота. Бойцы недоумевали: в одной стране живём, в одной армии служим, одну задачу выполняем — охраняем границу Родины, а отношение к нам разное. «Пехоту явно зажимают», — говорили они. Никто из офицеров роты и вышестоящих армейских начальников не мог дать вразумительного ответа на этот волнующий людей вопрос.

Такое положение, вольно или невольно, выглядело как некая дискриминация тех граждан, кому довелось служить в общевойсковых подразделениях. Людское самолюбие пехотинцев было задето и неприятным, обидным червячком точило их сознание. Однако к чести пехоты следует сказать, что это отрицательно не влияло на отношение солдат к службе. Они честно и добросовестно выполняли свой воинский долг. Мелочи быта, если их можно так назвать, в тяжёлую годину не могли принизить у наших людей их любовь к Отечеству, верность воинской присяге.

Но вернёмся к зимнему лагерю. В палатке, установленной для офицеров, собрались командиры взводов Пацейко, Махаринский, Казанцев, Павлюхин, фельдшер Дикий.

— У кого есть закурить? — требовательно спросил Казанцев.

— Бросай ты, Сеня, эту глупую привычку, — с усмешкой предложил ему Павлюхин. — Сдерживай себя.

— Не могу, уши опухли. Пойду, у бойцов попрошу. — И он вышел из палатки. Дикий крикнул ему вслед: «Сорок!» Это означало, что он уже занял очередь на недокурок.

Махаринский, лёжа на хворосте кверху лицом и грызя былинку, сказал:

— Дикий уже делит шкуру неубитого медведя.

— Почему неубитого? Казанцев достанет. Ужом будет виться, а своего добьётся.

— Удивительное дело! — сказал Махаринский. — Давно бы надо отвыкнуть от курения, но не можешь. Чем больше дней не куришь, тем больше хочется. Хотя бы комбат приехал, привёз бы немного табаку.

В январе на нарте собак в роту приезжал заместитель командира батальона по политчасти. Тогда он привёз почту: два мешка газет и писем. Радости не было конца! Тогда же замполит дал и табачку по пачке на четверых. За это его готовы были качать!

Сейчас Махаринский желал, чтобы это повторилось. Командир батальона уже, конечно, без «подарка» не приедет. Мало помалу разговор переключился на впечатления прошедшего дня. Офицеры вспоминали, как проходил марш.

«Послушайте, какой забавный случай произошёл в моём взводе, — обратился к товарищам Павлюхин. — Как вам известно, наш второй взвод двигался в головной походной заставе. Чтобы оторваться от ядра, я повёл бойцов ускоренным шагом и быстро подошёл к Первой речке. Спустившись с уклона, бегом выскочил на противоположную высоту, чтобы посмотреть, как же бойцы будут спускаться на лыжах.

Знаете, интересно наблюдать за действиями людей в подобном случае. Довольно пёстрая картина. Кто смело идёт

под уклон, да ещё для большей скорости оттолкнётся палками. Другой остановится, посмотрит, подумает и потом начнёт тихонько съезжать. Иной стремится на общую лыжню, другие спускаются своим особым путём. Один приседает, легко пружиня на ногах, а рядом кто-то жёстко на прямых ногах, широко расставляя лыжи. Многие не боятся ухабов, свободно управляют лыжами, других же лыжи тащат, куда им вздумается, а ухабы выводят из равновесия и заставляют скакать с ноги на ногу. Некоторые, не устояв, приземляются на казённую часть и уже в таком виде довершают спуск. Кое-кто, испугавшись быстроты, садится на лыжные палки или же падает на бок. Есть и такие, правда, их немного, кто берёт лыжи на плечи и спускается пешим порядком.

Наконец к спуску подошёл рядовой Медведев. Знаете его? Добродушный старикан с усиками. На лыжах ходит плохо и вечно отстаёт. Сойдя с лыжни в сторону, он подкатился к кустику и ухватился за него. Хотел оправиться. Как только оголил нужное место и присел — лыжи покатились. Быстрей и быстрей, набирая скорость. Медведев в полусидячем положении, придерживая в руках брюки, летит вниз. Представьте себе, не упал! Кто видел — умирал со смеху. И все ждали, что он вот-вот запашет снег голым казёнником.

Но этого не случилось. Сумел устоять, бродяга. Я же его похвалил. На привале объявил, что Медведев заслуживает всяческого уважения, как человек, болеющий за честь взвода. Чтобы не отставать на марше, он отправлял естественные надобности на ходу, используя для этого уклон горы».

Все хохотали. Павлюхин тоже, завершив рассказ, заливался смехом. А Пацейко озабоченно произнёс: «Слаба у нас лыжная подготовка. Жаль, нет возможности уделить ей должного внимания».

В палатку вернулся Казанцев. Он надсадно кашлял. Бойцы угостили его вместо махорки какой-то дрянью, от дыма которой кололо в груди.

После вечерней поверки начали готовиться ко сну. Командиры, так же как и бойцы в отделениях, спали вповалку, прижавшись друг к другу. Палатки не отапливались. Но при таком ночлеге никто не замерзал, каждый чувствовал тепло товарища.

Два дня в зимнем лагере прошли незаметно. Занятия по боевой подготовке, уход за оружием, подготовка к занятиям на следующий день заполняли рабочее время. В ночь на третьи сутки налетел сильный северо-восточный ветер, началась пурга. Крупные хлопья сырого снега с силой ударялись о полотнище палаток. Шум, свист и завывание ветра не давали уснуть.

Наутро весь лагерь оказался под снегом. Верхние клинья палаток провисли под его тяжестью. В закупоренных палатках было душно. Звала нужда, да и бока болели от суковатых «матрацев». Но никому не хотелось вылезать из-под одеяла. Из командирской палатки первым выбрался Тихон Павлюхин, пробив головой дыру в снежной толще. Оглядевшись, он увидел, что старшина роты Гребнев и писарь-каптенармус Платоненко уже орудуют лопатами, расчищая проход в палатку командира роты. Но их труд быстро сводился на нет: снег падал всё гуще и гуще.

Командир роты приказал выдать солдатский паёк и свиную тушёнку: банку на троих. Занимались в палатках — изучали уставы. Так просидели трое суток, впроголодь, согревая друг друга теплом своих тел, но не унывая. Оптимисты и в этом положении находили и радость, и восхищение.

— Какая всё же прелесть, пурга! — сказал Махаринский однажды утром, когда та особенно неистовствовала. Он готовился бриться. Подвернув воротник гимнастёрки, сидя на корточках, макал помазок в снег и в крышке от котелка набивал мыльную пену. Дикий посмотрел на него: шутит он или всерьёз восторгается.

— А что? — продолжал Махаринский, отвечая на его взгляд. — Это хорошо, что нас здесь застала пурга. По крайней мере, будет, что вспомнить на старости лет. В жизни нужно всё познать и всё увидеть своими глазами. Живя

в городе, где по утрам с улиц убирают снег, где строения не дают возможности разыграться непогоде, разве можно там узнать, что такое настоящая зима? А мы ощущаем, осязаем и зрим её в полном величии. Вместо домашних животных, к которым мы привыкли, я видел медведя, ловящего лапой рыбу в реке. Слов нет, мы с интересом смотрим на созданное человеком — сложные машины, архитектурные сооружения, асфальтированные улицы. Но не менее интересно увидеть вот так, как здесь, первозданную природу. Как ты думаешь, Коля? — обратился он к Дикому.

— Интересно, конечно, — ответил тот, — но пусть бы её смотрел кто-нибудь другой, а не я. — Дикий вздохнул и продолжил:

— Не повезло мне в службе: моих товарищей по училищу назначили в крупные госпитали, а меня сразу в войска. Да ни куда-нибудь, а в этот разнесчастный батальон.

— Не горюй, Николай, — вставил Павлюхин. — Здесь ты получишь большую практику в борьбе с вшивостью. Как будущему врачу это пригодится.

Дикий толкнул в плечо Палюхина, засмеялся.

— Чёрт ты, Тишка!

А Павлюхин продолжал:

— И с чего ты взял, медик, что наш батальон несчастный? Глубоко ошибаешься, куда хуже тем, кто сейчас где-нибудь в Белоруссии или в Карелии, окружённый превосходящими силами противника, ведёт неравный бой. А мы пересидим пургу, вернёмся целенькими и невредимыми на свои зимние квартиры.

— Зимние квартиры! — опять засмеялся Дикий. — Чем они отличаются от зимнего лагеря?

Наступил март, но личному составу роты не стало легче. Годовой запас продовольствия, который они привезли с собой, некоторое время лежал на берегу под открытым небом. Его не раз кропили дожди. Мешки с мукой, крупой, сахаром изрядно подмокли. Правда, мука, покрывшись коркой, не особенно пострадала. Хуже было с крупами, особенно с пшеном, которое в их ассортименте составляло

львиную долю. Подмокнув, оно сопрело и стало непригодным в пищу. Не удалось спасти и сахар, он постепенно вытек из мешков. В результате продовольственные запасы значительно сократились.

Всё это привело к тому, что пища перестала быть разнообразной. Теперь преобладало мучное: на завтрак — затируха из муки; на обед: первое — затируха, второе — клецки; на ужин — лапша. Чтобы хоть как-то отличать в меню-раскладке одни клёцки, подаваемые на завтрак и ужин, от других, предназначенных как второе блюдо к обеду, ротный писарь Платоненко назвал последние «клёцками отварными».

Так ежедневно продолжалось до июня: затируха, клёцки, лапша чередовали друг друга. Однообразие пищи, отсутствие витаминов привело к тому, что у бойцов пропал аппетит, многие заболели цингой. Лишь в июне пришло избавление: появилась зелень — черемша. Её съедали огромными пучками. После трапезы с черемшой в землянках воздух становился неприятным. Но это было мелочью, на которую не обращали внимания.

Вскрылись реки, появилась возможность ловить рыбу. На скалах собирали яйца чаек, гагар, топорков. Охота за яйцами не обошлась без приключений. На западном берегу Лопатки в Охотском море, примерно в трёхстах-четырёхстах метрах от берега, возвышается скалистый остров Топорок, названный так, вероятно, потому, что на нём гнездятся тысячи морских птиц — топорков. Они буквально устилают островок своим опереньем. Во время полного отлива на Топорок можно пройти по обнажённому дну.

Однажды Павлюхин с отделением солдат, собирая яйца на прибрежных скалах, решил поживиться богатствами и соседнего острова. Топорок — это гранитная скала с очень крутыми, опутанными скользкой морской капустой склонами. По ним трудно взбираться. Но Павлюхин решил не отступать, недаром за порывистость и напористость в характере его в командирской среде называли Олеко Дундичем (хорват по национальности, участвовал в гражданской войне,

с 1919 г. служил в Первой конной армии С. М. Будённого, погиб в бою в 1920 г. — *Ред.*). Тихона очень привлекала вершина скалы, сплошь усеянная — это было видно невооружённым глазом, — зеленоватыми овалами яиц.

Павлюхин первым, а за ним и все командиры, цепляясь за уступы скалы, настойчиво карабкались вверх. Подъём продолжался довольно долго. За это время начался прилив, и никто не заметил, как остров окружила вода. Когда же набрали яиц, спускаться было уже нельзя: их полностью отрезало от берега. Вода быстро прибывала, поднимаясь к вершине. Волны шумно разбивались о гранитные выступы, брызги всё гуще окатывали людей. Смельчакам пришлось забраться на самый пик и, прижавшись друг к другу, просидеть там на пронизывающем ветру не менее семи часов, пока не наступила пора отлива. Благо голодными они не были: пили яйца, кто сколько хотел.

В начале мая установилась довольно тёплая погода. Снег стал таять, рыхлеть. Обитатели мыса радовались наступлению весны. Но оно принесло личному составу роты немалые неприятности.

Дежурил лейтенант Пацейко. До половины ночи он ходил по расположению роты: проверил несение службы суточным нарядом, побывал на кухне, в пекарне, заглянул на конюшню. Убедившись, что всё в порядке, пошёл в свою землянку, чтобы немного отдохнуть. Нажав на дверь, почувствовал сопротивление, словно кто-то подпирал её изнутри.

Приложив усилие, Пацейко приоткрыл дверь, и тут на него хлынул поток воды. Через дверной проём увидел, что землянка сплошь залита водой, а по поверхности плавают его чемодан и сапоги спящего командира миномётного взвода. С тревогой в голосе он разбудил товарища. Тот вскочил и, попав голыми ногами в воду, дико взвизгнул. Взобравшись на кровать, поймал сапоги, кое-как натянул их. Стал подавать Пацейко вещи.

Причиной потопа оказалась талая вода. Она под снегом стекала с возвышенности в низину, где располагалась рота,

и заполняла котлованы землянок. Пришлось будить людей и принимать срочные меры.

Пацейко с минометчиком оставили землянку. Но в миномётном взводе решили не покидать жильё. Бойцы быстро нашли выход из положения. Сняли с нар даже две доски, соорудили из них жёлоб, просунули его через стену, что сделать было нетрудно, так как дёрн ещё не слежался, и через него выливали воду из землянки. Чтобы та не распространялась по всей площади жилища, перед жёлобом вырыли яму. Удержать воду в яме было нелёгким делом. Стоявший на вахте боец без отдыха вычерпывал её. Опыт миномётчиков применили во всех землянках, попавших в русло талых вод. Эта борьба с потопом продолжалась ни день, ни два, а не менее двух недель.

Пришло лето, а с ним пора дождей и туманов. Но в ясную погоду тёплые ветры быстро сушили землю. А вот в землянках грязь не высыхала, чавкала под ногами.

Как известно, после событий в Перл Харборе, авиация США подвергала систематическим бомбардировкам японские военные и промышленные объекты, в том числе расположенные на Курильских островах. Бомбить Шумшу и Парамушир прилетали самолёты, базировавшиеся на Алеутских островах.

Зимой 1944 г. каждый вечер ровно в 23.00 над мысом Лопаткой раздавался гул моторов, а через несколько минут слышалось отдалённое громыхание взрывов, иногда в прибрежной части острова Шумшу полыхало пламя пожаров.

Весной 1945 г. расписание изменилось. Мощные бомбардировщики стали появляться днём. Дневное бомбометание, безусловно, эффективнее, чем ночное, но и опаснее для самолётов, так как увеличивается вероятность их поражения зенитным огнём. Свидетелями этого неоднократно были обитатели Лопатки.

В ясные дни над Шумшу и над океаном в районе Второго Курильского пролива были хорошо видны воздушные бои и разрывы зенитных снарядов. Случалось, японские зенитчики поражали цели. Тогда подбитые американские

самолёты круто сворачивали и летели спасаться на Лопатку. Личному составу роты пришлось дважды выручать союзников. Один раз лётчики посадили горящий самолёт и до взрыва успели отбежать на безопасное расстояние. Экипаж был по-братски встречен, окружён вниманием и препровождён на погранзаставу.

В другой раз после воздушного боя повреждённый самолёт приблизился к расположению роты. Совершив несколько кругов, экипаж из шести человек спустился на парашютах, а самолёт упал в море. К каждому приземлившемуся лётчику подбежали бойцы, дружески обнимали, помогали освободиться от парашюта, приветливо улыбались, произнося: «Москва», «Вашингтон», «Сталин», «Рузвельт»! От радушного приёма лица лётчиков светлели, широко улыбаясь, они крепко жали руки, угощали сигаретами, чему бойцы были очень рады.

Но нельзя не вспомнить произошедший курьёз. Когда все лётчики собрались и в окружении наших бойцов жестами рассказывали о своей неудаче, подошли вооружённые пограничники. Среди них был старший наряда — ефрейтор, казах по национальности. Он воинственно распоряжался, отдавая команды, отстранял бойцов, освобождая дорогу. Это страшно напугало американцев. Они побледнели и с укором смотрели на тех, кто их только что обнимал.

Выручил рядовой Хоботнев. Он первым догадался о причине тревоги наших гостей, быстро подошёл к ефрейтору, обнял его, показал звёздочку на своей пилотке и звёздочку на фуражке пограничника и жестами стал разъяснять, что это свой человек.

В августе 1944 г. на Лопатку прибыл весь батальон. Мыс оживился, стал по-настоящему обитаем. Теперь, куда ни посмотри с высокого места, кого-нибудь да увидишь.

Первая рота получила задание: оборудовать ротный район обороны на Маячной высоте для прикрытия береговой батареи, там же надо было построить новое жильё. Снова приступили к тяжёлому ручному труду. К первому снегу строительство большой казармы было завершено:

в ней разместилась вся рота. Новое помещение имело те же одернованные стены, но выглядела шедевром зодчества в условиях мыса. Во-первых, оно было высоким и просторным. В спальном помещении разместились широкие двухъярусные нары. Во-вторых, в нём, как того требовал устав внутренней службы, размещались канцелярия, ленинская комната, каптёрка, умывальник, а также комната для хранения и чистки оружия. Казарма соединялась с пищеблоком специальным ходом, что было очень удобно, особенно в зимнее время. Так были созданы все условия для плановой боевой учёбы.

Весной и летом 1945 г. совершенствовали оборонительные сооружения на маячной высоте, занимались боевой и политической подготовкой. Но вот наступило памятное 9 августа. В этот день советское правительство, верное союзническому долгу, объявило Японии войну. Роты 7-го отдельного стрелкового батальона вышли в свои районы обороны. Началась окопная жизнь, наблюдение за противником.

На исходе 16 августа звено американских бомбардировщиков пошло на очередную бомбёжку Курильских островов. Два самолёта, беспорядочно сбросив бомбы на Шумшу, легли на обратный курс, а третий вёл прицельное бомбометание. Его обстреляли японские зенитки. Белые хлопья взрывов снарядов отчётливо видели с Лопатки. Огонь японских зениток не был эффективен, и бомбардировщик союзников благополучно направился на свою базу. Вскоре наша морская береговая батарея открыла огонь по японскому берегу. Целью этого артиллерийского налёта, видимо, было вызвать ответный огонь противника, чтобы засечь его огневые точки. Шестьдесят восемь снарядов выпустили батарейцы, но противник молчал.

Ночь прошла тихо. Рано утром следующего дня наблюдатели первой роты увидели самолёт, низко летящий вдоль берега со стороны Озерновского рыбокомбината. По этому маршруту часто летали лётчики погранохраны, и наблюдатели, не особенно вглядываясь в силуэт машины, решили, что это советский самолёт. Но это была грубая ошибка.

Пролетев над берегом почти до конца мыса Лопатки, чужой самолёт сделал резкий разворот на маяк и одну за другой сбросил две бомбы. Одна из них разорвалась в пяти метрах от командного пункта младшего лейтенанта Павлюхина.

В это время здесь с двумя связными находился помощник командира взвода старший сержант Белянцев, тот самый, которого спасли в открытом море. Услышав гул мотора, он вылез из укрытия на бруствер и стал осматривать небо. Вдруг он увидел вынырнувший из-за возвышенности самолёт и отделившиеся от него два тёмных предмета. Догадался, что это бомбы. Бежать в укрытие было уже поздно, и он припал к земле. Раздавшимся поблизости взрывом с него сорвало пилотку, засыпало землёй. Рядом с ним ударился о бруствер осколок и долго вращался, сверля песок. Ударная волна снесла землю и раскатала брёвна перекрытия командного пункта, но люди не пострадали.

Вражеский самолёт, уже не заботясь о маскировке, полетел прямо на остров Шумшу. Это был ответ японцев на наш вчерашний артиллерийский налёт.

18 августа войска Камчатского оборонительного района вступили в бой за освобождение Курильских островов. Особенно жаркие сражения разгорелись на острове Шумшу. Сильная канонада сотрясала воздух. Батарея с Лопатки вела интенсивный огонь по укреплениям врага.

Когда основные силы КОР уже вели бой, 7-й отдельный стрелковый батальон получил приказ погрузиться на корабль с задачей высадиться на острове Шумшу, развить успех полков, наступавших на господствующую высоту 171,0.

Первая рота снялась со своих позиций на Маячной высоте и готовилась к маршу в район погрузки. В это время японцы предприняли попытку подавить нашу батарею артиллерийским огнём. Выпустили до десяти снарядов, но безуспешно. Дальность стрельбы их артиллерии, видимо, была недостаточной.

Снаряды рвались в основном в прибрежной части: в кучегурах и на дороге, где формировались колонна роты. При-

шлось рассредоточиться и залечь. Один снаряд разорвался на вершине кучегура, за которым укрывался миномётный взвод. Осколки со свистом разлетелись, солдат обсыпало песком. Другой снаряд пролетел дальше в глубину мыса и разорвался на высоте Плоской у самого командного пункта командира роты, но, к счастью, там уже никого не было.

Высадка батальона проходила в два этапа: с корабля переходили на десантное судно, а затем с него — на берег. При этом использовали табельные и подручные средства — малые надувные лодки, импровизированные плоты, доски. Навьюченных лошадей по трапу сводили к воде и пускали вплавь.

В первой роте всё шло благополучно, но вдруг лошадь, на вьюке которой был прикреплён ротный миномёт, при спуске на воду зацепилась о трап копытом передней ноги и упала в воду, перевернувшись через голову. Испуганная, она резко выскочила на поверхность и, храпя, поплыла к берегу. Миномёт же, оторвавшись от вьюка, исчез под водой.

Через некоторое время миномётный взвод собрался на берегу. Ему надлежало двигаться в район сбора роты. Но как же быть — ещё не воевали, а одного ствола уже нет? Кто-то из бойцов вполголоса, как бы сам для себя, произнёс: «Подумаешь, ротный миномёт! Теперь гвардейские имеются, и смешно лезть в океан за какой-то хлопушкой».

Но не так рассуждал наводчик младший сержант Струков. Он быстро разделся и поплыл к месту, где примерно находилось высадившее их десантное судно. На воде, разумеется, никаких ориентиров не было, но Струков всё же нашёл миномёт. Нырял за ним несколько раз и всё ближе подталкивал его в сторону берега. Когда позволила глубина, вышел с ним на сушу. Дрожа от холода, он улыбался. Взвод встретил его как героя. За этот подвиг Струков был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени.

В ночь после высадки на остров батальон занял оборону в указанном ему районе. Роты спешно окапывались. Шёл дождь, шинели промокли, за воротник стекали холодные

струйки. В ячейках и траншеях, в которых малыми лопатами орудовали солдаты, скапливалась вода. Топчась в грязи, люди недовольно молчали. Признаться, окапываться не хотелось, все горели желанием идти вперёд, сокрушать врага. Вдруг связной, пробегая перед фронтом огневых позиций, передал команду: «Кончай работы, приготовиться к движению!» Её восприняли с радостью.

Пожалуй, не прошло и пяти минут, как рота стояла в походной колонне. Наш батальон получил новую задачу: высадиться на втором северном острове Курильской гряды — Парамушире — и захватить там плацдармы.

Выполняя её, батальон за день форсированным маршем пересёк с севера на юг остров Шумшу и в вечерних сумерках сосредоточился на берегу Второго Курильского пролива. Когда передовые подразделения подошли к причалам базы Катаока, подъехал полковник Артюшин — заместитель командира 101-й стрелковой дивизии, следовавший с нашим батальоном на Парамушир. Он подозвал комбата и приказал: «Быстро на посадку взвод пешей разведки и рацию!»

Взвод разведки был готов, стоял у причала, а рации не оказалось. Взводный связистов лейтенант Зиновьев доложил, что в дороге сломалась повозка и рация отстала. Командир батальона от такого сообщения пришёл в ярость, вытащил из кобуры пистолет и угрожал Зиновьеву расстрелом. Эта угроза, возможно, была бы исполнена, если бы не появились радисты, взмокшие и запыхавшиеся, неся рацию на себе. Они, жаль забылись фамилии этих солдат, хорошо понимали значение связи в боевой обстановке, не стали ждать исправления повозки.

На Парамушире высадились глубокой ночью. Роты, выполняя боевой приказ командира батальона, обошли с двух сторон населённый пункт Касивабара, вышли, точнее сказать, вскарабкались, на высоту с очень крутыми, обрывистыми склонами и заняли оборону.

Левофланговым подразделениям пришлось преодолеть сопротивление отдельных групп противника, охранявших

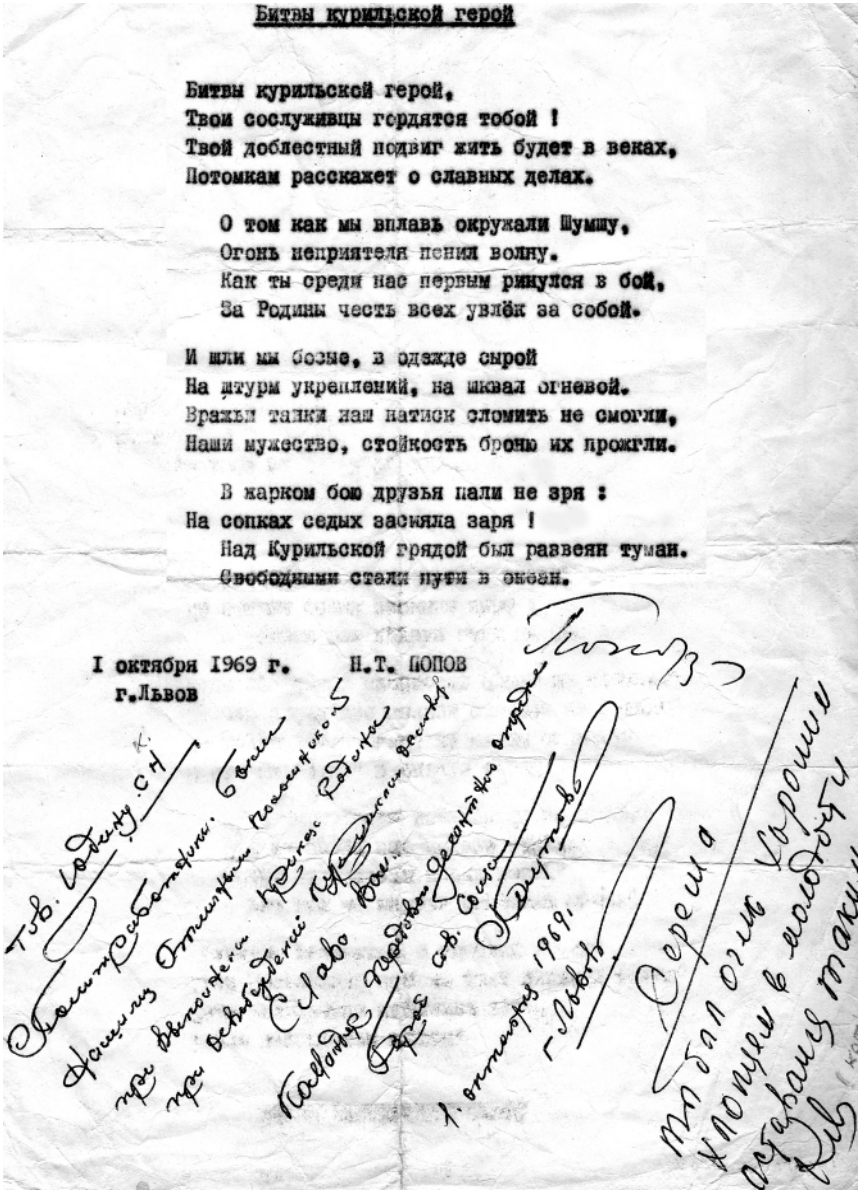
склады военного имущества и оружие. Там до самого утра слышалась довольно интенсивная перестрелка.

Первая стрелковая рота занимала оборону на правом фланге. Когда рассвело, отделения и расчёты с огромным усилием углубляли траншею в каменистом грунте. Впереди лежала ровная местность, поросшая шикшей и низкорослым кустарником. Взводные наблюдатели в своих полосах ничего подозрительного не отмечали. Но вот кто-то из бойцов выдвинулся вперёд, чтобы срубить куст, мешавший обзору в его секторе обстрела, и неожиданно обнаружил японских солдат, тихо сидевших в окопе и грызших галеты.

Немедленно рота заняла огневые позиции, защёлкали затворы винтовок и заряжающие устройства пулемётов. Японцы пришли в смятение, из окопа показались поднятые вверх руки, а несколько позже перед фронтом роты затрепетал белый флаг. Оказалось, что перед ротой не единичный окоп, а целая система инженерных сооружений, настолько искусно вписанная в местность и замаскированная естественными зарослями травы и стланика, что в полусотне метров её нельзя было обнаружить. Как видно, противник, ошеломлённый быстрой победой наших войск на Шумшу и испуганный внезапным появлением русских на Парамушире, хотя и сидел в долговременных укреплениях, на сопротивление не решился.

Населённый пункт Касивабара, склады с продовольствием и военным имуществом, пристань оказались в наших руках. Полковник Артюшин с взводом пешей разведки пленил японского генерала — командующего северной группой войск на Курильских островах.

Утром 23 августа во Второй Курильский пролив вошёл советский пароход, началась высадка основных сил десанта. В это время из палубных рупоров судна солдаты услышали из Москвы сильный голос диктора Левитана, возвестивший всему миру о славной победе Красной Армии в районе Северных Курил. Закончилась короткая, но жаркая, полная героизма советских воинов, схватка с отборными силами японской армии.

Битвы курильской герой

Битвы курильской герой,
Твои сослуживцы гордятся тобой !
Твой доблестный подвиг жить будет в веках,
Потомкам расскажет о славных делах.

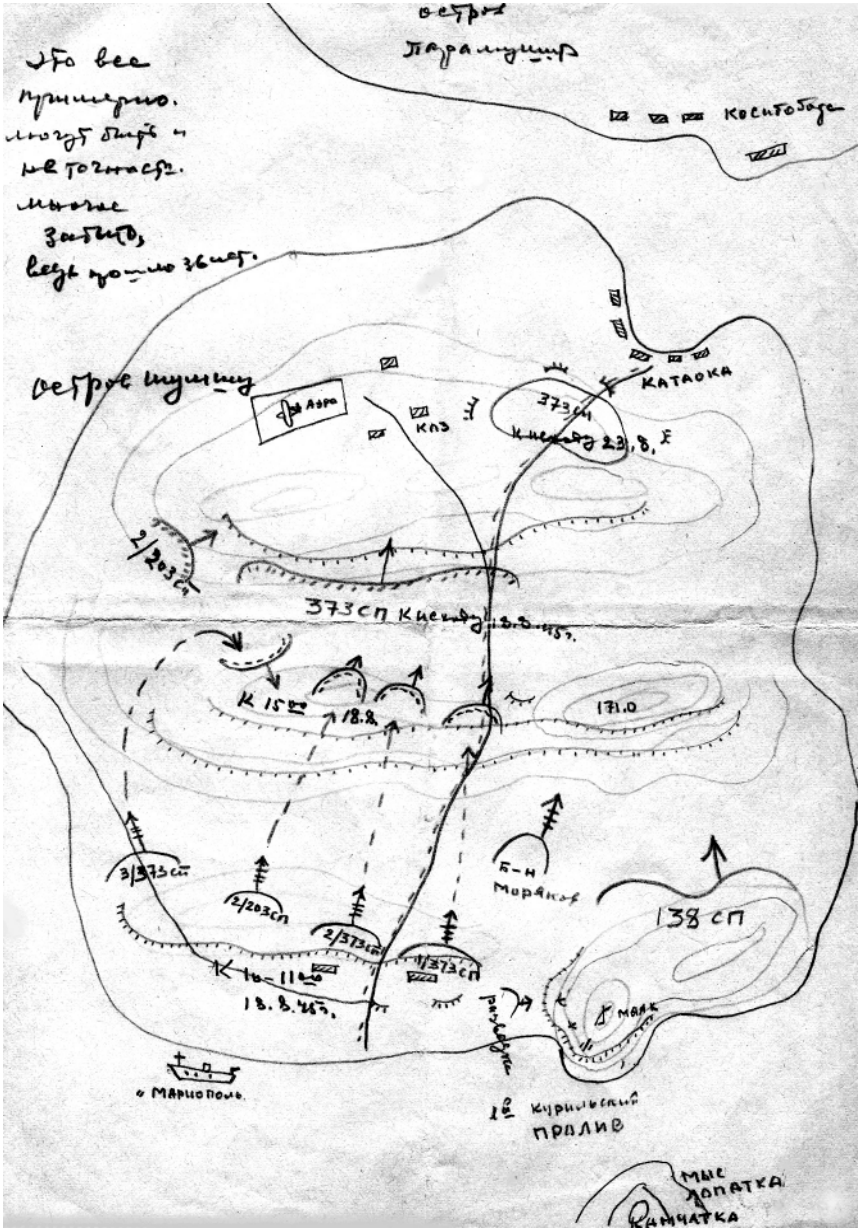
О том как мы вплавь окружали Шумшу,
Огонь неприятеля пенил волну.
Как ты среди нас первым ринулся в бой,
За Родины честь всех увлёк за собой.

И шли мы босые, в одежде сырой
На штурм укреплений, на шквал огневой.
Вражьи танки наш натиск сломить не смогли,
Наши мужество, стойкость броню их прожгли.

В жарком бою друзья пали не зря :
На сопках седых засияла заря !
Над Курильской грядой был развеян туман.
Свободными стали пути в океан.

I октября 1969 г. Н.Т. ПОПОВ
г.Львов

Стихотворение Н. Т. Попова «Битвы Курильской герой»
с автографами автора и Героев Советского Союза
П. И. Шутова и В. А. Кот (КОКМ ОФ 33369/10)

Карта боевых действий на острове Шумшу, составленная Н. Т. Поповым по памяти (КОКМ ОФ 33369/78)

Части Камчатского оборонительного района, в том числе и 7-й отдельный стрелковый батальон, прошли короткий, но славный боевой путь. Чтобы правильно оценить его, надо представить ход боя за освобождение Курильских островов.

На острове Шушму высадка десанта, основу которого составляла пехота, производилась в тёмную августовскую ночь при очень плотном тумане. Удалившись на пять-шесть метров, человек терялся из виду. Десантные суда, на которых находились батальоны, из-за большой осадки не могли подойти к берегу вплотную. Приходилось преодолевать вплавь пятидесяти, а то и семидесятиметровое расстояние без всяких вспомогательных средств. Первые эшелоны высаживались под перекрёстным артиллерийским и пулемётным огнём противника. Снаряды рвались на палубах, суда горели.

В горячке боя десантники прыгали за борт кораблей в шинелях при полной боевой выкладке. Им нелегко было плыть, некоторые смельчаки не дотянули до берега. Чтобы облегчить себя, многие сбрасывали шинели, сапоги, сохраняя при себе лишь автомат. В мокрой одежде, а иные и босиком, выходили на берег, собирались в группы, бросались в атаку. Автомат и нож — вот основное оружие первых эшелонов. Даже гранатами нельзя было воспользоваться — с подмоченными запалами они в большинстве случаев не взрывались.

Войсковая артиллерия находилась на судах, подготавливалась к выгрузке. Бортовые орудия кораблей вели огонь по острову, но он был малоэффективен из-за плохой видимости. Противник же сидел в хорошо замаскированных дотах и встречал наступавших кинжальным огнём орудий и пулемётов.

Но ничто не могло остановить наступательный порыв советских воинов. Они знали, что это последний и решительный бой, последние выстрелы Второй мировой войны. И они не дрогнули, опрокинули врага. Не столько огнём, сколько силой своих мускулов, мужеством и отва-

гой перемололи оборонительные сооружения, которые японские стратеги создавали в течение многих лет и считали неприступными.

Командир пулемётного взвода 138-го стрелкового полка лейтенант Бирюков вступил в единоборство с тремя японскими солдатами и победил их. Вдохновлённый этим, он побежал вперёд к новому рубежу, но пуля крупнокалиберного пулемёта, пробив каску, сразила героя.

Во Львове живёт политработник, Герой Советского Союза полковник Василий Андреевич Кот. Он первым прыгнул за борт в студёные волны Тихого океана и личным примером увлёк на подвиг бойцов.

Когда наши войска атаковали высоту 171,0 японское командование, спасая положение, бросило в бой танки. Оно надеялось, что гул моторов и ураганный огонь из танкового вооружения испугают наступающую пехоту, посеют панику в её боевых порядках, и ему удастся сбросить советский десант в море. Но не вышло. Наши атакующие подразделения проявили чрезвычайную стойкость и упорство в бою. Никто не дрогнул. Все солдаты мужественно встретили надвигающуюся броню. Бронебойщики быстро заняли удобные позиции, открыли меткий огонь из противотанковых ружей, навстречу танкам поползли смельчаки с противотанковыми гранатами, пулемёты застрочили по смотровым щелям.

Этот поединок стрелковых подразделений с японскими танками закончился для последних плачевно. О стойкость и мужество советских воинов разбился бронированный кулак многотысячного японского гарнизона. Из восемнадцати контратакующих танков семнадцать были подбиты, а последний, дав задний ход, успел скрыться за высотой...

Через несколько дней после капитуляции японских гарнизонов на Курилах батальон направили на остров Шумшу в района минувших боёв. Первая рота получила задачу осмотреть мысы Кокутан-Саки и Котомари и пляж между ними, похоронить павших товарищей с воинскими почестями. Отдавая последний салют, склоняли мы головы над

теми, кто отдал свою молодую жизнь, чтобы вернуть Отчизне её исконную землю. Рота также расчистила местность от опасных остатков боевых действий, помогла сапёрам уничтожить японские склады оружия и боеприпасов.

В конце октября 1945 г. батальон возвращался на Лопатку, в свои насиженные гнёзда. Пора была штормовая, но и в это время бывают погожие, тихие дни, благоприятные для погрузки и разгрузки. В один из таких межштормовых дней батальону предстояло перебраться на грузовое судно с материальной частью, вещевым имуществом и годовым запасом продовольствия. Работы было много и проводилась она поспешно. Борта ещё незагруженного парохода высоко возвышались над поверхностью воды. К ним, сменяя друг друга, непрерывно подходили самоходные баржи.

На палубе возле бортов в два ряда громоздились бочки с горючим. На одной из них стоял младший лейтенант Павлюхин — принимал поднимавшиеся стропы, загруженные ящиками с продовольствием. Когда опускался один из стропов, и он ещё не лёг вплотную на палубу, волны качнули судно. Получив движение, строп ударил Павлюхина и сбил его за борт. Он полетел в пришвартованную баржу вниз головой, но успел каким-то чудом повернуться на лету и упал на дно баржи ногами. Отбил их, растянул сухожилия, но это не беда — три дня и снова в строю. А если бы ударился головой?

Тихон Павлюхин называл себя двужильным, и это было недалеко от правды. Хотя он специально спортом не занимался, спортсменом был хорошим. Любое упражнение на турнике выполнял сходу: увидел, понял, выполнил. Только «солнце» стал «крутить» не сразу, а после нескольких попыток. Его отличало великолепное качество — стремление во всём хорошем не отставать от других. Тихон имел семиклассное образование, небогатый лексикон. Ему было трудно проводить политзанятия во взводе, не хватало слов. И вот для того, чтобы не показать себя слабее других, более грамотных взводных, например, Махаринского, Павлюхин за-

учивал наизусть многие страницы учебного пособия. Солдаты знали об этом и после случая на судне с уважением говорили: «Да, такой человек, как наш Тихон, и не мог упасть головой вниз!»

Разгружались у Лопатки уже при шторме, но всё обошлось благополучно. Экипаж катера, буксировавшего кунгасы, и солдаты-грузчики, работая в полосе прибоя, проявили завидную выдержку и мастерство.

Весной 1946 г. батальон снова начал строительство. Но теперь уже не самом мысу, а подальше, в глубине полуострова, у подножья высоты Машковской. Здесь нашлось удобное место для жизни: рос кустарник, не так свободно гулял ветер. Снова тяжёлый труд лёг на плечи солдат. На берегу моря сколачивали плоты из плавника и бурлацким способом перегоняли их в район строительства, снова огромные брёвна носили на плечах, а на козлах распиливали их на доски. Для укладки стен резали и переносили на носилках дёрн.

Строила себе новую казарму и первая рота. Дело спорилось, слышались шутки и смех — верные спутники хорошего настроения. Роту более чем наполовину составляли воины, призванные по мобилизации в начале войны. Они со дня на день ждали отправки домой. И вот этот день настал.

Когда однажды услышали по радио приказ об увольнении военнослужащих старших возрастов, ликованию не было предела. Бросали вверх пилотки, что есть мочи кричали «Ура!», обнимались, жали руки, поздравляли друг друга. Восторг переливался через край: ещё бы! Ведь скоро дом, встреча с близкими. Пять лет, а кто и восемь не виделись с ними.

Ликовали Белянцев, Недоступенко, Осадчий, Струков и многие другие. Хоботнев, обняв своего дружка и хлопая его по спине, говорил: «Ванька! Когда ты уходил на службу, котята были слепые, а теперь, поди, глядят? А?» — и оба весело смеялись.

А в стороне ходил вприсядку Филинов. Сулименко вдруг запел:

Здравствуй, милая Маруся,
Здравствуй, цветик полевой.
Мы приехали обратно
С Красной Армии домой...

А другие, солидно сидя на брёвнах, высчитывали, когда приедут домой в Сибирь, на Урал, на Украину. Учитывали и штормовую погоду на море, и трудности передвижения по железной дороге. Словом, всё, что может задержать в пути. Прикидывали, что при всём этом на дорогу уйдёт месяц-полтора.

— К концу июня будем дома, — сказал один из них. Все с ним согласились. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Трудности предостерегали бойцов на каждом шагу. Не обошлась без них и демобилизация наших воинов старших возрастов.

Согласно полученной из вышестоящего штаба шифровки, командиру батальона приказали полностью рассчитать и в пятидневный срок подготовить к отправке всех, подлежащих демобилизации. Была сообщена также и точная дата, когда за ними придёт транспортное судно. В назначенный срок солдаты с раннего утра дежурили на берегу, наблюдая за морем, чтобы не пропустить радостный момент его приближения. Наблюдали до позднего вечера, сменяя друг друга, но судно так и не появилось. Разочарованные солдаты ходили понурые, не находили себе места, не спали, всё ждали — вот-вот дадут команду «Строиться с вещами!» Но её не последовало ни в этот день, на другой, ни позднее.

Командир батальона получил дополнительную радиограмму: «Демобилизованных поставить на довольствие, привлекать к работе. Об отправке ждите указаний». Скрепя сердце люди шли на работу. Прошёл июнь, за ним июль, август, сентябрь... Но обещанного и такого желанного парохода всё не было и не было. Наступила осень, а демобилизованные по-прежнему находились в строю.

Хоботнев хлопал Кураева по плечу, подтрунивал: «Ванька! Маруська-то не дождётся, выйдет замуж за инвалида. Сколько же она может ждать?»

За это время вышестоящий штаб неоднократно предупреждал о готовности к отправке на попутных судах, которые принимали на Камчатке рыбу, но и они не показались у берега мыса Лопатки. У капитанов каждый раз находились причины, мешавшие бросить якорь: то срочный рейс, то падение барометра, то туман.

В октябре начались шторма: какая уж тут погрузка в кипении бушующего прибоя. И суда проходили мимо. Только в конце ноября сам командир корпуса генерал Гнечко на военном корабле подошёл к Лопатке. Он прибыл с одной целью: во что бы то ни стало обеспечить отправку демобилизованных. Корабль бросил якорь на восточном берегу в районе маяка на исходе дня. Генерал по радио приказал начать посадку следующим утром. Это означало, что демобилизованным предстоит ночью совершить не менее чем тридцатикилометровый марш, чтобы к утру сосредоточиться на месте погрузки. Им выдали сухой паёк на путь следования. Быстро собравшись, солдаты были готовы начать движение.

В строю стояли тяжело нагруженные люди. У каждого оказалось много вещей: чемоданы, вещмешки, разные узлы. Все старались привезти родным какой-то подарок, что-то памятное из далёкого края: хоть немного трофейного риса, орехи кедровника, нерпичью, а кто и медвежью шкуру. Одном словом, у каждого скопился немалый груз. А марш предстоял не по шоссе, а по тяжёлым тропам с преодолением вброд множества ручьёв и речек, крутых подъёмов и спусков. Командир батальона распорядился под вещи подать повозки-двуколки. Это немного разрядило обстановку — их загрузили немедленно. Однако и при этом многое пришлось нести на себе.

Заместитель командира батальона по политчасти майор Дроздов произнёс напутственную речь, поблагодарил отъезжающих за верную службу Родине. После этого тронулись в путь. Скорость марша была необычайно высокой, километры так и мелькали под ногами. Водные преграды преодолевались босиком в брод, на противоположном берегу

солдаты быстро обувались и стремительно двигались дальше. Отстающих не было.

Назначенного места достигли рано утром, ещё до рассвета. Разожгли костры и блаженно отдыхали в ожидании посадки на корабль. Рассвело. Фрегат стоял далеко от берега. Он едва просматривался сквозь туманную завесу.

— Скорей бы туда! — говорили солдаты.

Хоботнев ударил Кураева по плечу:

— Ванька! Может, поплывём?

Часов в девять утра из-за острова Шумшу показалась самоходная баржа, которую генерал вызвал из Северо-Курильска. Через час она подошла к берегу. Старшина баржи, человек со смелым взглядом, в военной форме без погон, видно, недавно демобилизованный, громко крикнул: «Ребята, могу взять только тридцать человек. Прошу не задерживать, быстро на посадку!»

Начальник команды демобилизованных старший лейтенант Грицай отсчитал в строю пятнадцать рядов и скомандовал: «Направо! В баржу бегом марш!»

Солдаты, каждый со своим грузом, тяжело ступая, побежали. Когда они разместились, старшина баржи, видя, каким нетерпением горят глаза оставшихся на берегу, видимо, сочувствуя им, махнул рукой и крикнул: «Ещё десять человек возьму!» Правофланговые рванулись было вперёд, но их удержал начальник команды. Он, как и прежде, отсчитал пять рядов, и они побежали на баржу.

Баржевик завёл мотор и крикнул: «Отдать концы!» Дежурные выполнили команду, мотор загудел, но баржа с места не тронулась. Старшина скомандовал, чтобы часть людей перешла с носа на корму. Но и это не помогло, баржа увязла в песке. Между тем прибойные волны стали разворачивать её бортом к берегу. Старшина потребовал, чтобы часть пассажиров сошла на берег. Но никто не двинулся с места — каждому хотелось уехать первым рейсом.

Настойчивый крик старшины и требовательность начальника команды всё же заставили удобно было разместившихся пассажиров покинуть баржу. Но оказалось уже

поздно, волны развернули её бортом к берегу, а затем, облегчённую, положили на борт. Солдаты пытались поднять и столкнуть её в море, но прибой оказался сильнее. С опрокинутой баржой бились весь день до глубокого вечера, промокли до нитки, но сделать ничего не смогли. К вечеру ветер посвежел, волнение в океане усилилось.

Узнав о произошедшем на берегу, генерал сокрушённо вздохнул. Посовещавшись с командиром корабля, он сообщил по радио: «Иду на западный берег в район сопки Машковской. Подготовится к посадке».

Для демобилизованных это означало новый тяжёлый марш в обратном направлении. Настроение было подавленным. Защелкин и кое-кто ещё стали проклинать свою судьбу, отборной бранью ругали «всё и вся», требовали, чтобы их везли, так как они уже не в силах идти, но получили достойный отпор от наиболее сознательных и морально устойчивых воинов и притихли.

Теперь не только ехать, не на чем было везти даже вещи, потому что повозки отправили назад ещё утром. Без отдыха предстояло снова пройти такой же путь, как и в прошлую ночь. Ну что ж? Не оставаться же на новую зимовку на Лопатке.

Пошли. Вчерашней прыти уже не было, двигались медленно, тяжело передвигая ноги. Вещмешки жгли плечи, ноги гудели, а у тех, кто набил мозоли — ещё и нестерпимо болели. Кое-кто, обессилев, вынужден был высыпать на дорогу орехи и рис — драгоценные подарки.

Осунувшиеся и постаревшие, без строя, растянувшись на несколько километров, брели солдаты, отслужившие долгий срок, к новому месту посадки и уже не верили в возможность отъезда. Среди них был и подавленный горем старшина пострадавшей баржи.

Утром следующего дня у высоты Машковской наконец началась посадка на корабль. Теперь это дело было организовано иначе. Корабль стоял на якоре километрах в шести-семи, самоходная баржа — в двухстах метрах от берега. Это была вторая «самоходка», вызванная генералом из

Северо-Курильска. На неё переправляли отъезжающих два матроса из команды фрегата на корабельной шлюпке.

Дело двигалось медленно. За день не переправили и сотню, а всего в команде демобилизованных насчитывалось до четырёхсот человек. К вечеру они под руководством сапёров соорудили паром из четырёх пустых бочек. Он мог держать на себе шесть человек с грузом, правда, при этом настил скрывался под водой, но был вполне устойчив. Пассажиры оказались не из трусливых и нежных, все они действовали: одни гребли вёслами, другие отталкивались шестами, и никто не ощущал неудобства от того, что стоял почти по колено в воде.

Вначале на берегу не было никакого порядка. Вся команда демобилизованных столпилась в места посадки на шлюпку. Каждому хотелось побыстрее попасть на корабль. Ведь погода могла испортиться, и тогда наверняка зазимуешь на мысе. Но командиры вскоре создали из отъезжающих отдельные группы. Установили очерёдность посадки как между группами, так и внутри них. Люди успокоились. Очередная группа выходила на берег, остальные ждали в казарме.

Погрузка не прекращалась и ночью. На берегу горели костры, возле них сидели очередники. Паром и шлюпка ушли к барже. Вдруг в море послушался крик о помощи: «Помогите! Тону-у!»

Что такое? Как мог очутиться человек в море, когда шлюпка и паром давно у баржи, недоумевали офицеры, распоряжавшиеся погрузкой. На берегу собралась толпа, но в темноте ничего не было видно. Крик раздался лишь однократно и больше не повторялся. Толпа затихла в ожидании. С корабля навели прожектор на берег, перемещая его луч то вправо, то влево. В свете прожекторного луча все увидели человека, плывущего к берегу. Минуты через три-четыре, шумно дыша и фыркая, он вышел из воды. К нему потянулись десятки рук, и вот он уже в кругу солдат. Это — боец пулемётной роты, не подлежащий демобилизации. Он часто дышал, не мог сказать ни слова, и только по его же-

стам можно было понять, что в море есть кто-то ещё. Но с берега им помочь было нечем. Стали звать матросов, возвращавшихся на шлюпке от «самоходки» к берегу. Кричали громко, что было сил.

А тем временем пулемётчика подвели к костру, накрыли шинелью, угостили чаркой разведённого спирта. Вскоре он заговорил: «Это я виноват, я их уговорил плыть на бате (выдолбленном из целого древесного ствола традиционном камчадальском плавсредстве. — *Ред.*). Солдаты нашли его среди плавника и притащили к устью соседней речки. Оттуда мы и поплыли к барже». Он назвал три фамилии демобилизованных и продолжал: «Они сели на дно, держа чемоданы, а я стоял на корме и управлял батом. Трудно было преодолеть бары-буруны там, где река встречается с морем, а на гладкой поверхности мы бы пошли свободно. Но на последних барах бат развернуло, я хотел его выправить, поставить носом на волну, но потерял равновесие. Бат перевернулся. Под водой я сбросил шинель, вынырнул и поплыл к берегу. Что с остальными, не знаю. Слыхал, как кто-то крикнул “Помогите!” Но как же я помогу, когда сам еле жив».

Матросы на шлюпке, услышав крики с берега, пошли на поиски. Вскоре они обнаружили «мореплавателей», потерпевших бедствие. Двое из них держались за опрокинутый бат, а третий плавал на чемоданах. Их извлекли из воды и доставили на берег. Дружный хохот сопутствовал им, когда они шли по берегу. С обвислых шинелей стекали струи воды. Старший лейтенант Грицай прежде всего выругал их, как следует, а потом уже направил в казарму — «на просушку».

Двое с лишним суток непрерывно шла переброска демобилизованных на корабль. Погода благоприятствовала людям, спешившим в родные края, словно выжидала. А как только корабль снялся с якоря и прошёл Второй Курильский пролив, взяв курс на Петропавловск, небо нахмурилось, море заштормило.

Солдаты находились на палубе. Другого места не было: ведь корабль военный — кают и салонов для пассажиров

нет. Дул холодный, пронизывающий ветер. Фрегат рассекал волну, на палубу залетали холодные брызги. Но эти неудобства не снизили приподнятого настроения. Все были необыкновенно довольны и веселы. Сбившись в группы, укрываясь от ветра за палубными надстройками, пели песни, шутили. Хоботнев, как и прежде, трепал Кураева за плечо: «Ванька, отбивай депешу, чтобы Манька постель перетрясла...»

Но о чём бы не думали солдаты, их взоры невольно обращались к удалявшейся Лопатке. Она таяла вдали, истончаясь в тёмную полосу на бесконечном просторе океана. И у многих в сознании торжественно и щемяще звучало одно и тоже: «Прощай, суровый край! Прощайте годы тревожной молодости!»

Три дня прожили демобилизованные в Петропавловске в ожидании транспорта на Владивосток. А когда стало известно время посадки на грузопассажирское судно «Красногвардеец», проститься с ними приехал командир корпуса генерал Гнечко и начальник политотдела полковник Володько.

В клубе одной из воинских частей гарнизона состоялась прощальная встреча. На сцене стоял генерал и видел, как в зрительном зале рассаживались его бывшие воины. Слегка пригнувшись, пробирались они между рядами стульев — высокие и низкорослые, плечистые и узкоплечие.

Смотрел генерал на их обветренные лица и думал: какие они все разные, и в то же время есть в них что-то общее — спокойствие и выдержка, сила и воля, беспредельная преданность Родине, партии и советскому правительству. С ними и подобными им он смело пошёл на штурм укреплённых позиций численно превосходящих японских гарнизонов на Курильских островах. Это они вернули Отчизне некогда отторгнутые проливы и принесли ему славу героя.

Взгляд генерала был по-отцовски ласков. В конце своей тёплой и задушевной речи он от имени Родины и народа сказал им незабываемые слова: «Дорогие товарищи! Неся

боевую службу в суровых условиях мыса Лопатки, вы совершили подвиг». Да, именно подвиг! Иной оценки не могла дать Родина этим мужественным людям, своим верным сынам.

ККОМ ОФ 33369/2. Машинопись

Заключение, также подготовленное С. К. Юдиным:

И ещё об одном. В новой обстановке наши солдаты не теряли чувство юмора, способности пошутить, посмеяться. В каждом взводе находился свой Тёркин, умелый рассказчик, шутник, балагур. Событием становилось появление на Лопатке женщин. При одном заходе парохода на мыс приехала жена командира взвода. О её прибытии узнали в последний момент, когда с причалившей к берегу шлюпки сообщили: «Приехала ваша Лизавета, сейчас высадим». Новость была ошеломляющая. Действительно, при другом заходе бросили трап, и на него вышла обаятельная амазонка.

В изящных туфлях на шпильках, в голубом пальтишке, изящной шляпке с сеткой на лице она предстала как дивное видение. Братва обомлела. Но тут крупная волна подняла корму шлюпки, нос опустился и трап пополз. Ещё мгновение, и наша гостья могла оказаться в бурной пене прибоя. Но не суждено было Лизе стать новой Афродитой. В мгновенье ока лейтенант Махаринский заскочил в воду, подхватил Лизу за талию и понёс на берег. И несёт, и несёт...

Только услышав громкий смех, опустил испуганную и смущённую Лизу на землю. А из роты уже бежал каптер, нёс кирзовые сапоги и портянки.

Так на Лопатке завелась семейная пара. А разговоров и шуток хватило надолго. Позднее, после прибытия батальона, приехали и другие жёны офицеров. Глубоко переживали они, когда батальон ушёл в десант, и бурно радовались нашей победе.

Ураганный ветер, пурга были настоящим бичом. Приготовить пищу, доставить воду, всё сопровождалось большими сложностями. Ветер уносил тепло, снег мгновенно забивал

все щели в землянках. Бойцы, притихнув, сидели в них, следили, чтобы не погас огонь в печке. Молчали, прислушиваясь к дикому завыванию бури и громовым ударам океанских волн. Но злая погода не сломила их воли. Даже простудных заболеваний было мало. Но однажды злая пурга всё-таки заполучила свою жертву.

По заданию командира роты рядовой Зотов, из местных, отличный лыжник, отправлялся на Озерновский рыбокомбинат, откуда приносил газеты и письма. В один из таких рейдов с ним пошёл рядовой Кульков. На комбинате у него была невеста. На обратном пути началась пурга, на беду ребята сбились с лыжни и попали в заросли кедрача. Лыжи вязли в сучьях. Силы убывали. Но Зотов вышел на лыжню. Пошли, ускоряя шаг.

Вскоре Кульков начал отставать, а близ роты лёг в снег и сказал: «Больше не могу, иди, выбирайся сам!» Оставив его у большого дерева, Зотов, сколько мог быстро, побежал в роту. Тревога! Отделение на лыжах поспешило на выручку. Прошло всего полчаса, но Кулькова нашли без признаков жизни, он замёрз.

Этот день стал на Лопатке чёрным.

Гулкое эхо разнесло гром трёхкратного залпа. Так осталась на мысе могила бойца. Горько скорбела невеста Кулькова. Хотя, уже не невеста, а жена, на этот раз они расписались...

ККОМ ОФ 33369/2. Рукопись

Приложения

Письма полковника в отставке, бывшего командира 373-го стрелкового полка В. Г. Губайдуллина

Уважаемый тов. Юдин!

Вы проявляете исключительную настойчивость. Это, с одной стороны, неплохо, но мне ведь нелегко от этого, я сильно устаю.

Я сын кадрового рабочего г. Казани. Учился в школе второй ступени. В комсомол вступил в 1919 г. По путёвке комсомола был направлен в совпартшколу. До совпартшколы в течение

почти двух месяцев райкомом комсомола Заречья — март-апрель 1922 г. — был направлен в войска ЧОН (частей особого назначения. — *Ред.*) по охране семенного материала на станции Казань. С мая по октябрь 1922 г. учился в совпартшколе, а в ноябре месяце 1922 г. добровольно поступил на Казанские командные пехотные курсы, в 1923 г. курсы были преобразованы в военную школу нормального типа, которую я окончил 8 августа 1925 г. Служил в войсках: командиром взвода, курсовым командиром и помкомроты в военной школе; командиром роты, начштаба батальона, начальником полковой школы, командиром батальона; учёба на курсах в Москве. Когда начались события у озера Хасан, был направлен на Дальний Восток, где занимал должности заместителя командира стрелкового полка, начальника отдела (заместитель начальника штаба) стрелкового корпуса. Это все до войны 1941 г. В ноябре 1941 г. был назначен начальником дальневосточных курсов «Выстрел» (курсы командиров батальона), в 1943 г. был назначен командиром 373-го стрелкового полка. В кандидаты ВКП(б) был принят в январе 1925 г., а членом ВКП(б) был принят в мае 1927 г.

Теперь по существу. В середине августа 1945 г. ко мне в полк прибыл полковник Артюшин, и полк был поднят по боевой тревоге и сосредоточился в порту г. Петропавловска. Для погрузки полка были поданы плавучие средства — десантные суда в количестве шести или семи судов, транспортный корабль «Туркмен» и сторожевой корабль «Дзержинский».

373-й СП, 2-й батальон 302-го СП (командир батальона капитан Чемирис), влившийся в состав 373-го СП, 279-й артполк, составляя морской десант, в ночь с 16 на 17 августа 1945 г. под общим командованием полковника Артюшина П. Н. в сопровождении боевых кораблей Петропавловской военно-морской базы пошли на юг к Курильским островам. С воздуха десант был прикрыт 128-й авиадивизией.

Перед рассветом на 18 августа морской десант подошёл к острову Шумшу. Заранее назначенный мною передовой отряд (группа захвата плацдарме) нашего направления — примерно 200—250 бойцов под командованием моего заместителя майора Борисова перед самым рассветом на 18 августа внезапно для японцев высадился на остров Шумшу и начал продвигаться вперёд.

Японцы очнулись примерно через 25—30 минут и открыли сильный огонь по отряду. Наш передовой отряд к этому моменту сумел продвинуться вглубь острова примерно на один-полтора километра

и обеспечил плацдарм для высадки главных сил полка. Наш передовой отряд понёс значительные потери — примерно около 20—25 %, командир отряда майор Борисов был тяжело ранен и отправлен в Петропавловск.

Главные силы полка на рассвете 18 августа 1945 г. под сильным артиллерийским огнём японцев (артогонь вёлся с мыса Маячный и с приспособленного корабля «Мариуполь» прямой наводкой по нашим судам). Наши десантные суда к берегу подойти не смогли, ввиду этого подразделения полка высаживались вплавь, и поэтому средства связи были подмочены морскою водою, и радиостанции и телефоны не действовали. Полковник Артюшин, подполковник Тарасов (у С. К. Юдина он именуется майором. — *Ред.*), я со своим штабом плыли на корабле «Дзержинский», а перед высадкой на остров пересели на сейнер. Мы все также вышли на берег вплавь. После высадки батальоны полка, ведя боевые действия, преодолевая сопротивление врага, продвинулись вглубь острова. Японцы, оставляя свои передние траншеи и дзоты, отступили вглубь острова к укреплённым высотам. Укреплённые высоты японцев находились примерно в трёх-четырёх километрах от берега.

По высадившимся главным силам полка с мыса Маячного японцы продолжали обстреливать, поэтому правофланговые подразделения полка несли потери. Для выяснения обстановки к мысу Маячному была мною направлена разведка в главе с лейтенантом Соколовым. Разведчики дали важные сведения о японцах и оставались для прикрытия правофланговых подразделений полка. В этом бою лейтенант Соколов был убит.

Батальоны полка при подходе к подступам укреплённых высот врага были приостановлены сильным огнём. Подавлять огневые точки противника у нас к этому времени не было артиллерии. Артполк Тарасова и артподразделения 373-го СП оставались на «Туркмене», в боевых порядках полка были 82-мм миномёты миномётных рот батальонов в количестве 18 миномётов.

Несмотря на ожесточённый бой, подразделения полка были приведены в порядок и окопались на достигнутых рубежах. Находчивостью командира роты связи капитана Матвеева, с командиром первого батальона капитаном Никитиным и моим наблюдательным пунктом была установлена телефонная связь (телефон трофейный), с другими командирами батальонов поддерживалась живая связь. Через некоторое время появились японские парламентёры, они были приняты Артюшиным, Тарасовым и мною, об этом я Вам уже написал. Когда ушли японские парламентёры, через

некоторое время японцы перешли в контратаку с танками. Эта контратака японцев стойкостью подразделений полка и героизмом морских пехотинцев была успешно отражена. Морские пехотинцы майора Почтарёва действовали правее подразделений полка, и к моменту контратаки японцев они находились почти на том же рубеже, что и подразделения 373-го СП.

Японские танки выводились из строя огнём противотанковых ружей (рота ПТР полка, 27 ружей, и в батальонных ротах ПТР по 16 ружей). Примерно в это время ко мне на наблюдательный пункт прибыл морской офицер с рацией с корабля «Охотск» и передал, что действия полка будут поддерживаться артогнём «Охотска». Морского офицера ко мне направил Артюшин.

После отражения контратаки врага я от Артюшина получил боевой приказ овладеть находящимися перед фронтом полка укреплёнными высотами японцев. Мною была поставлена боевая задача батальонам и задача корабельной артиллерии по подавлению огневых точек японцев. Третий батальон 373-го СП капитана Очередного получил особо важную боевую задачу: атаковать японцев с тыла. Поставленная боевая задача Артюшиным 373-му СП выполнена полностью, об этом я лично доложил Артюшину, и он поблагодарил личный состав полка.

Подразделения полка, встречая небольшое сопротивление врага на промежуточных рубежах, приступили к преследованию отступающих сил японцев и продвинулись вглубь острова и были приостановлены на другом рубеже сильным огнём японцев.

К исходу дня 18 августа 279-й артполк высадился на остров, и дивизионы полка заняли огневые позиции за боевыми порядками 373-го СП. Артподразделения 373-го СП также высадились — 76-мм батарея, 45-мм противотанковая батарея, 120-мм миномётная батарея и 45-мм взводы противотанковых орудий батальонов — прибыли в расположение полка и заняли позиции в боевых порядках полка. Полк на достигнутых рубежах закрепился в готовности возобновить наступление с целью овладеть полностью островом Шумшу.

Теперь нам не страшны любые силы японцев, ведь полк оснастился значительным количеством артиллерии. Личный состав был накормлен и пополнен боеприпасами, раненым была оказана медпомощь, моральный дух личного состава поднят ещё выше.

Деталь: левый фланговый батальон полка в ходе наших действий к глубинному рубежу японцев выдвинулся примерно на 600—700 метров вперёд, чем другие батальоны полка, и находился

примерно в двухстах метрах от оборонительных позиций японцев. Видимо, это беспокоило их, и они завязали боевые действия местного порядка, и нам пришлось метров на триста оттянуть батальон назад, так как в это время шли переговоры японского командования с нами о капитуляции японских сил, находящихся на острове.

Ночью на 19 августа генерал Дьяков собрал командиров частей к себе и поставил боевые задачи для дальнейших действий. Об этом я Вам сообщал ранее. В дальнейшем на островах боевые действия не возобновлялись. Японцы приняли условия капитуляции и капитулировали. Полковник Артюшин только в это вечер покинул боевые порядки 373-го СП. 23 августа 373-й СП и 279-й артполк к исходу дня сосредоточились в районе военно-морской базы японцев Катаока и расположились на ночлег.

24 августа рано утром я от командира 101-й стрелковой дивизии получил новый приказ: освободить южную половину острова Парамушир, острова Онекотан, Харимкотан и Сиосикотан (видимо, Шиашкотан. — *Ред.*). Полк приступил к выполнению новой задачи. Новая задача полком была выполнена примерно к 27—28 августа 1945 г. Для выполнения новой задачи были выделены транспортный корабль «Туркмен» и десантные суда. О дальнейших действиях я Вам сообщал раньше.

Комбат 1-й — капитан Никитин, комбат 2-й — капитан Яковлев, комбат 3-й — капитан Очередный, комбат 2-й, 303-го СП, — капитан Чемирис.

С мыса Васильева я уехал в мае 1946 г., был назначен преподавателем тактики курсов усовершенствования офицерского состава местных органов военного управления. На курсах учились работники военкоматов. У меня в группе учился бывший начальник второго отдела штаба 101-й СД Нуруллин, на курсах учился мой помощник майор Боржков, они работали военкомами. В 1954 г. я уволился в запас. Моя общественная работа после увольнения: проводил занятия по тактике с офицерами запаса, в течение четырёх лет был начштаба района по игре «Зарница», руководил партучёбой в парторганизации, состоял много лет членом партбюро завода, где стоял на учёте, член комитета содействия и в настоящее время, часто выступаю с докладами в институтах, техникумах и школах.

Держу связь с Камчаткой, Северо-Курильским райкомом и райисполкомом Сахалинской области.

Могут быть неточности, многое забыто.

Без даты

КОКМ ОФ 33369/58

Здравствуйте, тов. Юдин!

Ваше письмо мною получено, спасибо. 373-й полк я принял в начале декабря 1943 г. от майора Захарова, а Винокуров сдал полк Захарову. О судьбе Захарова и Винокурова я не знаю... (здесь и далее отточием показаны опущенные сведения, уже приведённые в предыдущих письмах. — *Ред.*).

Через некоторое время со стороны японцев показались парламентёры с белым флагом, их было три офицера. Парламентёры были приняты полковником Артюшиным, мною и командиром артполка Тарасовым. Парламентёры прошли через боевые порядки полка, имевшееся у них оружие было на время отобрано нами.

Японские парламентёры предлагали временно прекратить боевые действия, видимо, для выигрыша времени. Но полковник Артюшин передал им, что японские силы, находящиеся на острове, должны сложить оружие и прекратить всякое сопротивление, то есть капитулировать. Японцы положительного ответа не дали и ушли...

Японцы в этом бою имели значительные потери и отступили вглубь острова, но и мы также имели значительные потери. Капитан Очередный был ранен, его начштаба Шапкин был убит, были убиты все командиры миномётных рот батальонов полка.

О выполнении боевой задачи я лично доложил Артюшину, он расцеловал меня и предложил выпить кружку вина. Действия полка Артюшин наблюдал лично, так как он находился примерно в трёхстах метрах за боевыми порядками полка... Полковник Артюшин почти до вечера 19 августа находился в боевых порядках полка и подробно знал обстановку.

До вечера 19 августа со штабом дивизии я связи не имел, и никто со штаба дивизии и со штаба КОР в полку не был, и мне кажется, что они не знали, что делал 372-й стрелковый полк. Нами руководил полковник Артюшин.

19 августа я был вызван к генералу Дьякову. Я доложил ему о действиях полка подробно и получил от него боевой приказ, то есть боевую задачу на случай контрнаступления японцев и для наступления с целью овладения полностью островом Шумшу. Что происходило дальше, я описывать не буду. Шли переговоры, и японцы капитулировали. К вечеру 23 августа 373-й стрелковый полк и 279-й артполк сосредоточились в районе Катаока и там расположились на ночь. Мною были приняты меры предосторожности, то есть выставлено боевое охранение.

24 августа я был вызван в Катаока к генералу Дьякову и получил от него боевой приказ примерно следующего содержания:

1) 373-му стрелковому полку совместно с 279-м артполком освободить южную половину острова Парамушир, островов Онекотан, Харимкотан и Сиосикотан;

2) десантные суда и транспортный корабль «Туркмен» будут поданы в военно-морскую базу Катаока, к этому времени полк должен сосредоточиться в Катаока;

3) какие силы японцев имеются на указанных островах, полных данных нет, и поэтому действуй по обстановке.

В очень короткие сроки мне нужно было принять решение. Прежде чем принять окончательное решение, я собрал работников штаба полка, своих заместителей, пригасил командира артполка подполковника Тарасова и информировал их о полученной боевой задаче.

Выслушал мнение начштаба майора Бочкарёва, командира артполка Тарасова, моего замполита майора Моргослепенко Андрея, начальника артиллерии полка капитана Котова, начальника связи капитана Матвеева и моего помощника по хозчасти капитана Махотина. Все они доложили мне свои соображения, как нам лучше выполнить боевой приказ и очень ответственное задание.

После всего этого мною было принято решение примерно следующего содержания:

1) первый батальон, командир капитан Никитин, усиленный батареей артполка, овладеет островом Онекотан;

2) одной стрелковой ротой, усиленной взводом ПТР, командир роты старший лейтенант Хохлов, овладеть островом Харимкотан;

3) ротой автоматчиков овладеть островом Сиосикотан;

4) главные силы полка будут высажены в южной половине острова Парамушир по обстановке.

Назначенные для высадки подразделения полка были пополнены боеприпасами, продовольствием, обеспечены радиостанциями, посажены на десантные суда и примерно около десяти-двенадцати часов 24 августа приступили к выполнению боевой задачи.

Поставленная болевая задача 373-м СП и 279 артполком примерно 26—28 августа была успешно выполнена... Причём на мысе Васильева острова Парамушир полк пленил примерно около 800—1 000 военнослужащих-японцев.

Согласно распоряжению штаба дивизии, полк был оставлен для постоянной дислокации в южной половине острова Парамушир и на острове Онекотан.

Нужно было готовиться к зиме, эта трудная задача. Нужно было для коней построить конюшню, нужно было организовать

прачечную. Приехали с Камчатки семьи, нужно было их устроить. Прибыл к нам госпиталь, нужно было их размещать. Прибыло примерно около 800 человек рабочих для рыбной промышленности, их нужно было размещать и организовывать им питание и оказание медицинской помощи.

Ведь не нужно было забывать и нашу основную задачу — боевую и политическую учёбу, ведь мы прибыли сюда не в гости, а защищать Родину.

Конечно, было нам нелегко, а очень трудно, но личный состав полка с этой сложной задачей справился вполне.

За образцовое выполнение боевых заданий командования полк был награждён орденом боевого Красного Знамени.

7 ноября 1945 г. на освобождённой земле мы устроили парад войск на мысе Васильева острова Парамушир.

Я, как командир 373-го Краснознамённого стрелкового полка, весьма благодарен за неутомимый труд моему замполиту майору Моргослепенко, секретарю партбюро Шпилёву, секретарю комсомола Елмашеву, начштаба полка Бочкарёву, начарту полка Котову, начсвязи Матвееву, медврачу Колсанову, ветврачу Хаустович, начбоепитания Бочкову, командирам батальонов и рот...

24 октября 1981 г.

КОКМ ОФ 33369/53

Тов. Юдин, Ваше письмо мною получено.

...Если дать ответ на все Ваши вопросы, наверное, получится небольшая книжечка, этого сделать я не могу... Генерал Дьяков живёт в Кишинёве... Меркурьев живёт в Оренбурге... Командир 279-го артполка Тарасов умер, семья жила в г. Феодосия...

373-й стрелковый полк был награждён орденом Красного Знамени, получили награды: рядовых — 410, сержанты — 291 и офицеры — 61 человек. Я лично награждён орденом Суворова 3-й степени.

Полк имел потери примерно 500—600 человек, из них убитых около 20 %, это примерно, точных данных не помню. Батальон 302-го СП был мне подчинён и воевал в составе 373-го СП, воевал очень хорошо... Через некоторое время по приказу свыше гарнизоны с островов Харимкоман и Сиосикотан были сняты, а на Онекотане был оставлен первый батальон 373-го СП, командир батальона капитан Никитин.

Мыс Васильева — ровная площадка, имелось два пирса, имелся аэродром с ангарами среднего размера, имелись казармы (дощатые), зарытые в землю, примерно на бригаду, окна на крышах.

Были казармы, тоже дощатые, летнего типа. Имелись склады, две электростанции по 250 киловатт каждая.

Хлебопекарню построили мы сами, были небольшие баньки для мытья, построили конюшни для лошадей, приспособили помещения для стирки белья. Приспособили имевшиеся помещения для житья офицеров с семьями, приспособили имевшееся помещение для школы, но детей учить не могли. Приспособили помещения для клуба, привезли из Камчатки одну кинокартину и кинопередвижку, организовали самодеятельность.

Заготовили на зиму топливо (рубили кустарник), заготовили для лошадей сено (лошадей было примерно четыреста голов). Приспособили помещение для медобслуживания со стационаром, приспособили помещение под ветлазарет. Приходилось трудиться очень и очень крепко, короче говоря, было тяжело, это я сам знаю, но начальство об этом знает очень мало, можно сказать, не знает.

Да, наши связисты принимали по радио Москву: сообщения ТАСС и радио Камчатки. Все новости своевременно были доведены до всего личного состава. Ведь главная наша задача — боевая и политическая подготовка, это всё было организовано неплохо.

Нужно было быть постоянно начеку, ведь это наша граница. Когда я находился там, пограничников не было, не было и органов советской власти. Всё это было возложено на нас, хотя нас на это никто не уполномочивал. Мы сами проявили инициативу, иначе и быть не могло.

Когда я начал командовать полком, капитан Рожков был у нас парторгом полка...

16 ноября 1981 г.

КОКМ ОФ 33369/54

...Ваше письмо и газета с Вашей статьёй мною получены, спасибо.

Тов. Юдин, на острове Шумшу японцы имели более 8 000 человек, а в случае необходимости гарнизон на Шумшу можно было в кратчайший срок увеличить до 23 000 за счёт переброски войск с соседнего Парамушира.

Когда читаешь статьи в газетах или в книгах, создаётся впечатление, что эти японские силы преодолел передовой отряд майора Шутова и батальон морских пехотинцев майора Почтарёва — они, только они освободили остров Шушму, а 138-й СП Меркурьева и 393-й СП Губайдуллина и не были там.

Ведь здорово получается?

Генерал Гнечко в одном из своих интервью всё же заявил следующее: «Смело и решительно действовали в боевой обстановке многие командиры частей, кораблей и подразделений, всех их невозможно перечислить. Однако трудно воздержаться от того, чтобы не назвать командиров полков, которые сыграли решающую роль в разгроме противника на острове Шумшу. Их вклад в успех Курильской десантной операции отмечены высокими правительственными наградами». Он называет фамилии Меркурьева, мою и Тарасова.

Тов. Юдин, я Вам уже сообщил, что первых японских парламентёров принял полковник Артюшин. Я лично и Тарасов были там же. Деталь: японские парламентёры были приняты на участке боевых действий 373-го СП. Для принятия Артюшин надел китель Тарасова, так как он был в гимнастёрке.

Что я Вам сообщил, это точно. Я, как член КПСС с 1927 г. и командир 373-го стрелкового полка, со всей ответственностью подтверждаю это.

Центральной фигурой на направлении действий 373-го стрелкового полка был полковник Артюшин. Я лично ни генерала Дьякова, ни генерала Гнечко во время настоящих боевых действий не видел и связи с ними не имел. Полковник Артюшин до самого конца настоящих боевых действий постоянно находился непосредственно за боевым порядком 373-го СП, примерно в 300—400 метрах. С 138-м СП я локтевую связь также не имел.

На этом кончаю.

Ведь воевали-то всё-таки мы все вместе взятые, воины 101-й стрелковой дивизии...

18 ноября 1981 г.

КОКМ ОФ 33369/55

Здравствуйте, т. Юдин!

Ваше письмо получил, спасибо. Книгу Акшинского мне прислали. С Меркурьевым я переписывался постоянно. Но ко дню Победы я от него ответа не получил, также от генерала Дьякова не было ответа, не знаю, что случилось с ними...

Книгу Акшинского я прочитал очень внимательно, как говорят, от корки до корки. Книга написана очень хорошо, я лично ему благодарен. У меня создалось такое впечатление, что меня — командира полка и Меркурьева — командира 138-го СП вроде и не было в бою, нашими полками командовали другие люди. Это ведь неправда.

И Меркурьев, и я своими полками командовали мы сами... Я до конца боевых действий, то есть до 23 августа, со штабом и командиром дивизии не имел даже связи. Об этом Вы, тов. Юдин, знаете хорошо. Полковник Артюшин до конца боевых действий постоянно находился в боевых порядках 373-го СП, он также со штабом дивизии связи не имел. Все боевые приказы я получал от Артюшина. Я считаю, центральной фигурой был Артюшин.

Батальон 302-го полка был передан мне, и для боя распоряжения получал от меня. Вы также хорошо знаете, что 373-й полк с 279-м артполком освобождал южную половину острова Парамушир и острова Онекотан, Харимкотан и Сиосикотан, ведь и здесь своими полками руководили мы, то есть Тарасов и я...

Без даты

КОКМ ОФ 33369/60

Примечание редактора. Командир 373-го стрелкового полка подполковник В. Г. Губайдуллин в книге В. С. Акшинского «Курильский десант» (Петропавловск-Камчатский, 1995, 2-е изд.) упоминается четырежды: на с. 69 (дал приказ о розыске раненого командира роты автоматчиков Г. С. Колобова и проявил инициативу о доставке боеприпасов с кораблей на берег вплавь на лошадях); с. 155—156 (участвовал в переправке на мыс Курабу, в разоружении японцев, позднее — в организации партийных, советских и хозяйственных органов); с. 181 (награждён орденом Суворова 3-й степени).

Содержание

Предисловие 3
Трудная военная страда
Фабзайцы 20
В путь-дорогу дальнюю 39
Вот и Камчатка 55
Комиссар Новак 60
Восхождение на Авачу и поход в Паратунку 110
На боевых позициях 115
Царица полей 135
Часовые неба 158
Политотдельцы 165
Подвиг на Курилах
Десант 182
Полк в десанте 203
Капитуляция на Шумшу 210
На нашей исконной земле
Советские зори на Курилах 215
Новый 1946-й год 260
Битвы Курильской герой
Батя 262
Полковник Артюшин 268
Полевой майор 270
Коммунист, политбоец, воин 276
Парторг полка 282
Капитан Гетманов 286
Форпост на Лопатке
Н. Т. Попов. Форпост на Лопатке 294
Приложения
Письма полковника в отставке, бывшего командира 373-го стрелкового полка В. Г. Губайдуллина 372

НА КРАЙНИХ ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ

СЕРИЯ «ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ»

Ответственный за выпуск С. В. Гунько
Редактор-составитель С. В. Гаврилов
Макет, вёрстка С. В. Гаврилова
Дизайн обложки О. И. Набутовской
Корректор Е. Н. Киселёва

Подписано в печать 20.07.2015. Формат 60x90/16.
Печать офсетная, бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,47.
Тираж 600. Заказ 385.

ООО Холдинговая компания «Новая книга»,
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Отпечатано в ОАО «ИПК “Дальпресс”».
690950, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10